

## Оглавление

«Новгородское чудо» глазами американца.....	9
I. СМЕЩАЯ ФОКУС.....	13
<b>Глава 1. В поисках определения демократии .....</b>	<b>13</b>
Неожиданное знакомство .....	13
Многочисленные определения демократии .....	17
От авторитарного правления к демократическому переходу .....	21
От демократического перехода к демократической консолидации .....	24
От консолидации к зрелой демократии .....	27
В защиту развития демократии на региональном уровне .....	32
Заключение .....	38
<b>Глава 2. Демократическое развитие в России:     Новгородская модель .....</b>	<b>40</b>
Новый конституционный порядок: «Собственная система управления» .....	42
Экономические успехи .....	58
Добровольные ассоциации .....	73
Заключение .....	88
<b>Глава 3. Как мы пропустили демократическую     консолидацию в Новгороде .....</b>	<b>90</b>
Критика Новгорода как демократической модели .....	90
Наиболее частые ошибки теорий демократизации .....	105
В чем состоят различия между Новгородом и Псковом? .....	126
Заключение. Почему современные теории демократии не замечают демократию .....	140
II. КУЛЬТУРА, МИФ И СИМВОЛЫ .....	143
<b>Глава 4. Культура, бесформенность и символы:     три ключа к пониманию быстрых социальных изменений .....</b>	<b>143</b>
Исследование перехода: что работает, а что — нет .....	145
Почему культурный анализ лучше всего подходит для изучения переходных явлений .....	148

Чего не хватает в культурном анализе? .....	158
Заключение. Существует ли метаполе символической политики? .....	187
<b>Глава 5. Новгород в памяти России</b> .....	191
Республика Святой Софии .....	195
Новгород: вечное послание свободы .....	203
Образ Новгорода в XX столетии .....	210
Заключение. Новгород в памяти России .....	217
<b>Глава 6. Символы за работой</b> .....	220
Новгородский миф в действии .....	220
Как символы способствовали демократической консолидации Новгорода .....	239
Символы и миф как политический ресурс в других регионах России .....	245
Насколько отличается Россия? .....	263
Заключение. Разнородность и власть символов .....	268
<b>Глава 7. Обработка демократии</b> .....	270
Российская идея против региональных мифов .....	275
Что могут сделать символы для демократического развития .....	279
Культурный аудит .....	283
Подготовка специалистов для нового типа развития .....	288
Заключение. Возможности и подводные камни основанного на символах развития .....	294

## «Новгородское чудо» глазами американца

Предлагаемая вашему вниманию книга американского исследователя Николая Петро, получившая хорошие отзывы его коллег, представляет интерес и для российского читателя. Причин тому несколько, и они разные.

Прежде всего Николай Петро, как говорится, глубоко «в теме». Новгородская область уже давно привлекает повышенное внимание политологов-регионоведов, причем в основном это исследователи из-за рубежа. Автор книги жил в Новгороде, отлично знает местный контекст и в целом региональную историю, в том числе новейшую. Он был непосредственно вовлечен в целый ряд местных проектов и досконально разбирается в региональных нюансах. Богатая конкретная фактура, содержащаяся в его книге, может оказаться хорошим подспорьем для российских специалистов широкого профиля. Кроме того, в этой работе предельно выпукло проявляется и личная авторская позиция — она написана искренним другом и доброжелателем Новгородской области, с неподдельной симпатией относящимся к своему предмету. Это не может не подкупать.

Но весьма поучительным может оказаться и более строгое наложение этой, повторю, отлично описанной и поучительной конкретики на общую теоретико-методологическую схему, заявленную в книге Николая Петро. И вот здесь видно, как продолжением достоинств могут оказаться и недостатки. Автор настолько увлечен своим сюжетом, что попросту не всегда критичен. Воспроизводя и отчасти даже спрямляя некоторые положения современных теорий «демократического транзита» (либерализация — демократизация — консолидация демократии), он предполагает, что демократическая консолидация не только возможна на уровне одного отдельно взятого региона, но и что она реально произошла в Новгородской области, став примером для других. Это, конечно, упрощение.

В значительной мере анализ «новгородского чуда» — это разговор о деятельности губернатора Михаила Прусака, назначенного по указу Б.Ельцина еще в 1991 г. и с тех пор бессменно руководящего областью. Ему действительно сопутствовал успех, он — безусловный и единственный лидер региона, что, кстати, имеет как позитивные сто-

роны (создание и работа команды единомышленников, стабильность в регионе), так и отрицательные (дефицит политической конкуренции, эффект «политической пустыни»).

Что лежит в основе успеха губернатора Прусака и Новгородской области? Прежде всего изначально правильно выбранный приоритет – ставка на привлечение иностранных инвесторов. Область была неинтересна для инвесторов отечественных (нет ресурсов на экспорт), и парадоксальным образом это сыграло ей на пользу, потому что пришли иностранцы (в первую очередь пищевики), которые правильно оценили крайне благоприятное географическое положение региона между крупнейшими рынками сбыта – Питером и Москвой. Экономическая стратегия администрации была проста: инвестиции любой ценой (региону помогали американские консультанты). Для этого разрабатывалось и принималось льготное инвестиционное законодательство, развернулась мощная деятельность по созданию имиджа региона как открытого и динамично развивающегося демократического сообщества, создавалась инфраструктура поддержки и развития предпринимательства. Для зарубежных инвесторов крайне важным было также отсутствие конфликтов – как между ветвями власти, так и между региональным и местным уровнями (для российских регионов эта все-таки ситуация необычная).

М.Прусаку удалось договориться и со своими, местными предпринимателями, в результате чего возникло нечто вроде регионального «социального договора». Так, практически по всем значимым вопросам бизнес-сообщество может найти поддержку со стороны администрации, при этом сами предприниматели «добровольно-принудительно» берут на себя некоторые обязательства по финансированию социальной сферы. Одновременно М.Прусак (и это тоже необычно) вполне успешно создавал собственный позитивный имидж в некоммерческом секторе и довольно активно с ним работал. В области проводится общественная экспертиза законопроектов, публичные общественные слушания по бюджету, прямое общение власти и населения – областные информационные дни и пр. Надо сказать, что региону повезло еще раз: в 1997 г. область стала одним из четырех регионов России, которые в рамках специальной региональной инвестиционной инициативы Госдепартамента США (связанной с инициативой Гор – Чернобырдин) получили помощь от Агентства международного развития США через Фонд «Евразия». Помимо этого в области реализовано несколько крупных проектов ТАСИСа и сейчас осуществляется еще один.

Вместе с тем новгородская политика во многом строится на централизованном управлении и строгом единстве идеологии и практики политического менеджмента. Но реальная демократизация все-таки не тождественна эффективности управления. Эффект «политической пустыни» тоже может дать о себе знать – неизвестно еще, кто придет вслед за М.Прусаком. Словом, о консолидации демократии в отдельно взятом российском регионе (даже таком продвинутом, как Новгородская область) говорить несколько преждевременно.

Книга Николая Петро – это по сути две книги под одной обложкой. Первая, не слишком-то большая по объему, отсылает читателя к конспективно изложенным азам современных теорий «транзитологии» и позиционирует Новгородскую область как пример успешной «демократической консолидации» на уровне отдельного российского региона. Но вот вторая – это книга о живых экономических, социальных, политических, культурных процессах в регионе, и она чрезвычайно конкретна, содержательно богата и наиболее интересна.

Я бы порекомендовал читателю прочитать их обе и уже потом самому сделать свои выводы.

*А.Ю.Мельвилъ*

# I. СМЕЩАЯ ФОКУС

*С благодарностью ко всем, кто помогал автору работать над книгой, и особой признательностью за помощь в ее переводе на русский язык А. Смольскому*

*Николай Петро*

## Глава 1

### В поисках определения демократии

Critical and imaginative works are answers to questions posed by the situation in which they arose. They are not merely answers, they are strategic answers, stylized answers.

*Kenneth Burke\**

#### *Неожиданное знакомство*

В 1996 г. вместе с семьей мне довелось провести год в России по стипендии фонда Фулбрайта. Мы отправились в Новгород, небольшой сонный город в Северо-Западном регионе размером с Ирландию, известный в основном благодаря своему историческому значению, фольклору и средневековой архитектуре<sup>1</sup>. Расположенный на пути из Москвы в Санкт-Петербург в историческом сердце России, он представлялся нам идеальным местом для погружения в язык и культуру страны.

Будучи первыми стипендиатами Фулбрайта, посетившими этот регион, мы с энтузиазмом принялись изучать его, стараясь предугадать все возможные трудности, с которыми могут столкнуться иностранцы. Однако, прочитав десятки ужасающих публикаций о жизни в России, мы меньше всего ожидали найти оазис социальной гармонии и стабильности. Здесь не наблюдалось хронических задержек

---

\* Критические и творческие работы суть ответы на вопросы, поставленные ситуацией, в которой они родились. Это не просто ответы, а стратегические ответы, художественные ответы (Кеннет Берк). См.: *Geertz C. Ideology as a Cultural System // E. David. Apter ed., Ideology and Discontent. London: The Free Press of Clencoe, 1964. P. 71.*

<sup>1</sup> 27 января 1998 г. городская и областная думы приняли решение о возвращении Новгороду прежнего исторического названия — Великий Новгород.

пенсий и зарплат, поразивших другие регионы. Более того, по всей видимости, местная элита объединилась, стремясь обеспечить общественное согласие, которое очевидно отсутствовало в масштабе страны в целом.

С течением времени я собрал достаточно статистических данных, подтверждающих мое первое впечатление о том, что здесь происходит нечто необыкновенное. С 1995 по 1998 г., в то время как российский ВВП ежегодно падал на 2,7%, в Новгородской области отмечался прирост на 3,8%<sup>2</sup>. С тех пор промышленное производство в регионе выросло более чем вдвое по сравнению со средним по России, а официальный уровень безработицы колебался в пределах одного процента<sup>3</sup>. В то же время среднемесячный заработок по региону заметно вырос (17,8% в 2001 г. против 19% в 2002 г. с учетом инфляции), а число семей, живущих ниже уровня бедности, упало до самой низкой отметки за последнее десятилетие<sup>4</sup>.

В середине 1990-х годов иностранные инвесторы, обычно избегавшие России, стали вкладывать свои деньги именно в Новгород в объеме, приближающемся в пересчете на душу населения к Москве, создав тем самым почти 20 тыс. новых рабочих мест. Сегодня более четверти промышленных рабочих региона заняты на иностранных предприятиях и в среднем получают в три раза больше своих коллег, работающих на отечественных<sup>5</sup>.

Политически Новгород также оказался первопроходцем. В то время как на большей части территории России развитие местного самоуправления оказалось замороженным, Новгород уже в 1994 г. принял собственное законодательство о местном самоуправлении и первым из российских регионов провел выборы всех уровней управления — от сельского старосты до губернатора. По сравнению с ситуацией в це-

<sup>2</sup> Lewis W. W. Russia's Survival of the Weakest // Asian Wall Street Journal. 1999, November 5.

<sup>3</sup> Лазарев А. Новгородцев заставляют жить по московским правилам // Экономика и время. 2002, 15 июля; Колотнича О. Новгородчина может и будет сама себя кормить // Новгородские ведомости. 2000, 14 июня. (Администрация Новгородской области поддерживает общедоступный архив многих местных газет в интернете по адресу: <http://niac.natm.ru>, а также имеет исчерпывающую подборку публикаций во всероссийских СМИ о Новгородском регионе. Там, где не указано другое, упомянутый сайт был моим источником русскоязычных публикаций и региональных пресс-релизов.)

<sup>4</sup> О социально-экономическом развитии области в 2001 г. (от 29 января 2002 г.). О социально-экономической ситуации в области в 2002 г. (по оперативным данным от 30 января 2003 г.).

<sup>5</sup> Городская дума // Новгород, 2002, 4 апреля.

лом по России, где пик роста неправительственных организаций приходится на конец 1990-х годов, в Новгородской области ежегодно регистрируются десятки новых гражданских организаций, что позволяет области конкурировать по уровню гражданской активности и частной предпринимательской инициативы с рядом западноевропейских регионов<sup>6</sup>.

К концу 1990-х годов ряд журналистов и исследователей уже начали отмечать необычность происходящего в Новгороде, однако не смогли предложить объяснения такому внезапному успеху для региона, который когда-то по своему инвестиционному потенциалу занимал лишь 63-е место среди 89 регионов России<sup>7</sup>. Год, проведенный в Новгороде (первый из многих), убедил меня в том, что аналитики упускают нечто важное в демократическом развитии, нечто, принципиально отличающее Новгород от его соседей.

Так появилась эта книга. Она начинается с тщательного анализа многочисленных противоречащих друг другу определений демократического развития и останавливается на «демократической консолидации» как наиболее требовательном стандарте применительно к Новгороду. Одновременно приводятся доводы в пользу смещения акцента демократизации с уровня национального государства на региональный уровень, что повысит достоверность данных, подтверждающих демократическую консолидацию.

Эти данные представлены во второй главе, анализирующей успехи Новгорода по трем общепризнанным критериям демократического развития: установление нового конституционного порядка, уровень развития экономики, качество и количество добровольных ассоциаций. В рамках каждого из этих критериев применяются три дополнительных показателя прогресса, сокращающие до минимума возможность вынесения субъективных суждений: а) изменение поведения элиты; б) структурные изменения управления и с) изменения отношения населения. Представление фактических данных в таком виде позволит читателю пользоваться многочисленными пере-

<sup>6</sup> Кононович К., Наумова Е.Ю. Информационный справочник НКО: общественные объединения и некоммерческие организации. Великий Новгород и Новгородская область. Великий Новгород: Северо-западный центр общественного развития, 2001; Алексеева А. Тенденции развития некоммерческого сектора и будущее ресурсных центров: Доклад на национальной конференции НКО в Москве. 29 октября 1998 г. (личная копия).

<sup>7</sup> Кузнецова О. Новгородская и Псковская области: экономическое положение и факторы развития // Вопросы экономики. 1998. №10. С. 145.

крестными ссылками. Однако какую бы меру мы ни избрали, данные указывают на то, что Новгородская область уже достигла демократической консолидации.

Третья глава рассматривает различные альтернативные объяснения различий между российскими регионами и приводит к выводу, что ни одно из них не в состоянии адекватно объяснить успех Новгорода. Причина неспособности оценить степень демократического развития Новгорода кроется в отсутствии серьезного подхода к понятию региональной культурной идентичности. Поэтому необходимо рассматривать региональную идентичность самостоятельно, а не в качестве составной части национальной. Такой подход требует по-новому взглянуть на некоторые популярные положения, касающиеся культурных символов и мифов.

Большинство политологов воспринимают символы, культуру и мифы как весьма аморфные концепции, поэтому в начале четвертой главы я привожу аргументы в пользу культурного анализа как идеального средства, помогающего понять как региональную идентичность, так и истоки социальных изменений. В периоды социальной нестабильности, когда рушатся старые институты общества и теряет смысл рациональный подсчет будущих выгод, под сомнение ставятся самые устойчивые убеждения. Пытаясь восстановить стабильность в своей жизни, люди прежде всего обращаются к тому, что им наиболее знакомо, — местным культурным традициям. Вместе с тем эти традиции, как правило, не учитываются в качестве ресурсов, помогающих осуществить переход к демократическому обществу, поскольку их влияние на политическую сферу чрезвычайно трудно определить. Здесь помогает исследование символов. Краткий обзор богатой традиции изучения символов общественными науками подсказывает нам, что символы могут быть использованы как основа быстрых социальных изменений.

В пятой главе выделены именно ключевые культурные символы Новгорода и их политическое значение. Их выделение позволяет проследить влияние символов и мифов на политику и общественное мнение этого региона. В шестой главе детально исследуется использование новгородской элитой заимствованных из прошлого Новгорода ключевых символов для создания социальной среды, восприимчивой к экономическим и политическим реформам. Систематически противопоставляя наследие Новгорода как средневекового центра торговли и колыбели российской демократии московскому наследию полити-

ческой и экономической централизации, новгородская элита переосмыслила реформу как возвращение к ценностям более благополучного прошлого России. Использование позитивного политического мифа, даже уходящего корнями в глубокое прошлое, смягчило шок от разрыва культурной преемственности, расширило поддержку обществом реформ и повысило уровень доверия к местным властям. Результатом стал необычайный уровень лояльности общества к развитию демократии, наблюдавшийся в регионе в течение 1990-х годов.

В последней главе рассматривается использование мифов и символов для расширения перспектив демократизации в любой стране. Случай Новгорода представляет собой прекрасную экспериментальную базу. Его неожиданный успех убеждает в том, что подход, предусматривающий разработку стратегии демократического развития на базе местных культурных символов, может принести результаты быстрее, чем подход, опирающийся на образцы и образовательные программы. Последние незаменимы для обеспечения долгосрочной демократической стабильности, однако преждевременный акцент на подобный культурный «импорт» может привести к навешиванию на демократические институты ярлыка чуждых и, таким образом, усилению враждебности к реформам. Короче говоря, усилия Запада по развитию демократии слишком сосредоточены на структурных изменениях и недостаточно — на создании условий для их успешного развития. Для того чтобы законопослушность и рыночные отношения получили по-настоящему широкую общественную поддержку, они должны *прежде всего* органично вписываться в местную культурную традицию. Этого можно добиться быстрее всего, используя соответствующие символы при разработке и проведении реформ.

Чтобы не быть неправильно истолкованным, хочу сразу отметить, что не считаю сегодняшний Новгород зрелой демократией. В лучшем случае это регион на ранней стадии демократической консолидации, хотя даже это мало кем признается. Однако до того как попытаться объяснить это расхождение, следует вкратце определить, что подразумевается под словом «демократия».

### *Многочисленные определения демократии*

Нет однозначного определения демократии. Древние греки противопоставляли демократию как власть «простых людей» тирании как нелегитимному правлению отдельного лица. Для Аристотеля, одна-



ко, демократия больше, чем просто воля большинства. Это также возможность для свободнорожденных и бедных, находящихся в большинстве, контролировать власть<sup>8</sup>. Поэтому для демократического правления необходима определенная степень равноправия. Таким образом, в дискуссии о демократии изначально просматриваются две точки зрения. Одна делает акцент на возможности широкого участия народа в политической жизни, согласно же второй истинная демократия должна не только давать возможность участия в политической жизни, но и вести к большему социальному равенству. Эти две линии предполагают совершенно разные, даже противоположные, способы измерения степени развития демократии.

Одним из первых современных авторов, попытавшихся пробиться через эти теоретические заросли, был Джозеф Шумпетер. Он определяет демократию как «институциональную структуру для принятия политических решений, где отдельные лица получают возможность принимать решения в ходе конкурентной борьбы за голоса народа»<sup>9</sup>. Эта простая формула, ставящая знак равенства между демократией и выборами, проводит четкое разграничение на основе недвусмысленного мероприятия.

Шумпетер повлиял на всех последующих теоретиков в области демократии, в первую очередь на Сеймура Мартина Липсета, который слегка изменил определение Шумпетера, обратив внимание на значение стабильных институтов. Демократия, утверждает Липсет, есть «политическая система, предоставляющая регулярные конституционные возможности смены управляющих должностных лиц, и социальный механизм, позволяющий возможно большей части населения влиять на важнейшие решения, выбирая между претендентами на политические должности»<sup>10</sup>. Липсет, наверное, больше всего известен тем, что указал на корреляцию между демократией и экономическим развитием: «Чем более благополучна нация, тем больше ее шансы поддержания демократического устройства»<sup>11</sup>. Этот постулат стал одним из наиболее широко цитируемых, хотя до сих пор кипят

<sup>8</sup> Aristotle. *The Politics*: Translated by T. A. Sinclair. Baltimore: Penguin, 1962. Book IV. Chpt. 4; Book VI. Chpts. 1–4.

<sup>9</sup> Цит. по: Shapiro Ian. *Democratic Innovation* // *World Politics*. October 1993. Vol. 46. P. 122.

<sup>10</sup> Lipset S. M. *Political Man: the Social Bases of Politics*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981. P. 27.

<sup>11</sup> Lipset S. M. *Some Social Requisites of Democracy* // *American Political Science Review*. March 1959. Vol. 53. P. 56.

споры о том, демократия ли ведет к экономическому развитию или *наоборот*<sup>12</sup>.

Еще один широко цитируемый современный теоретик от демократии, Роберт Даль, выделяет три определенных типа демократических режимов: мэдисонианские (Madisonian), популистские (populist) и полиархические (polyarchal). Демократическая модель, по Мэдисону, ограничивает права большинства, популистская акцентирует суверенитет народа и равенство, в то время как полиархии делают упор на социальные предпосылки демократического устройства. Поскольку полиархии демонстрируют более высокую степень политической современности и более широкую инклюзивность, Даль доказывает, что они представляют собой наиболее развитую форму демократии<sup>13</sup>. Эти три американских автора находятся в ряду наиболее широко цитируемых представителей минималистского подхода к определению демократии, преобладавшего в литературе до 1980-х и в 1980-е годы. Наряду с регулярным голосованием минималисты склонны считать экономическое преуспевание важным для демократии, доказывая, что поддержка населения основывается на эффективном предоставлении услуг государства. Преимущество минималистского подхода состоит в четком разграничении между старыми и новыми режимами путем применения небольшого числа простых критериев. Чем меньше критериев, тем объективнее классификация.

Однако с ростом количества демократий та самая простота начала вызывать сомнения среди аналитиков. С одной стороны, она слишком упрощает понятие демократии, сводя ее к наличию демократических процедур. Это ставит развитые демократии с глубокими традициями гражданского контроля над деятельностью власти в один ряд

<sup>12</sup> Гэри Маркс, Лэрри Даймонд, Адам Пршеворски и Сэмьюэл Хантингтон утверждают, что существует значительная корреляция между демократическим переходом и повышением жизненного уровня (Marks G., Diamond L. *Re-examining Democracy: Essays in Honor of Seymour Martin Lipset*. Newbury Park: Sage Publications. P. 6; Хантингтон цитирует Пршеворски в Samuel Huntington, *The Third Wave* (Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1991. P. 61–66). С этим не согласны Роберт Даль, Данкарт Рустов и Макс Вебер (Dahl R. *Development and Democratic Culture* // L. Diamond et al., eds. *Consolidating the Third Wave Democracies*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. P. 35; Rustow D. *Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model* // *Comparative Politics*. 1970. Vol. 2. P. 337–364; Вебер М. // Rueschemeyer D. et al., eds. *Capitalist Development and Democracy*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 21.

<sup>13</sup> Dahl R. *Polyarchy: participation and opposition*. New Haven: Yale University Press, 1971; Dahl R. *A Preface to Democratic Theory*. Chicago: University of Chicago Press, 1956.

со странами, имеющими лишь недавно созданные институты и выборные процедуры. Безусловно, по мнению критиков, качественные различия между такими режимами должны означать нечто большее, чем их процедурное сходство.

Минималистские определения также облегчили количественное измерение развития демократии, что привело к почти опьяняющему оптимизму в отношении перспектив демократии во всем мире<sup>14</sup>. Этот оптимизм, однако, быстро пошел на спад, как только стало очевидно, что латиноамериканские демократии так называемой третьей волны продолжали проявлять авторитарные черты, несмотря на регулярные выборы. Выяснилось, что минималисты не располагают языком для описания стабильной и одновременно постоянно незавершенной демократии.

В то время как все больше и больше государств пробивали себе дорогу к демократии, теоретики пытались выдвинуть определение, позволяющее провести грань между молодыми и более зрелыми демократиями. Недавнее исследование в одном ведущем американском политологическом журнале обнаружило, что существуют 550 подтипов демократии по определению<sup>15</sup>. Такое обилие определений погрело под собой успокоительное представление о том, что демократия может быть охарактеризована как конкретный набор условий, и вместо этого заставило аналитиков представлять ее процессом, в котором выделяются три стадии: сначала, по завершении авторитарного правления, переход к демократии, затем демократическая консолидация, после этого, в конце концов, зрелая демократия. Относительно первой фазы ученые зачастую продолжают склоняться к минималистским определениям. Это позволяет им провести четкую границу между предыдущим режимом и его преемником и признать важный сдвиг в развитии общества совершенным. Для второй и третьей стадий, однако, ученые пытаются найти более определенные показатели успеха демократического развития.

Теоретически различение перехода к демократии и демократической консолидации должно удерживать аналитиков от установления слишком высоких стандартов, исключая из числа демократических режимов всех, кроме горстки стран, и в то же время способство-

вать выработке критериев демократического развития в любом обществе. Однако, как мы увидим далее, эти усилия увенчались успехом лишь отчасти.

### *От авторитарного правления к демократическому переходу*

Первой и наиболее однозначно понимаемой стадией демократизации является конец авторитарного правления. Определить ее легче всего, поскольку она начинается там, где заканчивается правление определенного диктатора. В Чили этой датой стало избрание в 1989 г. на пост президента Патрицио Айлвина, формально положившее конец диктатуре генерала Аугусто Пиночета. В Польше это было избрание президентом в 1990 г. лидера «Солидарности» Леха Валенсы. В Испании демократический переход начался в 1975 г. после смерти генерала Франсиско Франко, а в России — с отставки Михаила Горбачева 25 декабря 1991 г.

Датирование окончания авторитарного правления обычно не вызывает среди ученых больших споров. Гораздо больше шума вызывают попытки определить, что считать демократическим переходом. Некоторые аналитики этим термином называют весь цикл перехода от авторитарного правления к зрелой демократии, другие — лишь от падения предыдущего режима до наступления начала демократической консолидации. Поскольку первое определение делает понятие переходного периода просто синонимом демократизации в самом широком смысле этого слова, мы обратимся ко второму толкованию.

Прежде всего необходимо прояснить, когда заканчивается переходный период демократического развития и как отличить его от консолидации. Есть мнение о том, что переход предполагает создание демократических институтов, в то время как консолидация — легитимизацию этих институтов и усвоение демократических норм поведения<sup>16</sup>. Ключевой характеристикой перехода являются, таким образом, разрушение старых институтов и их замена новыми<sup>17</sup>.

<sup>16</sup> Gunther R. et al. eds. *The Politics of Democratic Consolidation: Southern Europe in Comparative Perspective*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. P. XII.

<sup>17</sup> Shin Dob Chull. *On the Third Wave of Democratization: A Synthesis and Evaluation of Recent Theory and Research* // *World Politics*. 1994. Vol. 47. P. 144.

<sup>14</sup> Fukuyama F. *The End of History?* // *The National Interest*. Summer 1989. P. 3—35.

<sup>15</sup> Collier D., Levitsky S. *Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research* // *World Politics*. 1997. Vol. 49. P. 430—451.



Другие исследователи настаивают на том, что главным отличием переходных демократий от консолидированных является неопределенность в отношении перспектив их стабильности<sup>18</sup>. Такой подход предполагает, что необходимо определенное общественное согласие в пользу новых институтов в качестве предпосылки для консолидации<sup>19</sup>. Пытаясь соединить обе точки зрения, Хуан Линц и Альфред Степан полагают, что «демократический переход завершается, когда достигнуто необходимое согласие о политических процедурах формирования выборных органов власти, руководство приходит к власти непосредственно в результате свободных и всенародных выборов и *де-факто* получает полномочия формирования новой политики, в то время как исполнительная, законодательная и судебная ветви власти, созданные новой демократией, *де-юре* обязуются делить власть с другими органами»<sup>20</sup>.

Зачастую также утверждается, что во избежание риска деконсолидации переходные режимы должны стремительно переходить от авторитаризма к консолидации. Слишком долгий переход считается свидетельством затруднительного положения демократии<sup>21</sup>. Поэтому для многих аналитиков быстрое продвижение вперед в создании новых институтов является императивом с точки зрения достижения как социальной стабильности, так и демократии. Вместе с тем, как убедительно продемонстрировал Гильермо О’Доннел, этого зачастую не происходило в Латинской Америке. Свергнув предыдущих диктаторов и создав базовые признаки полиархии по Далю, многие латиноамериканские режимы упорно отказываются создавать у себя полностью представительные и институционализированные демократические государства<sup>22</sup>. По существу, они навсегда замирают на стадии демократического перехода.

<sup>18</sup> Mainwaring S. et al. eds. *Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective*. Notre Dame, Ind.: University of Notre Dame Press, 1992. P. 3.

<sup>19</sup> Palma G. Di. *To Craft Democracies: an Essay on Democratic Transitions*. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 109.

<sup>20</sup> Linz J. J., Stepan Al. C. *Problems of democratic transition and consolidation: southern Europe, South America, and post-communist*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. P. 3.

<sup>21</sup> Diamond L. J. *Is the Third Wave Over?* // *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7. Is. 3. P. 33; McFaul M. *The perils of a protracted transition* // *Journal of Democracy*. 1999. Vol. 10. Is. 2. April. P. 4—19.

<sup>22</sup> O’Donnell G. *On the State, Democratization and Some Conceptual Problems: A Latin American View With Glances at Some Postcommunist Countries* // *World Development*. 1993. Vol. 21. №8. P. 1356.

В то время как многие теоретики настаивают на том, что такие «делегативные демократии» всегда нестабильны, поскольку в них никогда не оформляется четкое разделение между частной и государственной сферами, их выживание в течение десятилетий показывает, что это не так<sup>23</sup>. С точки зрения О’Доннела, их долговечность означает, что демократическое равновесие может возникнуть не только вследствие создания новых формальных демократических институтов, но и в результате распространения неформальных<sup>24</sup>.

Критика О’Доннела открывает путь гораздо большему разнообразию определений демократической консолидации, чем это устроило бы большинство аналитиков. Кроме того, его анализ ставит под вопрос уникальную роль, отводимую большинством аналитиков формальным институтам, и представляет собой вызов положению о том, что создание демократических институтов и процедур само по себе способствует установлению стабильной демократии. Более того, О’Доннел ставит под сомнение одно из важнейших подразумеваемых положений современной теории демократизации — идею о том, что всем демократиям присущи определенные универсальные объективно измеримые характеристики. Наше представление о демократии, говорит он, — лишь умозрительная конструкция, уходящая корнями в культуру и историю Западной Европы и Северной Америки, и поэтому может не учитывать альтернативные модели демократического развития.

О’Доннел, видимо, полагает, что теоретики в лучшем случае могут надеяться на минимальное определение демократии. Пытаясь развить определение демократии, мы подвергаем себя риску навязывания странам несвойственных им ценностей и институтов. Этот риск становится все очевиднее по мере рассмотрения определений демократической консолидации.

<sup>23</sup> O’Donnell G. *Illusions About Consolidation* // Diamond et al. *Consolidating the Third Wave Democracies*. P. 47.

<sup>24</sup> Ibid. P. 46. Как мы увидим из следующих двух глав, неформальные институты играют значительную роль в процессе демократической консолидации, и описание, данное О’Доннелом, очень полезно для понимания уровня гражданского участия в политической жизни Новгорода, невзирая на отсутствие политических партий.

### От демократического перехода к демократической консолидации

«Второй переход, — утверждает О’Доннел, — отражает переход от демократически выбранной власти к институционализованному демократическому режиму»<sup>25</sup>. На этом этапе, по широко цитируемому определению Хуана Линца, «никто из главных политических деятелей, партий или заинтересованных групп, сил или институтов не считает, что существует альтернатива демократическому процессу прихода к власти... Проще говоря, демократические нормы становятся единственным правилом игры»<sup>26</sup>. Это определение ставит демократическую консолидацию в зависимость от социального согласия, благодаря которому демократия становится «рутинной и глубоко интернализованной в социальной, институциональной и даже психологической сфере, а также политических расчетах на достижение успеха»<sup>27</sup>.

В то время как ученые, разделяющие подход Роберта Даля, Лэрри Даймонда, Хуана Линца и Альфреда Степана, настаивают на необходимости глубоких изменений в политической культуре как предпосылке возникновения консолидации, Филипе Шмиттер рассматривает такие изменения скорее как результат, а не причину конкретных структурных изменений в управлении<sup>28</sup>. Ричард Гунтер и его коллеги даже настаивают на том, что для демократической консолидации важнее отсутствие фундаментальных разногласий между основными политическими группами, чем поддержка абстрактных демократических ценностей<sup>29</sup>.

Желание найти определение демократической консолидации, охватывающее одновременно сферы политической культуры, структуры и поведения, порождает все новые критерии демократии. Марк Гасиоровски и Тимоти Пауэр определяют консолидированные демократии как такие, которые проводят вторые общенациональные выборы главы исполнительной власти, проходят через «однозначное изменение партийного характера исполнительной власти» и «просто

<sup>25</sup> Brachet-Marquez V. Democratic Transition and Consolidation in Latin America: Steps Toward a New Theory of Democratization // *Current Sociology*. Vol. 45. Is. 1. 1997. P. 32.

<sup>26</sup> Linz J. J. Transitions to Democracy // *Washington Quarterly*. Vol. 13. 1990. P. 156.

<sup>27</sup> Diamond et al. Consolidating the Third Wave. P. XVII.

<sup>28</sup> Schmitter P. Civil Society East and West // Diamond et al. Consolidating the Third Wave Democracies. P. 240—241. R. Dahl цит. по: Diamond. Consolidating the Third Wave. P. XVII.

<sup>29</sup> Gunther. Politics of Democratic Consolidation. P. 15

выживают в течение определенного периода времени» — двенадцати лет — срока, соответствующего трем созывам законодательного собрания<sup>30</sup>. Для Лэрри Даймонда характеристика демократии как либеральной применима только к тем режимам, которые к минимальным показателям добавляют отсутствие закрытых сфер во власти, горизонтальную подотчетность, ограничивающую исполнительную власть, и широкий спектр политического и гражданского плюрализма<sup>31</sup>. Ричард Гунтер перечисляет следующие пять признаков, которые позволяют отличить переходную демократию от консолидированной: 1) поочередный приход к власти бывших политических конкурентов; 2) постоянная широкая поддержка и стабильность демократии в периоды экономических трудностей; 3) успешная победа над горсткой стратегически выбранных мятежников и их наказание; 4) стабильность режима перед лицом радикальной реструктуризации партийной системы; 5) отсутствие политически значимой антисистемной партии или общественного движения<sup>32</sup>.

Напротив, Артуро Валензуэла, О’Доннел и Шмиттер смещают акцент в области консолидации с определения того, что необходимо создать, на то, что нужно устранить после перехода к демократии. Для Валензуэлы лишь четыре препятствия действительно стоят на пути демократической консолидации. Это недемократические «опекающие органы власти», которые контролируют решения избранного правительства, закрытые сферы политики, электоральные системы с вопиющими предрассудками, которые сводят к минимуму влияние определенных сегментов общественного мнения, а также убеждение политических и иных деятелей, информированной общественности в том, что выборный процесс — не единственное средство смены власти<sup>33</sup>. Иными словами, первая группа аналитиков видит в демократическом переходе редко открывающееся окно, которое может быстро захлопнуться, если не предпринять шагов для обеспечения консолидации, вторая же группа считает такой подход началом естественной

<sup>30</sup> Gasiorowski M. J., Power T. J. The Structural Determinants of Democratic Consolidation: Evidence From the Third World // *Comparative Political Studies*. December. 1998. Vol. 31. Is. 6. P. 745—746. В концевой ссылке №9 Гасиоровски цитирует Филипе Шмиттера, полагающего, что три созыва законодательного собрания можно считать признаком консолидации.

<sup>31</sup> Diamond. Is the Third Wave Over? P. 23.

<sup>32</sup> Gunther. Politics of Democratic Consolidation. P. 12—13.

<sup>33</sup> Valenzuela S. J. Democratic Consolidation in Post-transitional Settings: Notion, Process, and Facilitating Conditions // Mainwaring Sc. et al., eds. *Issues in Democratic Consolidation*. P. 69.

эволюции, рано или поздно приводящей каждую страну к ее собственной форме консолидации. Последнее предполагает, что, коль скоро начался переход, «стране суждено оставаться демократической практически по умолчанию»<sup>34</sup>.

Это разногласие имеет огромное значение в связи с западной помощью демократическому развитию. Для первой группы аналитиков императивом является скорейшее создание новых демократических институтов в западном стиле. Вторая группа не рассматривает помощь Запада как имеющую столь существенное значение. Можно даже говорить о том, что они считают необходимым как можно более *медленное* создание демократических институтов, чтобы эти институты впитали в себя все элементы традиционной культуры, что обеспечит поддержку населения. Вкратце спор идет о том, каким путем лучше всего добиваться демократической консолидации — эволюционным или революционным.

Несмотря на значимость данного разногласия, теоретики демократизации пока вполне удовлетворяются расходящимися и даже противоречащими друг другу точками зрения. Так, в одном весьма уважаемом труде по демократической консолидации одна группа авторов называют Испанию, Грецию, Италию и Португалию консолидированными демократиями, а буквально через несколько страниц другой коллектив описывает те же страны как оставляющие «всеобъемлющее ощущение политического отчуждения и цинизма, глубокого недоверия к элитам и ограниченной легитимности партий...»<sup>35</sup>. Аналогичные противоречия видятся и между широко распространенным мнением, что «демократия... состоит в смещении укоренившихся элит, подрыве власти сильных и наделении ею слабых», и явно противоречащим ему взглядом, что согласие элит есть «необходимая предпосылка консолидированной демократии»<sup>36</sup>.

Серьезные проблемы с дефинициями возникают и среди самих сторонников эволюционного развития демократии. Многие из этих аналитиков склоняются к тому, чтобы определять демократическую

<sup>34</sup> O'Donnell Q. Illusions About Consolidation. P. 56.

<sup>35</sup> Gunther. Politics of Democratic Consolidation. P. 77, 259.

<sup>36</sup> Шапиро, цит. по: Fish M. S. Postcommunist subversion // Slavic Review. 1999. Vol. 58. № 4. P. 815; Higley J., Gunther R. Elites and Democratic consolidation in Latin America and Southern Europe. New York: Cambridge University Press, 1992. P. 339. См. также: Burton M.G., Ryu J.P. South Korea's Elite Settlement and Democratic Consolidation // E. Etzioni-Halevy. Classes and Elites in Democracy and Democratization. New York: Garland Pub., 1997. P. 194.

консолидацию по принципу долговечности, что порождает вопрос о том, почему именно этот критерий автоматически делает режим демократическим<sup>37</sup>. В этой же связи определение поведенческого измерения демократической консолидации просто как отсутствия значимых антисистемных деятелей и расценивание в качестве демократических всех сил, которые «политически достаточно лояльны», устанавливают планку на слишком низком уровне<sup>38</sup>. Ведь нежелание оппозиции бросать вызов политической системе может быть результатом временной слабости или сознательного решения дожидаться появления лучших возможностей для свержения нового режима.

Эти противоречия привели к тому, что некоторые аналитики называют демократическую консолидацию «сборной солянкой, не имеющей ключевого смысла, объединяющего все случаи употребления этого понятия», термином, настолько безнадежно скомпрометировавшим себя, что лучше полностью от него отказаться<sup>39</sup>. Однако те, кто следовал таким советам, так и не нашли ничего лучшего. Пытаясь провести грань между молодыми и зрелыми демократиями, они предлагают новую терминологию вокруг того же водораздела, будь то «умеренное государство» Бекера, «либеральное государство» Даймонда или критерии «среднего ряда» Гунтера.

### *От консолидации к зрелой демократии*

Часть аналитиков искали определение консолидированной демократии, отталкиваясь от того, как выглядит зрелая демократия. Можно предположить, что эта стадия демократического развития легко поддается определению, но и тут мы очень быстро сталкиваемся с бесчисленными противоречиями, размывающими любые ясные границы между зрелой и консолидированной демократией.

*Формальное разделение властей и слаженность работы правящих институтов.* Многие западноевропейские демократии не предусматривают формального разделения властей, из чего Джон Мюллер заключает, что «режим с чрезмерно сильной законодательной или ис-

<sup>37</sup> Gunther. Politics of Democratic Consolidation. P. 8.

<sup>38</sup> Gunther R. et al. O'Donnell's 'Illusions': A Rejoinder // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. Is. 4. P. 154—156.

<sup>39</sup> Schedler A. What Is Democratic Consolidation? // Journal of Democracy. 1998. Vol. 9. Is. 2. P. 101.

полнительной ветвью власти не становится от этого недемократическим»<sup>40</sup>. Джузеппе Ди Пальма даже доказывал, что определенная степень «расплывчатости и непоследовательности» среди институтов «может придать демократическим институтам своеобразную ценность»<sup>41</sup>.

*Отсутствие коррупции.* Коррупция, хоть и нежелательна, безусловно, не является помехой для зрелой демократии. Существует даже ученое мнение о том, что в развитии демократий «творческая коррупция» может играть положительную роль<sup>42</sup>. Наиболее авторитетный в научном плане показатель коррупции, согласно организации «Транспэрэнси Интернэшнл», на самом деле измеряет не собственно коррупцию, а лишь ее восприятие, что в большой степени определяется освещением в прессе. Ученые, углубленно рассматривавшие этот вопрос, в общем и целом не находили значительной корреляции между открытостью и отсутствием коррупции в посткоммунистическом регионе мира<sup>43</sup>.

*Поддержка населением демократии и терпимость к разнообразию.* Хотя некоторые исследования показывают драматические различия в мировоззрении и поддержке демократических ценностей между зрелыми и молодыми демократиями, другие этого не обнаруживают<sup>44</sup>. Хорошо известное исследование, сравнивавшее взгляды ньюйоркцев и москвичей в начале 1990-х годов, показало, что именно жители Нью-Йорка менее терпимы к экономическому неравенству, в меньшей степени доверяют спекулянтам и меньше ценят материальные стимулы<sup>45</sup>. Многие обозреватели отмечают, что, несмотря на политическую и экономическую нестабильность, приверженность основным демократическим ценностям в российском обществе удивительно последователь-

<sup>40</sup> Mueller J. Democracy, Capitalism, and the End of Transition // M. Mandelbaum ed., Postcommunism: four perspectives. New York: Council on Foreign Relations, 1996. P. 110.

<sup>41</sup> Di Palma. To Craft Democracies. P. 141.

<sup>42</sup> McDougall W. A. On Creative Corruption // FPR1 Night Thoughts. (October) 1999. Vol. 1. №6; Scammell M. What's Good for the Mafia Is Good for Russia // New York Times. 1993. December 26. P. 11E; Mueller. Democracy, Capitalism, and the End of Transition. P. 111.

<sup>43</sup> Fish. Postcommunist subversion. P. 816.

<sup>44</sup> Mueller J. Democracy, Capitalism, and the End of Transition. P. 112. У. Райзингер анализирует широкий спектр выводов по России в кн.: Survey Research and Authority Patterns in Contemporary Russia // H. Eckstein et al. eds. Can democracy take root in post-Soviet Russia? Explorations in state-society relations. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 1998. P. 163–76.

<sup>45</sup> Shiller R. J., Boychko M., Korobov V. Popular Attitudes toward Free Markets: The Soviet Union and the United States Compared // American Economic Review. 1991. Vol. 81. №3 (June). P. 385–400.

на и население обычно кажется готовым к принятию демократических ценностей быстрее, чем элита готова создавать демократические институты<sup>46</sup>. Уровень политической терпимости среди зрелых демократий также существенно отличается. Например, на вопрос, должны ли власти запретить публичные выражения протеста, в Швейцарии 49%, в Западной Германии 52% и в Австрии 60% ответили утвердительно<sup>47</sup>. Некоторые исследования, проведенные в России, показывают более высокую терпимость к публичным протестам<sup>48</sup>.

*Доверие к государственным чиновникам.* В России руководство страны не пользуется широким доверием, как и в большинстве зрелых демократий. Опрос 1994 г. показывает, что лишь 10% американцев оценили честность и уровень этики конгрессменов как очень высокие или высокие. Британский опрос показал, что 73% британцев считают свою правящую партию «очень низкой и недостойной»<sup>49</sup>. Начиная с 1970 г. показатели политического доверия были значительно ниже 50% во всех западных демократиях, кроме Германии<sup>50</sup>.

*Частная собственность и рыночная экономика.* Роберт Даль утверждает, что развитая рыночная экономика «ни абсолютно необходима, ни достаточна для создания прочной демократической культуры», и даже Макс Вебер отвергает как смехотворную любую попытку связать развитой капитализм с демократией и свободой («в любом смысле этого слова»)<sup>51</sup>.

<sup>46</sup> Colton T.J., McFaul M. Are Russians Undemocratic? // Post-Soviet Affairs. 2002. Vol. 18. №2 (April-June). P. 91–121. Обширное и долгосрочное мониторинговое исследование, завершившееся в 2002 г. и проведенное Институтом философии, признало, что «устанавливается новый социальный порядок, в рамках которого либеральные ценности Запада сочетаются с ценностями, традиционными для конкретной этнической группы, — разновидность российского либерализма восточноевропейского типа, отличающегося заметным влиянием православной культуры и персонификации власти». Poll reveals new optimistic, assertive outlook among Russians // Rossiyskaya gazeta. 2003. January 9. Цит. по: Johnson's Russia List. №7014. В Интернете по адресу: <http://www.cdi.org/russia/johnson> (доступ 14 января 2003 г.).

<sup>47</sup> См.: Bahry D. et al. Tolerance, transition and Support for Civil Liberties in Russia // Comparative Political Studies. 1997. Vol. 20 (August). P. 484–510; Bahry D. Comrades into Citizens? // Slavic Review. 1999 (Winter). P. 846.

<sup>48</sup> Kolganov A.I. Russia: Consolidation of the National Consciousness // The Jamestown Foundation Prism. 2000. Vol. 6. Is.9. Part. 2 (September). Available online at: [http://www.jamestown.org/pubs/view/pri\\_006\\_009\\_004.htm](http://www.jamestown.org/pubs/view/pri_006_009_004.htm) (доступ 14 апреля 2003 г.).

<sup>49</sup> Mueller J. Democracy, Capitalism, and the End of Transition. P. 116.

<sup>50</sup> Weil F. D. The Sources and Structure of Legitimation in Western Democracies: A Consolidated Model Tested With Time-series Data in Six Countries Since World War II // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. P. 691; Mueller J. Democracy, Capitalism, and the End of Transition. P. 117.

<sup>51</sup> Dahl. Development and Democratic Culture. P. 35 // М. Вебер, цит. по: Rueschemeyer et al., eds. Capitalist Development and Democracy. P. 21.



Находя соотношение между социально-экономическим развитием и демократизацией слабым, М. Стивен Фиш слегка меняет акцент в аргументации, утверждая, что не рост ВВП, но рыночная ориентация экономики позитивно коррелирует с демократизацией<sup>52</sup>. Это имеет определенный смысл, так как создание рынков требует консенсуса по отношению к новым правилам, в то время как рост ВВП может быть неравномерно распределен и тем самым вызвать усиление социальной напряженности. Аргументация Фиша напоминает точку зрения Сеймура Мартина Липсета, который полагает, что не благосостояние само по себе, но его распределение является ключом к политической стабильности<sup>53</sup>. Однако нельзя не заметить, что многие западные демократии обнаруживают весьма драматическое неравенство доходов, что, однако, не лишает их права называться зрелыми демократиями<sup>54</sup>.

Итак, краткий обзор ряда характеристик, обычно ассоциирующихся со зрелыми демократиями, показывает, что их отсутствие во многих странах, которые широко признаны в качестве зрелых демократий, ставит под сомнение их неотъемлемость. Тот факт, что многие из этих характеристик являются западными по происхождению, говорит в пользу гипотезы О'Доннелла о том, что они могут попросту являться побочными продуктами определенного исторического опыта. Андреас Шедлер даже призывал аналитиков отказаться от любых претензий на научную объективность и признать, что все попытки дать определение демократической консолидации исключительно субъективны<sup>55</sup>.

К сожалению, попытки определить демократию на основе того, чего ей не хватает по сравнению с западными моделями, существенно сузи-

<sup>52</sup> *Fish M. S. Democratization's Requisites: The Postcommunist Experience // Post-Soviet Affairs. Vol. 14. Is. 3. P. 232—233.*

<sup>53</sup> *Lipset. Some Social Requisites of Democracy. P. 56; Przeworski A. et al. What Makes Democracies Endure? // Diamond et al. Consolidating the Third Wave Democracies. P. 297.*

<sup>54</sup> *Harrison L. E. The rich-poor gap: If Brazil can address it, US can and Should // Christian Science Monitor. 2003. January 13. Во Франции, Израиле и Португалии уровень общественного недовольства неравенством доходов соперничает с посткоммунистическими странами и иногда опережает их, включая Россию. См.: *Suhrcke M. Preference for Inequality: East vs. West // Innocenti Working Paper. №89. (Florence: UNICEF Innocenti Research Center, 2001), в Интернете: www.unicef-icdc.org (доступ 1 февраля 2003 г.).**

<sup>55</sup> В то время как Линц и Степан категорически отрицают утверждение, что их определения демократической консолидации являются телеологическими, Шедлер согласен с этим. *Schedler A. What Is Democratic Consolidation? // Journal of Democracy. 1998. Vol. 9. №2. P. 104.*

ли возможности объективно оценить и ее саму как понятие, и различные модели ее развития. Убеждение в том, что помощь Запада — необходимый инструмент социальных изменений, сделало взаимосвязанными две не имеющие очевидной связи между собой проблемы в исследованиях демократизации — недостаточный учет культурных и региональных различий и неспособность объяснить долговечность неполных демократий. Только в этом свете объяснима склонность агентств международного развития игнорировать органы власти на местах. Она является логическим следствием мнения о том, что региональные культурные особенности не влияют ни на демократическое, ни на экономическое развитие<sup>56</sup>.

Куда же все это приводит теорию демократизации? У некоторых возникает ощущение, что невозможно избежать соблазна превращения демократизации в «неомодернизацию», сопровождающуюся злоупотреблением западными моделями экономического и политического развития. Поиск универсальной модели демократизации, говорят они, является бессмысленным и деструктивным. Только отказываясь от таких этноцентричных представлений, считают эти исследователи, можно чтить особенности народов, вместо того чтобы стирать их с лица земли во имя прогресса<sup>57</sup>. Другие призывают вернуться к минимализму или, по крайней мере, к достаточно широкому определению, чтобы в них вписывались страны «с очень протяженным переходом»<sup>58</sup>. Третья же группа отстаивает превосходство западной модели культурного и экономического развития и надеется на ее быстрое распространение на весь мир<sup>59</sup>.

Однако, несмотря на столь существенные разногласия, не стоит отбрасывать концепцию демократической консолидации. Помочь

<sup>56</sup> *Clark T. D. Beyond Post-Communist Studies: Political Science and the New Democracies of Europe. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2002. P. 55—57; Д. Мэнор указывает, что спустя долгое время после того как идея демократизации перестала быть неоспоримой, «лидеры слаборазвитых стран и в еще большей степени агентства международного развития, предоставлявшие им консультантов ...советовали режимам сохранять уверенность в своей еще большей, чем когда-либо прежде, информированности и отсутствии необходимости прислушиваться к местным сообществам или передавать им политические полномочия». *Manor J. The Political Economy of Democratic Decentralization: Directions in Development. Washington, D.C.: World Bank, 1999. P. 25.**

<sup>57</sup> *Dahl. Development and Democratic Culture. P. 36; Brachet-Marquez. Democratic Transition and Consolidation in Latin America.*

<sup>58</sup> *Mainwaring et al. eds. Issues in Democratic Consolidation. P. 60.*

<sup>59</sup> *Harrison L., Huntington S.P., eds. Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books, 2000.*



преодолеть данные затруднения могут два смелых шага. Первый состоит в переносе акцента с национальной политики на политическую и культурную жизнь регионов. В оставшейся части этой главы проанализированы теоретические последствия такого смещения, а во второй и третьей главах тщательно рассмотрено развитие демократии в Новгородском регионе. Второй шаг, которому посвящена вторая половина книги, состоит в обращении к культурным символам и их практическому использованию.

### *В защиту развития демократии на региональном уровне*

Во многих отношениях Россия воплощает в себе дилеммы, стоящие перед аналитиками, занимающимися процессом демократизации. По минималистским стандартам страна, безусловно, находится на стадии переходной демократии и в зависимости от применяемых критериев может даже быть охарактеризована как продвигающаяся к демократической консолидации. Однако средства массовой информации и большинство ученых описывают Россию как стоящую весьма далеко от перехода к демократии и постоянно рискующую скатиться назад<sup>60</sup>. Конечно, определенную роль в возникновении этого разрыва сыграли исторические стереотипы в отношении России, а другим ключевым фактором стало длительное игнорирование ее региональной политической жизни.

Россия представляет собой одну из самых многообразных стран в мире. Тем не менее в советские времена это многообразие часто игнорировалось как не имеющее политического значения, поскольку все ключевые решения принимались в Москве. В течение же последнего десятилетия руководство на местах было вынуждено взять на

<sup>60</sup> *Lloyd J. Who Lost Russia? The Russian Devolution // The New York Times Magazine. 18 August, 1999. P.34–41, 52, 61, 64.* Это распространенное мнение удачно обобщено в названии статьи Д. Тэйлера — «России больше нет — непреодолимое погружение когда-то великой державы в пучину социальной катастрофы и стратегической бесполезности» (*Russia Is Finished: The unstoppable descent of a once great power into social catastrophe and strategic irrelevance // The Atlantic Monthly. May 2001*). В Интернете: <http://www.theatlantic.com/issues/2001/05/taylor-p1.htm> (доступ 21 июня 2001 г.). Это нигилистическое отношение очень уместно высмеивается в статье А. Ливена «Против русофобии» (*Against Russophobia // World Policy Journal. 2000/2001. Vol. 17. № 4.* Цит. по: *Johnson's Russia List №5109*). В Интернете: <http://www.cdi.org/russia/johnson> (доступ 22 февраля 2001 г.).

себя большинство обязанностей общенационального руководства в области распределения социальных благ, что усилило стремление к децентрализации политической власти и ресурсов.

Сегодня именно регионы — это тот уровень, на котором заметнее всего многообразие общества. Качество жизни отдельного человека в России существенно различается в зависимости от региона проживания, и, поскольку идентичность человека становится все более связанной с соответствующим регионом, различия в региональной социально-экономической политике все отчетливее отражают местные культурные предпочтения<sup>61</sup>.

Но даже с учетом того, что регионы стали играть ключевую роль в понимании российской политической действительности, имеет ли смысл говорить о демократизации в региональном контексте? Большинство специалистов в области общественных наук, возможно, ответили бы отрицательно, поскольку политические субъекты по определению подчинены центру как политически, так и финансово. К тому же эта зависимость зачастую считалась положительным явлением<sup>62</sup>. Талкотт Парсонс рассматривал регионализм как проявление укоренившегося в обществе консерватизма, стоящего на пути продвижения цивилизации к «культурному универсализму»<sup>63</sup>. Ханс Кон и Чарльз Тилли утверждали, что, поскольку регионы препятствуют экономическому и социальному прогрессу и упорно придерживаются архаичных местных обычаев, продвижение к либеральному правлению предполагает объединение малых регионов в более крупные. Регионализм, по меткому выражению Майкла Китинга, есть не что иное, как «похмелье от прошлого»<sup>64</sup>. Чем скорее общество трезвеет и централизуется, тем скорее оно сможет воспользоваться плодами современного бюрократического государства.

Эти идеи так глубоко укоренились в англо-американской научной мысли, что тема субнационального демократического развития вооб-

<sup>61</sup> *Ruble B.A., Koehn J., Popson N., eds. Fragmented space in the Russian Federation. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: John Hopkins University Press, 2001.*

<sup>62</sup> Роберт Даль, например, весьма осторожен в своей оценке децентрализации, опасаясь, что децентрализация в пользу частных компаний сократит размеры контролируемой обществом сферы. Цит. по: *Etzioni-Halevy. Classes and Elites. P. 272.*

<sup>63</sup> Цит. по: *Shlapentokh V. et al. From submission to rebellion: the provinces versus the center in Russia. Boulder, Colo.: Westview Press, 1997. P. 10.*

<sup>64</sup> *Keating M. State and regional nationalism: territorial politics and the European state. London: Harvester. Wheatsheaf, 1988. P. 22.*

ще поднимается крайне редко<sup>65</sup>. Региональные исследования стали считаться касающимися этнической или национальной, но не демократической идентичности. Даже исследования региональных органов управления склоняются к отрицанию возможности демократического развития на местах местными усилиями<sup>66</sup>.

Действительно, централизованная модель модернизации общества доминировала на протяжении всей российской и советской истории, однако в начале 1990-х годов президент Ельцин и его советники поставили ее под сомнение. Новая власть пыталась воспользоваться региональными властями как противовесом центральному партийно-государственному аппарату. Однако к концу 1990-х растущее неравенство регионов и укоренившееся противостояние большинства местных Советов убедили их в том, что сильный центр остается наилучшим средством гарантии социального прогресса. Сегодня этот более традиционный взгляд разделяет преемник Ельцина Владимир Путин.

Однако недавние усилия, направленные на новую централизацию власти, не должны заставить нас забыть о слабости центрального руководства на протяжении большей части 1990-х годов или о том, что многие политические и экономические реформы не осуществлялись потому, что центр не мог их предотвратить. Почти целое десятилетие традиционная модель взаимоотношений местных и национальных властей в России была перевернута с ног на голову, и регионам были даны существенные возможности для инноваций.

Эти тенденции, конечно, не ускользнули от внимания специалистов по российским исследованиям<sup>67</sup>. И все же в десятках книг и статей о российских регионах почти не обсуждаются особые пути регионального развития или региональные политические и экономичес-

<sup>65</sup> Morgan K. Regional Regeneration in Britain: the territorial Imperative and the Conservative State // Political Studies. 1985. Vol. 33. P. 565. Бекер отмечает, что в одной из основных работ по демократической консолидации даже не упоминается о децентрализации или субсидиарности в качестве критериев или условий либеральной демократии. См.: Becker. Latin America. P. 142.

<sup>66</sup> См.: Baldersheim H. et al. eds. Local democracy and the processes of transformation in East-Central Europe. Boulder, Colo.: Westview Press, 1996.

<sup>67</sup> Loewenhardt J., White S. Beyond the Garden Ring: A Bibliography. Mimeo: University of Glasgow, 1999. Доктор Нейл Дж. Мелвин и Розария Пульизи в сотрудничестве с Институтом гуманитарных и политических исследований (ИППИ) в Москве поддерживают превосходную электронную библиотеку на веб-сайте Центра российских, евразийских и центральноевропейских исследований университета г. Лидс (Leeds University Centre for Russian, Eurasian and Central European Studies) по адресу: <http://www.leeds.ac.uk/lucreces> (доступ 15 мая 2003 г.).

кие стратегии, несмотря на то что децентрализация политического контроля, фрагментация экономики и восстановление местной культурной идентичности указывают именно на такую возможность сегодня. Даже по прошествии более десяти лет после падения коммунистического режима общую точку зрения по этому вопросу можно суммировать следующим образом: 1) региональная политика не имеет особого значения по сравнению с политикой центрального руководства; 2) региональная экономическая политика не имеет существенного воздействия на региональное политическое развитие; 3) региональные элиты противостоят реформам, в то время как московские элиты способствуют им; 4) региональная политика сводится к вопросу о том, кто владеет местными ресурсами. Все прочие мотивы — политические, культурные, этнические или религиозные — можно проигнорировать<sup>68</sup>. Наблюдается упорная тенденция к тому, чтобы рассматривать этнически русские регионы как принципиально неспособные к самостоятельному политическому выбору, что отчасти основывается на представлении о том, что они не имеют реальной власти, а отчасти на уверенности в отсутствии у них настоящей культурной, а следовательно, и политической идентичности.

Оба эти положения неверны. Точно так же, как взятые по отдельности регионы в России приобрели политическое значение с коллапсом национальных политических институтов, они приобрели и культурное значение с коллапсом системы идеологического контроля. Однако вместо того чтобы по достоинству оценить региональное разнообразие в вопросах распределения или применения нового законодательства как свидетельство становления плюрализма, на него зачастую ссылаются как на признак несостоятельности демократии<sup>69</sup>. Вместе с тем неравномерность уровня демократического развития представляет собой скорее норму, чем исключение в зрелых демократиях, и тому есть веские причины. Именно отсутствие однородности в рамках одного демократического государства обеспечивает баланс и способствует стабильности. Разнообразный уровень развития регионов в зрелых демократиях в действительности настолько обычное явление, что это ставит перед нами интригующий вопрос. Если в

<sup>68</sup> Clark T.D. Beyond Post-Communist Studies. P. 56—57; McAuley M. Politics, Economics and Elite Realignment in Russia // Soviet Economy. 1992. Vol. 8. №1. P. 76.

<sup>69</sup> Holmes S. Cultural Legacies or State Collapse? Probing the Postcommunist Dilemma // Mandelbaum, ed. Postcommunism. P. 22—76.

таких странах, как Великобритания и Испания, демократия может быть неконсолидированной на региональном уровне и в то же время консолидированной на центральном, может ли иметь место обратное? То есть консолидированная демократия в конкретном регионе, но не на общенациональном уровне?

На первый взгляд кажется, что непропорциональное распределение полномочий между регионами и центром делает это маловероятным. Но что произойдет, если ввести в наш анализ фактор эрозии центральной власти? Тогда можно подойти к этой проблеме с другой стороны, задав вопрос: насколько способны регионы уберечь себя от вмешательства центра? Очевидно, ответ будет зависеть от ресурсов, имеющихся в распоряжении центра, и относительных затрат на принуждение регионов к выполнению его требований. В России 1990-х годов ресурсы у центра были настолько ограничены, а затраты на навязывание регионам своей воли столь велики, что регионы могли проводить собственную политику независимо от центра. Если существует такая возможность, значит, есть и возможность того, что развитие демократии на уровне регионов продвинется дальше, чем в центре. Смещение акцента нашего анализа с центрального на региональный уровень, таким образом, становится необходимым, если мы хотим понять пути демократизации на местах.

Кто-то может спросить: зачем останавливаться на регионах? Почему не сосредоточиться на муниципальных образованиях или даже семьях? Это важно потому, что именно на уровне регионов пересекаются интересы сообществ и национальные интересы. На более низких уровнях общественной организации может проявляться большая гражданская активность, однако лишь в вопросах местного значения, ограниченных по масштабу и воздействию и не связанных с более широкой идентичностью. Регион, таким образом, является оптимальным уровнем анализа, если мы пытаемся понять быстрые социальные изменения, так как представляет собой точку соединения, где личность может удачно проявить свою идентичность через гражданское участие<sup>70</sup>.

Еще одной причиной смещения нашего анализа на региональный уровень является то, что на этом уровне прежде всего происходит со-

<sup>70</sup> Wildavsky A. What Other Theory Would Be Expected to Answer Such Profound Questions? Reply to Per Selle's Critique of Cultural Theory // Scandinavian Political Studies. 1991. Vol. 14. №4. P. 358.

циализация. Часто утверждают, что основополагающие ценности имеют тенденцию сопротивляться изменениям, однако Гарри Экстайн предположил, что параллельно с этими «незатронутыми ограниченными структурами» могут возникать «отдельные сегменты, некоторые особенности которых особенно благоприятны или восприимчивы к переориентации ...структурные или диспозиционные черты, легко адаптирующиеся к новым культурным моделям или ожиданию таковых»<sup>71</sup>. На региональном уровне это может способствовать возникновению того, что Экстайн назвал «островкам достижений в море неудачи»<sup>72</sup>. Поэтому стратегия исследования, стремящаяся к объяснению существования таких островков, требует детального исследования случая в применении как к региону, так и к его культуре.

Объяснение характерной эволюции Новгорода будет опираться на сильные стороны существующих теорий демократизации и учитывать их ошибки. Во-первых, акцент будет перенесен с национального уровня на региональный. Относительно России такое перемещение внимания представляется особенно целесообразным ввиду слабости центрального управления и драматического роста осознания местной культурной идентичности в рассматриваемый период. Во-вторых, будет отдано предпочтение исследованию случаев (case study, доскопальное изучение одной конкретной ситуации с целью извлечения из нее общих принципов) перед широким сравнением регионов, поскольку оно позволяет сравнить многочисленные переменные и избежать заблуждений, возникающих из-за избыточной концентрации на стабильности институтов, которой по определению не может быть в новых демократиях. В-третьих, внимательно, хотя и не исключительно, сосредоточиваясь на Новгородской области, можно проверить теорию о том, что региональные мифы и символы играют реша-

<sup>71</sup> Eckstein H. A Culturalist Theory of Political Change // American Political Science Review. 1988. Vol. 82. №3. P. 798.

<sup>72</sup> Там же. Замечания Экстайна совпадают с выводом, который делает Бекер о том, что в Латинской Америке, «защищая определенные свободы и демократические модели социального взаимодействия, они (органы управления на местах) помогли сохранить потребность в либеральной демократии в центре и социальный порядок, необходимый, чтобы таковые действовали. Нам необходимы сравнительные исследования, позволяющие понять, почему некоторое системы местной власти, несмотря на свои ограниченные полномочия и затруднительное финансовое положение, лучше других сохраняют определенную степень автономии и лучше других служат традиционной основой для демократии» (Becker. Latin America. P. 148).

ющую роль в ускорении демократического развития. Успех Новгорода в условиях, рассматриваемых многими как особо неблагоприятные для демократии, делает его как раз таким ключевым частным случаем, исследование которого позволит получить ценные теоретические выводы<sup>73</sup>.

### Заключение

Теория демократизации в кризисе. Минималистский консенсус, установленный Шумпетером и систематизированный Далем более 30 лет назад, уступил место поразительному смещению стандартов. Разрастание числа определений является явным признаком того, что поиски единого стандарта демократизации зашли в тупик. Наступила пора заострить внимание на региональном контексте и вновь попытаться связать аморфные определения демократии с практикой и ценностями повседневной жизни людей. Только когда мы научимся ценить разнообразие регионального опыта строительства демократии, наши теории демократического развития станут действительно пригодными для сравнительного анализа.

Коллапс коммунистической системы добавил новую грань загадке демократического развития — возрождение самостоятельной жизни в регионах благодаря ослаблению центральной власти. Мы не знаем, насколько сместится баланс между центром и периферией, но уже наблюдаем два важных последствия этого явления.

Во-первых, управление на местах в России самим своим существованием обязано коллапсу советского государства. Национальные и субнациональные институты возникают и состязаются друг с другом в борьбе за доверие населения почти одновременно, и в то время как первые опираются на советскую историю и модели, вторые обладают более древней историей и возможностями завоевать лояльность к себе на местах. В результате естественные политико-административные трения, существующие в рамках федеративной системы, переплетаются с проблемами культурно-исторической идентичности.

Во-вторых, рухнула всеобъемлющая марксистско-ленинская идеология. На Западе это часто трактуется лишь как освобождение от ин-

теллектуального давления. Это, безусловно, так, однако для многих это стало и крушением личного мировоззрения, определявшего социальную направленность. Резкий отказ от него сделал многих культурными изгоями в собственной стране. На помощь пришли региональные идеологии, постепенно заполняя этот идеологический пробел и обеспечивая культурную преемственность. Региональная культурная идентичность стала играть ключевую роль в процессе посткоммунистической демократизации, и аналитикам следует пересмотреть свои теории с учетом этой новой реальности.

Изложив теоретическое обоснование своего подхода к демократизации, я могу теперь дать свое определение демократической консолидации. Я вижу ее как промежуточный пункт между демократическим переходом и зрелой демократией, характеризующийся достаточно высоким уровнем экономического развития, гражданского участия и социального согласия вокруг новых ценностей и институтов, которое делает маловероятным возврат в прошлое. Такое определение соответствует минималистским определениям демократического перехода, характеризующим полиархии, и добавляет две новые характеристики демократической консолидации, с которыми по разным причинам согласны сторонники как радикальных, так и эволюционных изменений, — долговечность и стабильность. Такие режимы следует считать консолидированными демократиями; чтобы стать зрелыми, им требуется лишь время. Следующая задача — применить эти критерии к Новгороду.

<sup>73</sup> *Eckstein H. Case Study and Theory in Political Science // Greenstein and Polsby, eds. Strategies of Inquiry. P. 113—123.*



## Глава 2

### Демократическое развитие в России: новгородская модель

Порою в России совершаются целые революции,  
но это остается вовсе не известным за границей...

*Александр Герцен.*

*Повести. Былое и думы. Статьи*

Наиболее серьезной проблемой, встающей при оценке состояния демократии в России, является, по меткому определению профессора Гарри Экстайна, то, что «изобилие гипотез о детерминантах функционирования демократий не соответствует имеющейся информации о России»<sup>1</sup>. В этой главе сделана попытка исправить это положение, по крайней мере, в отношении одного российского региона.

В работе «Может ли демократия укорениться в постсоветской России?» Гарри Экстайн обобщает те характеристики, которые наиболее часто коррелируют с понятием зрелой демократии. Чем ближе стоит общество к таким идеальным условиям, тем оно демократичнее<sup>2</sup>. Несмотря на то что не все демократии в полной мере соответствуют каждой из этих характеристик, по мнению Экстайна, существуют три признака, присущих всем зрелым демократиям, — установление нового конституционного порядка, высокий уровень экономического развития и многочисленные и активные добровольные ассоциации<sup>3</sup>.

Под установлением нового конституционного порядка имеются в виду «формально-правовые (четкие) нормы, регулирующие выборы, исполнительные и законодательные структуры власти, отношения, процесс выработки политики, гражданские права и свободы». На протяжении нескольких десятилетий после Второй мировой войны среди политологов было распространено мнение о том, что демократия основана на функционировании конкретных механизмов управления, легитимность которых определяется конституцией. Однако падение

многих режимов, созданных по «вестминстерской модели» в странах третьего мира, подорвало веру в безусловную связь между конституционным строем и демократическим правлением, но некоторые постулаты были возвращены к жизни «новыми институционалистами»<sup>4</sup>. Сегодня установление нового конституционного порядка снова превратилось в центральный показатель демократической консолидации.

Соотношение демократии и экономического развития также тщательно изучалось. Исследования и дискуссии привели к признанию корреляции между высоким уровнем экономического развития и зрелой демократией, несмотря на некоторую неопределенность по вопросу о том, зависит ли демократизация от показателей экономического роста или от качества жизни<sup>5</sup>.

Благодаря творчеству профессора Гарвардского университета Роберта Путнама почти таким же неоспоримым является положение о том, что успех демократии ассоциируется с существованием большого числа добровольных объединений и активным участием в них<sup>6</sup>. Весомые достижения по любому из данных критериев говорят в пользу того, что режим осуществил переход к консолидированной демократии, но даже если мы признаем обоснованность всех этих показателей зрелости демократии, они все-таки остаются чрезвычайно субъективными. Установив измерения для прогресса и достижений по каждому из показателей, можно с большей убедительностью говорить о наличии демократической консолидации. Следует ожидать, что зрелые демократии будут демонстрировать большую последовательность как по каждому из показателей, так и между ними, в то время как обратное показывает, что режим все еще осуществляет переход к демократии.

Существует научный консенсус по трем характеристикам, отличающим переходные демократические режимы от консолидированных:

1) структурные изменения в органах власти. Это относится к институционализированным демократическим процедурам и устранению всех значительных закрытых сфер власти;

<sup>1</sup> *Eckstein H. Russia and the Conditions of Democracy // H. Eckstein et. al. Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations. New York: Rowman & Littlefield, 1998. P. 349.*

<sup>2</sup> *Eckstein H. Russia and the Conditions of Democracy. P. 362.*

<sup>3</sup> *Ibid.*

<sup>4</sup> *Eckstein H. Russia and the Conditions of Democracy. P. 356; James March and Johan Olsen. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. September 1984. Vol. 82, №3. P. 853–874.*

<sup>5</sup> *Eckstein H. Russia and the Conditions of Democracy. P. 362.*

<sup>6</sup> *Ibid. C. 363.*



- 2) изменение поведения элиты, т.е. отсутствие антисистемных деятелей и лояльность основных политических деятелей к новой системе;
- 3) изменение отношения среди населения, т.е. широкое признание легитимности новых институтов<sup>7</sup>.

Таблица 2.1

Матрица для измерения развития демократизации в Новгороде

Характеристики зрелых демократий	Структурные изменения	Изменения в поведении элит	Изменение отношения населения
<b>Новый конституционный порядок</b>	Местное самоуправление	Большая самостоятельность элит	Поддержка новых институтов
<b>Экономические успехи</b>	Прямые иностранные инвестиции	Экономические инновации	Поддержка новой экономической политики
<b>Добровольные ассоциации</b>	Политика открытых дверей	Социальное партнерство	Повышение общественной активности

Итак, при оценке мы будем рассматривать успехи Новгорода по каждой из трех характеристик, которые обычно используются для определения зрелых демократий — конституционный порядок, экономический прогресс и деятельность ассоциаций, а также попытаемся выяснить, сопровождаются ли они теми типами поведенческих, структурных и мировоззренческих изменений, которые можно ожидать от консолидированных демократий. Мы сможем таким образом получить наиболее полную и всеобъемлющую оценку прогресса Новгорода на пути демократического развития.

### *Новый конституционный порядок: «Собственная система управления»*

Обычно причиной поворота в развитии Новгорода называют влияние прямых иностранных инвестиций<sup>8</sup>. На самом деле привле-

<sup>7</sup> Gunther. Politics of Democratic Consolidation. P. 79; Linz and Stepan. Toward Consolidated Democracies. P. 14–33.

<sup>8</sup> Thornhill. Investors drawn to local dynamo. 1998. April 15; Blair Ruble and Nancy Popson. The Westernization of a Russian Province: the Case of Novgorod // Post-Soviet Geography and Economics. 1998. Vol. 9. №8. P. 433–446; Merja Tekoniemi and Laura Solanko. Novgorod and Pskov — Examples of How Economic Policy Can Influence Economic Development // Review of Economies in Transition. 1998. June 1998. P. 64–76.

чение регионом более 600 млн долларов США за прошедшие 10 лет стало кульминацией более крупномасштабной стратегии, направленной на преодоление зависимости региона от Москвы.

Как и прочие регионы, брошенные Москвой на произвол судьбы, Новгород был вынужден «проглотить» после 1990 г. столько суверенитета, сколько смог. Однако в то время как другие регионы делали это неохотно, Новгород пошел по этому пути сознательно, обозначив свое намерение раз и навсегда освободиться от федеральных дотаций. Выбор финансовой независимости потребовал крупной реорганизации органов власти, начавшейся с местного самоуправления — ядра новгородских реформ.

Приоритет местного самоуправления был закреплен в новом уставе Новгородской области, принятом в 1994 г. Устав предоставляет органам местного самоуправления исключительное право пользоваться местными ресурсами и имуществом и обязывает регион пропорционально распределять финансовые средства между городами и районами «с целью создания необходимых финансовых основ местного самоуправления»<sup>9</sup>.

Два инновационных аспекта Новгородской политики — функциональность и субсидиарность<sup>10</sup>. По словам Любови Андреевой, занимавшей ранее пост заместителя председателя областной думы, законодательство региона было разработано таким образом, чтобы исполнительная и законодательная ветви власти работали совместно. Иначе говоря, тому или иному субъекту или институту передано столько власти и полномочий, сколько ему требуется для выполнения своих законных задач. Именно поэтому законодательный процесс на Новгородчине развивается быстрее, чем в других регионах<sup>11</sup>.

Скорость, с которой региональная дума решила проблему создания нового законодательства, действительно впечатляет. В течение первых трех лет своего существования она приняла 120 новых законов (из них 15 по местному самоуправлению) и 656 нормативных актов (49 по местному самоуправлению). Для сравнения: к концу 1996 г. более четверти российских регионов не приняли ни одного закона,

<sup>9</sup> Устав Новгородской области, разд. VI, ст. 45, п. «г» и «д» // Новгородская областная дума / Под ред. С. Иванова. Новгород: Кирилица, 1995. С. 27.

<sup>10</sup> Чернаков А. Кто с мешком к нам придет, здесь его и оставит // Эксперт. 1997. 17 мая. С. 28–33.

<sup>11</sup> Там же. С. 29.

касающегося местного самоуправления<sup>12</sup>. На сегодня, по словам спикера Совета Федерации Сергея Миронова, на 99% территории России самоуправление существует лишь на словах<sup>13</sup>.

В июле 1995 г. председатель региональной думы Анатолий Бойцев даже отметил, что новгородское законодательство о местном самоуправлении в целом лучше принятого в Москве<sup>14</sup>. Это не просто само-реклама. С 1994 по 1998 г. Новгородская областная дума направила в Госдуму федеральную более 300 рекомендаций по федеральному законодательству. Даже тогдашний глава Комитета по законодательству Государственной Думы Анатолий Лукьянов признал, что именно эти предложения на начальном этапе закладывали основу для федерального законодательства по местному самоуправлению<sup>15</sup>. Неудивительно, что Новгород был одним из трех российских регионов, готовых к проведению губернаторских выборов, и первым регионом, который провел выборы всех уровней власти — от сельского старосты до губернатора<sup>16</sup>.

Ключевой новгородской инновацией является объединение в руках одного выборного должностного лица полномочий главы исполнительной и законодательной власти района. Двадцать два главы районов в Новгородской области обычно составляют 30–40% депутатского корпуса областной думы.

Это намеренное нарушение принципа разделения властей горячо дебатировалось в прессе и оспаривалось рядом депутатов областной Думы первого созыва. Они опасались, что как орган власти Дума будет подчинена губернатору и не сможет осуществлять свои контрольные функции<sup>17</sup>. Прочие опасались, что членство глав районов в законодательном собрании региона породит лоббирование ими своих интересов в популистских целях. Однако губернатор Михаил Пру-

<sup>12</sup> Воронин А.Г. О состоянии и основных тенденциях становления и развития местного самоуправления в Российской Федерации // Местное самоуправление в России: история и современность. Новгород: Новгородский госуниверситет им. Ярослава Мудрого; Администрация Новгорода, 1997. С. 5.

<sup>13</sup> Евдокимов Е. Власть вплотную приблизится к народу. Через три года. Страна.ru (22 октября 2002. Адрес он-лайн: <http://www.strana.ru> (доступ 27 октября 2002 г.).

<sup>14</sup> Новгородская областная дума / Под ред. С. Иванова. С. 65. При Путине, отмечает Андреева, Новгородская дума направляет поправки с целью защитить уже имеющиеся достижения. См.: Гайнутдинов Р.И., Гайнутдинова Л.А. Муниципальная служба: современное состояние и перспективы. СПб: ВСП Лтд., 2001. С. 12.

<sup>15</sup> Гайнутдинов Р.И., Гайнутдинова Л.А. Муниципальная служба. С. 11.

<sup>16</sup> Чернаков А. Кто с мешком к нам придет... С. 28.

<sup>17</sup> Новгородская областная дума / Под ред. С. Иванова. С. 58, 168.

сак настаивал на том, что главам районов необходимы полномочия для осуществления своего мандата. Более того, он доказывал, что во многих других странах совмещены законодательная и исполнительная функции на самом низовом уровне управления<sup>18</sup>.

Однако для нас имеет значение не эффективность, а то обстоятельство, является ли подобная структура закрытой сферой во власти. Закрепленное в Конституции РФ отделение местного самоуправления от административной системы давало главам муниципалитетов беспрецедентную степень автономии. Возможность избрания независимых глав муниципалитетов в региональное законодательное собрание скорее может усилить его независимость, откуда и происходит боязнь возникающего соблазна отстаивания интересов своего района в ущерб региону в целом. Во избежание этого избирательные округа были созданы так, чтобы охватить несколько административных районов.

Такая структура имеет два преимущества. Во-первых, пересекающиеся электораты расширяют электоральную базу, к которой апеллируют должностные лица. Будучи неспособными помогать одному району, в то же время не вызывая негативных последствий для другого, главы районов, являющиеся одновременно членами Думы, должны были учитывать нужды двух (или в одном из случаев трех) районных электоратов<sup>19</sup>. Во-вторых, поскольку членство в областной Думе является для всех, кроме председателя и его заместителя, работой по совместительству, главы районов в большой степени опирались на свой районный аппарат. Таким образом, этот аппарат имел существенные контрольные и направляющие функции по отношению к законодательным инициативам. Это способствовало укреплению финансовой ответственности, так как избранные на местном уровне должностные лица также отвечали за исполнение бюджета в своих районах<sup>20</sup>.

<sup>18</sup> Прусак М.М. Местное самоуправление в Новгородской области: состояние и перспективы: Доклад в С.-Петербурге, 12 февраля 2002 г. (личная копия, с. 12). Опубликовано в: Коммерсант. 2002. 22 февраля. Например, мой родной штат Род-Айленд является одним из десяти, не имеющих положения о разделении властей в своей конституции. Anderson L. Why the struggle for separation of powers? // Providence Journal. 2003. January 26.

<sup>19</sup> Когда элиты переходят от отношений подчинения к договорным отношениям, это часто достигается пересмотром территориальных границ. См.: Piattoni S. Can Politics Create Communities? Evidence from the Italian South. Paper delivered at American Political Science Association. Boston. 1998. September 3–6.

<sup>20</sup> Беседа с Анатолием Бойцевым, председателем областной думы. Великий Новгород, Россия. 2000. 5 мая; Еремин В. Кадровые кадры снова решают все. С. 25–26.

На низовом уровне местное самоуправление в регионе принимает форму ассоциации местных жителей, известной как территориальное общественное самоуправление (ТОС). Решив, что мало что может так способствовать участию граждан в управлении, как создание их собственных дворов, еще в 1997 г. администрация поощряла формирование таких ассоциаций и давала им право собирать средства, представлять свои интересы перед городскими властями и даже выступать в качестве стороны в местных судах<sup>21</sup>.

Первым шагом в создании ТОС обычно является создание товариществ собственников жилья (ТСЖ), отвечающих за содержание конкретных многоквартирных домов. Такие товарищества создаются для того, чтобы сэкономить средства, но коль скоро они начинают решать свои проблемы, как заметил один из депутатов городской думы, «формируется цепочка общественного самоуправления – от старосты подъезда к домовому комитету, через него – к ТОС (включающему несколько домовых комитетов) и затем – органу местного самоуправления, в данном случае к городской администрации»<sup>22</sup>. При текущем уровне роста ТОС представители городских властей Новгорода рассчитывают, что через несколько лет эти сообщества будут охватывать примерно треть муниципального жилого фонда<sup>23</sup> (рис. 2.1). Предполагается, что ТСЖ и ТОС объединятся и на их основе возникнут избирательные округа. Для стимулирования этого процесса Новгородская городская дума создала общественные консультативные советы, связанные с ТСЖ/ТОС, и приняла процедуры, регулирующие проведение формальных общественных слушаний по основным вопросам, затрагивающим жизнь отдельных микрорайонов<sup>24</sup>.

Даже критики соглашались с тем, что новгородские конституционные инновации улучшили координацию между различными уровнями местного самоуправления. В отличие от других регионов, где губернатор зачастую получает от районов запросы на экстренное финансирование в середине года, в Новгороде, по-видимому, этого не происходит<sup>25</sup>. Такая предсказуемость, основанная на тщательно раз-

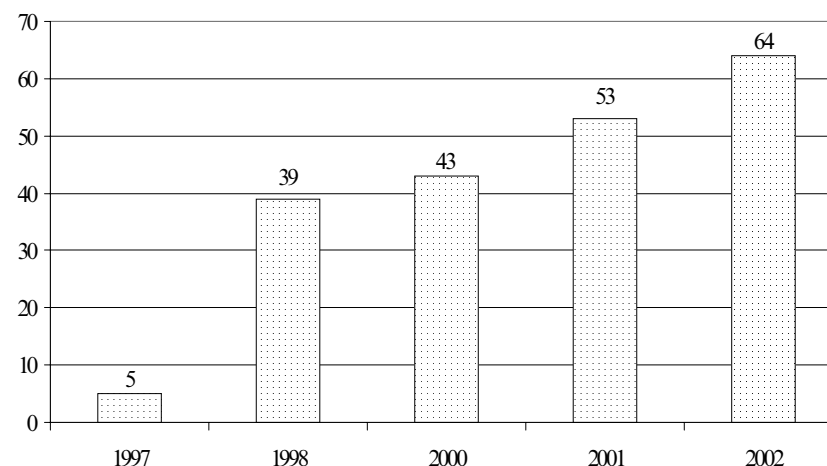
<sup>21</sup> О Временном положении о территориальном общественном самоуправлении в городе Новгороде. Новгород. 1997. 3 апреля. С. 8–9.

<sup>22</sup> Шайковский В. Впереди еще два года. Новгород. 1998. 15 октября. С. 3.

<sup>23</sup> Дубовский В. Жилье со знаком качества. Новгород. 2002. 14 марта. С. 3.

<sup>24</sup> Шайковский В. У меня 23 тысячи начальников. Новгород. 1999. 12 августа; Парицкая О. Ушедший поезд не вернуть. Новгород. 2001. 30 августа; Шайковский В. Впереди еще два года. С. 3.

<sup>25</sup> Еремин В. Обсуждение бюджета – вход свободный // Российская Федерация сегодня: Спец. вып. Молодость древнего города. Январь 2002. С. 13.



Источники: Шайковский В. Охрана дома твоего. Новгород (4 ноября 1998 г.); Трояновский В. Реформа ЖКХ по-новгородски. ИТАР-ТАСС (12 июля 2001 г.); Васильева К. Путь тернистый, но верный // Новгород (6 сентября 2001 г.); Дубовский В. Жилье со знаком качества // Новгород (14 марта 2002 г.).

Рис. 2.1. Рост числа товариществ собственников жилья в Великом Новгороде, 1997–2002 гг.

работанной законодательной базе, смягчила одну из наиболее серьезных проблем переходного периода – полное отсутствие интеграции между местным и региональными уровнями управления<sup>26</sup>.

Однако это отнюдь не означает, что в Новгороде отсутствуют конфликты в рамках местных властей. На заседаниях рабочих комитетов думы зачастую возникают напряженные дебаты, в особенности в том случае, если перед этим соответствующие вопросы не были тщательно проработаны комитетом по законодательству<sup>27</sup>. Вот как описал этот процесс для местных СМИ бывший председатель постоянного комитета думы по экономике и бюджету Александр Яшин: «Нередко проекты документов, подготовленные в структурах исполнительной власти, претерпевают на комиссии серьезные изменения. И вносят их и

<sup>26</sup> Корсунов А.В. Реформа местного самоуправления – шаг к правовому государству // Местное самоуправление в России / Под ред. Б.Н. Ковалева. С. 10.

<sup>27</sup> Информационно-аналитические материалы по итогам работы Новгородской областной думы первого созыва (с апреля 1994 г. по октябрь 1997 г.). Новгород: Новгородская областная дума, 1997. С. 65.

«свободные» депутаты, и из исполнительной власти... Вот, к примеру, устав области. Депутаты работали с ним два месяца, на двух заседаниях думы обсуждали, пропустили через фильтр сходов в районах области. Собрали, отшлифовали все замечания, предложения. Устав приняли. Или другой пример – исполнительная власть, подстегиваемая бюджетным дефицитом, предлагала увеличить налог на имущество с одного до двух процентов. Сначала комиссия, а потом и дума отвергли это предложение»<sup>28</sup>.

Составить представление о напряженности этих дебатов можно по тому, сколько раз комитеты отказывались одобрить законодательные предложения, выдвинутые на рассмотрение пленарного заседания думы. С апреля 1994 г. по октябрь 1997 г. постоянные законодательные комитеты рассмотрели 1018 представленных документов, однако из них отобраны для дальнейшего рассмотрения только 558<sup>29</sup>.

Система управления в Новгороде была призвана укрепить связь между различными ветвями власти, разрешая разногласия до того, как они достигнут уровня институционального конфликта. Законодательный процесс, по словам председателя думы Анатолия Бойцева, позволял Новгороду смягчить разногласия, не создавая глухой оппозиции<sup>30</sup>. Несмотря на его успешность, конституционным особенностям Новгорода пришел конец в 2002 г., когда под давлением требований привести местное законодательство в соответствие с российской Конституцией областная дума приняла закон, запрещающий главам муниципалитетов одновременно являться членами законодательных собраний<sup>31</sup>.

Вторым ключевым принципом новгородской модели местного самоуправления было соответствующее финансирование на местном уровне. Как отметил еще в 1995 г. один из высокопоставленных представителей областной администрации Сергей Фабричный, «истинная независимость определяется двумя взаимосвязанными факторами: существованием законодательной базы и наличием развитой экономической основы местного самоуправления. Из этих двух в первую очередь должна быть создана экономическая основа»<sup>32</sup>.

<sup>28</sup> Новгородская областная дума / Под ред. С. Иванова. С. 168.

<sup>29</sup> Информационно-аналитические материалы... С. 66.

<sup>30</sup> Еремин В. Обсуждение бюджета... С. 13.

<sup>31</sup> Мальков Е. Ветто депутатов // Новгородские ведомости. 2002. 10 сентября.

<sup>32</sup> Фабричный С. Развитие местного самоуправления на территории Новгородской области // Земство и возрождение культурно-хозяйственных традиций / Под ред. В.И. Ромашовой. Новгород, 1996. С. 39.

Система совмещения должностей с сильными главами районов способствовала передаче большей части бюджетных доходов с регионального на районный уровень. По мере сокращения федеральных дотаций в бюджет региона доля средств, переданных районам и городам из консолидированного регионального бюджета, составила в среднем две трети бюджета области – картина, прямо противоположная ситуации в остальной части России<sup>33</sup>. Приверженность принципу политической и финансовой автономии была так велика, что за годы, когда регион получал от федеральных властей значительно меньше, чем ему причиталось, региональная администрация передавала районам и городам до 80% своих бюджетных поступлений для покрытия этой разницы<sup>34</sup>.

Ключевым механизмом сохранения этой приверженности стал инновационный по своей сути стабилизационный фонд, «способный решать местные проблемы без обращения к региональным властям»<sup>35</sup>. Каждый район переводил в этот фонд не менее 15% местных доходов, а два богатейших района, Великий Новгород и Чудово, каждый вносили соответственно 33 и 28%. Районные власти могли использовать этот фонд только для покрытия расходов по обязательным статьям своего бюджета. Финансирование дополнительных статей полностью зависело от доходов, полученных районом самостоятельно<sup>36</sup>.

Передача принятия решений и их реализации на районный (муниципальный) уровень значительно усилила ответственность местных руководителей, которые должны были управлять более эффективно. Она также позволила региону финансировать реформы в таких областях, как ведение малого и среднего бизнеса, жилищно-коммунальная ре-

<sup>33</sup> Прусак М.М. Местное самоуправление... С. 14–15, 12; Генерозов И. Новгород не хочет зависеть от российского бюджета // Эксперт: Северо-Запад. 2001. 1 октября; Еремин В. Финансирование должно быть подушевым и нормативным // Российская Федерация сегодня: Спец. вып. «Молодость древнего города». Январь. 2002. С. 15.

<sup>34</sup> Так, несмотря на то что региональный бюджет получил лишь 69,6% того, что ему были должны федеральные власти в 1998 г., он передал 81,4% своих средств районам. См.: Семенова О., Якурин А. Экономическое и политическое развитие Новгородской области. Отчет по заказу Федерального института восточноевропейских исследований Германии (BIOst), 1999 (личная копия, с. 28).

<sup>35</sup> Прусак М.М. Местное самоуправление... С. 5.

<sup>36</sup> Средства распределяются по формуле: (а) доходы районов + (б) поддержка фонда = обязательные статьи бюджета. См.: Солдатова Е. Нагрузка больше – мускулатура крепче? // Муниципальная власть. 1997. 1 октября. С. 38–39.



форма, налоги и собственность на землю, в то же время сокращая зависимость региона в целом от федеральных дотаций с 60% в 1994 г. до 6% в 2004 г. Кроме того, немаловажно, что это позволило достичь уникального для России уровня стабильности социальных выплат.

*Как конституционная реформа изменила поведение новгородской элиты*

После роспуска Борисом Ельциным Советов в октябре 1993 г. новгородская элита стала быстро восстанавливать местное самоуправление. К концу 1994 г., задолго до принятия каких-либо федеральных законов о местном самоуправлении, в Новгородской области уже были избраны 1300 сельских старост. Следуя практике, начатой в 1993 г. главой Крестецкого района Николаем Ренкасом, региональные должностные лица выезжали на места в 188 населенных пунктов, чтобы проинформировать местных старост о состоянии регионального бюджета<sup>37</sup>. Эта инициатива оказалась настолько популярной, что «информационные дни» по всему региону превратились в особенность новгородской модели управления.

Каждые 2–3 месяца рабочие группы, состоящие из вице-губернаторов, руководителей комитетов и их специалистов-консультантов, выезжали в населенные пункты, чтобы отвечать на вопросы населения и рассматривать его жалобы. Ежегодно проводились примерно двести таких встреч<sup>38</sup>. Кульминацией процесса составления годового бюджета является представление его в декабре губернатором в областной думе. Это событие открыто для общественности и транслируется в прямом эфире местным телевидением и радио. После своего выступления губернатор отвечает на вопросы аудитории<sup>39</sup>. Такая практика, начатая в 1996 г., до сих пор является столь необычной для России, что, когда местные жители описывают ее гостям, им зачастую не верят.

Более тонким примером изменения отношения элиты является улучшение доступа в здания органов управления. При проходе в здание городской администрации не проверяют документы. Люди просто

<sup>37</sup> *Фабричный С.* Местное самоуправление. С. 38–40; К вопросу о вопросах: Дайджест новгородских новостей. Подготовлен В. Русаковым (18–24 февраля 1998 г.), адрес в Интернете: <http://www.novgorod.ru> (доступ 3 марта 1998 г.).

<sup>38</sup> Беседа с И.В. Верходановым, главным консультантом председателя Новгородской областной думы // Великий Новгород, Россия. 1999. 24 мая; *Фабричный С.* Развитие местного самоуправления... С. 40.

<sup>39</sup> *Еремин В.* Обсуждение бюджета... С. 13.

входят и направляются к чиновнику, которого хотят видеть. В областной администрации посетителей обычно останавливают и спрашивают, к кому они пришли, однако за более чем тридцать посещений в течение семи лет я ни разу не видел, чтобы кого-либо просили показать удостоверение личности. Любой, кому приходилось пытаться пройти в государственные здания в России, может подтвердить, что такая доступность весьма необычна.

В процессе работы над региональной конституционной реформой местная элита также научилась уважать законодательный процесс. Это заметно по исключительно высокому уровню участия депутатов (85,4%) в заседаниях думы<sup>40</sup>. Высокий уровень законодательной координации и делегирование экономических и политических полномочий тоже, видимо, научили местные элиты ценить политический компромисс. Наблюдатели отмечают исключительно высокий уровень согласия среди новгородской элиты и связывают его с совместным консультациями на раннем этапе и четким разграничением функций и обязанностей. «Наша конечная цель, – говорит председатель думы Бойцев, – составить реальный бюджет, чтобы в нем не было никакой, простите, туфты или приблизительности. Это достигается длительной, порой довольно нудной подготовительной работой»<sup>41</sup>. Политическая стабильность, которой так гордится Новгород, в большой степени есть результат институциональных процедур, приведших элиты к компромиссу.

Хорошим примером того, как этот процесс способствует консенсусу, является региональная трехсторонняя комиссия. Созданная в октябре 1995 г., комиссия, состоящая из губернатора, председателя регионального отделения Федерации профсоюзов и главы Союза промышленников и предпринимателей Новгородской области, служит «постоянно действующим органом системы социального партнерства в Новгородской области»<sup>42</sup>.

Члены комиссии имеют право рассматривать все региональные законодательные акты, касающиеся социально-экономической политики и трудовых отношений (ст. II, п. 4). Не менее важно то, что каж-

<sup>40</sup> Информационно-аналитические материалы... С. 69.

<sup>41</sup> *Еремин В.* Обсуждение бюджета... С. 13; Информационно-аналитические материалы... С. 66.

<sup>42</sup> Положение о новгородской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, 1995. 20 октября (личная копия, полученная от руководителя Новгородской областной организации Федерации профсоюзов В. Фишина).



дый ее член может рассматривать всю информацию, относящуюся к выработке политических решений любого уровня управления (ст. III, п. 5). В Положении о комиссии указано, что заседания ее основных членов должны проходить не менее раза в три месяца и председательствуют на таких заседаниях поочередно, при этом каждый раз новый председатель определяет повестку дня следующего заседания<sup>43</sup>. Комиссии в ее работе помогает постоянный секретариат, а ее решения должны публиковаться в ведущей местной газете «Новгородские ведомости».

Кульминацией работы комиссии являются ежегодные подписания детального соглашения о задачах развития экономики и социальной сферы региона на следующий год, которые ложатся в основу бюджетных приоритетов региона. Публичная церемония подписания также подтверждает единство взглядов перед лицом населения региона и потенциальных инвесторов. Социальные выгоды от подобных публичных пактов и церемоний широко обсуждались в литературе по социальному переходу<sup>44</sup>. Необычным в случае Новгорода является широкое освещение как самих переговоров, так и церемоний заключения.

В течение года стороны каждые 2–3 месяца встречаются с прессой для обсуждения хода реализации прошлогоднего соглашения и освещения своих разногласий. Так, новгородцы могут узнать о жалобах владельцев предприятий на чрезмерное рвение налоговых инспекторов, о том, что губернатор обвиняет профсоюзы в нереалистичных требованиях, а профсоюзы призывают к увеличению заработной платы и расширению социальных гарантий, и одновременно могут прочесть о том, что каждая сторона предлагает компромиссные решения для обсуждения на следующем заседании<sup>45</sup>. Если, как предполагает Лора Эддлс, сам процесс разработки общественного договора учит элиты пересматривать свои интересы и средства их проведения в жизнь, то в Новгороде такой процесс уже стал неотъемлемой частью общественной жизни самой элиты<sup>46</sup>.

<sup>43</sup> Пункт 7 Регламента работы новгородской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, приложение к Положению.

<sup>44</sup> *Edles Laura D.* Rethinking Democratic Transition: A Culturalist Critique of the Spanish Case. *Theory and Society*. 1995. Vol. 24. №3. P. 357–358.

<sup>45</sup> *Мальков Е.* Самое дорогое — это жизнь // Новгородские ведомости. 2001. 12 сентября; *Митрофанова Л.* Спорили, но согласились // Новгородские ведомости. 2001. 18 декабря.

<sup>46</sup> *Edles Laura D.* Symbol and Ritual in the New Spain: The Transition to Democracy After Franco. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1998. P. 101; *Edles.* Rethinking Democratic Transition. P. 363.

Можно возразить, что подобные публичные церемонии являются лишь показухой, однако то, что ежегодное соглашение становится основой для бюджетного планирования, свидетельствует об обратном. Более того, трехсторонние соглашения показали себя настолько успешными, что одно недавно было принято администрацией города Великого Новгорода в качестве основы цикла бюджетного планирования. Ярким доказательством политического значения ежегодного соглашения является то, что перед его очередным подписанием стороны должны были договориться по злободневному вопросу о переводе оказания жилищно-коммунальных услуг на конкурентную тендерную основу. Город добился согласия профсоюзов по этому вопросу, однако в обмен вынужден был согласиться на участие в тендерных комиссиях представителей профсоюзов, а также на то, чтобы местные поставщики услуг получили предпочтение при заключении городских контрактов<sup>47</sup>.

Созданные Новгородом конституционные и финансовые институты также научили элиты полагаться на себя и ценить горизонтальные связи больше, чем вертикальные<sup>48</sup>. Примером такой самостоятельности является инициатива местных элит относительно создания альтернативных инфраструктур поддержки. В дополнение к законодательным инициативам региональной думы, касающихся собственно Великого Новгорода, на федеральном уровне она также являлась одним из учредителей Северо-Западной парламентской ассоциации — органа, созданного в целях расширения участия регионов в формировании федерального законодательства<sup>49</sup>. Как город, так и регион также оказывают последовательную поддержку Союзу городов Центра и Северо-Запада России.

Изначально созданный в 1990 г. 12 российскими городами, которые стремились обмениваться опытом в сфере развития самоуправления, к 2002 г. он уже включал 23 города по всей центральной и северо-западной части России<sup>50</sup>. Новгород был выбран для размеще-

<sup>47</sup> *Соколов В.* Ради социальных гарантий // Новгород. 2000. 14 сентября.

<sup>48</sup> Кто лучше работает, тот должен лучше жить // Новгородские ведомости. 2001. 28 декабря; *Шайковский В.* Собрание Союза городов Северо-Запада России // Новгород. 1999. 4 марта; *Митрофанова Л., Корсунов А.* Для нормальной жизни городу не хватает денег, а региону — помощи // Новгородские ведомости. 2001. 24 июля; *Крутиков В., Корсунов А.* Местная власть между молотом и наковальней // Новгород. 2001. 8 марта.

<sup>49</sup> *Андреева Л.* О реализации права законодательной инициативы // Управленческое консультирование. Великий Новгород: МНОУ «Диалог», 1999. №2. С. 30.

<sup>50</sup> Какая власть // Новгород. 1990. 30 октября. С. 2.

ния официальной штаб-квартиры организации, а ее председателем с 1997 г. до своей безвременной кончины в 2002 г. являлся мэр Великого Новгорода Александр Корсунов<sup>51</sup>. Союз ежегодно проводит 20–30 семинаров, на которых городские чиновники и местные общественные деятели обмениваются соображениями по проблемам малого бизнеса, наркомании, жилищной реформы и местного самоуправления. Как заметил бывший заместитель мэра Новгорода Александр Васильев, «в то время как центр устанавливал вертикаль власти, мы развивали горизонтальное сотрудничество»<sup>52</sup>.

Наряду с новыми политическими ценностями регион демонстрирует еще одну важную характеристику консолидированных демократий – слабость антисистемных политических структур, особенно КПРФ и ЛДПР.

Хотя по итогам опросов общественного мнения КПРФ зачастую оказывается второй или третьей среди крупнейших партий в регионе, уступая «Единой России» и «Яблоку», кандидатам от Коммунистической партии ни разу не удавалось преобразовать эту популярность в успешные результаты выборов<sup>53</sup>. Основные причины этого, видимо, в личной популярности губернатора и его политики. Так, несмотря на 60%-ную ротацию кандидатов на выборах в областную думу, руководителю региональной организации Коммунистической партии только однажды удалось завоевать в ней место, победив своего соперника с отрывом в 4%. Это был единственный успех на выборах, которым КПРФ может похвастаться в регионе за последнее десятилетие<sup>54</sup>. Противодействует местному руководству и ЛДПР; после избрания ее представителя губернатором соседней Псковской области партия начала кампанию по сбору подписей избирателей в Новгороде. И хотя, по официальным данным, ЛДПР является крупнейшей партией в регионе, она не смогла пока провести даже одного кандидата на политическую должность любого уровня.

<sup>51</sup> Дубовский В. Муниципалитеты – за диалог с центром // Новгород. 2002. 28 февраля. С. 3.

<sup>52</sup> Там же.

<sup>53</sup> Аналитическая записка об итогах социологического исследования социально-экономической ситуации в Новгородской области в августе-сентябре 1998 г., табл. 2.7–2.9. Великий Новгород: МНОУ «Диалог», 1998 (личная копия).

<sup>54</sup> Ждем перемен к лучшему // Новгород. 2001. 25 октября. С. 1. Депутатом Государственной Думы был также избран Николай Биндюков, однако он прошел по национальному партийному списку КПРФ.

### *Поддержка населением нового конституционного порядка*

Местные опросы показывают высокий уровень поддержки населением новгородских политических деятелей и институтов. С конца 1998 г. уровень поддержки губернатора Прусака колебался между 62 и 81%, что значительно превышает средний уровень поддержки губернаторов в России, составляющий от 47 до 56 %<sup>55</sup>. Еще более поразителен контраст, если сравнить уровень доверия к местной политической с уровнем доверия к элите национальной (рис. 2.2). Крупномасштабное исследование в 40 российских регионах, проведенное в 2002 г., подтверждает, что новгородцы в целом меньше, чем жители всех остальных регионов, доверяют федеральным властям, а новгородские предприниматели показывают самое большое среди предпринимателей всех регионов расхождение в уровнях доверия к местным и федеральным чиновникам<sup>56</sup>.

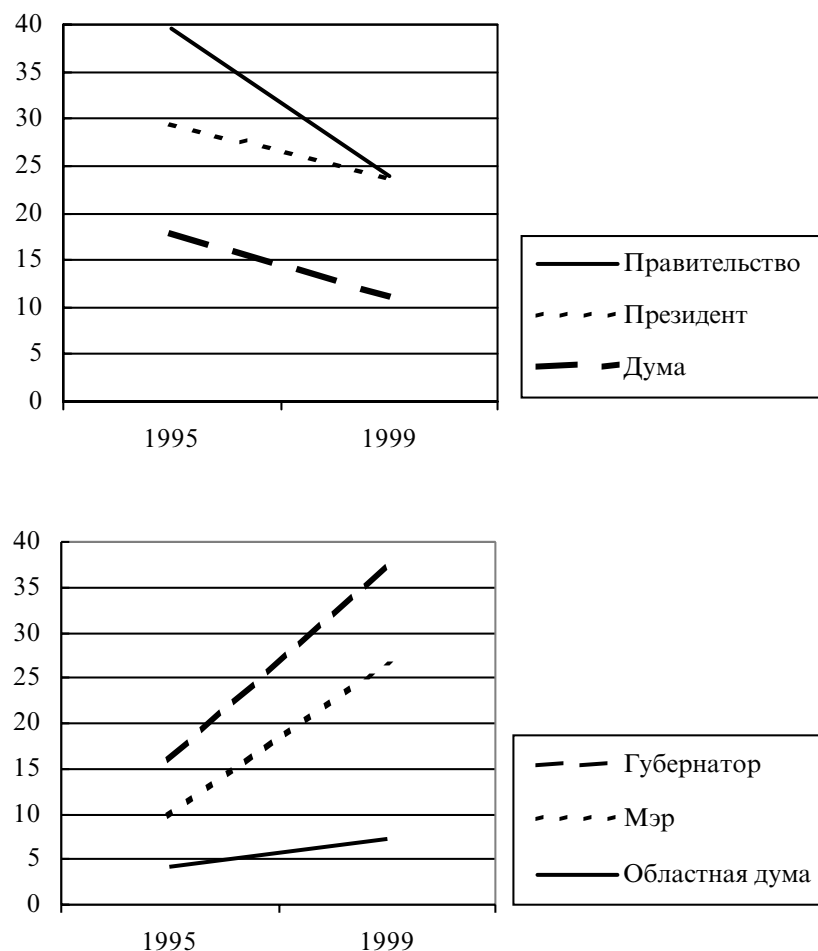
Новгородцы также отличаются необычайно позитивным отношением (по сравнению с Россией в целом) к старым советским институтам. В дополнение к положительной оценке работы региональной думы более половины новгородцев высказывают положительную или очень положительную оценку российской Конституции. Ряд институтов, получивших негативную оценку в ходе опросов в национальном масштабе, таких, как религиозные конфессии, судебная система, социальные гарантии и правоохранительная система, вызывают у новгородцев преимущественно положительные ассоциации<sup>57</sup>.

С ростом процента местных домовладельцев выросло и ощущение, что местные органы являются соответствующим институтом для решения региональных проблем. Опросы показывают, что домовладельцы отличаются большей готовностью платить налоги и рассматривать местное самоуправление как наилучшее средство защиты своей собственности и прав. Более двух третей считают, что местные, а не

<sup>55</sup> По рейтингам М. Прусака см.: Изменение рейтинга доверия к политическим деятелям жителей Новгородской области, июнь 1995 г. – январь 2000 г. Великий Новгород: МНОУ «Диалог», 2000 (личная копия). Рейтинги прочих губернаторов см.: Свежие рейтинги: «Единая Россия» падает, СПС растет (ВЦИОМ, 26 апреля 2002 г.). Адрес он-лайн: <http://www.polit.ru/documents/483733.html> (доступ 29 апреля 2002 г.).

<sup>56</sup> Региональные рейтинги коррупции. Транспаренси интернэшнл – Россия и фонд ИНДЕМ, табл. 6–1 и 7–1 (9 октября 2002 г.). Адрес он-лайн: [www.anti-corr.ru/rating\\_regions](http://www.anti-corr.ru/rating_regions) (доступ 28 октября 2002 г.).

<sup>57</sup> Мониторинг – Новгородская область, июль 1997 г. По поручению Новгородского филиала Сбербанка России. Великий Новгород: МНОУ «Диалог»; Мониторинг – Новгородская область, июль 1999 г. Великий Новгород: МНОУ «Диалог».



Источники: Аналитическая записка об итогах социологического исследования социально-экономической ситуации в Новгородской области в августе-сентябре 1998 г. // Великий Новгород: МНОУ «Диалог», 1998 (личная копия). В исследовании 1995 г. принимали участие 100 респондентов из г. Новгорода и по 50 в каждом из 22 районов области. В исследовании 1999 г., проведенном по заказу Новгородского филиала Сбербанка России, принимали участие 2586 респондентов из 22 районов области и Великого Новгорода. Мониторинг—Новгородская области, июль 1999 г. // Великий Новгород: МНОУ «Диалог».

Рис. 2.2. Доверие к государственным институтам в Новгородской области, 1995–1999 гг.

федеральные власти должны устанавливать налоги. Подводя итоги исследования, аналитики заключают: «Их социально-политическая ориентация принципиально отличается от ориентации большинства населения: преимущественно их внимание сосредоточено на самих себе и своем ближайшем окружении, они менее политизированны и склонны иметь меньше [социальных] льгот. Они показывают большую готовность платить налоги и больше доверяют властям, но не бюрократии»<sup>58</sup>. Иными словами, стремление правительства к поощрению самостоятельности на местном уровне уже начинает приносить плоды.

Еще один показатель изменения отношения в обществе — поразительно либеральное поведение избирателей Новгородской области в 1990-х годах (табл. 2.2). Менее очевидное в ходе районных и областных выборов, оно особенно четко прослеживается в ходе президентских. Популярность реформистски настроенной партии «Яблоко», кажущаяся особенно нехарактерной для региона с экономическим и демографическим профилем Новгорода, еще более очевидно проявилась в ходе президентских выборов 2000 г.<sup>59</sup> Это смещение симпатий электората сопровождалось ростом готовности к участию в выборах на всех уровнях.

Таблица 2.2

Число желающих участвовать в предстоящих выборах, %

Выборы	1995 г.	1998 г.	1999 г.
Губернатора	40	86	81,6
Президента	51	80	74,1
Думы	35	50	40,9
Местного самоуправления	33	58	55,1

Источники: Средние показатели по выборам глав районов, мэров, глав местного самоуправления и старост опущены. В 2000 г. в процессе подготовки к выборам мэра 8 октября 2000 г. 74% новгородцев ответили, что будут участвовать в предстоящих выборах. Мониторинг — Новгородская область // Великий Новгород: МНОУ «Диалог», июнь–август 2000 г. (личная копия).

<sup>58</sup> Результаты опроса 445 граждан (74 домовладельцев) Великого Новгорода, проведенного Центром анализа рынка недвижимости, Москва; Соколов В. Рубль в эксперименте // Новгород, 1999. 16 сентября.

<sup>59</sup> Среди десяти регионов, где поддержка Ельцина в 1996 г. и Путина в 2000 г. превысила ожидаемую по соответствующим категориям, Новгород шагнул дальше всех — с восьмого места на четвертое. См.: Matthew Wyman, Stephen White, Ian McAllister, Stephen Oates. Regional Voting Patterns in Postcommunist Russia. Доклад на CREES Annual Conference. Cumberland Lodge, UK (June 16–18, 2000).

В целом установление нового конституционного порядка, акцентирующего местное самоуправление и коллективную подотчетность элит, заметно укрепило доверие к местной политической системе и ее лидерам. Политика финансовой самостоятельности, инициированная во многом как средство снижения затрат, принесла неожиданные выгоды в виде повышения эффективности новых институтов. Постоянное взаимодействие общественности с этими новыми политическими структурами породило культуру компромисса, способствующего политической стабильности, гражданскому участию и динамизму экономики.

### *Экономические успехи*

#### *Экономическая программа Новгорода: структурное воздействие прямых иностранных инвестиций*

В этом разделе рассматриваются новгородская стратегия регионального экономического развития, поведение элит и взгляды в обществе. Приняв дерзкую стратегию привлечения в регион прямых иностранных инвестиций (ПИИ), местные власти встали на путь, имеющий долгосрочные социальные и экономические последствия.

Чтобы вполне представить себе экономические достижения Новгорода, необходимо дать общую информацию о регионе. Новгородская область расположена в Северо-Западной экономической зоне России в трех часах езды к юго-востоку от Санкт-Петербурга по главной автомагистрали, ведущей из Москвы. Население региона составляет примерно 710 тыс. человек, а его площадь приблизительно равна территории штата Западная Вирджиния или Ирландии. Население крупнейшего города, Великого Новгорода, составляет примерно 230 тыс. человек, за ним по размеру стоят города Боровичи с населением 61 тыс. человек и Старая Русса — 40 тыс. Городское население составляет примерно 71% жителей региона, из которых 96% — этнические русские. Его единственными природными ресурсами являются торф и лес.

Годы задерживаемых государственных капиталовложений оставили регион с безнадежно устаревшей производственной базой, зависящей от оборонной, электронной и машиностроительной промышленности. После 1991 г., с появлением более качественных импортных товаров, уровень производства на предприятиях резко упал, тысячи людей хлынули в поисках работы в соседний Санкт-Петербург. «Мы чуть не потеряли одну треть своего населения», — вспоми-

нает вице-губернатор Михаил Скибарь. К тому же федеральное правительство задерживало социальные выплаты<sup>60</sup>.

Единственным лучом надежды на этом мрачном фоне был успех фанерного завода «Чудово-РВС», одного из первых в СССР совместных предприятий с Финляндией. Несмотря на первоначальные опасения со стороны администрации и общественности, фабрика быстро стала приносить прибыль и не только пополнять местный бюджет, но и поддерживать школы, ремонтировать дороги, даже передавать средства на восстановление местного монастыря<sup>61</sup>.

Убедившись, что федеральное правительство просто не способно выручить регион и что вероятность инвестирования в него российскими бизнесменами также невелика, администрация Новгородской области выбрала рискованную стратегию привлечения иностранных инвесторов. Любой иностранный инвестор, желающий построить предприятие, освобождался от всех местных налогов до достижения прибыльности инвестиций<sup>62</sup>. Для дополнительной привлекательности местная администрация начала проводить политику «единого окна», в рамках которой высокопоставленному чиновнику, обычно заместителю главы администрации, поручалось сопровождать проект через все бюрократические барьеры, которые могут возникнуть на местном или федеральном уровне. И наконец, соглашение между инвестором и администрацией становилось юридически обязательным для региона; для удобства иностранных инвесторов администрация обратилась к международным аудиторским фирмам «Артур Андерсен», «Сиар Боссард» и «Прайс Уотерхаус Куперс» с просьбой составить те разделы регионального инвестиционного законодательства, которые дадут инвесторам гарантию от убытков, могущих возникнуть в результате изменений законодательства<sup>63</sup>.

<sup>60</sup> Измайлов В. Курс — на развитие // Новгород, 1997. 13 февраля; Еремин В. Зонтик для инвестора // Российская Федерация сегодня: Спец. вып. «Молодость древнего Новгорода». Январь. 2002. С. 7–8.

<sup>61</sup> Первый чудовский «иностранец» // Новгородские ведомости. 1999. 30 октября; Андреасян А. Десять лет успешной работы предприятия «Чудово-РВС» (радио «Голос России» 16 ноября 2000 г.).

<sup>62</sup> Андрей Чернаков цитирует Василия Семенова, главу Экономического комитета области. См.: Чернаков А. Кто к нам с мешком придет... С. 30. В то время Семенов пророчески заметил, что до сих пор Министерство финансов не уделяло большого внимания Новгороду, поскольку он слишком мал, однако «когда секретари в департаментах Министерства финансов наконец поймут, что здесь происходит, они устроят нам какую-нибудь букву». В 2001 г. Министерство постановило, что по нескольким инновационным разделам новгородских программ налоговые льготы незаконны // Там же. С. 33.

<sup>63</sup> Еремин В. Обсуждение бюджета... С. 13.



Успех комбинации отсрочки налогов, помощи в преодолении бюрократической волокиты и правовых гарантий превзошел все ожидания администрации. Сначала иностранные инвесторы чаще всего оказывались в Новгороде по ошибке, перепутав его с Нижним Новгородом. Однако, оказавшись здесь, они часто оставались. Вице-губернатор Скибарь вспоминает: «Их приятно удивляло, что их не заставляли ждать в приемной даже одной минуты. Перед ними действительно были широко распахнуты все двери»<sup>64</sup>. К концу десятилетия почти 200 зарубежных компаний вложили более полумиллиарда долларов США в предприятия региона. Сегодня на них занято почти 20 тыс. человек, они составляют две трети местного промышленного производства и приносят более 40% доходов в региональный бюджет<sup>65</sup>. К концу 1997 г. объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) (рис. 2.3) на душу населения в Новгородской области был в 10 раз больше, чем в среднем по России, и выше, чем во многих странах Восточной Европы (табл. 2.3).

По оценке специалистов администрации, благодаря ПИИ региону удалось сохранить 24 тыс. рабочих мест и создать еще 7 тыс. новых<sup>66</sup>. Тем не менее не столько количество, сколько качество этих инвестиций повлияло на жизнь в регионе. В отличие от остальной России, где две трети средств, инвестированных иностранными компаниями, были краткосрочными спекулятивными капиталовложениями, Новгород предлагал налоговые льготы *только* тем зарубежным компаниям, которые были готовы инвестировать именно в производство<sup>67</sup>.

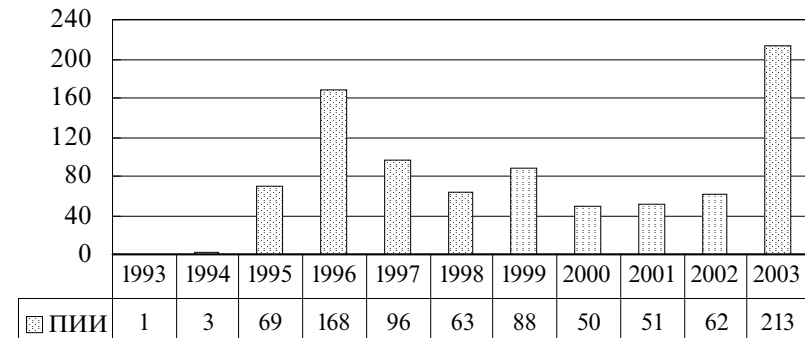
В результате ПИИ фундаментально поменяли налогооблагаемую базу региона. Даже несмотря на освобождение инвесторов от местных налогов, их платежи в Пенсионный фонд, фонды медицинского

<sup>64</sup> Еремин В. Зонтик для инвестора. С. 7.

<sup>65</sup> Алиева Л., Омаров М. Некоторые аспекты внешнеэкономической деятельности Новгородского региона // Управленческое консультирование. Великий Новгород: МНОУ «Диалог». 1999. №1. С.10; Скибарь М. Экономические реформы в Новгородской области // Промышленность Новгородской области. Великий Новгород: Информационный ресурсный фонд «Компас Норд-Вест», 2002. С. 44.

<sup>66</sup> Кудряшова С., Шалмуев А. Добиться успеха можно только командой // Новгородские ведомости. 2002. 4 декабря.

<sup>67</sup> Рохус Я., Золин П.М. Развитие механизмов функционирования зоны экономического благоприятствования в Маревском районе // Особенности бюджетного управления Новгородской области. Новгород: РАН, отделение экономики; НовГУ, администрация Новгородской области, 1998. С. 88.



Источники: Подопригора В.Н. и др. Лидер с Севера – технология успеха. Великий Новгород: МНОУ «Диалог», 2000. С. 9; Хорошухин С. Новгородская область – географическое положение // Промышленность Новгородской области, 2002. Великий Новгород: Компас – Норд-Вест 2002. С. 47–53; Лазарев А. Новгородцев заставляют жить по московским правилам // Экономика и время, С.-Петербург, 15 июля 2002 г.; Томмингас Т. Бизнесмены волнуются, ЦБ негодует // Новгородские ведомости, 27 июня 2003 г. С. 3; Сообщение пресс-центра новгородской администрации за 19 февраля 2004 г. <http://niac.natm.ru>.

Рис. 2.3. Годовой объем прямых иностранных инвестиций в Новгородскую область, 1993–2003 гг., млн долларов США

страхования и занятости, составляя практически половину общих сборов, позволили региону выплачивать пенсии и социальные пособия без задержек<sup>68</sup>. По местным оценкам, на каждый доллар, потерянный региональным бюджетом в результате отсрочки налогов, от прямых иностранных инвестиций он получил три доллара<sup>69</sup>.

К этому следует добавить: предприятия часто вкладывают дополнительные средства. В г. Чудове, например, где была построена фабрика «Кэдбери Швепс», эта компания вложила более 3 млн долларов в реконструкцию городских систем канализации и очистки сточных вод и построила новое пожарное депо<sup>70</sup>. Эта комбинация реальных денег, поступающих в местный бюджет (вместо бартерных расчетов), и высоких заработков, с которых можно собирать налоги, привела к необыкновенно высокой степени монетизации региональной экономики, резко отличающейся от виртуальной экономики, которой ха-

<sup>68</sup> В новый год с новыми законами // Новгородские ведомости. 2002. 20 декабря.

<sup>69</sup> Тимофеева Л. Что русскому хорошо, то немцу хорошо тоже // Время-МН. 2003. 20 февраля.

<sup>70</sup> Сенатова О., Якурин А. Экономическое и политическое развитие Новгородской области. С. 18.



Таблица 2.3

**Приток ПИИ в переходные экономики  
Центральной и Восточной Европы, 1996–2000 гг.  
(среднегодовые показатели, млн долларов США)**

Страна	Объем ПИИ, млн долларов	Долларов на душу населения
1. Чехия	3,463	337
2. Эстония	310	214
3. Венгрия	2,029	201
4. Хорватия	882	196
5. Польша	6,528	169
6. Латвия	403	164
7. Словакия	699	129
<b>8. Новгород</b>	<b>92</b>	<b>128</b>
9. Словения	236	119
10. Азербайджан	681	86
11. Казахстан	1,289	86
12. Болгария	594	74
.....		
18. Россия	3,246	22

Источники: Foreign Investment Boom in Transition Economies Will Withstand Global Slowdown: A New Report by the Economist Intelligence Unit. Transition Newsletter, 24 April 2002. <http://www.worldbank.org/transitionnewsletter/octnovdec01/pgs52-54.htm>; Подопригора В.Н. и др. Лидер с Севера — технология успеха // Великий Новгород: МНОУ «Диалог», 2000. С. 9; Хорошухин С. Новгородская область — географическое положение // Промышленность Новгородской области, 2002 // Великий Новгород: Компас — Норд-Вест. 2002. С. 47–53.

рактировалась Россия конца 1990-х годов. В то время как большинство регионов получали местные налоги в виде бартера или заменителей денег, три четверти налоговых сборов в Новгородской области составляли наличные деньги<sup>71</sup>.

Местное самоуправление и ПИИ работали в тандеме. Поскольку иностранные инвесторы стремились иметь правовые гарантии, для

<sup>71</sup> Рассматривая данные за 1996 г., А. Ослунд обнаружил, что региональные власти получали более 60% налогов в виде таких заменителей наличных денег. Для местных и районных властей эта цифра составляла 43%. См.: Anders Aslund. Russia's Virtual Economy: A Comment. Post-Soviet Geography and Economics. 1999. Vol. 40. №2. P. 100. В Новгороде, однако, картина на 1996 г. была принципиально иной. Денежные поступления составляли 74,9% общего объема налогов, а заменители — лишь 25,1%. Восемьдесят процентов местной налогооблагаемой базы формировались предприятиями с иностранными инвестициями. Данные получены от И.В. Верховоданова, главного консультанта председателя Новгородской областной думы // Великий Новгород, 1999. 24 мая.

думы стало императивом принятие поддерживающего инвестиции законодательства. Однако до того следовало избрать необходимые властные институты, включая саму думу. Для региональных властей это был серьезный стимул к систематической работе по распределению полномочий между всеми уровнями управления, включая местное самоуправление. Таким образом, необходимость совершенствования законодательства о предпринимательской деятельности послужила толчком к более согласованным действиям по изданию местных законов о самоуправлении, к усилению подотчетности районов и повышению прозрачности бюджетного процесса<sup>72</sup>.

Смелая стратегия администрации дала примечательный результат — постепенное ослабление зависимости региона от московских дотаций — и одновременно позволила инвестировать в местную промышленность, продолжать децентрализацию и увеличивать социальное благосостояние; регион обрел некоторую свободу в определении бюджетных приоритетов и возможность поддерживать строительство регионального онкологического центра, содействовать в восстановлении церквей и монастырей области и даже финансировать собственные «офшорные» инвестиционные зоны в депрессивных районах Новгородской области<sup>73</sup>. Все это послужило для местной элиты достаточно убедительным доводом в пользу того, что независимость от Москвы не только желательна, но и осуществима<sup>74</sup>.

*АО «Новгород»: как ПИИ изменили поведение элит*

С самого начала стратегия местных властей была направлена на создание в регионе благоприятного климата для предпринимательства, поскольку без такого климата даже самое благоприятное законодательство не будет действовать. Успех можно было обеспечить, как выразился бывший заместитель мэра Новгорода Кибина, только

<sup>72</sup> Беседа с В.И. Трофимовым, первым заместителем губернатора Новгородской области // Великий Новгород, 1997. 10 апреля; Гайнутдинов Р.И., Гайнутдинова Л.А. Муниципальная служба. С. 14.

<sup>73</sup> Для привлечения ПИИ в депрессивные районы Новгород предлагал гарантированные отсрочки не только местных налогов, но также федеральной части платежей во внебюджетные фонды. Они компенсировались из регионального фонда поддержки инвестиций. См.: Рохус, Золн. Развитие механизмов. С. 87; Концепция социально-экономического развития области на 2002 год (Утверждена областным законом №13-03 от 27 декабря 2001 г.).

<sup>74</sup> Колотнича О. Новгородчина может и будет сама себя кормить // Новгородские ведомости. 2000. 14 июня; Генерозов И. Новгород не хочет зависеть // Эксперт: Северо-Запад, 2001. 1 октября.

если новгородские чиновники поймут, что власти должны не только работать с бизнесом, а работать как бизнес<sup>75</sup>.

Другие ведущие руководители повторяют эту мысль. Бывший мэр Новгорода Александр Корсунов пояснял: «Мы считаем, что предприятие, которое не в состоянии стабильно повышать заработную плату, не имеет права на существование. Оно рано или поздно заглухнет, умрет... Так, может, не стоит тянуть, а набраться мужества и пойти на банкротство? И на оставшейся базе создавать жизнеспособные предприятия? Так мы ставим вопрос»<sup>76</sup>. Вице-губернатор Скибарь заявил своим подчиненным, что иностранные инвесторы не обязаны учиться говорить на местном языке — это местные чиновники должны учиться говорить на их языке<sup>77</sup>. На пике недовольства России политикой НАТО в связи с бомбардировками Югославии Прусак обобщил, чем Новгород отличается от других регионов: «Коммунистический лозунг “Сегодня Югославия — завтра Россия” не имеет здесь последователей. Люди думают про себя: “Почему НАТО должно направлять свои ракеты на Новгородскую область, когда сюда вложено так много иностранного капитала?” Экономика гораздо убедительнее антизападной пропаганды»<sup>78</sup>.

Это необычное отношение объясняется выдающейся ролью предпринимателей в местной политике. В участии предпринимателей в политике для России нет ничего необычного, однако в Новгороде их роль заметна не только за кулисами, но и на сцене — роль публичных законодателей<sup>79</sup>. В областной думе последнего созыва, избранной в 2001 г., предпринимателей даже больше, чем глав районов. Тесное переплетение политических и экономических интересов предполагает появление консенсуса элит, который и назван мной АО «Новгород».

<sup>75</sup> Kibina I. Federalism in the Russian Federation. Report prepared for the law firm Steptoe & Johnson in Washington, D.C. Summer 1999. P. 24–26 (личная копия).

<sup>76</sup> Еремин В. Кадры снова решают все. С. 25–26.

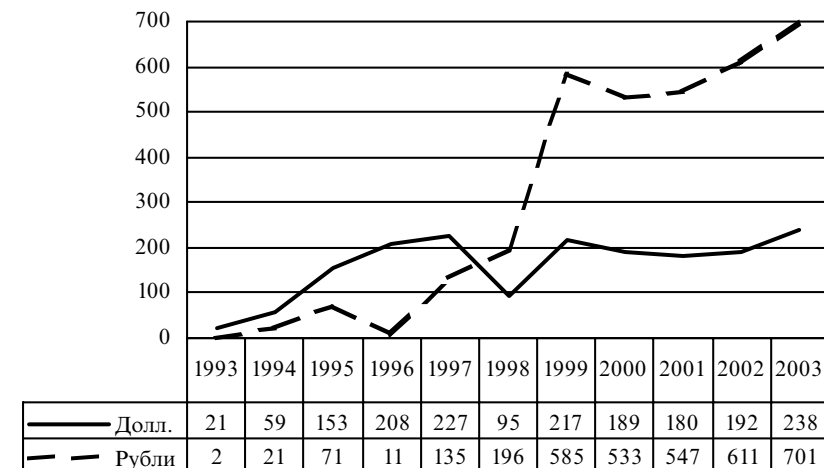
<sup>77</sup> Еремин В. Зонтик для инвестора. С. 8.

<sup>78</sup> Прусак М. «Входите, сэр, герр, месье, синьор!» // Новгородские ведомости. Май 25, 1999.

<sup>79</sup> По словам губернатора Прусак: «Я могу представить областной думе любое экономическое решение только в том случае, если оно одобрено региональной Ассоциацией товаропроизводителей либо Ассоциацией предприятий малого бизнеса, когда речь идет об их интересах... Кроме того, в самой думе значительную часть мест занимают предприниматели. Таким образом, бизнес непосредственно участвует как в подготовке решений, так и в их утверждении.»

Наряду с сильным стремлением к местной автономии АО «Новгород» характеризуется высоким уровнем корпоративной благотворительности. О необычайной социальной солидарности свидетельствует то, что регион с 1992 г. проводит регулярные телевизионные сборы средств для нуждающихся (рис. 2.4). В последние годы общий объем пожертвований достиг почти 200 тыс. долларов, причем свой взнос сделал почти каждый 35-й новгородец. Основные средства, тем не менее, поступили примерно от 900 новгородских предприятий, которые в дополнение к этому выделяют на различные цели региона 2 млн долларов ежегодно<sup>80</sup>.

Такое частногосударственное партнерство считается местными лидерами моделью. По оценке администрации, почти две трети средств для поддержки нуждающихся поступает из частных источников, а остальное примерно поровну распределяется между районным и региональным бюджетами<sup>81</sup>. Губернатор любит подчеркивать, что ре-



Источники: Письмо А.В. Дубоносова, председателя Комитета по труду и социальной защите населения Новгородской области А.В. Жуковскому, 30 мая 2002 г. (№01-717/05); «Сообщение пресс-центра за 23 января 2003 г. в 13:10».

Рис. 2.4. Ежегодные пожертвования в рамках благотворительного рождественского марафона, 1993–2003 гг.

<sup>80</sup> Вечерние новости на Новгородском общественном телевидении, канал ТВС, 9 апреля 2002 г.

<sup>81</sup> Сообщение пресс-центра Новгородской администрации за 12 марта 2002 г.

шение проблем на уровне местных сообществ и их силами повышает эффективность распределения средств и увеличивает долю общественной собственности в государственных программах<sup>82</sup>.

Еще один способ проявления социальной заинтересованности местных элит — расширение выдачи микрокредитов. По предложению лидеров местного бизнеса областная администрация создала «Губернское кредитное содружество» — некоммерческую организацию, поддерживающую около полудюжины кредитных ассоциаций гарантиями со стороны областной администрации. Этот кооператив выделяет кредиты местным предпринимателям со ставкой рефинансирования на 10% меньше коммерческой и проводит специальные акции по привлечению новых членов, тех, кто живет на небольшие доходы или фиксированную пенсию. В 2002 г. количество участников таких кредитных кооперативов увеличилось более чем на треть<sup>83</sup>.

Как и любая хорошая компания, АО «Новгород» уделяет значительное внимание инновациям. Например, в 1998 г. городская администрация Новгорода шокировала московские власти, запросив разрешения оплачивать обучение своих служащих из городского бюджета. Город доказывал, что такое обучение можно лучше и дешевле проводить в Новгороде<sup>84</sup>. Несмотря на то что продажа земли иностранцам продолжает вызывать споры в России, в Новгороде продажа земли инвесторам, строящим свои предприятия с нуля, была распространённой практикой в течение ряда лет благодаря раннему завершению работы над региональным земельным кадастром<sup>85</sup>. В 2000 — первой половине 2001 г. более 600 тыс. м<sup>2</sup> земли были проданы инвесторам<sup>86</sup>.

Администрация призвана помогать деловым людям. Акцент на развитие малого бизнеса проявляется в драматическом и неравномерном, но росте количества населения, занятого в малом бизнесе<sup>87</sup>. В этой сфере сегодня около 20% трудоспособного населения, они формируют почти четверть бюджета области<sup>88</sup>.

<sup>82</sup> Прусак М.М. Местное самоуправление. С. 11–12.

<sup>83</sup> Сообщение пресс-центра новгородской администрации за 16 октября 2002 г.; Концепция социально-экономического развития области на 2002 год.

<sup>84</sup> Шевлягина С., Маринина М. Ветер перемен на ниве профессии // Новгород. 2001. 7 июня.

<sup>85</sup> Кузнецова О. Новгородская и Псковская области: экономические и политические факторы развития // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 151–152.

<sup>86</sup> Новгород распродает собственность // Деловой Петербург. 2001. 20 июля.

<sup>87</sup> Новгородская областная дума / Под ред. С. Иванова. С. 69.

<sup>88</sup> Мальков Е. Стратегия развития // Новгородские ведомости. 2000. 29 декабря.

В то время как на остальной части страны идут горячие дебаты о том, как далеко должна пойти жилищная реформа, Новгород создал свою собственную программу реорганизации управления жилым фондом, в результате чего те, кто ранее непосредственно управлял им, являются посредниками между потребителями и поставщиками услуг, которых нанимают на тендерной основе. Это, наряду с пятиступенчатой тарифной системой, основанной на размере жилплощади, привело к снижению на 13% управленческих затрат и дополнительной экономии расходов на ремонт на 2–3,5% ежегодно<sup>89</sup>. С 1995 по 2001 г. себестоимость жилищно-коммунальных услуг снизилась на две трети, а нагрузка на местные бюджеты — в три раза. Сэкономленные средства были частично направлены на помощь нуждающимся семьям, а также финансирование социальных норм, т.е. субсидии семьям, расходы которых на услуги ЖКХ превышают 17% их общего дохода.

На сегодня властям Новгорода удается удерживать общую стоимость таких услуг на уровне 50% — самом низком в Северо-Западном регионе, и они надеются, что он не превысит 70% до 2004 г. включительно, невзирая на 90% — норму, установленную федеральным правительством<sup>90</sup>. Это также позволило региону провести ряд интересных экспериментов. В 2001 г., например, Великий Новгород утвердил схему, в соответствии с которой лица старше 65 лет могут передать право собственности на свою квартиру городу в обмен на пожизненную ежемесячную оплату. Город также начал предоставлять ссуды на оплату в размере до 20% от стоимости нового жилья сроком на 10 лет под 8% в год<sup>91</sup>.

<sup>89</sup> А. Шамузафаров о реформе коммунального хозяйства. Интервью с Никитой Кириченко по российскому национальному телеканалу РТР в программе «Национальный доход» (26 мая 2001 г.). Транскрипт имеется на веб-сайте администрации Новгородской области: <<http://niac.telecom.nov.ru/>> (доступ 30 мая 2001 г.).

<sup>90</sup> Трояновский В. Реформа ЖКХ по-новгородски. ИТАР-ТАСС 12 июля 2001 г. Жилищно-коммунальные расходы региона все еще велики — 22% консолидированного бюджета за 2000 г. Однако это, видимо, в меньшей степени вызвано ростом затрат, чем решением администрации предоставлять больше субсидий и выделять вдвое больше денег на подготовку к зиме. Дополнительные услуги в ЖКХ (Новгород. 2000. 18 июля). Эта ситуация принципиально отличается от ситуации в регионах, которые всерьез еще не занялись вопросами жилищно-коммунальной реформы. Для сравнения см.: Стоимость ЖКУ и их оплата населением (на окт.) // Экономика и жизнь. 2000. 18 декабря.

<sup>91</sup> Веткин С. Позвольте вам выйти вон! // Новгородские ведомости. 2001. 24 января; Это новое слово — «ипотека» // Новгород. 2000. 6 июля.

Неудивительно, что Новгородская область была выбрана в качестве площадки для многочисленных федеральных и международных инициатив. За последние четыре года такие программы включали: пилотную программу противодействия детской бездомности путем поддержки приемных семей, программу антикризисного управления, финансировавшуюся Европейским союзом, российско-датскую программу по сбору и переработке промышленных отходов, программу поддержки экологически безопасной модернизации жилищно-коммунальной системы, финскую программу совершенствования утилизации отходов, несколько шведских инициатив по демократизации самоуправления на местном уровне и первый в России региональный семинар для молодых политических лидеров, финансировавшийся голландским Фондом им. Альфреда Мозера<sup>92</sup>.

С 1998 по 2000 г. регион также являлся пилотным для финансируемой США региональной инвестиционной инициативы. Хотя в привлечении в регион американских инвесторов программа достигла скромных успехов, внутренняя оценка выделила ключевые различия в отношении элит в Новгородской и других пилотных областях — Самарской, Хабаровской и Сахалинской: «Стратегия развития области основана не на сиюминутных выгодах или нынешнем размере «пирога», но скорее на скорости роста этого «пирога». Они готовы терпеливо ждать долгосрочных будущих выгод. Прочие регионы... все еще сосредоточены на дележе пирога в его сегодняшнем виде... Новгород — явная история успеха, в особенности значимая, поскольку это история о том, чего регион без природных ресурсов, стратегического положения или значительной производственной базы может достичь благодаря воле, компетентности и саморекламе»<sup>93</sup>.

<sup>92</sup> Трояновский В. Новгородская область стала пилотным регионом в стране по реализации новой модели приемной семьи. ИТАР-ТАСС (7 октября 2000 г.); Санкт-Петербург: в Новгородской области завершился пятый этап российско-датского экспериментального проекта по сбору и переработке бытового и промышленного мусора. РИА Росбизнесконсалтинг (29 августа 2000 г.); Генерозова Ю. НЕФКО профинансирует модернизацию ЖКХ Новгорода // Деловой Петербург. 2001. 2 ноября; Сообщение пресс-центра новгородской администрации за 1 января 2002 г. и 10 декабря 2001 г.; Операция «Чистый воздух» // Аккумулятор новостей. 2001. 28 апреля; Мальков Е. Молодым везде у нас дорога // Новгородские ведомости. 2002. 19 февраля; *Sergounin A.* The external Relations of the Novgorod region of the Russian Federation // Kiel Peace Research Series (SCHIFF) 1999. № 60. Опубликовано: Kiel Peace Research Institute, Kiel, Germany. P. 17–19.

<sup>93</sup> *Capozzola C.* Assessment of Regional Investment Initiative in Russia: Summary Report-March 1999. Prepared for the U.S. Department of State (личная копия).

Эффект ПИИ, по-видимому, изменил модели поведения на нескольких различных уровнях. Недавнее исследование показывает, что рабочие на новгородских предприятиях с иностранными инвестициями трудятся *в семь раз* производительнее, чем те, кто работает на чисто отечественных<sup>94</sup>.

Руководители государственных органов управления гордятся не только своей готовностью работать с иностранцами, но и способностью предвосхищать их нужды<sup>95</sup>. Иностранные предприятия, работающие в Новгороде, имеют даже собственную торговую палату, которая может рассматривать и комментировать законы, вносимые на рассмотрение в областную думу. В целом десятилетие работы по обеспечению деятельности иностранных инвесторов научило новгородскую элиту считать себя конкурентоспособной на мировом рынке.

#### *Адаптация населения к ПИИ и экономической реформе*

Предложение открыть Новгород для прямых иностранных инвесторов впервые появилось в 1989 г. и столкнулось с сильным сопротивлением<sup>96</sup>. Однако по мере того как эта инновационная стратегия начала ощутимо влиять на улучшение жизни, начальные колебания уступили место прочной поддержке. Иностранные инвестиции способствовали устранению задержек пенсий и заработной платы работникам государственного сектора и, совсем недавно, даже выплат государственных дотаций семьям с детьми.

Одной из наиболее поразительных вещей в Новгороде является численность среднего класса. Как правило, в российском регионе такого типа около четверти населения может считаться средним классом<sup>97</sup>. Официально только в Великом Новгороде в 2001 г. заработная плата 18 600 работающих составляла около 9 тыс. рублей или более 300 долларов США в месяц. Эту цифру следует считать минимальной с точки зрения реальных доходов семей, поскольку сюда не входят зарплаты работников отечественных предприятий (на одном из крупнейших, «Акроне», где заняты более 5 тыс. человек, *средний* зарабо-

<sup>94</sup> Городская дума (4 апреля 2002).

<sup>95</sup> *Еремин В.* Кадры снова решают все. С. 25–26.

<sup>96</sup> *Кибина И.* Федерализм в Российской Федерации. С. 5.

<sup>97</sup> *Jack A.* The power behind Russia's top 100: Korkunov's sweet success // Financial Times, U.K. 2003. April 2; *Melkova V.* Russian middle class hits 25% // Russia Journal. 3–9 February 2001. Цит. по: Johnson's Russia List №5072. Адрес он-лайн: <<http://www.cdi.org/russia/johnson/>> (доступ 2 июня 2001 г.).



ток составлял 250 долларов в месяц), не учитываются дополнительные источники дохода в семьях и неучтенные прибавки к заработной плате, которые, по оценке большинства, составляют 40% от реальных заработков — цифру, подтверждаемую местными налоговыми органами<sup>98</sup>. Даже эти, без сомнения, сильно заниженные официальные данные говорят о постоянном доходе на уровне среднего класса у четверти семей города.

Косвенные признаки существования значительной группы населения с существенными дискреционными доходами можно увидеть в том, что в Великом Новгороде было выдано более 50 тыс. кредитных карт VISA и Mastercard — по одной на четырех жителей. В то время как в целом по России автомобили имеют примерно 40% семей, в городе эта цифра приближается к 100%<sup>99</sup>. Интересно отметить в этой связи, что первый в России автосалон бывших в употреблении автомобилей «Мерседес-Бенц» открыт в Великом Новгороде<sup>100</sup>.

Но, хотя мы и можем утверждать, что средний класс и богатые вместе составляют не менее трети городского населения региона, на другом полюсе находятся хронически бедные; по данным официальных лиц, их не менее 35% населения (рис. 2.5). Вместе с тем этот процент, возможно, значительно преувеличен.

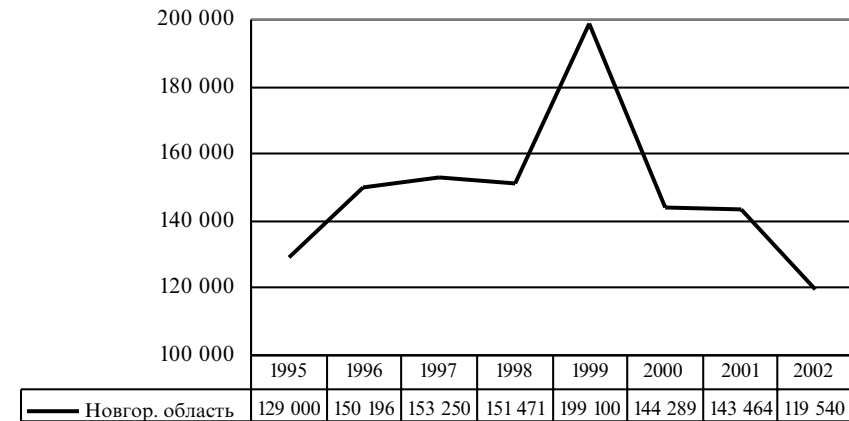
Во-первых, он не учитывает того, что почти две трети новгородцев имеют приусадебные участки, что позволяет экономить на продуктах питания. Во-вторых, многие пенсионеры дополняют свои пенсии случайными заработками, о которых они не отчитываются. Наконец, не принимается во внимание множество субсидий, которыми люди пользуются в повседневной жизни (транспорт, жилье, обучение). По некоторым оценкам, средства социальной помощи, доходы от приусадебных участков и доходы по банковским депозитам добавляют еще 50–60% к официальному доходу населения<sup>101</sup>.

<sup>98</sup> Городская дума (4 апреля 2002); *Еремин В.* Столп областного бюджета. Российская Федерация сегодня: Спец. вып. «Молодость древнего Новгорода». 2002. Январь. С. 9; *Смирнова А.* Время отчитаться о доходах // Новгород. 2003. 23 января.

<sup>99</sup> *Генерозова Ю.* Пластик осваивает платежи за электроэнергию // Деловой Петербург. 2003. 26 мая. Цифра по автомобилям в Новгороде приводится мэром и цитируется в ст.: *Мальков Е.* Прусак М.: Мы слишком долго шли на компромисс // Новгородские ведомости. 2003. 14 февраля. Цифра в целом по России приводится в ст.: *Куликова М.* Быть несчастливым некрасиво // Огонек. 2002. №26, адрес он-лайн: <http://www.gornet.ru/ogonyok/win/200226/26-14-16.html> (доступ 12 марта 2003 г.).

<sup>100</sup> *Семенова О.* Экономика Новгорода — столица «Мерседесов»? // Новгородские ведомости. 2000. 16 августа.

<sup>101</sup> Краткое обоснование стратегии финансирования природоохранных мероприятий в Новгородской области: на утверждение администрации Новгородской области. Отчет, под-



Источник: Информация получена из письма А.В. Дубоносова, председателя Комитета по труду и социальной защите населения Новгородской области, к А.В. Жуковскому, 30 мая 2002 г. (№01-717/05). В письме даны следующие цифры: 2000 г. — 298 677; 2001 г. — 264 266; 2002 г. — 253 827.

В.Т. Дмитриева, которая подготовила данные цифры по просьбе Дубоносова, однако, отметила, что методология расчета количества живущих ниже уровня бедности с 2000 г. изменилась, отражая не число лиц, обратившихся за помощью, а число лиц, потенциально имеющих право на получение помощи. Благодаря помощи Галины Руженцевой (письмо от 6 ноября 2003 г.) я смог получить данные о тех, кто в действительности обращался за помощью. Применение такой методологии показывает совершенно другую тенденцию: 2000 г. — 144 289; 2001 г. — 143 464; 2002 г. — 119 540.

Рис. 2.5. Численность населения Новгородской области, живущего за чертой бедности, 1995–2002 гг.

Недавнее исследование поведения потребителей в России позволяет усомниться, что положение многих россиян действительно такое тяжелое, как это изображается в популярной прессе. Как заметил Петер Одлонд, менеджер московского филиала компании «Икеа», столкнувшись с тем, что средний московский покупатель тратит примерно столько же, сколько и шведский, зарабатывая в 5–6 раз мень-

готовленный Датским агентством по охране окружающей среды и Датской программой сотрудничества в области охраны окружающей среды в Восточной Европе (2000). Адрес он-лайн: веб-страница Датского АОС: [http://www.mst.dk/inter/pdf/Short%20justification%20of%20the%20Novgorod%20environ-mental%20financi\\_uk.pdf](http://www.mst.dk/inter/pdf/Short%20justification%20of%20the%20Novgorod%20environ-mental%20financi_uk.pdf) (доступ 5 мая 2003 г.). С. 9–10; *Кудряшова С., Шалмуев А.* Добиться успеха можно только командой // Новгородские ведомости. 2002. 4 декабря.

ше: «Мы перестали смотреть на статистику, мы полагаемся на реальность»<sup>102</sup>.

Можно лишь заключить, что теневая хозяйственная деятельность имеет место гораздо большее, чем это отражено в официальной статистике. В Великом Новгороде мэр недавно указал на то, что 47% работающего населения декларируют доходы ниже 1500 рублей в месяц. Зато в двух крупнейших секторах экономики, муниципальных/региональных организациях и органах управления (бюджетники), средний заработок превышает соответственно 4000 и 3500 рублей. Единственно возможное объяснение такого разрыва, говорит он, — значительное занижение людьми своих доходов<sup>103</sup>. Это объяснение справедливо и для следующего парадокса: в то время как местная статистика показывает, что ряды бедных пополняются, число граждан, обращающихся за помощью в центры социальной адаптации, падает, и, по опросам, широко распространено ощущение личного экономического благосостояния и оптимизма в отношении будущего.

Вместе с тем еще одна причина лежит в извращенной системе стимулирования, созданной федеральным правительством, наказывающим регионы за то, что они демонстрируют рост своего благосостояния. Новгородские чиновники отмечают, что в 1994 г. как Новгород, так и Псков получали 1,5 млрд рублей в виде федеральных субсидий. В 2001 г. Псков получил 1,6 млрд, а Новгороду «в награду» за его эффективность сократили субсидии до 318 млн рублей<sup>104</sup>. С учетом того, как выгодно создавать видимость обездоленных, завышение уровня бедности населения представляется привлекательной для местных чиновников стратегией выживания<sup>105</sup>.

<sup>102</sup> *Aslund A.* The Myth of Output Collapse After Communism // Working Papers. March 2001. №18, the Carnegie Endowment for International Peace, Washington, D.C.; *Aslund A.* Think Again // Foreign Policy. July/August 2001. Адрес он-лайн: [http://www.foreignpolicy.com/issue\\_julyaug\\_2001/Tajulyaug.html](http://www.foreignpolicy.com/issue_julyaug_2001/Tajulyaug.html) (доступ 5 июля 2001 г.). *Cottrell R.* The mega-mall comes to Moscow // Financial Times. 26 April 2002 г. Адрес он-лайн: <http://globalarchive.ft.com/globalarchive/article.html?id=020426001433&query=russia> (доступ 29 апреля 2002 г.).

<sup>103</sup> *Дубовский В.* Год финансовых забот // Новгород. 2002. 25 апреля. С. 3.

<sup>104</sup> Кто лучше работает, тот должен лучше жить // Новгородские ведомости. 2001. 28 декабря.

<sup>105</sup> По словам бывшего мэра Новгорода А. Корсунова, в 2002 г. город перечислил 82% своих финансовых поступлений федеральному правительству. Председатель регионального комитета финансов Е. Солдатов утверждает, что если бы Министерство финансов не меняло правило игры на промежуточном этапе, Новгородский бюджет получил бы прибыль в 2002 г. в 18%, вместо дефицита в 15%. См.: *Шинцов И.* Бюджету присваивается звание «народного» // Новгородские ведомости. 19 April 2002.

Хотя по западным стандартам назвать новгородцев преуспевающими было бы натяжкой, все же регион успешнее, чем его соседи, предотвращает рост бедности, в то же время поощряя местных предпринимателей. Большинству регионов удалось или первое, или второе, Новгород же достиг и того и другого.

В результате у населения выработалась определенная уверенность в способности администрации уберечь местную экономику от бурь, захлестывающих другие регионы, что, в свою очередь, вылилось в общественную поддержку инициатив, вызывающих противоречия в других регионах. Все это позволяет предположить, что общественное мнение все больше формируется под влиянием экономической стабильности и предсказуемости, явившихся результатом прямых иностранных инвестиций.

Местные чиновники склонны подчеркивать, что акцент региона на создание сильного среднего класса при одновременных попытках избежать избыточного богатства или бедности на самом деле является новгородской традицией, уходящей корнями в средние века<sup>106</sup>. Приток прямых иностранных инвестиций, говорят они, лишь позволяет следовать такой традиции.

## Добровольные ассоциации

### Политика открытых дверей

Зрелая демократия уже давно ассоциируется с существованием большого числа добровольных ассоциаций и активным участием в них. Причина, видимо, состоит в том, что добровольная деятельность рассматривается как составляющая гражданского общества — понятия, включающего не только работу добровольных ассоциаций, но и функционирование независимого местного самоуправления, самоуправление рабочих, ассоциации собственников жилья и «большое разнообразие клубов и групп»<sup>107</sup>. При оценке гражданского общества в Новгородской области мы рассмотрим институционализацию новых

<sup>106</sup> Интервью Н. Сванидзе с М. Прусаком по российскому национальному телеканалу РТР в программе «Зеркало» (27 февраля 2000 г.). Транскрипт имеется на веб-странице администрации Новгородской области: <http://niac.telecom.nov.ru/> (доступ 30 мая 2000 г.).

<sup>107</sup> *Robert D. Putnam, making Democracy Work.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. P. 175.

взаимоотношений между властью и гражданскими ассоциациями, отношение к этому новому явлению элиты, а также число и характер местных добровольных ассоциаций.

Зарождение необычного социального согласия в Новгороде возвращает нас в 1990-е годы. В тот период громадных социальных и экономических потрясений перед лидерами бизнеса и трудовых организаций Новгорода встала проблема преодоления дальнейшей эрозии авторитета и эффективности соответствующих институтов. На одном краю находилось руководство местной организации Коммунистической партии, противостоящее переменам. На другом — несколько новых политических ассоциаций, сформированных местной интеллигенцией. Многие их представители были убежденными антикоммунистами и считали любые рабочие отношения с бывшими коммунистическими руководителями компромиссом, несовместимым со своими политическими принципами. Новой администрации было необходимо найти тех, кто был готов работать с новыми органами власти невзирая на идеологию. Так появилась политика открытых дверей.

Политика открытых дверей означала привлечение любых групп или заинтересованных граждан, готовых работать вместе с властями для общего блага. Наряду с надеждой на то, что сотрудничество с гражданами повысит доверие у народа, администрация рассчитывала и на более краткосрочные выгоды. Это позволило бы ей, во-первых, выявить новые предложения относительно выхода из экономического кризиса, во-вторых, зондировать почву для инноваций и исследовать глубину массовых настроений за или против новых инициатив. Наконец, привлекая деятелей общественных движений и бизнеса к процессу формулирования политики, администрация тем самым привлекала значимых сторонников. Как выразился бывший вице-губернатор Валерий Трофимов: «Было бы странно услышать от кого-либо из новгородских предпринимателей, что они недовольны региональным экономическим законодательством — сами они это законодательство и верстают»<sup>108</sup>.

Наиболее ощутимым результатом политики открытых дверей стала работа региональной Общественной палаты. Здесь представители зарегистрированных общественных организаций ежемесячно участвовали в рассмотрении законодательства, выносимого на утверждение

<sup>108</sup> Жованник В. Ненужный прогресс: Уникальный опыт Новгорода федеральные власти не интересуют // Эксперт. 2000. №29(22).

Думой, предлагали поправки и альтернативы. Формально Общественная палата была создана руководством региона 29 августа 1994 г. как общественный форум, где представлены «все силы общества, заинтересованные в бескризисном развитии, поиске взаимоприемлемых решений и их своевременной коррекции»<sup>109</sup>. Новгород, таким образом, стал одним из первых в России регионов, внявших призыву Ельцина к созданию региональных органов по образцу его собственной Общественной палаты при президенте, учрежденной в феврале 1994 г. В отличие от других регионов в Новгороде Общественная палата поддерживалась как исполнительной, так и законодательной властью, предоставляя своим членам равный доступ к исполнительной и законодательной ветвям власти. В результате, в отличие от многих других общественных палат, носящих преимущественно церемониальный характер, новгородская стала неотъемлемой частью демократического процесса. До рассмотрения на пленарном заседании Думы законодательство *должно* быть рассмотрено Общественной палатой. Таким образом, она неофициально играет роль нижней палаты парламента. Несмотря на то что ее рекомендации не являются обязательными, для администрации чрезвычайно важно, чтобы Общественная палата считалась влиятельным органом, поэтому ее заседания проводят губернатор или председатель областной думы. Один раз в месяц они должны публично реагировать на критику со стороны различных общественных организаций — практика, не встречающаяся ни в каком другом регионе России<sup>110</sup>.

Любая зарегистрированная общественная организация может присоединиться к Общественной палате и направлять своего делегата на ее ежемесячные заседания. Законопроекты, стоящие на повестке дня областной думы, могут распределяться между участниками не позднее чем за пять дней перед заседанием. Несмотря на то что предварительную повестку дня устанавливает председатель, члены могут изменить ее простым большинством голосов. Для поощрения публичной дискуссии любое мнение меньшинства, поддержанное по крайней мере одной третью присутствующих членов, вносится в протокол, все об-

<sup>109</sup> Ст. 2.1 Положения об областной общественной палате (29 августа 1994 г.), полученного от И. Верходанова, консультанта председателя Новгородской областной думы (личная копия).

<sup>110</sup> Berger R. Das Wirtschaftswunder von Nowgorod // Tages-Anzeiger, Zurich. 2000. Адрес он-лайн: <<http://tages-anzeiger.ch/ta/genArtikel?ArtId=21899>> (доступ 8 января 2001 г.).

сужденные вопросы и принятые решения освещаются СМИ<sup>111</sup>. Обычно на заседаниях присутствуют 40–45 человек, представляющих такое же число общественных организаций. На посещенных мной заседаниях около четверти участников были моложе 35 лет, одна треть — пенсионеры, не менее четырех пятых — мужчины. Заседания обычно продолжаются 3–4 часа.

Общественная палата в равной степени создана и для снятия социальной напряженности, и для влияния на политику. Во время выборов 1999 г., например, региональная избирательная комиссия получила несколько жалоб на то, что губернатор Прусак оказывал давление на прессу для продвижения своего кандидата — Геннадия Бурбулиса. Жалобы были должным образом рассмотрены на заседании Общественной палаты, где губернатор объявил, что все, кто считает, что избирательные процедуры нарушены, могут обратиться для рассмотрения дела в суд. Такой ответ не удовлетворил большинство, и палата просила председателя региональной избирательной комиссии Любовь Федорову расследовать это дело. После формального отчета и длительного периода вопросов и ответов палата была удовлетворена, однако предупредила комиссию о необходимости большего внимания к возможным нарушениям в будущем<sup>112</sup>.

В другом случае Прусак был обвинен в публикации предвыборных материалов в местной прессе. Однако избирательная комиссия выяснила, что он делал это в качестве главы местной организации политической партии «Наш дом — Россия». Губернатора, который любит давать интервью национальным средствам массовой информации, часто просят пояснить те или иные его комментарии Общественной палате. Не вся критика тем не менее направлена против власти. Иногда, как в случае с принятием областного закона о финансировании политических партий, мнения НКО резко разделяются<sup>113</sup>.

<sup>111</sup> Пункты 4, 4.7 и 7 исправленного Регламента общественной палаты, полученного от И. Верходанова, консультанта председателя Новгородской областной думы (личная копия).

<sup>112</sup> Мальков Е. Коротко обо всем, но серьезно // Новгородские ведомости. 17 ноября 1999; Митрофанова Л. Предвыборная хроника: о компроматах, публикациях, провокациях // Новгородские ведомости. 17 декабря 1999.

<sup>113</sup> В ноябре 1999 г., например, его «призвали к ответу» по обвинению в поддержке переизбрания Ельцина на третий срок (Прусак утверждает, что его неправильно процитировали). В другом случае спросили, поддержит ли он закон о частной собственности на землю, подобный принятому недавно по предложению саратовского губернатора (да, но это бессмысленно в условиях отсутствия национального законодательства). См.: Мальков Е. Коротко обо всем; Митрофанова Л. Партии не должны брать деньги у государства // Новгородские ведомости. 28 февраля 2001.

Стратегия инициирования консультаций с общественными организациями показала себя успешной на нескольких уровнях. Прежде всего, поскольку администрация серьезно относится к этому органу и поручила ему важную задачу рассмотрения законодательства, общественные организации также воспринимают его серьезно. Даже критики считают, что он весьма эффективно служит «связующим звеном между правящей элитой и новгородскими общественными организациями»<sup>114</sup>. К тому же проводимая администрацией политика открытых дверей оказалась эффективнее в отношении антисистемных деятелей, подобных коммунистам, чем их открытое подавление. Возникшая социальная гармония принесла как политические, так и экономические выгоды. Вице-губернатор Скибарь вспоминает, что некоторые иностранные инвесторы были обеспокоены коммунистической оппозицией, однако эффективность Общественной палаты в большой степени помогала им обрести уверенность<sup>115</sup>.

Успех Общественной палаты привел к появлению аналогичных инициатив на районном уровне. Результатом стало распространение общественных советов при различных муниципальных и районных органах власти. По словам местных гражданских активистов, такие советы стали важной составной частью двустороннего контакта между правительством и ключевыми общественными группами<sup>116</sup>.

Как и в случае с описанными выше ТОС, чиновники считают такую инициативу ценной тренировочной площадкой для граждан. В 1999 г., например, администрация Великого Новгорода провела две конференции по современным проблемам молодежи и приняла решение о создании Молодежного парламента. Чтобы способствовать улучшению понимания молодыми людьми своих прав, этот парламент получил право вносить свои пункты в повестку дня заседаний Новгородской городской думы<sup>117</sup>.

<sup>114</sup> Виницкая И. Негосударственные организации в политическом процессе в Новгородской области. CDC North-West. 8 апреля 2001. Адрес он-лайн: <[www.ngosnews.ru/djst\\_pgs/002.htm](http://www.ngosnews.ru/djst_pgs/002.htm)> (доступ 29 апреля 2002 г.); Igor' B. Alexandrov. Russia's 'Road less traveled.' Novgorod oblast today // The Jamestown Foundation Prism. 1997. 25 July. Vol. 3. Is. 12. Адрес он-лайн: <[http://www.jamestown.org/pubs/view/pri\\_003\\_012\\_004.htm](http://www.jamestown.org/pubs/view/pri_003_012_004.htm)> (доступ 4 мая 2001 г.).

<sup>115</sup> Еремин В. Зонтик для инвестора. С. 7.

<sup>116</sup> Alexandrov I. Russia's 'Road less traveled.'

<sup>117</sup> Комаров А. Мы — институты будущей власти // Новгород (4 ноября 1999 г.).



*Социальное партнерство и третий сектор*

Как мы уже увидели, концепция социального партнерства является центральной для новгородской элиты. Это явствует из первоначального соглашения, учредившего трехстороннюю комиссию, которую местная пресса часто называет просто соглашением о социальном партнерстве, и закреплено в региональном законодательстве<sup>118</sup>. Из законодательства ясно также, что соглашение было заключено для гармонизации интересов власти, профсоюзов и работодателей, при этом полностью игнорировались добровольные гражданские организации, так как их количество в то время было невелико и большинство из них не очень интересовались политикой.

Ситуация драматически изменилась к концу 1997 г., когда на Новгородскую область хлынул проливной дождь из грантов и инвестиций в виде российско-американской программы «Партнерство во имя мира»<sup>119</sup>. На следующий год 60 проектов получили около 2 млн долларов от фонда «Евразия», 30 проектов получили около 800 тыс. от Фонда Сороса; еще больше проектов финансировалось «IREX» — каждый на сумму от 60 до 150 тыс. долларов<sup>120</sup>. Благодаря увеличению финансирования почти в 15 раз практически за один день неправительственные организации превратились в силу, с которой нельзя было не считаться. По оценке Татьяны Тихомировой, консультанта Новгородского центра поддержки НКО, каждый третий представитель новгородской интеллигенции пополнял свой доход средствами западных грантов<sup>121</sup>.

Этот всплеск финансирования застал администрацию врасплох и вначале вызвал некоторые подозрения. Татьяна Щипанова, местная журналистка, тесно связанная с городской администрацией, написала статью, обвиняющую иностранные программы помощи в развитии зависимости, похожей на наркотическую, и создании сообщества людей, отличных от «нормальных россиян», — людей, которые счи-

<sup>118</sup> Областной закон о социальном партнерстве. №36-ОД. 27 января 1998 (личная копия); п. 2, §. 3 Положения о Новгородской трехсторонней комиссии.

<sup>119</sup> *Золин Р.* Деньги где-то есть, их просто не может не быть // Меценат: Новые ресурсы. Февраль 1998. №1. С. 3.

<sup>120</sup> *Щипанова Т.* На игле у западных фондов // Новгородские ведомости — Плюс. 5 февраля 1999. Еще 29 000 долларов США были получены от Информационной службы США в рамках программы Linkages (побратимство между г. Рочестером и Великим Новгородом) в 1998 г. См.: *Sergouin.* The External Relations of the Novgorod region. P. 23.

<sup>121</sup> *Щипанова Т.* Указ. соч.

тают общественную работу бизнесом и не готовы приносить жертвы во благо общества, как это делали их родители. Журналистика задается вопросом о том, какие ценности могут быть у таких людей, и обеспокоена их политическими амбициями. Увы, заключает она, вряд ли уже можно что-либо исправить. В Великом Новгороде такие люди уже стали «новой политической силой», которая может при необходимости собрать в свою поддержку десятки тысяч человек<sup>122</sup>.

Экономический и политический потенциал этой новой группы вскоре вынудил власти пересмотреть и расширить первоначальную модель социального партнерства. Например, для получения помощи НКО должны были заручиться поддержкой местных властей, а поскольку программа «Партнерство во имя мира» было частью более крупной (десятиллионной) программы «Региональная инвестиционная инициатива», предназначенной для привлечения в Новгород американских инвесторов, администрация сочла невозможным отбросить его. Таким образом, властями и НКО заключались «браки по расчету» с целью привлечения в регион средств. Однако с деньгами пришли и первые намеки на финансовую независимость, и новое чувство собственного достоинства. Как выразился один из лидеров местных НКО: «Западные деньги размагнитили людей. Люди стали более агрессивно преследовать свои цели... Власти больше не лают на нас, а встречают нас с политесом»<sup>123</sup>.

Как и в случае с ПИИ, приток финансирования НКО побудил местную элиту к поиску творческого ответа. Губернатор Прусак предложил, чтобы местные чиновники больше делали для вовлечения НКО в распределение скудных ресурсов и услуг. В комментарии на национальной конференции по местному самоуправлению в апреле 2002 г. он утверждал, что укрепление связей между властью и гражданским обществом «необратимо», и указывал на то, что гражданские организации региона уже предоставляют многие социальные услуги более эффективно, чем власти на местах<sup>124</sup>.

Под давлением со стороны губернатора и местной общественности муниципалитеты взяли на вооружение утилитарный подход к НКО,

<sup>122</sup> *Щипанова Т.* Указ. соч. P. 23.

<sup>123</sup> *Dinello N.* What's so Great about Novgorod-the-Great: Trisectoral Cooperation and Symbolic Management. June 3, 2001, contract №. 814–825 by the National Council for Eurasian and East European Research (NCEEER). Washington, D.C. P. 24.

<sup>124</sup> *Прусак М.М.* Местное самоуправление. С. 15.

подкармливая их бюджетными средствами, чтобы увидеть, действительно ли они могут, как заявляют, дополнить существующие государственные услуги. Многие из известных добровольных ассоциаций Новгорода, в особенности образующие третий, или некоммерческий, сектор общества, видимо, вполне удовлетворены таким положением. Понятие «третий сектор» относится к конкретной группе неправительственных организаций, которые «работают для решения проблем различных групп населения (дети, инвалиды, женщины и т.д.)»<sup>125</sup>. Такие группы не связаны с политикой, профсоюзной деятельностью или религией и считают себя лишь средством связи между обществом и первым сектором — властью<sup>126</sup>. Таблица 2.4 показывает рост ассоциаций в Новгородской области за пятилетний период.

Таблица 2.4

Наиболее распространенные типы добровольных ассоциаций в Новгородской области, 1997 и 2001 гг.

Тип ассоциаций в 1997 г.	Число ассоциаций	Тип ассоциаций в 2001 г.	Число ассоциаций
Профессиональные	60	Профессиональные	103
Прочие	54	Политические	77
Благотворительные	44	Благотворительные	68
Молодежные	40	Спортивные	66
Спортивные	38	Молодежные	61

Источники: Компиляция из «Перечня общественных организаций и политических партий» — списка из компьютерной базы данных, полученного от Д.Г. Завидовского (Комитет государственной службы администрации Новгородской области), 3 ноября 1998 г.; Кононович К., Наумова Е.Ю. Информационный справочник НКО: общественные объединения и некоммерческие организации (Великий Новгород и Новгородская область). Великий Новгород: Сев.-Зап. центр обществ. развития, 2001; Дубовский В. Прополка политического поля. Новгород, 2001. 29 ноября.

<sup>125</sup> Кононович К., Наумова Е.Ю. Информационный справочник НКО: общественные объединения и некоммерческие организации: (Великий Новгород и Новгородская область). Великий Новгород: Северо-Западный центр общественного развития, 2001. С. 5.

<sup>126</sup> Либоракина М., Флямер М., Якимец В. Социальное партнерство // Деньги и благотворительность. 1997. №1 (13). Адрес он-лайн: www.ngosnews.ru (доступ 29 апреля 2002). Первым сектором общества называют власть, вторым — бизнес, третьим — неправительственные организации, которые «аполитичны, не представляют собой профсоюзы или религиозные организации». См.: Кононович К., Наумова Е. Информационный справочник НКО. С. 5.

Третий сектор считает сотрудничество с властью обычным положением вещей. Если власти могут помочь НКО выполнять свой мандат, то НКО, в свою очередь, должны помогать им проводить их социальную политику. Основным требованием организаций третьего сектора является, таким образом, не независимость, а участие в выполнении социального заказа, предпочтительно через создание конкурсных процедур выбора поставщиков социальных услуг, оплачиваемых властями, но оказываемых третьим сектором<sup>127</sup>.

Эта способность найти общую социальную повестку дня, возможно, объясняет удивительно высокий рейтинг местной власти и бизнес-элит среди представителей НКО. В рамках двух исследований, одно из которых было проведено в Челябинске, Волгограде, Санкт-Петербурге и Новгороде, а другое — в Новосибирске, лидеров НКО просили оценить их взаимоотношения с властями, коммерческими организациями и СМИ по 11 различным категориям. Новгородские НКО оценили свои отношения с региональной администрацией, СМИ, коммерческими организациями и муниципалитетами наиболее позитивно<sup>128</sup>. Один из лидеров новгородских НКО высказался таким образом: «Новгородские чиновники умеют выслушать. Они не всегда принимают наши предложения, и у нас могут быть разногласия. Но грешно было бы жаловаться. Когда я говорю своим коллегам из НКО, что могу просто прийти к мэру или губернатору и сказать ему все, что хочу, они закатывают глаза от удивления»<sup>129</sup>.

Точно так же как местное самоуправление поменяло взгляды элит, делегировав принятие решений на более низкие уровни, а ПИИ заставили элиты быть восприимчивыми к запросам иностранных инвесторов, помощь Запада в области развития демократии изменила мо-

<sup>127</sup> Урмаева И. Взаимоотношения НКО и власти // Женский парламент. 2001. №7 (10); Владимир Якимец определяет социальный заказ как «задачу, поставленную властями (или их представителями), по решению важных социальных проблем или по осуществлению проекта в рамках социальной программы». См.: Якимец В. Третий сектор в регионах России: особенности развития и взаимоотношения с местной властью и бизнесом // Регионы России: взаимодействие и развитие. М: Инсайт Полиграфик, 2001. С. 130.

<sup>128</sup> Якимец В. Третий сектор в регионах России. С. 128–130; Бородкин Ф. Строится ли из созвучий единая мелодия? // Муниципальная власть. 1998. №2. С. 9. Проведя серию подробных опросов высшего руководства органов власти, деловых людей и лидеров гражданских ассоциаций как в Новгороде, так и в Пскове, Динелло обнаружила, что 69% лидеров НКО, с которыми она провела беседы в Новгороде (по сравнению с 27% в Пскове), доверяют работникам органов власти. См.: Dinello N. What's so Great about Novgorod-the-Great. P. 22.

<sup>129</sup> Dinello N. What's so Great about Novgorod-the-Great. P. 10.

дель социального партнерства, заставив новгородскую элиту принять новую социальную группу. В отличие от типичных НКО в странах Восточной Европы, редко выживающих по окончании грантового периода, анализ программ АМР США показал, что с 2001 г. в Новгороде большая часть финансовой поддержки поступает из местных источников, а не от западных спонсоров. Более того, в новгородских НКО в данный момент на постоянной основе заняты почти 300 человек. По оценкам, они выплачивают около 11 тыс. долларов в виде местных налогов<sup>130</sup>.

Расширение модели социального партнерства стало, таким образом, еще одной возможностью научить элиты ценить компромисс и социальное согласие. Следующий шаг в эволюции социального партнерства в Новгороде представляется, таким образом, достаточно очевидным: формально включить организации третьего сектора в число сторон, заключающих ежегодное соглашение о социальном партнерстве, таким образом признав их необходимость в качестве участников социального консенсуса в Новгородской области<sup>131</sup>.

Новгородская элита начинает осознавать, что можно не только контролировать социальную напряженность через поддержание тесных рабочих отношений между властью, бизнесом и профсоюзами, но уменьшать ее посредством механизмов регулярной обратной связи и политического вовлечения структур гражданского общества. В то время интерес власти здесь состоит в привлечении на свою сторону потенциальной оппозиции, долгосрочные выгоды заключаются в создании более полноценного гражданского общества — с широкой основой, готового признать легитимность существующих политических институтов.

#### *Участие населения в добровольных ассоциациях*

В начале 1989 г. в регионе уже существовало около 400 различных клубов и дискуссионных групп, хотя только 10 из них классифицировались как независимые общественно-политические организации<sup>132</sup>.

<sup>130</sup> Mendelson Sarah E., Glenn John K. Introduction: Transnational Networks and NGOs in Postcommunist Societies // Sarah E. Mendelson, John K. Glenn, eds. The Power and Limits of NGOs, ed. New York: Columbia University Press, 2002. P. 3; Дубовский В. Большое дело малого гранта // Новгород. 2003. 3 апреля.

<sup>131</sup> Первым шагом в этом направлении стала общегородская конференция всех НКО, проведенная городской администрацией Новгорода в марте 2001 г. с целью преодоления взаимных стереотипов и установления общих приоритетов. См.: Маринина М. Политика поддержки и сотрудничества // Новгород. 2001. 1 марта.

Расцветом политической активности стало образование избирательной коалиции «Вече», которая успешно провела свой список кандидатов на выборах в местные советы в 1989 г. Однако усилия по созданию более постоянной политической коалиции успехом не увенчались. На фоне такой неудачи политической деятельности на партийной основе ярко выделяется увеличение в шестнадцать раз числа добровольных ассоциаций в период с 1991 по 1996 г.<sup>133</sup> Комментируя уровень гражданской активности в регионе до начала финансирования по линии инициативы «Партнерство во имя мира», наблюдатели от фонда «Евразия» особо обращают внимание на «энергию и энтузиазм сектора НКО в Новгороде и менее крупных городах Новгородской области. Многие группы граждан, в особенности в Новгороде, уже успешно реализуют программы в таких разнообразных областях, как здоровье ребенка, права человека и ассоциации собственников жилья»<sup>134</sup>. Еще более примечательно, что в то время как аналитики наблюдают приостановку роста новых гражданских ассоциаций в России в целом, в Новгороде, как показывает рис. 2.6, их число продолжает расти (почти на 140 организаций ежегодно).

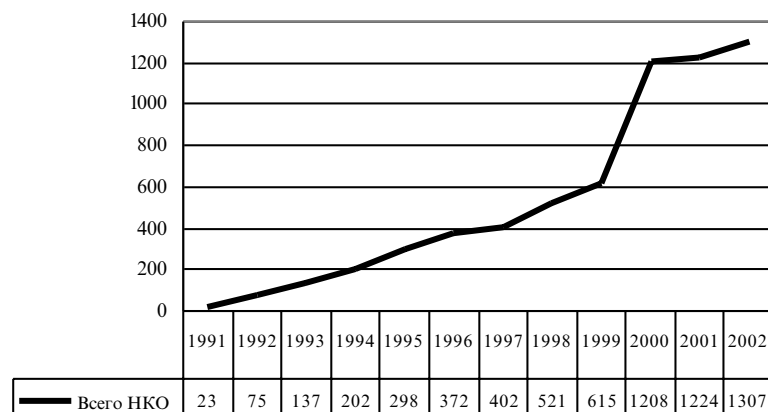
Таблица 2.5 показывает, что большинство этих организаций имеют программы, значительно отличающиеся от программ администрации. Одна из наиболее значительных организаций — «Женский парламент», созданная в 1995 г. для помощи женщинам при создании ими собственного бизнеса. Постепенно повестка дня «Женского парламента» расширилась и сегодня включает организацию семинаров и конференций по широкому ряду вопросов — от деловой активности женщин до гендерного образования в школе. В ежегодных конференциях участвуют приблизительно 150–200 женщин<sup>135</sup>.

<sup>132</sup> Аксенов В.И. Записка идеологического отдела обкома КПСС «О деятельности и направленности самодеятельных формирований в области». № 02-8 от 28 февраля 1989 г. для служебного пользования. P. 7. Имеется в Государственном архиве современной политической истории Новгородской области (Великий Новгород, ул. Десятинная, 6); Ярыш Т.Н. Связь с общественностью: восьмидесятые годы — начало диалога // Управленческое консультирование // Великий Новгород: МНОУ «Диалог». 1998. № 1. С. 42.

<sup>133</sup> Петрова С. Тенденции развития третьего сектора в регионе (на примере Новгородской области) // Управленческое консультирование. Великий Новгород: МНОУ «Диалог». 1999. № 2. С. 18–29.

<sup>134</sup> Community Involvement and NGO — Support Program. P. 12.

<sup>135</sup> Федорова В. Жизнь давать и по жизни вести // Новгородские ведомости. 2000. 26 апреля; План работы парламента в 2002 г. // Женский парламента. 2001. № 6 (9), июль. Список текущих мероприятий имеется на веб-сайте Женского парламента по адресу: www.natm.ru/womenpar.



Источники: Компиляция из «Перечня общественных организаций и политических партий» – списка из компьютерной базы данных, полученного от Д.Г. Завидовского (Комитет государственной службы администрации Новгородской области). 3 ноября 1998; Петрова С. Тенденции развития «третьего сектора» в регионе (на примере Новгородской области). Управленческое консультирование // Великий Новгород: МНОУ «Диалог». 1999. № 3. С. 18–29;

Кононович К., Наумова Е.Ю. Информационный справочник НКО: общественные объединения и некоммерческие организации: Великий Новгород и Новгородская область // Великий Новгород: Северо-Западный центр общественного развития, 2001; Сообщение пресс-центра за 20 февраля 2002 г.

Рис. 2.6. Количество гражданских и добровольных организаций, зарегистрированных в Новгородской области, 1991–2002 гг.

Недовольный темпами социальных преобразований, «Женский парламент» занялся подготовкой женщин–кандидатов на занятие политических постов. Здесь он может полагаться на женщин, занимающих заметные политические посты. В их число входят Любовь Андреева, бывший заместитель председателя областной думы, а ныне – главный федеральный инспектор по Новгородской области, Елена Солдатова, председатель Комитета финансов администрации области, а также три бывших заместителя мэра Великого Новгорода: Галина Матвеева, Ирина Кибина и Екатерина Красновидова. В целом, по оценке «Женского парламента», в регионе, насчитывающем 710 тыс. жителей, политические посты занимают 44 женщины<sup>136</sup>.

<sup>136</sup> Федорова В. Жизнь давать... Неудивительно, что с такой большой социальной и политической поддержкой многие женщины стали членами делового сообщества. В 2003 г. Женщина – директор года, выбранная из сорока регионов Национальной ассоциацией женщин-предпринимателей России, оказалась жительницей Новгорода (сообщение пресс-центра новгородской администрации за 5 марта 2003 г.).

Таблица 2.5

Наиболее быстро растущие типы добровольных ассоциаций в Новгородской области, 1997–2001 гг.

Тип ассоциаций	1997 г.	2001 г.	Среднегодовой уровень роста, %
Женские	4	22	110
Политические объединения	20	77	77
По защите прав человека/гражданина	9	34	76
Инвалидов	15	43	56
Экологические	8	22	55

Источники: Компиляция из «Перечня общественных организаций и политических партий» – списка из компьютерной базы данных, полученного от Д.Г. Завидовского (Комитет государственной службы администрации Новгородской области). 3 ноября 1998; Кононович К., Наумова Е.Ю. Информационный справочник НКО: общественные объединения и некоммерческие организации (Великий Новгород и Новгородская область) // Великий Новгород: Северо-Западный центр общественного развития, 2001; Дубовский В. Прополка политического поля. Новгород. 29 ноября 2001.

Еще одной фокусной точкой гражданской активности в регионе является Северо-Западный центр общественного развития, известный также как Новгородский центр поддержки НКО. Созданный в 1997 г. на средства гранта в 40 тыс. долларов, выделенного Фондом «Евразия», он является основным координатором деятельности НКО в регионе. Центр организует конкурсы на получение грантов, распределяет финансирование из местных источников, консультирует лиц, желающих подать заявку на получение гранта или создать НКО, инициирует встречи между лидерами НКО и представителями администрации области. Участвуя в работе областной общественной палаты, он становится основным выразителем мнения сообщества НКО по местному законодательству, а его независимое финансирование позволяет ему поддерживать инициативы невзирая на позицию администрации<sup>137</sup>.

Однако не все НКО довольны предоставляемым выбором – либо присоединиться к третьему сектору, либо остаться вне рамок предлагаемого администрацией социального партнерства. Многие резко критикуют губернатора за саморекламу в качестве главного поборника реформ и обвиняют его в создании «картонных общественных орга-

<sup>137</sup> Попыткам администрации самой распределять финансирование был дан отпор со стороны Фонда «Евразия»; фонд был непреклонен в вопросах контроля над конкурсом на получение грантов и средствами независимо от администрации. См.: Community Involvement and NGO Support Program. P. 8.



низаций»<sup>138</sup>. Другие жалуются на то, что усилия, направленные на создание образа политически стабильного региона, доказывают идеологическое давление на всех, кто бросает вызов статус-кво<sup>139</sup>. Руководитель «Женского парламента» Ирина Уртаева даже утверждает, что между НКО и властями не существует осмысленного взаимодействия, есть лишь «молчаливая оппозиция» режиму со стороны граждан и НКО, и рекомендует принять закон, гарантирующий присуждение муниципальных субсидий местным НКО<sup>140</sup>. Неудовлетворенность текущим положением дел привела к объединению около 20 гражданских ассоциаций в коалицию «Гражданское общество», открыто призывающую к устранению политической монополии, удерживаемой нынешней политической и деловой элитой. В июне 2001 г. она выпустила публичное обращение к областной думе с призывом к большинству ее членов не искать переизбрания еще на один срок<sup>141</sup>.

В то время как многие лидеры НКО винят губернатора, прочие видят более глубокие корни проблемы в социальной апатии. Во-первых, говорят они, НКО должны учиться более эффективному лоббированию. НКО могут считать, что представляют интересы определенной группы населения, однако слишком часто эта группа ничего не слышала об их усилиях. Нежелание большинства НКО замарать себя работой на политической арене привело к искусственному разделению на организации, «делающие реальную, полезную людям работу», и организации «чисто политические»<sup>142</sup>. Во-вторых, активисты часто рассматривают успех с точки зрения привлечения широких слоев населения. Все, что не вызывает «подъема масс», отвергается как политическая апатия. Такой подход – «все или ничего» – является печальным наследием советского периода и умаляет значение работы на низовом уровне по улучшению жизни отдельных людей. Наконец, боязнь участия в политике, несомненно, все еще играет роль в создании климата социальной апатии. В восприятии старшего поколения глубоко укоренилась боязнь последствий несанкционированной общественной деятельности. Их апатия усугубляется неспособностью и нежеланием молодых говорить со старшим поколением на понятном ему языке.

<sup>138</sup> Виницкая И. Негосударственные организации...

<sup>139</sup> Dinello N. What's so Great about Novgorod-the-Great. P.10.

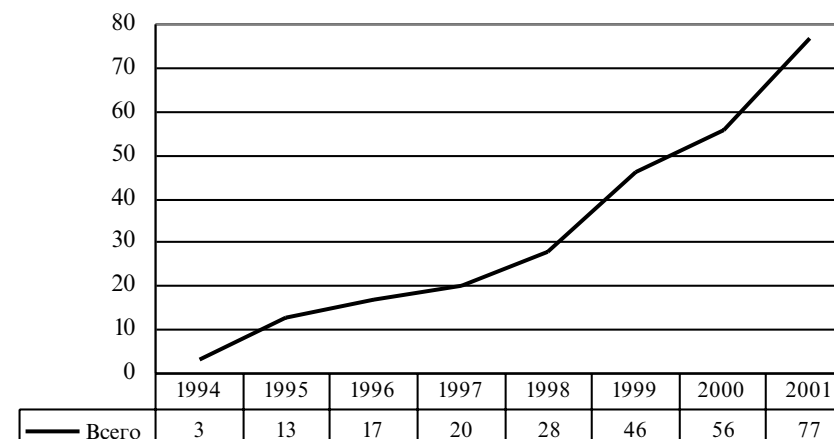
<sup>140</sup> Уртаева И. Взаимоотношения НКО и власти // Женский парламент. 2001. №7(10).

<sup>141</sup> Новое гражданское общественное движение... Информационное агентство Росбалт. 18 июня 2001.

<sup>142</sup> Кононович К., Наумова Е. Информационный справочник НКО. С. 5.

И все же нельзя недооценить влияние, которое имеют в Новгороде добровольные организации. Несмотря на то что регистрация в последние годы становится все более затруднительной, а организации, не действовавшие в течение последних трех лет, должны пройти перерегистрацию, число добровольных ассоциаций продолжает расти впечатляющими темпами. Маловероятно, что люди пошли бы на такие усилия и расходы, если бы это было нецелесообразным.

Темпы социально-экономических изменений в Новгородской области поставили активистов перед новой дилеммой. В то время как более опытные гражданские ассоциации третьего сектора стремятся к социальному партнерству, предлагаемому администрацией, другие, видимо, в принципе отвергают такое партнерство (рис. 2.7). Тенденция такова, что рано или поздно чаша весов склонится в пользу последнего, т.е. число зарегистрированных политических партий будет расти. Под влиянием нового федерального законодательства, в соответствии с которым не менее половины членов региональных законодательных собраний избираются голосованием по партийным спискам, сегодня и «Единство», и СПС, и ЛДПР занялись партийным стро-



Источники: Дубовский В. Прополка политического поля. Новгород. 29 ноября 2001; Иванова Д. Список политических общественных объединений, зарегистрированных Управлением Министерства юстиции РФ по Новгородской области. Regions.ru (6 февраля 2001 г.). <http://www.regions.ru/article/comments/id/418041.html>.

Рис. 2.7. Общее количество зарегистрированных политических партий и объединений в Новгородской области, 1994–2001 гг.

ительством на районном уровне<sup>143</sup>. Эта тенденция бросает серьезный вызов традиционно аполитичной региональной концепции социального партнерства.

Время покажет, смогут ли работать вместе эти два типа НКО — третий сектор и откровенно политические организации. Если третий сектор научится преодолевать свое пренебрежение к политике, а политические партии научатся обращаться непосредственно к жизни людей, они, возможно, смогут создать внушительную коалицию, способную поднять активность граждан на принципиально новый уровень. Все необходимые элементы для создания такого гражданского общества уже имеются.

### Заключение

Новгород не только демонстрирует впечатляющий прогресс по основным аспектам демократии, таким, как установление нового конституционного порядка, экономическое развитие и гражданская активность. Детальный анализ показывает значительную глубину и последовательность структурных параметров и принятие населением новой системы ценностей. Взятые в совокупности, они приводят к мысли о том, что Новгород давно миновал стадию демократического перехода и движется к демократической консолидации.

Вместе с тем трудно было бы найти аналитика, который пришел к такой же точке зрения. Большинство из них с пессимизмом смотрят на перспективу развития гражданского общества и демократии в бывших коммунистических странах, соглашаясь с Лэрри Даймондом, что «то, что последовало за демократическими революциями в восточной части Центральной Европы, России и Африке, было скорее не адаптацией, а снижением и рассеиванием энергии граждан ... Социальное наследие коммунизма в Европе... снова дало о себе знать в форме обновленной зависимости от государства, кооптации, недоверия и социальной разобщенности...»<sup>144</sup>

<sup>143</sup> Иванова Д. Список политических общественных объединений, зарегистрированных управлением Министерства юстиции РФ по Новгородской области // Regions.ru (6 февраля 2001 г.). Адрес он-лайн: <<http://www.regions.ru/article/comments/id/418041.html>> (доступ 6 февраля 2001 г.); State Duma Makes Progress on Local Election Law. EastWest Institute Russian Regional Report. 8 May, 2002. Vol. 7, №16). Адрес он-лайн: [www.iew.com](http://www.iew.com) (доступ May 15, 2002).

<sup>144</sup> Introduction // Larry Diamond et al., eds. Consolidating the Third Wave Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. P. xxxi-xxxii.

Такой пессимизм является результатом игнорирования многих обнадеживающих тенденций в регионах. Опросы действительно показывают падение доверия к национальному правительству, но они также показывают, что это более чем перекрывается ростом доверия к местным властям. Действительно, «широкий фронт», объединявший когда-то профессиональные, студенческие и трудовые ассоциации, не смог перегруппироваться в национальном масштабе, возможно, потому, что энергия граждан сосредоточилась на местных нуждах, особенно в регионах со стабильным политическим согласием<sup>145</sup>.

В конечном счете значение множества показателей демократической консолидации выходит далеко за рамки простого повторения. Гарри Экстайн сделал вывод о том, что, когда демократии становятся более зрелыми, они все больше демонстрируют согласованность между властями и институтами на всех уровнях. Причина столь быстрого развития Новгорода вполне может быть обусловлена тем, что компоненты, формирующие демократическое развитие, — местное самоуправление, финансовая автономия и добровольная активность граждан — взаимосвязаны и дополняют друг друга. Такая согласованность, предполагает Экстайн, является залогом долгосрочной демократической стабильности<sup>146</sup>.

Игнорирование одного или двух показателей демократического развития можно считать аномалией. Игнорирование же множества взаимодополняющих показателей предполагает пугающее расхождение между реальностью и нашим пониманием происходящего в российских регионах. Это заставляет думать, что существующие теории демократизации, вместо того чтобы сужать такой разрыв, расширяют его. Тому, как именно сегодняшние предубеждения заставляют нас игнорировать демократическое развитие и что нужно сделать, чтобы избавиться от них, посвящена следующая глава.

<sup>145</sup> Некоторые исследователи считают, что благоприятные условия для такой деятельности НКО более всего зависят от внутренней политической стабильности в регионе. См: Dershem L. and Patsiorkowski V. Needs and Capacity assessment of the Third Sector in the Central Russia: Kaluga, Yaroslavl, Smolensk, Tula, Tver, Vladimir, Ryazan' and Moscow Oblasts. A report prepared for «Save the Children». 19 August, 1997. P. 1–39 (личная копия).

<sup>146</sup> Eckstein H. Congruency Theory Explained // H. Eckstein et al., eds. Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? P. 25–34.

## Глава 3

### Как мы пропустили демократическую консолидацию в Новгороде

#### *Критика Новгорода как демократической модели*

К концу 1990-х годов феноменальный успех Новгорода в привлечении иностранных инвесторов обратил на себя внимание большого числа журналистов. Однако, как правило, их интерес был сосредоточен на благоприятном налоговом режиме и харизматическом губернаторе, при этом они не учитывали ключевой роли местного самоуправления и социального партнерства. В результате регион изображался как имеющий необыкновенно великодушное, но вместе с тем весьма авторитарное руководство<sup>1</sup>.

Скептики обычно выделяют три недостатка новгородской демократии: слабость политических институтов и политических партий, политический клиентелизм и отсутствие свободной прессы. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что многие из этих «недостатков» отражают сознательные усилия местной элиты по созданию демократических процедур в соответствии с новгородскими традициями и современной европейской практикой.

<sup>1</sup> *Petro N.N.* Novgorod's Governor Prusak: A Young Turk to Watch. *The St. Petersburg Times*. April 7–13, 1997; *Cottrell R.* Russia: an Old-fashioned, Modern Look // *Economist*. June 14–June 20, 1997; *Williamson E.* Russian Area Returns to its Former Ways: Free Thinking, Trading Help Boost Novgorod. *Chicago Tribune*. August 20, 1997. P. 11; *Ford P.* Medieval City Holds Key to «Russian Idea». *Christian Science Monitor*. June 5, 1997; *Thornhill J.* Investors drawn to local dynamo. *Financial Times*. April 15, 1998; *Pomper Miles A.* Economic Aid Goes Local. *The Congressional Quarterly*. July 9, 1999; *Kerneck B.* Von Steuern und Offizierspastete. *Taz, die tageszeitung*. July 25, 2000; *Berger R.* Das Wirtschaftswunder von Nowgorod. *Tages-Anzeiger, Zurich*. July 17, 2000; *Lally K.* A Russian Journey. *Baltimore Sun*. September 20, 2000; *Threlkeld R.* Pieces of the Bell // *Dispatches from the Former Evil Empire*. Amherst, NY: Prometheus Books, 2001. P. 277–287; *Meier A.* The Once and Future Road. *Time (Europe)*, 157, #22. June 4, 2001.

#### *Демократия без партий?*

Новгород, как и Россия в целом, часто подвергается критике за отсутствие зрелой партийной системы. Региональные опросы, проведенные на протяжении последнего десятилетия, показывают, что избиратели последовательно избегают партийной политики. Поскольку политические партии играют ключевую роль в демократических обществах, делается прямолинейный вывод о том, что они должны играть такую же роль и в посткоммунистических обществах. Немногие задаются вопросом о том, действительно ли сильные политические партии так же жизненно необходимы для развивающихся демократий, как и для зрелых.

Большая часть литературы о политических партиях проводит четкое разграничение между партиями и прочими общественными организациями<sup>2</sup>. Профессор Стэнфордского университета и редактор академического журнала «*Journal of Democracy*» Лэрри Даймонд, например, доказывает, что группы по интересам не могут заменить партии, поскольку неспособны так же скомпоновать интересы всех социальных групп по политическим проблемам, формировать правительство и издавать законы<sup>3</sup>. Джек Беласяк, профессор университета штата Индиана, считает, что только партии могут обеспечить согласование конкурирующих интересов, выбор из альтернативных политических программ и общественный контроль за работой власти<sup>4</sup>. Именно поэтому итальянский исследователь Леонард Морлино характеризует двадцатилетний процесс демократизации в Южной Европе как «консолидацию через партии»<sup>5</sup>.

Несмотря на столь внушительный список преимуществ, цинизм в отношении политических партий заметен как в новых, так и в старых

<sup>2</sup> *Przeworski A. et al.* What Makes Democracies Endure? // *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7. №1. P. 39–53; *Lipset S.M.* The Indispensability of Political Parties // *Journal of Democracy*. 2000. Vol. 11. №1. P. 48–55; *Huntington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. P. 1–92; *Diamond L. and Plattner M.F.* The Global Resurgence of Democracy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. P. 238.

<sup>3</sup> Даймонд пишет: «Только политические партии способны преобразовать разные идентичности, предпочтения и желания в законы». См.: *Diamond L.* Introduction // *L. Diamond and Plattner M.F.* Plattner, eds., Nationalism, Ethnic Conflict, and Democracy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. P. 15.

<sup>4</sup> *Bielasiak J.* The Structuring of Party Systems in Post-communism // *Richard Sakwa, ed.* The Experience of Democratization in Eastern Europe. New York: MacMillan, 1999. P. 138–167.

<sup>5</sup> *Rueschemeyer D. et al.* Capitalist Development and Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 8. Morlino cited // *Eva Etzioni-Halevy ed.* Classes and Elites in Democracy and Democratization. New York: Garland Pub., 1997. P. 205.

демократиях<sup>6</sup>. Партии рассматриваются как искусственные, самодостаточные структуры, фрагментирующие интересы общества по идеологическим признакам. Действительное поведение избирателей в Восточной Европе, по данным венгерского социолога Габора Тока, показывает, что партии удивительно плохо аккумулируют интересы социальных групп<sup>7</sup>. В России именно те факторы, которые делают Коммунистическую партию Российской Федерации (КПРФ) хорошей «традиционной» партией (четкость политического послания, осмысленная партийная дисциплина), считает Сюзанна Пшизова, привели ее к поражению на выборах в 1995 и 1999 гг. Как и многие восточные европейцы, заключает она, россияне считают модель стабильной долгосрочной принадлежности к одной и той же партии устаревшей<sup>8</sup>.

Это распространившееся разочарование поставило под сомнение расхожее мнение о необходимости партий, и сегодня многие исследователи делают предположение о том, что иногда место политических партий могут занять альтернативные модели общественного участия<sup>9</sup>. В Южной Африке, например, исследователи пришли к выводу, что участие людей в политической жизни общества больше связано с НКО, нежели с политическими партиями. В Чили, например, восстановление партий после краха авторитарного режима Пиночета не привело к более активному участию населения в партиях по сравнению с ассоциациями по интересам<sup>10</sup>.

<sup>6</sup> Гюнтер называет цинизм «общей характеристикой политической культуры Южной Европы». См.: *Richard Gunther et al.*, eds. *The Politics of Democratic Consolidation: Southern Europe in Comparative Perspective*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995. P. 24. Такой же комментарий был отнесен и к Латинской Америке. См.: *Larry J. Diamond*. *Rethinking Civil Society // Journal of Democracy*. July 1994. Vol. 5. №3. P. 15.

<sup>7</sup> *Toka G.* *Political Parties in East Central Europe // Larry Diamond et al.*, eds. *Consolidating the Third Wave Democracies*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. P. 116.

<sup>8</sup> *Пшизова С.Н.* Какую партийную модель воспримет наше общество? // *Полис*, 1998. №4. С. 101–113; *Bejme Klaus von.* *Leadership and Change in Party Systems: Towards a Postmodern Party State? // Government and Opposition*. 1996. Vol. 31. №2. P. 147.

<sup>9</sup> *Dalton R., Martin P. Wattenberg, eds.* *Parties Without Partisans: Political Change in Advanced Industrial Democracies*. New York: Oxford University Press, 2000; *Broder D.* *The Party's Over: The Failure of Politics in America*. New York: Harper & Row, 1972; *Lawson K. and Merkl P., eds.* *When Parties Fail: Emerging Alternative Organizations*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1988.

<sup>10</sup> *Lloyd H.R. and Wait C.V.R.* *Non-governmental organizations in Regional and Provincial Economic Development // South African Journal of Economics*. June 1996. Vol. 64. P. 28–29; *Schmitter P.* *Civil Society East and West // Diamond et al.*, eds. *Consolidating the Third Wave Democracies*. P. 260, цитируя докторскую диссертацию Трейси Фитцсиммонс (Tracy Fitzsimmons). *Paradoxes of Participation: Organizations and Democratization in Latin America*. Stanford, 1995.

Причина разочарования населения в партиях заключается в их стремлении к самовозвеличиванию, в котором часто видят опасность для социального согласия. Филиппе Шмиттер противопоставляет такое поведение поведению «монополистичных, иерархически скоординированных и сфокусированных в национальном масштабе ассоциаций по интересам», которые могут «напрямую связываться друг с другом, договариваясь по вопросам экономической или социальной политики»<sup>11</sup>. В странах, где партии исторически не играли большой роли, полагает Шмиттер, предпочтительной формой демократического выражения интересов может быть «формализованное и централизованное посредничество, преимущественно (но не исключительно) через ассоциации, представляющие классовые, отраслевые и профессиональные интересы»<sup>12</sup>. Примеры включают учредительные пакты, сыгравшие столь значительную роль в процессе демократического перехода в Колумбии и Венесуэле в конце 1950-х годов, соглашения Монклоа в Испании в 1970-е годы, соглашения о социальном партнерстве в Гане и Ботсване в 1980-е. Сюда следует добавить и трехсторонние соглашения, ежегодно подписываемые в Новгороде<sup>13</sup>.

Критики, однако, развенчивают такие соглашения как не более чем изолированные инструменты политического контроля со стороны элиты. Более того, использование временных соглашений, говорят они, вводит в заблуждение, поскольку подразумевает договоренность, достигнутую между относительно независимыми сторонами, чего не может быть в России<sup>14</sup>. Без автономии такие соглашения попросту являются утверждением экономической власти и привилегий элиты

<sup>11</sup> *Schmitter P.* *Civil Society East and West*. P. 246–247.

<sup>12</sup> *Schmitter P.* *Interest Systems and the Consolidation of Democracies // Gary Marks and Larry Diamond, eds.* *Reexamining Democracy: Essays in Honor of Seymour Martin Lipset*. Newbury Park, Calif: Sage Publications, 1992. P. 160.

<sup>13</sup> *Terry Lynn Karl.* *Dilemmas of Democratization in Latin America // Comparative Politics*. 1990. Vol. 23. P. 1–21. Национальные конференции были успешными во многих странах Центральной Африки, поскольку они уходят корнями в «традиционную систему строительства консенсуса в Африке». Напротив, многопартийные системы рассматриваются как часть колониального прошлого. См.: *Dia Mamadou.* *Indigenous Management Practices: Lessons for Africa's Management // Ismail Serageldin and June Taboroff, eds.* *Culture and Development in Africa*. Washington, DC: The International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank, 1994. P. 180–182.

<sup>14</sup> *The Failure of Party Formation and the Future of Russian Democracy // Timothy J. Colton and Jerry F. Hough, eds.* *Growing pains: Russian democracy and the election of 1993*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1998. P. 669–701; *Stoner-Weiss K.* *Local Heroes: The Political Economy of Russian Regional Governance*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997.



за счет оппозиции<sup>15</sup>. Не все аналитики, однако, согласны с тем, что успешность пактов зависит от независимого статуса ключевых игроков. Некоторые подчеркивают момент взаимозависимости сторон. Именно признание своей зависимости от другой стороны создает условия для ограниченного партнерства или соглашения элит между ключевыми группами. «По причине своего широкого охвата и процедурных гарантий безопасности, которые они дают всем важнейшим элитам, — пишет Джон Хигли, — такие пакты способствуют возникновению именно консолидированной, а не ограниченной демократии»<sup>16</sup>.

Это удачно характеризует то, что произошло в Новгороде в 1990-х годах. Первоначальная слабость губернатора Прусака в сочетании с коллапсом местной промышленности заставила местное руководство обратиться за поддержкой к местной элите и договориться на условиях, приемлемых для широкого слоя элиты. В обмен на поддержку курса губернатора на финансовую независимость от Москвы лидеры бизнеса получили существенное право голоса при формулировании ключевых местных законов. Наконец, власть пошла на контакт с местными гражданскими организациями с целью ослабить социальную напряженность и расширить доверие населения. Возникшая в результате взаимозависимость привела к аккумуляции корпоративных и гражданских интересов и институционализовала процесс посредничества между группами населения без политических партий. Новгород, таким образом, представляет собой пример редкого типа демократического развития вокруг хорошо организованных групп общества, напоминающих по своим функциям партии, которые бывший президент Чехии Вацлав Гавел удачно назвал «неполитическими партиями»<sup>17</sup>.

Активная гражданская инфраструктура Новгорода заставляет нас взглянуть на недостаточное развитие партий в регионе в ином свете: не как на симптом недостаточной демократизации, но как на альтернативный тип демократического развития. В Новгороде, да и вообще

<sup>15</sup> Higley J., Gunther R., eds. *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1992. P. 34.

<sup>16</sup> Higley, Gunther, eds. *Elites and Democratic Consolidation*. P. 11, 34.

<sup>17</sup> Havel V. *Disturbing the Peace*. New York: Alfred Knopf, 1990; Sustrava P. *The End of Nonpolitical Parties // Uncaptive Minds*. 1991. Vol. 4. №2 (16); Aviezer Tucker et al. *From Republican Virtue to Technology of Political Power: Three Episodes of Czech Nonpolitical Politics // Political Science Quarterly*. 2000. Vol. 115. №3. P. 421–445.

в Восточной Европе, партии практически никогда не являлись эффективными выразителями интересов, поэтому их нельзя рассматривать как представительные. Неудивительно, что граждане обратились в первую очередь к добровольным ассоциациям.

Столкнувшись со срочной необходимостью сделать власть легитимной, новгородская элита избегала серьезно дискредитировавшей себя системы партийной политики и обратилась вместо этого к более популярным гражданским ассоциациям. На самом деле это был единственный выбор, который можно назвать подлинно демократическим. Удивительно и необычно не само обращение, а то, что местная элита так быстро признала ценность предоставления таким группам институционализированного форума — Общественной палаты, в рамках которой выполняются и развиваются многие подобные партийные функции.

Но не мешает ли отсутствие институционализированной партийной системы установлению прочной демократии? Тщательно проанализировав влияние партий в четырех наиболее развитых восточноевропейских демократиях — Польше, Чехии, Словакии и Венгрии, вышеупомянутый профессор Тока считает, что это необязательно так, коль скоро имеются альтернативные формы политического представительства. Он отмечает, что, хотя партии в этих странах и стали более институционализированными, уровень удовлетворенности населения партиями от этого не вырос. Для Чешской Республики даже наблюдается обратное соотношение между увеличением числа партий и удовлетворенностью населения в период с 1992 по 1996 г. Тока предполагает, что самый скромный уровень институционализации партий достаточен, чтобы укрепить демократию при прочих благоприятных условиях. Таковыми являются близость Европейского союза, традиции гражданского контроля над армией, шок от утраты монопольного статуса бывшей ведущей партии и интеграция остатков старого режима в новые политические структуры<sup>18</sup>.

Видимо, демократическая консолидация в Новгороде выиграла от аналогичных факторов. Новгородская область находилась в центре внимания ряда северных стран, специальных инициатив европейской программы «Тасис» и финансировавшейся США региональной инвестиционной инициативы. После коллапса КПСС в национальном масштабе руководство области просто ушло в отставку, и мест-

<sup>18</sup> Toka G. *Political Parties in East Central Europe*. P. 115–116, 118.

ный аппарат КПСС уже не восстанавливался. Как городская, так и областная администрации, как уже указывалось, следовали политике сохранения тех представителей старого режима, которые были способны осуществить переход к рыночной экономике.

Настораживает и то, что требование институционализированной партийной системы так упорно игнорирует мнение местного населения. Почему, например, новгородцы должны поверить, будто «развитые партии повышают подотчетность избранных должностных лиц», если собственный опыт показывает им, что это не так? Безусловно, может быть правдой то, что слабая степень отождествления с партиями является результатом сговора элиты в пользу сохранения статус-кво, но гораздо проще поверить, что местные кандидаты избегают отождествлять себя с партиями, поскольку избиратели не любят партий<sup>19</sup>.

Столь же уязвимым является предположение о том, что, поскольку избирателям не нравятся партии, они политически неактивны. Более логичным представляется вывод о том, что если граждане сторонятся неэффективных местных заинтересованных групп (даже если они называют себя партиями) и отдают предпочтение более эффективным группам, то этот выбор отражает осмысленное гражданское и политическое участие.

Несмотря на то что есть достаточные основания для сомнений в упрощенном связывании демократии исключительно с существованием институционализированных политических партий, я не утверждаю, что партии никогда не имеют значения для развития демократии. Их ценность растет по мере консолидации демократии. В начале демократического перехода люди не так высоко ценят способность ассоциаций аккумулировать интересы, как их способность эффективно служить интересам общества.

В начале демократического перехода стремление к развитию партий на региональном уровне вызывает особенно много вопросов. Если на национальном уровне идеология партии может послужить удобным конспектом для избирателя, который мало что знает о кандидате, то на местном уровне, как показывает голосование, людей

<sup>19</sup> Stoner-Weiss K. The Limited Reach of Russia's Party System: Under-institutionalization in the Provinces // Program on New Approaches to Russian Security Policy Memo Series (PONARS) Memo. April 2000. №122. Available online at: <<http://www.fas.harvard.edu/~ponars/POLICY%20MEMOS/Stoner-Weiss122.html>> (accessed June 12, 2000).

отталкивают местные кандидаты, подчеркивающие принадлежность к политическим партиям и таким образом акцентирующие социальные разногласия<sup>20</sup>. В этой связи правомерен вопрос, стоит ли вкладывать ресурсы в институционализацию партий, когда 83% людей говорят, что партии их вовсе не интересуют<sup>21</sup>. Партии могут быть незаменимыми для зрелых демократий, ибо там они отражают устоявшиеся классовые и социальные различия, однако в странах, где участие в политической деятельности ранее было принудительным, они отнюдь не являются лучшим средством измерения развития демократии на местном уровне.

#### *Клиентелизм, корпоратизм или концертация?*

Вторым объектом критики в адрес Новгорода является слабость его политических институтов, в особенности законодательной власти. Британский профессор Нейл Мелвин считает, что такая слабость может измеряться степенью, в которой местные уставы санкционируют разделение исполнительной и законодательной власти. Отсутствие формального соглашения о разделении власти означает недостаточное влияние законодательной ветви, и в результате тщательного анализа 31 региона России Мелвин находит, что в Новгороде законодательная власть одна из слабейших в современной России<sup>22</sup>. Именно эта слабость, считает он, является типичным признаком политического клиентелизма.

На самом деле разделение власти четко закреплено в уставе Новгородской области, ст. 4, п. 2: «Все три ветви власти самостоятельны в рамках своей компетенции, установленной Конституцией Российской Федерации, уставом Новгородской области, и осуществляют свою деятельность на основе принципа разделения властей»<sup>23</sup>.

На практике, конечно, такие конституционные реверансы часто игнорируются региональной элитой, но здесь Новгород отличается

<sup>20</sup> Toka G. Inventory of political attitude and behavior surveys in East Central Europe and the former Soviet Union, 1989–1997. Bergisch Gladbach: Erwin Ferger, 2000; Baldersheim H. et al., eds. Local Democracy and the Processes of Transformation in East-Central Europe. Boulder, Colo: Westview Press, 1996. P. 140.

<sup>21</sup> Бобровская О. Райков продал Рогозина «Единой России» за 60 одномандатников? // Страна.ru. Адрес: <http://www.strana.ru> (доступ 1 мая 2003 г.).

<sup>22</sup> Новгород стоял на 28-м месте среди регионов по влиянию законодательной власти. См.: Melvin N.J. Federalism and Democracy in the Russian Federation // University of Leeds, Leeds, U.K. July 8, 2000. P. 8, 11 (личная копия).

<sup>23</sup> Новгородская областная дума / Под ред. С. Иванова. Новгород: Кириллица, 1995. С. 10.

от других. Чтобы избежать институциональных тупиков, новгородская элита выработала систему управления, в которой принцип разделения властей подчинен вышестоящему принципу социального партнерства. Новгородская политическая элита считает, что это повышает влияние законодательной ветви в регионе. Например, Любовь Андреева, в прошлом заместитель председателя Новгородской областной думы, полагает, что Новгородское законодательное собрание более эффективно, чем постоянно разъедаемые конфликтами парламенты в С.-Петербурге и Свердловске. Отсутствие публично выраженного конфликта между губернатором и законодателями лишь показывает, что эти разногласия разрешаются на более раннем этапе.

Также не соответствует действительности описание политической жизни Новгорода как клиентелистской, если под клиентелизмом подразумевать привилегированный доступ к государственным ресурсам в обмен на голоса. Классическим примером являются популистские политики, которые создали свои «политические машины» или, по-русски, используют административный ресурс, т.е. обеспечивают основным слоям населения доступ к товарам и услугам в обмен на их голоса во время выборов<sup>24</sup>. Сходство между такими «политическими машинами» и администрацией губернатора Прусака на первый взгляд кажется убедительным, однако делегирование управляющих функций муниципалитетам и строгие нормы, которых районы должны придерживаться в рамках областного бюджета, затрудняют тот подкуп избирателей, который так часто имеет место на муниципальном уровне в США. «Политическая машина» губернатора нередко буксует и иногда весьма серьезно<sup>25</sup>.

<sup>24</sup> Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, Clients and Friends: Interpersonal Relations and the Structure of Trust in Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1984; Clapham C., ed. Private Patronage and Public Power. London: Frances Pinter, 1982.

<sup>25</sup> Некоторые недавние примеры: оппозиция населения предложению по строительству высокоскоростной железнодорожной магистрали через Валдайский национальный парк; поражение в 1999 г. кандидата от администрации на пост мэра г. Старая Русса — третьего по величине города в области; неспособность Геннадия Бурбулиса победить переизбиравшегося Евгения Зеленова на выборах в Государственную Думу в 2000 г.; оппозиция населения переименованию одной из главных магистралей города в честь покойного мэра Александра Корсунова; успешное избрание Валерия Гайдьма, первого с 1991 г. кандидата от Коммунистической партии, депутатом региональной думы; противоречия весной 2003 г., возникшие в связи со строительством металлургического завода вблизи Великого Новгорода; отклонение поддержанной губернатором кандидатуры Анатолия Бойцева на пост руководителя новгородской организации партии «Единая Россия» в мае 2003 г.

Ключевым аспектом электорального клиентелизма является популизм, обычно в форме экстравагантных обещаний, сделанных в предвыборный период, которые политики не особенно намереваются выполнять. Однако губернатора Прусака можно скорее обвинить в поразительной откровенности со своим электоратом. Вопреки популистской логике он последовательно связывает себя с самыми непопулярными политическими фигурами в стране (Г. Бурбулис, Е. Гайдар, Б. Ельцин), критикует весьма популярного президента В. Путина и открыто высказывается в пользу таких горячих вопросов, как присоединение России к НАТО и прямые иностранные инвестиции. Открыто заявляя, что представляет людей, «имеющих власть и деньги», он советует избирателям «остерегаться политиков, которые говорят им, что служат народу»<sup>26</sup>.

Отсутствие популистской риторики важно, поскольку указывает на значительную психологическую веху в эволюции режимов на пути отхода от электорального клиентелизма. Симона Пьяттони, изучавшая примеры клиентелистских региональных режимов в Италии, показывает, что, когда достигнут консенсус элит, некоторые чиновники выбирают стратегию привлечения новых клиентов вместо соревнования за один и тот же фиксированный резерв голосов. Вместо продвижения самих себя политики, следующие такой стратегии, начинают изображать себя хранителями общественного благосостояния. В результате появляется более прагматичная общественная среда, описанная Симоной Пьяттони на примере Италии и Ли Комито — на примере Ирландии, которая превращает власть из «военного трофея» в «добродетельного покровителя»<sup>27</sup>.

Сходства с Новгородом здесь трудно не заметить. Стремление элиты преодолеть идеологические конфликты (очевидное, помимо прочего, в отсутствии интереса к политическим партиям) и привержен-

<sup>26</sup> Крестьянинова О. Выборы отменить, Думу распустить // Аргументы и факты. 1998. № 15 (912).

<sup>27</sup> Piattoni S. Can Politics Create Communities? Evidence from the Italian South: Доклад на конференции Американской политологической ассоциации (American Political Science Association), Бостон 3–6 сент. 1998. P. 13. Работы Ли Комито об Ирландии включают: Irish Clientelism: A Reappraisal // Economic and Social Review. 1984. Vol. 15. №3. P. 173–194; Dublin Politics: Symbolic Dimensions of Clientelism // Ch. Curtin and T. Wilson, eds. Ireland from Below: Social Change and Local Communities. Galway: Galway University Press, 1989. P. 240–259; Personalism and Brokerage in Irish Politics // Ch. Curtin, Donnan Hastings and Thomas M. Wilson, eds. Irish Urban Cultures. Belfast: Institute of Irish Studies, The Queen's University of Belfast, 1993. P. 79–98.

ность региона принципу эффективности управления уже отмечались нами. Прусак даже заметил, что новая экономическая политика региона была прежде всего попыткой научить местных бюрократов работать с западными инвесторами на коммерческой основе<sup>28</sup>.

Еще один ключевой аспект этой смелой стратегии — создание правил, ограничивающих поведение будущих властей — стал центральным пунктом повестки дня как исполнительной, так и законодательной власти Новгорода. С. Пяттони считает, что в случае успеха бывшие покровители постепенно преодолевают зависимость от узкой группы клиентов и создают более широкую социальную базу<sup>29</sup>. Акцент новгородской элиты на то, чтобы сделать реформы задачей всего гражданского общества Новгорода, как однажды это озвучил бывший вице-губернатор Валерий Трофимов, был сделан с целью достичь аналогичного результата<sup>30</sup>.

Поэтому политика в сегодняшнем Новгороде напоминает не столько клиентелизм, сколько то, что Филиппе Шмиттер называет режимом концертации. Важной характеристикой таких режимов является «классовое правление... способность привлечь целую комплексную социальную категорию, например владельцев производительных сил, рабочих всех отраслей промышленности, людей, работающих на основе самозанятости во всех отраслях, к действиям в одном общем русле на долгосрочной основе и гарантирование соблюдения такой политики всеми участниками процесса»<sup>31</sup>. Это очень точно характеризует трехсторонние соглашения, столь тщательно вырабатываемые администрацией, работодателями и профсоюзами.

Но если Шмиттер смело заявляет, что такой режим наиболее приемлем для переходного периода, то многие аналитики склонны скептически оценивать совместимость приемов, напоминающих управление корпорациями, с демократическим развитием<sup>32</sup>. Они полагают, что договоренность элит скорее создает закрытую сферу управления за счет общего блага. Этот взгляд опровергают ученые, считающие, что и наследие социалистического корпоратизма может быть полезным для

<sup>28</sup> Фадеев В. В России никогда не отнимали деньги — отнимали жизнь // Эксперт, 1999. 1 ноября.

<sup>29</sup> Piattoni. Can Politics Create Communities. P. 13.

<sup>30</sup> Жованник В. Ненужный прогресс: Уникальный опыт Новгорода федеральную власть не интересует // Эксперт, 2000. № 29 (22).

<sup>31</sup> Schmitter P. Civil Society East and West. P. 246.

<sup>32</sup> Schmitter P. Reflections on where... // Gerhard Lehmbruch and Phillippe Schmitter, eds. Patterns of Corporatists Policymaking. Beverly Hills: Sage, 1982. P. 250.

демократизации<sup>33</sup>. С их точки зрения, элиты, демонстрирующие уважение к сохранившимся у определенных слоев общества социалистическим ценностям и нормам, более способны ослабить социальное напряжение при проведении болезненных реформ. Болгарский политолог Елена Иванкова называет этот процесс «трансформационным корпоратизмом»<sup>34</sup>.

В основе трансформационного корпоратизма лежит «договорной обмен уступками по конфликтным интересам, принципиально отличающий его от клиентелизма»<sup>35</sup>. В процессе такого обмена интегрированные организации по интересам (не партии!) получают определенное консультативное влияние и влияние на принятие решений правительством<sup>36</sup>. Такая модель установилась в большинстве демократий Восточной Европы — Польше, Венгрии, Чешской Республике, Словакии. К этому списку можно добавить и Новгород.

Точнее говоря, эти режимы все еще демонстрируют большую власть государства и эгоизм элит, в отличие от более традиционного корпоративного общества Северной и Западной Европы, однако Е. Иванкова уверена, что со временем это изменится. Философские аналогии между западно- и восточноевропейским корпоратизмом слишком велики, давление глобальной интеграции слишком сильно, чтобы противостоять им. Поэтому, несмотря на потенциальные угрозы, которые корпоратизм может представлять для демократического развития, вряд ли стоит рассматривать предсказания неудачи как пророчества, высеченные в камне. На большей части Восточной Европы, включая Новгород, корпоратизм пока пошел по достаточно благоприятному пути развития.

### *Свобода СМИ в Новгороде*

Наконец, заметной критике подвергается отсутствие в Новгороде свободной прессы. Начать здесь необходимо с разговора об опреде-

<sup>33</sup> Mushaben J.M. Die Lehrjahre Sind Vorbei! Re-forming Democratic Interest Groups in the East German Laender. Sixth Triennial Congress of the East German Studies Group, After the GDR in Montreal, Canada (1998); Iankova E. Transformative Corporatism of Eastern Europe // Eastern European Politics and Society. Spring 1998. Vol. 12. №2. P. 222–257; Gill G. The Dynamics of Democratization. New York: St. Martin's Press, 2000. P. 228–230; Luksic I. Corporatism packaged in pluralist ideology: the case of Slovenia // Communist and Post-communist Studies. December 2003. Vol. 36. №4. P. 509–525.

<sup>34</sup> Iankova. Transformative Corporatism. P. 226.

<sup>35</sup> Ibid. P. 232.

<sup>36</sup> Ibid. P. 232.



ленных культурных различиях. Многие россияне помещают доступ к СМИ в ту же категорию, что и пенсии, образование и медобслуживание, рассматривая его скорее как право, чем как привилегию, за которую необходимо платить. Напротив, согласно западной (особенно американской) точки зрения информационные услуги должны оплачиваться не государством, а частными спонсорами.

Вторым, связанным с первым, культурным нюансом являются затруднения, с которыми сталкиваются российские журналисты (особенно на телевидении и радио), пытаясь найти спонсоров для своих программ. Нередко можно услышать жалобы журналистов на то, что коммерциализация ограничивает их свободу еще больше, чем государство. Среди старшего поколения журналистов и редакторов также наблюдается тенденция рассматривать прессу как средство обучения населения «правильному» отношению к тому или иному вопросу. Претензии этой группы состоят в том, что они уже не могут поучать население, как это было раньше. Для них пресса сегодня на самом деле является менее свободной, чем в советские времена.

Эти различия осложняют оценку свободы СМИ в России. Рассмотрим пример индекса свободы СМИ в России, подготовленного проектом «Общественная экспертиза» и Союзом журналистов России при поддержке ряда западных фондов<sup>37</sup>. Его целью являлось измерение свободы региональной прессы в России по трем показателям: доступу к информации, производственным условиям и легкости распространения. Более внимательное рассмотрение, однако, показывает, что первый показатель в действительности означает не доступность для общества разнообразных СМИ, а то, насколько чиновники органов власти реагируют на запросы журналистов. Новгород имеет достаточно хорошую оценку по этому показателю, который можно назвать степенью готовности бюрократов отвечать на запросы СМИ.

Второй показатель — это уровень частной поддержки региональных СМИ и мера соответствия местного закона о СМИ федеральному. Первое, видимо, отражает готовность частных предпринимателей финансировать прессу. Хотя это и дает представление о том, считают ли богатые СМИ ценным ресурсом, но мало говорит нам об истинной свободе прессы. Однако и здесь Новгород выделяется в по-

<sup>37</sup> См. *Yakovenko I.* Public Expertise: What is It and Why is It needed? Адрес в Интернете: The Russia Journal, <http://www.freepress.ru/eng/text/II.htm> (доступ 1 июня 2003 г.).

ложительном плане, занимая 11-е место среди 80 регионов, исследованных в 1999 г.

Третий критерий вызывает больше всего вопросов. Он оценивает распространение прессы частично через отсутствие препятствий в регистрации со стороны органов власти, но в основном по количеству налоговых льгот, которые власти предлагают СМИ. Чем больше льгот, тем выше рейтинг. Такие скидки действительно делают СМИ более доступными читателю с финансовой точки зрения, но за счет большей зависимости от дотирующего органа власти.

По третьему критерию Новгород находится ближе к концу списка, и в результате пресса в Новгороде считается несвободной. Авторы рейтинга, однако, кажется, не знают о том, что городская и областная администрации Новгорода уже несколько лет следуют политике постепенного сокращения субсидий для СМИ как наиболее рациональному способу повысить их независимость<sup>38</sup>. Если в 1999 г. дотируемые властью газеты составляли более половины тиражей в Новгороде, к середине 2002 г. их доля упала до 38%<sup>39</sup>. Даже у тех СМИ, которые местные власти продолжают финансировать, — «Новгородских ведомостей», местного телеканала «Славия» и городского еженедельника «Новгород» — наблюдался переход от прямых государственных субсидий к покупке рекламных площадей<sup>40</sup>.

Решение властей опираться на рынок для гарантирования разнообразия СМИ имело определенный успех. С 2000 г. возникла дюжина новых газет и журналов, а также несколько независимых телерадиокомпаний. С ростом прибыли от рекламы выросли и тиражи независимых СМИ<sup>41</sup>. Основываясь на последовательном росте прибыли

<sup>38</sup> Беседа с И. Верходановым, главным помощником председателя Новгородской областной думы // Великий Новгород, Россия. 1999. 24 мая.

<sup>39</sup> *Генерозова Ю.* Борис Гиллер завоевывает провинцию // Деловой Петербург. 2002. 28 авг. Статистка тиражей основных периодических изданий Новгорода также взята из: [http://www.novgorod.net/~dolgomer/Russian/Media/media2\\_1.html](http://www.novgorod.net/~dolgomer/Russian/Media/media2_1.html) and from [http://www.reklamka.ru/reg/pr\\_1042.php](http://www.reklamka.ru/reg/pr_1042.php).

<sup>40</sup> Беседа с Александром Жуковским, директором МНОУ «Диалог», 2002. 4 июня.

<sup>41</sup> Перечень новых периодических изданий, появившихся с начала 2000 г., очень велик, однако наиболее заметные из них — «Новая новгородская газета», основанная местным предпринимателем в сфере издательской деятельности Сергеем Брутманом, публикующим также рекламное издание «Вечевой центр»; газета «Звезда»; еженедельники «Волхов» и «Аргументы и факты — Новгород» — местные филиалы более крупных национальных или региональных медиа-конгломератов, «Время новгородское», поддерживаемое Исааком Слуцкером, руководителем Союза промышленников и предпринимателей; «Новгородский обыватель», выходящий при поддержке председателя совета директоров «Акрона» Вячеслава Кантора.

от рекламы (за 2002 г. она увеличилась на 20%), руководитель крупнейшего медиаконсорциума Великого Новгорода «Мединфо» Владимир Романишин собирается удвоить тираж своих изданий. Новая прибыльность новгородского рынка стала привлекать даже чужаков, например газета для семейного чтения «Волхов» принадлежит северо-западному медиаконсорциуму «Провинция»<sup>42</sup>.

При оценке свободы прессы также немаловажно различать отсутствие альтернативных СМИ и их грубое подавление. По всем данным, прямой цензуры со стороны власти практически нет, однако в частной беседе многие журналисты скажут вам о том, что в начале 1990-х годов их антипатия к коммунистам приводила иногда к приукрашиванию личности и действий М. Прусака. Сегодня ситуация кардинально изменилась. Агентство региональных новостей «Regions.ru» стало часто помещать М. Прусака среди «проигрывающих» губернаторов, наиболее часто критикуемых местной прессой. Так, в декабре 2002 г. за несколько недель до выборов нового мэра Великого Новгорода он постоянно находился в первой тройке «неудачников» в национальном масштабе с негативным освещением местной прессой от 17 до 50%<sup>43</sup>.

Кроме того, существует ряд программ местного телевидения, как, например, еженедельное «Н-бюро», которые нельзя не назвать конфронтационными. Осенью 2002 г., когда руководитель регионального здравоохранения решил закрыть временную больницу в деревне Кулотино без предварительных, как того требует закон, консультаций с местным населением, репортаж «Н-бюро» вызвал столько шума, что решение было отменено, руководителю сделали выговор, а губернатор был вынужден обещать, что ни одна больница, или поликлиника, или учреждение социальной помощи региона не будет закрыто без согласия муниципальных органов власти<sup>44</sup>.

Наконец, существует группа журналистов, которую обычно не замечают, говоря о местных СМИ, — стрингеры, работающие для крупнейших национальных изданий. Ежедневные «Независимая газета», «Сегодня», «Деловой Петербург», «Время-МН» и «Российская газета» опубликовали более сотни статей о регионе, написанных местны-

<sup>42</sup> Генерозова Ю. Борис Гиллер завоевывает провинцию // Деловой Петербург. 2002. 28 авг.

<sup>43</sup> Рейтинг упоминаемости губернаторов за период с 7 октября по 17 ноября 2002 г. на сайте Regions.ru: <http://www.regions.ru> (доступ 22 декабря 2002 г.).

<sup>44</sup> Сообщение пресс-центра новгородской администрации от 16 октября 2002 г.

ми стрингерами. ИТАР-ТАСС, «Экономика и жизнь», «Российская торговля», «Сегодня», «Аргументы и факты», «Огонек» и радио «Россия» имеют аккредитованных местных корреспондентов<sup>45</sup>. Наиболее плодовитый местный корреспондент Андрей Рискин опубликовал более двухсот статей в санкт-петербургской «Независимой газете», беззастенчиво критичных по отношению к губернатору и недавнему мэру.

Крупнейшая проблема, с которой сталкиваются СМИ в Новгороде, — это не политический контроль, а неспособность лидеров бизнеса признать их финансовую и политическую ценность. Тем не менее с 2000 г. такое восприятие стало быстро меняться. Лидеры бизнеса начинали понимать, что владение медийной компанией серьезно повышает их политический и социальный статус. Ее можно использовать для лоббирования в органах власти, продвижения кандидатов на политические посты и даже для продвижения своей продукции и формирования положительного отношения населения к бизнесу. Сегодня, когда такие капиталовложения становятся целесообразными не только с политической, но и с финансовой точки зрения, все больше инвесторов обращаются к местному рынку СМИ<sup>46</sup>.

### *Наиболее частые ошибки теорий демократизации*

Из сделанного обзора было бы неверно заключить, что в Новгороде все идет гладко. Однако истинные проблемы Новгорода — проблемы, которые обычно возникают в начальном периоде демократической консолидации, а не демократического перехода. Так, крупной проблемой, стоящей перед Новгородом, является формализация будущей роли политических партий. Полагаю, что их встраивание в существующую корпоративную структуру окажется гораздо более трудной задачей, чем это представляется элите, и будет сопровождаться расколами ранее достигнутого общественного согласия.

<sup>45</sup> Сообщение пресс-центра новгородской администрации от 16 октября 2002 г.

<sup>46</sup> Генерозова Ю. Борис Гиллер завоевывает провинцию... «Независимая пресса стала силой, с которой приходится считаться. В период острой конкуренции на выборах мэра Великого Новгорода в декабре 2002 г. впервые лидеры деловых кругов открыто бросили вызов губернатору и использовали свое влияние на СМИ, собрав почти 20% голосов за альтернативного кандидата. Впервые с 1990 г. распалось знаменитое публичное единство в регионе» // Великий Новгород: Обзор местной прессы за 11–12 декабря 2002 г. о выборах мэра города. Телеграфная служба ИА «Регнум» (14 декабря 2002 г.).

Второй проблемой является то, что сравнительное преимущество Новгорода как магнита для иностранных инвестиций постепенно исчезает. Другие регионы стали применять аналогичные налоговые стимулы, и с ростом инвестиционной привлекательности страны небольшое население Новгорода, стареющая рабочая сила и удаленность от Москвы становятся более существенными преградами для инвесторов. Если регион не сможет привлекать новых инвесторов и готовить у себя более квалифицированную рабочую силу, то очень быстро возникнет порочный демографический круг, который в итоге приведет к росту зависимости региона от дотаций из Москвы. Будет весьма трудно тогда противостоять усилиям Москвы по централизации финансовых и политических ресурсов.

Наконец, грядет переходный период после М. Прусака, который я считаю окончательным испытанием Новгорода на достижение им демократической консолидации. Если после ухода губернатора М. Прусака со своего поста в 2008 г. сохранится социальное партнерство, которое он помог создать, то можно будет говорить с уверенностью о том, что оно стало постоянным элементом регионального общественного сознания. Если же новым политическим лидерам удастся персонализировать режим, как это случилось в Нижнем Новгороде после ухода Б. Немцова, то Новгород, определенно, еще не прошел путь к демократической консолидации.

Однако эти предстоящие проблемы не должны заслонять от нас того заметного прогресса, который уже достигнут регионом. Я бы даже сказал, что они подчеркивают необходимость для Новгорода заглядывать дальше переходного периода и задумываться о развитии институционализации демократических моделей правления. Иными словами, свидетельства демократической консолидации в Новгороде достаточно серьезны, чтобы мы спросили себя, почему их столь последовательно игнорировали. Для этого явно недостаточно просто перенести анализ с федерального на региональный уровень. Нужно пересмотреть три основных подхода к анализу регионов в России — структуральный, анализ элит и харизмы лидеров, которые так и не смогли раскрыть тайну необычайного экономического и политического успеха Новгорода.

#### *Ограниченность структурализма*

Структурализм — один из наиболее популярных подходов к объяснению растущих различий между российскими регионами, соглас-

но которому унаследованные физические, географические и институциональные атрибуты резко ограничивают политический и экономический выбор региона<sup>47</sup>. Берт ван Зельм, например, утверждает, что существует четкая взаимосвязь между унаследованной экономической инфраструктурой и экономическим успехом в первые годы переходного периода в Российской Федерации. Регионы, наделенные «успешной» промышленностью, развивались намного лучше регионов с «неуспешными» отраслями<sup>48</sup>. Ван Зельм особенно подчеркивает важность природных, трудовых ресурсов и капитала, в то время как другие ученые выделяют удачное географическое положение, транспортную или промышленную инфраструктуру как решающие факторы регионального развития<sup>49</sup>. Но хотя очевидно, что определенные регионы имеют естественные преимущества, столь же очевидно, что некоторые могут сделать больше с меньшими усилиями. Поэтому строго структуральный подход — один из наименее эффективных для объяснения, почему Новгород, стоявший на 63-м месте среди российских регионов с точки зрения потенциала для развития, стал одним из самых быстро развивающихся регионов России.

Более утонченная версия теории о структурных ограничениях рассматривает то, как губернаторы используют свои политические ресурсы. Питер Ставракис полагает, что «тщательный анализ того, кто что сказал и кто кого поддерживал во время событий октября 1993 г., подходит для прогноза успеха регионов несколько не меньше, чем любой другой», в то время как Филипп Рёдер доказывает, что те, кто имел привилегированное структурное или властное положение, унаследованное от советского прошлого, скорее всего могут более эффективно мобилизовать ресурсы в ответ на меняющиеся политические и

<sup>47</sup> См.: Lynch A.C. Roots of Russia's Economic Dilemmas: Liberal Economics and Illiberal Geography, "Europe-Asia Studies. Jan. 2002. Vol. 54. №1. P. 31; Kitschelt H. Postcommunist Economic Reform. Causal Mechanisms and Concomitant Processes: Доклад, подготовленный для чтения на ежегодной конференции Американской политологической ассоциации (American Political Science Association). Сан-Франциско, 2001, 30 августа — 2 сентября.

<sup>48</sup> Selm B. van Economic Performance in Russia's Regions // Europe-Asia Studies. June 1998. Vol. 50. №4. P. 618–619.

<sup>49</sup> Buckley C., Smyth R. The Ties that Bind: The Importance of Region in the Construction of Social and Political Citizenship // Blair Ruble, Nancy Popson and Jodi Koehn eds. Fragmented Space: Center and Region in the Russian Federation. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. P. 81–122.

экономические условия<sup>50</sup>. И тот и другой анализ отражает структуралистский аргумент, известный как «мобилизация ресурсов» и подразумевающий, что различные ресурсы и организационные потенциалы, имеющиеся в регионе, решительным образом влияют на выбор стратегии губернатора в его торге с центром<sup>51</sup>.

Структуральный подход к Новгороду был применен Майклом Брэдшоу и Дмитрием Зиминим, которые не находят в регионе серьезных экономических или политических трансформаций. С их точки зрения, те экономические успехи, которыми может похвастаться Новгород, обусловлены действием двух факторов: успешным лоббированием интересов региона в Москве губернатором М. Прусакком и необычайно высоким уровнем прямых иностранных инвестиций. Этот высокий уровень ПИИ, однако, стал результатом не реальной структурной реформы, а способности губернатора осуществлять прямой контроль деятельности региональной думы и муниципальных властей. Эта политика, таким образом, представляет собой смесь популизма и патернализма, купленную ценой истинной демократизации<sup>52</sup>.

Есть несколько проблем, связанных с этим анализом. Первая — точка зрения о том, что социальная стабильность может быть навязана сверху. Если бы связь между патернализмом, стабильностью и иностранными инвестициями была столь очевидна, российские регионы купались бы в иностранном капитале. Отдавая должное социальной стабильности, иностранные инвесторы более охотно говорят о внимательном отношении администрации Новгорода к потенциальным инвесторам, о помощи в ведении переговоров от их имени с министерствами в Москве и в особенности о готовности предложить выгодные долгосрочные налоговые льготы в обмен на гарантию крупномасштабных капиталовложений.

<sup>50</sup> *Stavakis P.J.* Understanding Russian Regionalism—What Remains to Be Done. IEWS Russian Regional Report. June 1997. Vol. 2. №22; *Roeder P.* Soviet Federalism and Ethnic Mobilization // *World Politics*. January 1991. Vol. 43. №2. P. 196–232; *Roeder P.G.* Transitions From Communism: State-centered // *Harry Eckstein et al., eds.* Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations. New York: Rowman & Littlefield, 1998. P. 201–228.

<sup>51</sup> *Dowley K.M.* Striking the Federal Bargain in Russia: Comparative Regional Government Strategies // *Communist and Post-Communist Studies*. December 1998. Vol. 31. №4. P. 363.

<sup>52</sup> *Zimine D.A., Bradshaw M.J.* Regional Adaptation to Economic Crisis in Russia: The case of Novgorod Oblast // *Post-Soviet Geography and Economics*. 1999. Vol. 40. №5. P. 343.

Что касается утверждения о том, что тесные взаимоотношения губернатора с бывшим премьер-министром Виктором Черномырдиным привели к увеличению федерального финансирования Новгорода, то решение Новгорода добиваться финансовой независимости от Москвы было принято, когда Черномырдин еще не занимал этот пост<sup>53</sup>. Более того, до 1998 г. М. Прусак ни разу не упоминался в качестве эффективного лоббиста в каких-либо московских рейтингах. Он добился самых высоких рейтингов как лоббист только после того, как Черномырдин оставил свой пост, и несмотря на натянутые отношения с премьер-министрами Евгением Примаковым и Михаилом Касьяновым. Бывало, что Новгород получал свои трансферты раньше других регионов, но известно, что регион также выплачивал свои налоговые поступления раньше. Вывод Д. Зимина и М. Брэдшоу о том, что Новгород получал более значительную поддержку центра как показательный регион, попросту не соответствует истине.

Сам за себя говорит тот факт, что Зимин и Брэдшоу не упоминают ключевой компонент новгородской модели — усилия по сокращению зависимости региона от федеральных субсидий. Структуралистам такие усилия кажутся нелогичными, поскольку, делая свой бюджет более сбалансированным, Новгород получает меньшие трансферты из Москвы. Это приобретает смысл, только если мы понимаем, что это делалось не с одобрения Москвы, а потому, что Новгород уже не верил в то, что Москва станет платить по его обязательствам. Находясь между двух огней — недофинансированием социального заказа и конфискационной налоговой политикой, — местные чиновники неохотно начали преследовать цель финансовой автономии от Москвы. Именно поэтому, а не в результате успешного лоббирования ПИИ заняли центральное место в экономической стратегии региона.

Зимин и Брэдшоу также полагают, что в стремлении к социальной стабильности, столь привлекательной для иностранных инвесторов, Прусак противодействовал развитию демократических институтов. Они цитируют заместителя председателя областной думы Любовь Андрееву, заметившую, что «целью депутатов является не создание законов, а утверждение законопроектов, представленных губернато-

<sup>53</sup> *Прусак М. М.* Реформы в провинции. М.: Вече, 1999; *Фаричный С. Ю.* Развитие местного самоуправления на территории Новгородской области // *Земство и возрождение его культурно-хозяйственных традиций* / Под ред. В.И. Ромашовой. Новгород: Новгородская областная научная библиотека, 1996. С. 39.



ром»<sup>54</sup>. Это мнение, наряду с назначением мэра Новгорода на должность вице-губернатора, для Зимина и Брэдшоу означает, что дума и муниципальная администрация для губернатора не более чем резиновые штампы.

Это в корне неправильное истолкование роли законодательных институтов в Новгороде. В своем интервью г-жа Андреева *не* говорит, что роль областной думы состоит в одобрении законопроектов, внесенных губернатором. Скорее она отмечает, что в тех регионах, где, в отличие от Новгорода, депутаты получают постоянную заработную плату, они «считают себя обязанными готовить законопроекты», чтобы оправдать получаемое содержание. Это, в свою очередь, ведет к расширению штатов, и она заявляет, что абсолютно непонятно, в чем выигрывает регион, оплачивая столь многих людей, основная функция которых состоит в содействии карьерному продвижению отдельных законодателей. Андреева доказывает, что Новгородское законодательное собрание, члены которого совмещают деятельность с основной работой, намного эффективнее, поскольку вместо раздувания аппарата, слишком увлекающегося политиканством, ведется конкретная законодательная работа<sup>55</sup>.

Зимин и Брэдшоу также не правы, когда говорят, что дума не отклонила ни одного законопроекта, предложенного губернатором<sup>56</sup>. Она никогда не отклоняла *финальных* версий законопроектов, однако возвращает для пересмотра администрацией три из четырех внесенных законопроектов<sup>57</sup>. В том же интервью Андреева настаивает, что все ветви власти должны работать независимо, без вмешательства или надзора со стороны других ветвей власти. В действительности дума выступает с законодательными инициативами в 20–30% случаев<sup>58</sup>.

<sup>54</sup> *Zimine, Bradshaw. Regional Adaptation. P. 341.*

<sup>55</sup> *Митрофанова А.* Давайте жить дружно! (8 декабря 1998 г.). На самом деле Новгородская дума имеет профессиональный аппарат, рассматривающий законодательство, готовящий поправки, а также направляющий предлагаемые акты на доработку соответствующему органу, выступившему с законодательной инициативой. Однако этот аппарат обслуживает думу в целом, а не отдельных депутатов; Беседа с Анатолием Бойцевым, председателем Новгородской областной думы // Великий Новгород, Россия. 2000, 5 мая.

<sup>56</sup> *Zimine, Bradshaw. Regional Adaptation. P. 341.*

<sup>57</sup> Беседа с Анатолием Бойцевым (5 мая 2000).

<sup>58</sup> Там же. В своем интервью Бойцев приводит цифры за 1999 г. Ольга Кузнецова, эксперт рабочего центра по экономической реформе правительства России, дает цифру 20% за 1997 г. См.: *Кузнецова О.* Новгородская и Псковская области: экономические и политические факторы развития // Вопросы экономики. 1998. №10. С. 148.

Назначение мэра Новгорода (в то время Александра Корсунова) вице-губернатором также не свидетельствует о его зависимости. Бывший заместитель председателя думы Великого Новгорода Ирина Кибина следующим образом описывает эти взаимоотношения: «Имея стабильную доходную базу, муниципальные образования могут проводить политику, относительно независимую от политики региональной власти. На политической арене это оборачивается многочисленными конфликтами между губернатором и мэром. Дело в том, что, несмотря на все экономические, финансовые и политические кризисы, именно муниципальные власти в большинстве регионов пользуются наибольшей поддержкой населения. Губернатор не может этого игнорировать, в особенности до того, как его самого изберут на выборах. Добавим, что именно муниципалитеты лучше всех знакомы с каждодневной жизнью населения. Через систематическое предоставление налоговых льгот предприятиям, бюджетным учреждениям и конкретную социальную поддержку они могут значительно влиять на общественное мнение. Это может оказаться ценным ресурсом во время выборов или попросту повлиять на то, как долго тот или иной губернатор, мэр или даже чиновник будет занимать свою должность»<sup>59</sup>.

Объяснения развития демократии в регионе, основанные на унаследованных географических, институциональных или экономических ограничениях, служат лишь для исключения самой возможности ускоренных социальных изменений. Когда такие изменения происходят, структуралисты или отвергают их свидетельства, или характеризуют их как побочные продукты внешнего финансового или политического вмешательства, изменившего существующие структурные рамки. В результате такого подхода быстрые социальные изменения, мотивированные внутренними факторами и приводящие к выходу региона за пределы присущих ему структурных ограничений, попросту остаются незамеченными.

### *Тяжелое бремя поведения элит*

В то время как структуралисты видят местных лидеров неспособными провести социальные изменения ввиду неподконтрольных им обстоятельств, теоретики поведения элит настаивают на противопо-

<sup>59</sup> *Kibina I.* Federalism in the Russian Federation // Report prepared for the law firm Steptoe & Johnson in Washington, D.C. Summer 1999. P. 24–26 (личная копия).

ложной точке зрения. Они считают, что сделка ключевых политических и экономических «акторов» позволяет региону преодолеть унаследованные от советского периода ограничения. Такая сделка элит представляется как сговор представителей прошлой коммунистической элиты с целью сохранения собственного политического влияния. Применительно к российским регионам теории поведения элит выделяют еще два взгляда: во-первых, что любые решения местных элит имеют лишь маргинальное значение, во-вторых, что региональные элиты в России несправедливо эгоистичны. Они попросту неспособны поделить власть, элементарной основой для демократической консолидации. Такие предположения опять-таки исключают любые социальные изменения.

Джозел Мозес, например, проводит различия между «монолитными» и «плюралистическими» регионами в России. В первых политический режим практически не менялся с советских времен, и автономные центры власти не признаются<sup>60</sup>. В последних «субрегиональные политические кланы» служат суррогатами политических партий и выполняют во многом те же функции<sup>61</sup>. Хотя такие кланы и стремятся к своеобразному элитному консенсусу, российским регионам нельзя выставить высокую оценку за их демократическое развитие, поскольку им недостает основных предпосылок «демократического плюрализма» и «гражданской активности»<sup>62</sup>.

Мозес не замечает регионального демократического развития, поскольку опускает взгляд слишком низко. Он вовсе не видит в России возможности самоограничения элит ради общественного блага. Более того, соперничество, которое Мозес рекламирует как столь полезное для демократии, если оно находит выражение в конкуренции партий, при такой конкуренции фактически только обостряется. Поскольку партии в настоящий момент не имеют стабильного электората, они не сдерживают политическое поведение, а лишь легализуют бескомпромиссную политическую войну. Выделяя конфликт и

<sup>60</sup> *Moses J.C. Rethinking Political Typologies of Russian Regions. Paper delivered at the annual convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies. September 1999. P. 18.*

<sup>61</sup> Там же. P. 9.

<sup>62</sup> *Ibid. P. 16.* В своей последней работе Мозес подтверждает данную ранее оценку процесса демократизации как все еще пробного. См.: *Moses J.C. Political-Economic Elites and Russian Regional Elections 1999–2000: Democratic Tendencies in Kaliningrad, Perm and Volgograd. Europe-Asia Studies. September 2002. Vol. 54. №6. P. 905–932.*

партии как меру демократизации, Мозес, таким образом, сосредоточивает внимание именно на элементах, работающих преимущественно на подрыв демократической консолидации в России<sup>63</sup>.

Еще один исследователь, применивший теорию элит при изучении развития российских регионов, – Кэтрин Стоунер-Вайс. Основываясь на работах структуралистов, она утверждает, что регионы с высокой концентрацией определенных отраслей промышленности обычно добиваются большего успеха в смягчении внутренних конфликтов и выступлении единым фронтом на переговорах с Москвой. Результатом являются лучшее управление и большая удовлетворенность властью со стороны общества. Тесная связь политической и промышленной элит способствует взаимной зависимости, напоминающей «компани таун»\* в истории США.

Корреляция, возникшая в результате концентрации региональной экономики, выражалась в том, что государство учло экономические интересы в политическом процессе, обеспечив экономически заинтересованным группам получение от государства материальных преимуществ. В обмен на это группы позволили гарантировать широкое общественное согласие по ключевым проблемам и использовали свои ресурсы в поддержку эффективности власти и ее легитимности в обществе. Так объединение интересов поддерживало консенсус и высокую эффективность работы власти, по крайней мере на краткосрочной основе<sup>64</sup>.

Стоунер-Вайс доказывает, что региональные элиты привязаны к местной промышленности, а она зависит от государственных капиталовложений. Поэтому объединение ресурсов, способствующее эффективности лоббирования интересов и тех и других, становится непреодолимо привлекательным. Это – разновидность весьма популярного в

<sup>63</sup> Под влиянием неумолимой логики их собственной модели некоторые региональные аналитики, считающие остроту политических конфликтов «хорошим показателем для демократии в целом» (a good indicator of democracy in general), делают действительно экстравагантные выводы. Так, Николай Петров считает Псков более демократичным, чем Новгород, а Ульяновск – чем Самара: Press conference with Nikolai Petrov, Moscow Carnegie Center Official, regarding the Democracy Standards in Russian Regions // Federal News Service. October 15, 2002. Цит. по: Johnson's Russia List. №6498, адрес он-лайн: <<http://www.cdi.org/russia/johnson/>> (доступ 4 ноября 2002 г.).

\* Company town – поселок, в котором все основные виды жизнедеятельности населения связаны с продукцией одной фирмы (примеч. пер.).

<sup>64</sup> *Stoner-Weiss K. Why are Some Regions Doing Better than Others? // IEWS Russian Regional Report. May 29, 1997. Vol. 2. №19.*

американской политологий подхода, так называемого получения ренты. Российские элиты добывают для себя «большую ренту» через торг вокруг увеличения местного контроля над собственными ресурсами. Элиты в регионах с обширными экономическими ресурсами делают это лучше, чем более бедные, так как федеральное правительство вынуждено скорее обратить на них внимание. Однако, несмотря на старания богатых ресурсами регионов добиться от Москвы перераспределения налоговых поступлений и своими угрозами заново начать переговоры о правах Федерации на местные ресурсы, они вскоре поняли, что, поскольку весь приток иностранного капитала и доступ к зарубежным рынкам проходит через Москву, им придется сотрудничать с крупнейшими московскими банками или страдать от финансового голода среди изобилия ресурсов.

Такие объяснения региональных различий также предполагают возможность получения элитами значительных выгод в ходе переговоров с федеральными властями в Москве. Опыт, однако, показал губернаторам, что такие выгоды ненадежны. Поэтому сомнительным кажется, что высокая концентрация промышленности *сама по себе* является достаточным мотивом для такого значительного сдвига в поведении, как стремление к экономической эффективности и политическому единству. Хотя она и может временно объединить местную элиту в ее противостоянии Москве, такое единство будет легко подрываться практически колониальной зависимостью от Москвы с точки зрения денежных поступлений.

Именно поэтому как раз те региональные лидеры, которые рассчитывали спасти устаревшие производственные базы благодаря своим лоббистским усилиям, становились бедными быстрее, чем регионы, которые этого не делали. Нижний Новгород, известный своей высокой концентрацией оборонной промышленности, тому пример. Стоунер-Вайс считает такую концентрацию причиной экономического успеха и политической стабильности Нижнего и предполагает, что и то и другое будет продолжаться, пока местные промышленные элиты будут получать от центра экономические льготы. Однако сформировавшийся политический консенсус рухнул, как только Немцов стал вице-премьером в Москве, хотя региональная элита должна была экономически выиграть от его карьерного продвижения. В противоположность этому Саратов, регион, находившийся в экономической депрессии, пережил бурный рост экономики, после того как губернатор Аяцков принял решение резко сократить поддержку старых

индустриальных лобби и не ощутил никакого видимого снижения внутренней политической стабильности<sup>65</sup>. Этот контраст становится еще более очевидным в регионах, где элиты решили отказаться от нерентабельной промышленной базы. В Новгороде высокий уровень отраслевой концентрации предприятий электроники и машиностроения рассматривался как основная причина экономической стагнации региона. С 1990 по 1993 г. эти отрасли так быстро разваливались, что никакие усилия власти по их спасению не могли бы им помочь. Эти примеры показывают наиболее традиционную ошибку теорий поведения элит – неспособность рассматривать любые мотивы, кроме самых узких эгоистических интересов. Теории элит обычно изображают российские элиты, будь то местные или национальные, как ослепленные желанием сохранить свои привилегии. Поэтому, по определению, высокий уровень консенсуса элит в регионе означает наличие эгоистичной олигархии с чрезвычайно низкой базой поддержки среди населения. Такое всепоглощающее желание ограничить доступ к власти попросту не соответствует тому, что произошло в Новгороде. Мотивы, стоящие за поведением элит в России, являются гораздо более сложными.

При обсуждении уже отмечалось, что на определенном этапе элиты могут увидеть преимущества расширения своей социальной базы поддержки. Кроме того, представители элиты могут искренне верить, что, соблюдая свои собственные интересы, они одновременно служат общему благу. Оба этих взгляда лучше объясняют самоуничтожающее поведение как национальных, так и местных элит в период с 1989 по 1991 г., когда миллионы людей на всех уровнях советского общества вышли из коммунистической партии, тем самым разрушив статус-кво.

Наиболее важным фактором, сдерживающим стяжательство элит в Новгороде, как местные гражданские активисты, так и правительственные чиновники называют «интуитивное чувство истории». Как выразился один из высокопоставленных руководителей города, «наша главная цель – развитие идентичности Новгорода. Это уникальный город: он не пережил татаро-монгольского ига; враг занимал его всего два раза на протяжении всей его долгой истории. Городская администрация использует историю для создания и поддержания идеа-

<sup>65</sup> Голуб Ю., Динес В., Коннышев Д. Саратовская область – консолидация власти // Власть. 1998. №5. С. 37–45.

лов»<sup>66</sup>. Объясняя заботу элиты о стабильности институтов, один из лидеров НКО отмечает, что «они [элита] постоянно проживают в Новгороде и намерены остаться здесь навсегда. Если они будут воровать, присваивать, эксплуатировать или пренебрегать чем-то сегодня, им мало что останется делать завтра. На сегодня они заработали достаточно денег и приобрели немало собственности. Настало время для других целей, например завоевания признания себе подобных и общества в целом»<sup>67</sup>. Другой городской чиновник так охарактеризовал разницу в менталитете новгородской и московской элит: «Они приняли решение жить в Новгороде. Поэтому они не могут просто украсть и убежать ... Здесь есть четко определенные правила игры. И они соблюдаются»<sup>68</sup>.

Когда такие взгляды получают распространение среди элиты, институциональная стабильность, общественная благотворительность и социальное партнерство начинают приобретать большой смысл. Однако мы еще не знаем, почему такой консенсус появился в Новгороде и не имел места в большинстве других регионов. Мы вскоре вернемся к этому вопросу, а сейчас просто заметим, что неспособность большинства теоретиков поведения элит принимать во внимание местные культурно-исторические особенности приводит их к весьма мрачному взгляду на готовность элиты способствовать демократической консолидации.

*Ищем харизму, находим авторитаризм*

Еще одним очень популярным подходом осмысления различий в развитии российских регионов является выделение роли губернатора в политической судьбе того или иного региона. Постоянный спрос на «великого человека» в российской политике кажется легко доказуемым доминирующей ролью сначала Бориса Ельцина, затем Владимира Путина. Нетрудно сделать следующий шаг и приписать такое же влияние на местном уровне губернаторам.

Один из наиболее плодотворных аналитиков, придерживающихся этой традиции, — Владимир Гельман. По его мнению, все российские регионы следуют одной из четырех сформировавшихся моделей:

<sup>66</sup> Dinello N. What's so Great about Novgorod-the-Great: Trisectoral Cooperation and Symbolic Management. June 3, 2001. Contract №814–25 by the National Council for Eurasian and East European Research (NCEEER). Washington, D.C. P. 19.

<sup>67</sup> Ibid. P. 12.

<sup>68</sup> Ibid. P. 12–13.

1) анархия — война всех против всех; 2) «победитель получает все»; 3) сговор элит с целью сохранения статус-кво; 4) «война по правилам», в которой принятие общих правил игры позволяет элитам обуздать междоусобные раздоры<sup>69</sup>.

Примером первой модели является Чечня, второй — новая концентрация власти в руках старой коммунистической элиты. Такие режимы, включая Калмыкию, Татарстан и Москву, систематически подавляют оппозицию и откровенно контролируют местные СМИ<sup>70</sup>. Третья модель обычно является результатом соглашения представителей старой коммунистической элиты по разделу влияния с бывшими директорами предприятий. Сговор элит обычно менее стабилен, чем режимы, сформированные по принципу «победитель получает все», считает Гельман, поскольку такой сговор, как правило, неформален. Так, внезапные изменения в положении ключевых игроков, особенно губернатора, могут привести к новому циклу нестабильности в регионе, как в случаях Нижнего Новгорода, Томска и Омска. В региональных режимах последнего типа — «война по правилам» — силы, соревнующиеся за власть, имеют примерно равные возможности. Поскольку по отдельности победить они не могут, они неохотно, но соглашаются на определенные базовые правила. Примеры, пишет Гельман, включают Удмуртию и Свердловскую область<sup>71</sup>. Наибольшие надежды для местной политики, считает Гельман, внушает именно «война по правилам», но в сегодняшней России все местные режимы «безнадежно далеки от плюралистической демократии»<sup>72</sup>.

Во всех четырех моделях общей бедой является стремление губернаторов к абсолютной власти. Гельман классифицирует Новгород как типичную модель «победитель получает все», подобную Москве или

<sup>69</sup> Гельман В., Рыженков С. Политическая регионалистика в современной России: от общественного интереса — к научной дисциплине? (август 1996 г.). С. 28 (личная копия). Полный список работ Гельмана можно найти на его веб-странице: <http://www.eu.spb.ru/socio/staff/socio4.htm> (доступ 30 апреля 2003 г.).

<sup>70</sup> Гельман В. Трансформация политического режима и выходы из неопределенности. Докл. для семинара «Региональная Россия» в Институте передовых исследований России им. Кеннана. Вашингтон, округ Колумбия, 8–9 мая 1998 г. С. 13 (личная копия). Впоследствии переведен на английский язык как Regime Transition, Uncertainty and Prospects for Democratization: the Politics of Russia's Regions in a Comparative Perspective // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. №6. P. 939–956.

<sup>71</sup> Там же. С. 18–20.

<sup>72</sup> Там же. С. 19.



Татарстану. Здесь, пишет он, доминирует харизматический и строго авторитарный губернатор, чья победа на выборах в 91% голосов есть доказательство склонности к авторитарному правлению. Однако при более близком рассмотрении этот человек и его политическое кредо раскрывают перед нами более тонкие оттенки.

### Высказывания губернатора М. Прусака

#### КТО ДОЛЖЕН ПРАВИТЬ . . .

Власть может и должна опираться на те 15–20% активных, но неостребованных людей, которые хотят работать на благо своей страны (1).

Я принадлежу к людям, имеющим власть и деньги, а потому моя задача — предложить этому классу людей, у которых власть и деньги, программу. У власти есть еще шанс себя сохранить, но не попыткой рассказать народу о бедствиях России и о том, что она, лапотная, никак не может ответить на вопрос «что делать?». Что делать? Заставить власть и деньги играть по правилам (2).

Помните, профессору Преображенскому говорили: «Вы не любите пролетариат». — «Да, не люблю.» Так вот..., кстати, с ним я в этом согласен (3).

Внедрение элементов гражданского общества в повседневную российскую жизнь для меня стоит задачей номер один... Я также уверен, что можно выстроить гражданское общество и на уровне региона, было бы желание(4).

Опасайтесь политиков, которые говорят, что служат народу (5).

#### НОВЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ...

Я хочу, чтобы были правила, при которых бы любой пришедший на мое место обязан был бы подчиняться прежде всего правилам, а не своей собственной амбиции, своей собственной душе (6).

...мы должны отдавать себе отчет в следующем — любая вертикаль власти, любое усиление государственной власти в России должно быть на основании только закона, а не воли одного человека (7).

Известное и часто повторяемое выражение «Россия сильна своими регионами, на наш взгляд, необходимо продолжить следующим образом — регионы сильны своими районами, районы сильны селами, поселками (8).

Надо не власть в регионы передавать, а деньги и собственность (9).

Хочу сказать одно: моя задача как главы администрации — от имени государства создать условия, когда каждый смог бы зарабатывать деньги и сам работать на себя... Но если люди сами не захотят работать (что мы и наблюдаем порой), то я ничего сделать не могу (10).

При рыночной экономике не бывает безвыходных положений, рынок тем и хорош, что каждому дает шанс выжить, разбогатеть и каждого заставляет работать (11).

Я ни с кем не борюсь. У нас в стране всегда с кем-то боролись. Боролись с капитализмом, за создание БАМа. Я гораздо охотнее пишу разумные законы и иду на компромиссы (12).

#### КАК НЕЛЬЗЯ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ...

Если бы меня спросили, как развалить Россию политически и экономически, я бы ответил: поделить страну на 7 округов (13).

Противно жить в обществе, когда все навязывают сверху, причем не самые умные люди (14).

Президент мог бы положиться на граждан, но для этого люди должны перестать смотреть ему в рот и с утра до вечера повторять, словно молитву: «Как скажете, Владимир Владимирович, так и сделаем...» Но сегодня президент — это мы. Либо помогаем ему, либо смотрим, как он бьется в одиночку при нашем быдлинном молчании (15).

...строим государство на базе так называемой евразийской идеологии. А она предполагает строгую централизацию, неуважение к историческим и культурным особенностям территорий, пренебрежение к многообразию экономических укладов, кроме официально признанных, чиновничество вплоть до идолопоклонства... (16)

#### НЕМНОГО РУССКОЙ ИСТОРИИ...

Сегодня без обращения к Новгороду практически невозможно правильное освещение хода русской истории (17).

...период с 1985-го по 2000-й год мы будем вспоминать как время оттепели (18).

Я только хочу напомнить: в России никогда не отнимали деньги — отнимали жизнь, а деньги становились «достоянием республики» (19).

Вопрос: Если бы во времена Новгородской республики на легендарном вече, где избирали тамошнюю власть, выступили некоторые нынешние российские политики, как бы вече отреагировало бы на их выступление?

ПРУСАК: Думаю, что пригласили бы Рюрика (20).

(1) Российские политические портреты (Альянс Медиа). «Централизация власти — опаснейшая тенденция, считает губернатор Новгородской области», 19 марта 2002 г.

(2) Елена Огородникова. Правее правых. Чем Прусак лучше Немцова. Izvestiya.ru, 24 января 2002 г.

(3) Дмитрий Травин. Михаил Прусак: я опираюсь на неопартхозактив // Дело, 3 декабря 2001 г.

(4) Станислав Стремидловский. Губернатор Новгородской области Михаил Прусак: «Один раз покривишь душой — больше никто не поверит» // Век, 9 августа 2002 г.

(5) Ibid.

(6) Михаил Прусак, интервью на радиостанции «Маяк», программа «Политический Олимп», 23 декабря 1998 г.

(7) Стенограмма пресс-конференций радио «Эхо Москвы» в прямом эфире, ведущая Нателла Болтынская, 7 июня 2002 г.

(8) Область будет не выживать, а жить и развиваться // Новгородские ведомости, 22 июля 1993 г.

- (9) Людмила Телень. Управляющий делами // Московские новости, 22 апреля 2003 г.
- (10) Виктор Крутиков. Засучим рукава, новгородцы! // Новгородские ведомости, 24 декабря 1991 г.
- (11) Юрий Красавин. Рынок всем дает шанс // Земля новгородская, 12 июня 1992 г.
- (12) Barbara Kerneck. Von Steuern und Offizierspastete // taz, die tageszeitung, 25 июля 2000 г.
- (13) Агентство политических новостей «Волгаинформ»: «Прусак хочет поделить Россию на 7 округов», 22 февраля 2002 г.
- (14) Российские политические портреты (Альянс Медиа): «Я за назначение губернаторов президентом, но по согласованию с регионами», 19 марта 2002 г.
- (15) Правительство — в отставку! // Комсомольская правда, 28 марта 2002 г.
- (16) Людмила Телень. Управляющий делами // Московские новости, 22 апреля 2003 г.
- (17) М. Прусак. Предисловие // Новгородский архивный вестник. 1999. №1. С. 4.
- (18) Мария Олькина. Коммерсантъ-СПб., 11 апреля 2002 г.
- (19) Валерий Фадеев. В России никогда не отнимали деньги—отнимали жизнь // Эксперт, 1 ноября 1999 г.
- (20) Виталий Ушанов. Беседа с губернатором Новгородской области Михаилом Прусакom // Радио «Россия» программа «Персона нон грата», 10 декабря 1999 г.

С момента своего назначения губернатором в 1991 г. М. Прусак последовательно указывал на две вещи, которые должны произойти, чтобы Россия изменилась: должна повыситься подотчетность власти, и регионы должны стать основой политической и экономической жизни страны. Подотчетность власти должна развиваться путем создания системы «самоуправления населения, сочетающей исторические традиции России и современный опыт»<sup>73</sup>. Разнообразие таких традиций живо и по сей день: казачий круг на Кубани, советы старейшин в горах Кавказа, племенные советы в Сибири и на Дальнем Востоке и, конечно, новгородское вече. Их нужно поощрять, чтобы развивать на региональной основе гражданское общество, служащее противовесом централистским устремлениям Москвы<sup>74</sup>.

<sup>73</sup> Из предвыборной программы Прусакa как кандидата в депутаты Совета Федерации «Поможем себе сами» // Провинциал [еженедельная газета Северо-Запада России] 1993, 19 декабря. С. 3.

<sup>74</sup> Архангельская Н. Как поделить страны // Эксперт. 2001. 29 октября; Болтянская Н. В прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» губернатор Новгородской области Михаил Прусак... (7 июня 2000 г.).

По схеме Прусакa, президент и национальное законодательное собрание должны отвечать лишь за создание общих правил, применимых ко всей Российской Федерации. В этих рамках ответственность за реализацию политики лежит на губернаторе, который должен назначаться президентом и утверждаться местными законодателями. Руководители районов должны быть подотчетны губернатору, а губернатор — президенту, и их подотчетность должна быть максимально прямой, а не проходить через промежуточные президентские структуры и многочисленные правительственные министерства. Упрощая вертикаль власти, говорит Прусак, мы сокращаем потребность в большом бюрократическом аппарате. Такая комбинация государственной подотчетности и уважения к местным традициям позволит осуществить реформы с необходимым «изяществом»<sup>75</sup>.

Люди инстинктивно испытывают больше доверия к своим местным институтам, говорит Прусак, но, чтобы внушать уважение, эти институты должны иметь реальную политическую власть и достаточные экономические ресурсы. Не более 4% местной собственности должно принадлежать федеральным властям<sup>76</sup>. Переход ресурсов к местным образованиям предотвратит доминирование Москвы над регионами, но что помешает губернаторам злоупотреблять своей властью? Во-первых, поскольку на эту должность, как предусматривает Прусак, будет назначать президент, существует и возможность снятия с нее. Во-вторых, есть постоянные представительные собрания, которые Прусак видит как орган корпоративного представительства граждан и публичную форму для озвучивания новых инициатив. После соответствующих обсуждений лучшие будут узаконены местными законодательными собраниями, независимо избираемыми группами профессиональных законодателей<sup>77</sup>.

Прусак считает, что такие представительные собрания будут иметь заметные преимущества перед законодательными органами, организованными вокруг политических партий. Они дадут неразбавленное право голоса по политическим вопросам уже активно действующим группам граждан (ветеранам, ассоциациям собственников жилья, ре-

<sup>75</sup> Болтянская Н. В прямом эфире... Когда Прусак говорит о подотчетности и «сильной государственной власти», он ссылается лишь на исполнительную ветвь. Законодательная ветвь, считает он, должна отражать разнообразие местных традиций и обычаев России; Орлов А. Наступило время строить // Посев. 1994. №50. С. 58–59.

<sup>76</sup> Красавин Ю. Рынок всем даст шанс. С. 3.

<sup>77</sup> Прусак М., Савченко Е., Богомолов О. И власть, и экономика, и президент на 7 лет // Независимая газета. 2000, 25 февраля.

лигиозным сообществам, а также и партиям) вместо насильственного встраивания их в искусственные партийные структуры, не пользующиеся уважением народа. Через такие собрания политическая элита будет вынуждена на регулярной основе взаимодействовать с выразителями наиболее сильных общественных интересов, представленными в различных срезах и нюансах вместо отчета перед обществом всего один раз за четыре года. В результате возникнет своего рода постоянный гражданский форум — школа гражданской активности и тренировочная площадка для будущих политиков. Репликация такой схемы в национальном масштабе создаст хор новых политических голосов, способных конкурировать с укрепившимися группами Москвы и Санкт-Петербурга. Только такое широкое участие в политике, говорит Прусак, «может убедить президента в необходимости диалога с собственным народом»<sup>78</sup>.

Немногие обратили внимание на идеи Прусаса, пока он не опубликовал политическую программу в «Независимой газете», приурочив ее к моменту выбора и.о. Президента Путиным премьер-министра<sup>79</sup>. В последовавшей в СМИ кампании Прусаса обвинили в желании повернуть обратно к СССР и поощрению абсолютной власти Президента в ущерб автономии регионов. Принятие предложений Прусаса, предупредил самарский губернатор Константин Титов, привело бы к тотальному контролю Кремлем экономики регионов, положило бы конец деятельности политических партий и привело к «утрате гражданами способности к независимой социально-политической деятельности»<sup>80</sup>.

<sup>78</sup> Прусак М. Реформы в России проводятся не на доверии, а на противостоянии. РИА Росбизнесконсалтинг, 2000. 28 июня. Ким Холмс называет предложение Прусаса «полной копией конституции Мэдисона», однако оно гораздо больше обязано его собственному опыту работы с Новгородской общественной палатой и прочим мерам по concertации. См.: Holmes K.R., Weinberger H.C.W., Woolsey H.R.J., Cohen A.Ph.D. Who Lost Russia? // Heritage Lecture №629. January 8, 1999. Адрес он-лайн: <http://www.heritage.org/Research/RussiaandEurasia/HL629.cfm> (доступ 12 июня 1999 г.).

<sup>79</sup> Прусак как основной автор опубликовал свою программу в соавторстве с губернаторами Белгорода и Кургана. См.: Прусак М., Савченко Е., Богомолов О. И власть, и экономика, и президент... Хотя и Прусак, и Путин призывают к восстановлению вертикали власти, Прусак первый использовал этот термин в 1991 г. См.: Прусак М. Буду советоваться с новгородцами // Новгородские ведомости. 1991. 2 ноября. С. 1.

<sup>80</sup> Титов предупреждает о готовящемся путче // Служба новостей АПН. 2000. 2 марта. Фактически по плану Прусаса президентская власть стала бы несколько сильнее, а власть местных законодательных собраний осталась бы без изменений. Единственным, кто действительно ослаблялся бы в рамках такой схемы, как это не парадоксально, был губернатор. Хотя он

Оппонентам Прусаса не стоило волноваться. Его предложения никогда серьезно не рассматривались Путиным, и сам Прусак вскоре заключил, что он и президент, «кажется, настроены на разные волны»<sup>81</sup>. Проблема, как ее видит Прусак, состоит в том, что Путин принял первую половину его программы — усиление государственной власти — без передачи ресурсов и власти регионам. В результате страна неумолимо скатывается к экономической централизации и политическому низкопоклонству<sup>82</sup>. Увидев, что регионы теряют движущую силу, Прусак попытался вернуть политическое влияние путем создания новых альянсов с другими региональными лидерами и обращения к новой социальной группе — гражданскому обществу.

Прусак считает гражданское общество эволюционирующим социальным конгломератом, отдельным от государства, который нельзя навязать сверху. В то же время государство играет жизненно важную роль в создании и соблюдении четких правил игры для гражданского общества. Демократия и гражданское общество часто дополняют друг друга, говорит Прусак, однако могут и подрывать друг друга. Здесь важно помнить, что нет единой модели, которая бы работала для всех обществ. И если представители Запада считают концепции третьего сектора и гражданского общества синонимичными, то россияне смотрят на это по-другому. В России третий сектор или развивался в полной изоляции от государства, благодаря поддержке западных фондов, или был полностью от него зависим. Прусак предпочитает термин «гражданское общество», поскольку это более широкая концепция, включающая в себя профсоюзы, политические партии и даже религиозные организации.

Прусак выделяет четыре пути поддержки властью гражданского общества. Во-первых, власть должна перенести принятие политических и экономических решений на низовые уровни. Это повысит степень участия населения как в их обсуждении, так и в голосовании по данным вопросам. Во-вторых, власть должна облегчить получение

и назначал глав районов, он мог делать это только с согласия районных собраний, а сам мог быть отстранен по просьбе регионального представительного собрания при несоблюдении местных интересов. При возникновении конфликта между законодательным собранием и губернатором региональное представительное собрание становилось сильным арбитром, поскольку потенциально могло призвать к отставке губернатора.

<sup>81</sup> Токарева Е. Генеральная линия стала генеральской // Общая газета. 2000. 12 октября.

<sup>82</sup> Митрофанова Л. Михаил Прусак: Я хочу бить тревогу // Новгородские ведомости. 2000. 3 октября.

гражданскими организациями поддержки из частных источников. По мере того как Россия богатеет, говорит он, западные фонды неизбежно будут сокращать свое присутствие. До того как это произойдет, их место должны занять местные филантропы. В-третьих, местной власти необходимо срочно принять законы, устанавливающие четкие правила взаимодействия гражданского общества и благотворительных частных и государственных институтов. Наконец, местная власть должна систематически привлекать гражданские институты к планированию и реализации политики. Они являются ценным резервом с точки зрения как идей, так и трудовых ресурсов, которые местные чиновники более не могут позволить себе игнорировать<sup>83</sup>.

Хотя эти рекомендации базируются на новгородском опыте, они могут быть распространены на всю Россию. Оставленная наедине с собой, Москва никогда не проявит сочувствия к этой проблеме, поэтому ее необходимо вынудить к ослаблению своей хватки на национальном богатстве. Единственной силой, способной решить эту задачу, является альянс местных элит и местного гражданского общества. Обе стороны должны воспринимать друг друга как незаменимых союзников в развитии региональной автономии, иначе страна будет обречена на повторение ошибок прошлого. Чтобы избежать этой судьбы, России следует заново изучить свое прошлое и определить альтернативные пути развития, которые могут послужить основой для создания гражданского общества со специфически российскими характеристиками. Необходимые элементы программы Прусак — локализм, политическая подотчетность, региональная автономия — можно суммировать в виде практической повестки дня, которую местные элиты могут начать реализовывать сегодня: «Строить гражданское общество. Это и есть национальная идея России»<sup>84</sup>.

Сторонники теории, согласно которой региональные различия в большой степени зависят от характера губернатора, обычно переоценивают его влияние, что усугубляется мнением, будто губернатор, сколько бы у него ни было власти, всегда хочет еще больше. Эта склонность рассматривать мотивы политической элиты в упрощенном чер-

<sup>83</sup> Прусак М.М. Подходы к формированию гражданского общества в России — новгородский аспект (личная копия). Цит. по: Драмарецкая О. В Петербурге началось формирование гражданского общества // Коммерсант. 2002. 22 февраля.

<sup>84</sup> Стремидловский С. Губернатор Новгородской области Михаил Прусак // Век. 2002. 9 августа; Богуславская О. Зачем губернатору кролики? // Московский комсомолец. 2002. 15 июля.

но-белом свете усиливается положением о том, что может быть только один «победитель», который «получает все».

Взгляды Прусак относительно сильной власти, однако, существенно отличаются от типичной модели регионального авторитаризма. Последний, с точки зрения Гельмана, характеризуется доминированием исполнительной власти над законодательной, ярко выраженной личной преданностью губернатора Москве, контролем исполнительной власти над СМИ, нейтрализацией или подавлением потенциальной оппозиции в регионе и опекой неправительственных организаций<sup>85</sup>. Прусак же, напротив, настаивает, что его предложения являются наилучшим способом создать подлинное разделение властей на исполнительную и законодательную, которое действительно может заставить Президента подчиняться конкретным правилам<sup>86</sup>. Можно не согласиться с этим, но, безусловно, Прусак полностью отвергает институционализированный произвол, к которому, по мнению Гельмана, стремятся губернаторы<sup>87</sup>.

Что касается лояльности Москве, то Прусак, хотя и избегал прямой критики Президента, жестко критиковал последних двух премьер-министров. Более того, он часто заявлял, что регионы Северо-Запада должны считать себя «противовесом Москве»<sup>88</sup>. Прочие пункты, такие, как контроль прессы, отсутствие политической оппозиции и «опека» НКО, уже обсуждались и попросту неправильно интерпретируют политику местной власти. Итак, если и можно счесть усилия Прусак ошибочными, то предположение, что он просто занимается подавлением или нейтрализацией потенциальных оппонентов, на фоне длительного поощрения им роста гражданского участия кажется очень далеким от истины.

<sup>85</sup> Gel'man V. Regime Transition, Outcome of Uncertainty and prospects for Democratization: The Politics of Russia's Regions in a Comparative Perspective: Доклад на конференции «Трансформация режима, результаты неопределенности и перспективы демократизации: политика российских регионов в сравнительном аспекте», организованной Федеральным институтом восточноевропейских и международных исследований (BIOst). Кельн, Германия. 1999. 26–28 мая (личная копия). С. 15.

<sup>86</sup> Прусак долгое время призывал к созыву конституционного совещания для обеспечения баланса между различными ветвями власти. Трояновский В. Только изменение Конституции обеспечит стабильность в России... // ИТАР-ТАСС. 1999. 9 августа.

<sup>87</sup> Гельман В. Трансформация политического режима. С. 16. Прусак выделяет именно произвол как отличительную черту существующей системы власти в качестве причины созыва конституционного совещания. Трояновский В. Только изменение конституции...

<sup>88</sup> Петербургский час пик. 12–18 января. 2000. №1. С. 4.



Сравнивая Россию с Латинской Америкой, Андрей Цыганков называет большинство российских регионов типичными делегативными демократиями. Однако Новгород, по-видимому, все-таки ближе к альтернативному описанию — репрезентативной демократии. Репрезентативные демократии, пишет он, должны: «1) поощрять уважение гражданами независимых партий и законодательной власти и таким образом стимулировать интерес к выборам в законодательные структуры; 2) учитывать все имеющиеся в обществе организованные интересы и искать их согласования через жизнеспособные правовые институты; 3) уважать или, по крайней мере, быть терпимыми к формальной независимости всех либеральных демократических институтов (СМИ, законодательные органы, суды и т.д.)»<sup>89</sup>.

Как лучше всего охарактеризовать политическую роль губернатора? Если, как считаю я, новгородская политика характеризуется консенсусом элит на основе исторических и культурных ценностей, то прагматичный консерватизм губернатора, несомненно, сыграл важную роль в достижении такого консенсуса. Тем не менее он немного смог бы сделать без восприимчивой местной аудитории. Архиепископ Новгородский и Старорусский Лев удачно обобщил эти взаимоотношения, заметив, что как Новгороду повезло с Прусаксом, так и Прусаксу повезло с Новгородом<sup>90</sup>. Ключевая задача в повестке дня теоретиков демократизации — понять, что делает те или иные местные аудитории более восприимчивыми к инновационным лидерам и идеям.

### *В чем состоят различия между Новгородом и Псковом?*

Ни один из трех подходов, рассмотренных нами выше, не способен дать адекватное представление о демократизации в Новгородской области. В основном они терпят неудачу потому, что сама задача, которую ставят перед собой аналитики, т.е. объединение широкого

<sup>89</sup> *Tsygankov A. Manifestations of Delegative Democracy in Russian Local Politics: What does it Mean for the Future of Russia? // Communist and Post-Communist Studies. 1998. Vol. 31. №4. P. 335. Это определение очень близко к содержащемуся как в Linz, Stepan. Toward Consolidated Democracies // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. №2. P. 12–15, так и в O'Donnell G. On the State, Democratization and Some Conceptual Problems: A Latin American View with Glances at Some Postcommunist Countries // World Development. 1993. Vol. 21. №8. P. 1366.*

<sup>90</sup> Беседа с архиепископом Новгородским и Старорусским Львом в его резиденции в Хутынском монастыре, Россия. 1998. 27 января.

спектра очень различных регионов в рамках сравнимых категорий, заставляет их игнорировать важные культурные различия. Но можно ли быть уверенным, что местные культурные особенности — ключевая переменная? В случае с Новгородом мы имеем идеальный контрольный пример — соседнюю Псковскую область. Обе области не только имеют практически одинаковые территорию, население, демографические тенденции, климат, экономическую и социальную инфраструктуру (табл. 3.1), но и торговые связи с Ганзой и славятся древними вечевыми традициями. Однако, несмотря на то что их вполне можно назвать близнецами, после 1991 г. их развитие весьма различалось (рис. 3.1). Ниже рассматривается, насколько три подхода, которых мы касались в этой главе, определяют и объясняют различия между этими областями.

Структурный подход подчеркивает физические, социальные и экономические условия как детерминанты будущего развития. И Псков, и Новгород настолько соответствовали друг другу по базовым экономическим и социальным показателям в течение второй половины 80-х и начала 90-х годов, что авторитетный пишущий об инвестициях еженедельник «Эксперт» ставил Новгород на 63-е, а Псков — на 64-е место среди российских регионов по инвестиционному потенциалу. Однако к концу 1990-х годов экономические и социальные характеристики двух регионов начали существенно расходиться. После практически одинакового уровня промышленного производства в период 1985–1991 гг. к концу 1990-х годов промышленное производство Пскова упало до половины от новгородского, несмотря на получение гораздо больших федеральных трансфертов<sup>91</sup>. К 1997 г. аналитики уже отмечали, что, в то время как Новгород становился одним из трех самых динамично развивающихся регионов страны, Псков превращался в «стабильно депрессивную» область<sup>92</sup>.

Типичный структуральный подход не дает объяснения такому расхождению. Можно говорить о том, что в советское время производ-

<sup>91</sup> *Tekoniemi M., Solanko L. Novgorod and Pskov — Examples of How Economic Policy Can Influence Economic Development // Review of Economies in Transition. June 1998. P. 68.*

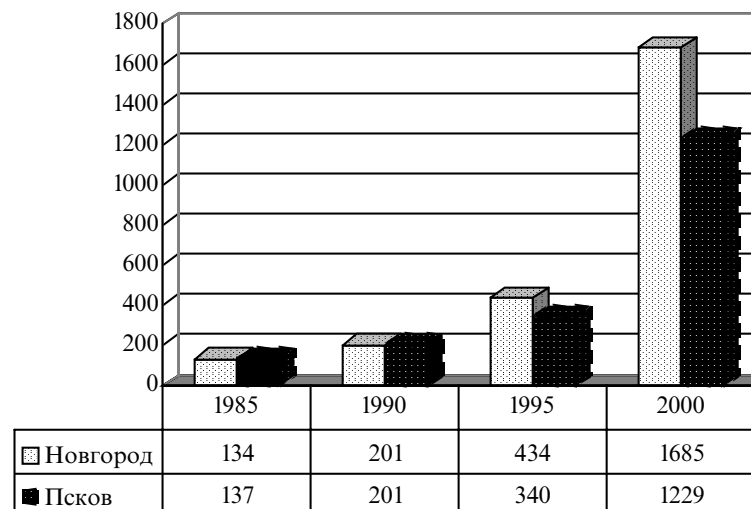
<sup>92</sup> *Кузнецова О. Новгородская и Псковская области: экономическое положение и факторы развития // Вопросы экономики. 1998. №10. С. 143. В 2002 г. региональный ВВП на душу населения в Новгородской области превысил тот же самый показатель для Псковской области почти на одну треть. См.: Генерозова Ю. Дефицит бюджета Новгородской области // Деловой Петербург. 2003. 28 ноября.*

Таблица 3.1

**Сравнительные показатели по Новгородской  
и Псковской областям**

Показатель	Новгород	Псков
<b>ГЕОГРАФИЯ</b>		
Территория, км <sup>2</sup>	55,3	55,4
В том числе городская, %	70,6	66,4
Число:		
административных районов	21	24
городов	10	14
деревень	18	14
сельских администраций	272	248
<b>ДЕМОГРАФИЯ</b>		
Численность населения (1997), человек	720,9	790,6
В том числе великороссов, %	96	93
Плотность населения, человек/км <sup>2</sup>	13	14,3
Возраст, % (ниже /трудоспособный возраст/ выше)	20,9/55,2/23,9	20,3/54,7/25
Продолжительность жизни, лет	62,14	62,21
Средний возраст, лет	38	38
<b>ЭКОНОМИКА</b>		
Число приватизированных: квартир (1992–1995) предприятий (1994–1997)	163 348	186 154
Численность безработного трудоспособного населения (1992/1997/2000), %	5,3/13,5/7,8	5,1/14,3/12,8
Число малых предприятий (1995/ 2001)	3783/4506	2430/2844

Источники: Василенко Е.В., Стародубцева И.А. Социально-экономические показатели республик и областей Северного и Северо-Западного регионов, Калининградской и Кировской областей в 1990–2000 гг. (Госкомстат Республики Коми), 2001. С. 6–10, 23, 62; Tekoniemi M., Solanko L. Novgorod and Pskov – Examples of How Economic Policy Can Influence Economic Development // Review of Economies in Transition. June 1998. P. 65; Кузнецова О. Новгородская и Псковская области: экономическое положение и факторы развития // Вопросы экономики. 1998. №10. С. 154; Полеценко В.И. и др. Псковский статистический ежегодник. Псков: Псковоблкомстат, 2001. №1. С. 14; Регионы России: Информационно-аналитический сборник. М.: Госкомстат России, 1997. С. 405, 420, 453, 460.



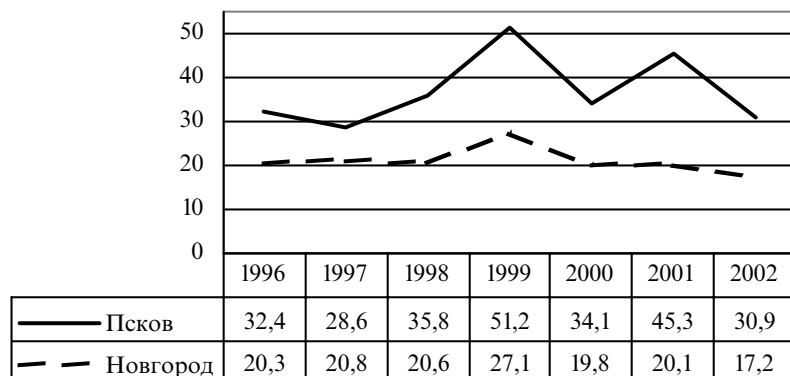
Источники: Василенко Е.В., Стародубцева И.А. Социально-экономические показатели республик и областей Северного и Северо-Западного регионов, Калининградской и Кировской областей в 1990–2000 гг. (Госкомстат Республики Коми), 2001. С. 27; Регионы России: Информационно-статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1997. С. 454.

Рис. 3.1. Среднедушевой денежный доход населения  
в Новгородской и Псковской областях, 1985–2000 гг.  
(среднемесячный – руб.; в 1995 г. – тыс. руб.)

ство в Новгороде развивалось вокруг машиностроения и электроники для оборонных целей, в то время как Псков был более зависим от сельского хозяйства и легкой промышленности. Но это должно было затормозить спад псковского ВВП по сравнению с новгородским. Вместо этого с 1991 по 1995 г. мы наблюдаем, как не только сельскохозяйственное, но и промышленное производство в Пскове падает в 2 раза быстрее, чем в Новгороде<sup>93</sup> (рис. 3.2, 3.3).

Некоторые считают, что Новгород получает выгоду от расположения на крупнейших транспортных артериях. Действительно, Новгород лежит на трассе Москва – Санкт-Петербург, но и Псков распо-

<sup>93</sup> После того как уровень промышленного производства был практически идентичным с 1985 по 1991 г., в Пскове он к началу 1998 г. стал менее половины от новгородского. Объем сельскохозяйственного производства в 1993 г. был вдвое больше новгородского, но с тех пор значительно снизился. В то же время в Пскове сельское хозяйство получает гораздо больше региональных субсидий, чем в Новгороде. См.: Tekoniemi, Solanko. Novgorod and Pskov. P. 66.



Источники: General population data taken from *Regiony Rossii: statisticheskiy sbornik*. М.: Goskomstat, 2000. Vol. 2. P. 32–33, and from «2002 All-Russian Population Census» on the web site of EastView Publication Services: [http://www.eastview.com/docs/resident\\_population.xls](http://www.eastview.com/docs/resident_population.xls) (accessed November 25, 2003).

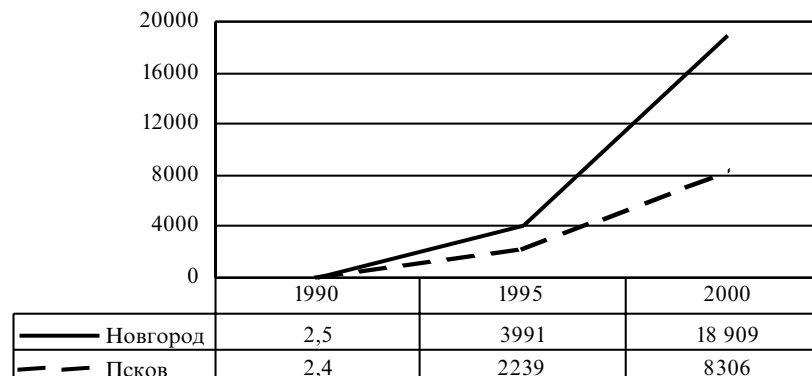
Полещенко В.И. Отдельные показатели жизни населения Псковской области: Статистический сборник. Псков: Псковоблкомстат, 2001. С. 126. Данные по 2001 г. получены от В.И. Кобыжечя, замдиректора Псковского отделения Северо-Западной академии госслужбы, 5 июня 2002 г. Информация о Новгороде получена от А.В. Дубоносова, председателя Комитета по труду и социальной защите населения Новгородской области, из его письма А.В. Жуковскому от 30 мая 2002 г. (№01-717/05). В письме даются следующие цифры: 2000 г. – 298 677; 2001 г. – 264 266; 2002 г. – 253 827.

В.Т. Дмитриева, которая подготовила данные цифры по просьбе Дубоносова, однако, показала, что методология расчета количества живущих ниже уровня бедности с 2000 г. изменилась и отражает не число лиц, обратившихся за помощью, а тех, кто потенциально имеет право на получение помощи. Благодаря Г. Руженцевой (письмо от 6 ноября 2003 г.) я смог получить данные о тех, кто в действительности обращался за помощью. Применение такой методологии показывает совершенно другую картину: 2000 г. – 144 289; 2001 г. – 143 464; 2002 г. – 119 540.

Рис. 3.2. Процент населения Новгородской и Псковской областей, живущего ниже уровня бедности, 1996–2002 гг.

жен на магистрали, соединяющей Санкт-Петербург с югом России и Киевом. Более того, Псков имеет прямое железнодорожное сообщение с Санкт-Петербургом, Мурманском, Калининградом, Таллинном и Ригой (именно таким образом через него происходит существенная часть торгового оборота России со странами Балтии и Западной Европой), в то время как Великий Новгород не имеет таких сообщений.

Другие связанные с географией доводы также приводились для обоснования стагнации Пскова. Алексей Журавлев считает, что псковичи-



Источники: Полещенко В.И. и др. Псковский статистический ежегодник. Псков: Псковоблкомстат, 2001. №1. С. 14; Tekoniemi M., Solanko L. *Novgorod and Pskov – Examples of How Economic Policy Can Influence Economic Development* // *Review of Economies in Transition*. June 1998. P. 68.

Рис. 3.3. Общий уровень промышленного производства в Новгородской и Псковской областях, 1990–2000 гг. (млрд руб. до 1998 г.; млн – с 1998 г.)

чи рассматривают границу скорее как защитный барьер, нежели как мост, и это создает психологические препятствия для реформы<sup>94</sup>. Псковский губернатор Евгений Михайлов даже полагает, что различное поведение избирателей в северной и южной части Псковской области является результатом различий в географии, климате и истории<sup>95</sup>. В конечном счете, однако, такое субрегиональное расслоение выглядит не очень убедительно. Жители северного Печорского райо-

<sup>94</sup> Огромное значение оборонного сектора, видимо, заставляет местное население рассматривать местные проблемы с национальной точки зрения. 83% псковичей в 1991 г. голосовали за сохранение СССР, больше проголосовало лишь в Читинской области. См: Журавлев А. Псковская область: экономика, партии, лидеры // *Власть*. Апрель. 1996. С. 48–49.

<sup>95</sup> Возможно, нигде в России так резко не проявляется электоральный разрыв между севером и югом в рамках одной территории. В самом Пскове и соседних районах к северу поддержка Ельцина составила 45–57%, а в Великих Луках и южных районах – 27–35%. С 1944 по 1957 г. Великие Луки были центром отдельной области. Даже Михайлов считает их в большей степени Центральной Россией, а Новгород – Северной Россией. География и поведение избирателей в этих районах делают их в большей степени частью «красного пояса», а не Севера. См.: Макфол М. (*Michael McFaul*), Петров Н. *Политический альманах России*, 1997. М.: Центр Карнеги, 1998. С. 786.

на, например, в 1991 г. проголосовали против присоединения к Эстонии, однако позднее голосовали за либеральную экономическую реформу и самоуправление. Аналогично ярко выраженное демократическое поведение избирателей Пыталовского района скорее всего можно объяснить тем, что этот район был местом проведения одного из первых в СССР экспериментов по организации частных ферм, а не какими-либо историческими связями<sup>96</sup>.

Бывший псковский губернатор Владислав Туманов полагает, что присутствие более 80 тыс. русскоязычных беженцев из Эстонии и Латвии после 1991 г. стало значительным источником консерватизма в регионе. Такие иммигранты часто образуют среду, благоприятствующую росту политического национализма, однако, что удивительно, приток иммигрантов, который достиг пика в 1995 г. и затем упал, не оказал никакого видимого влияния на поведение избирателей. С 1991 г. псковские избиратели поровну делят симпатии между демократами-центристами, коммунистами и националистами<sup>97</sup>.

Однако остается поразительное различие в поведении избирателей Пскова и Новгорода. Аналитики Банка Финляндии Мерья Текониemi и Лаура Соланко пишут: «С точки зрения политического поведения Новгород и Псков представляют собой две противоположности. Новгородцы выбирают для управления регионом прагматиков, партии не имеют большой силы... характерно сотрудничество различных экономических и политических групп... Псков менее стабилен. Политические партии (в основном коммунисты) прочно обосновались в регионе, и более ярко выражен конфликт между политическими и экономическими элитами»<sup>98</sup>. Критическим отличием представляется способность Новгорода к достижению консенсуса элит. В Новгороде консенсус позволил провести структурные реформы местного самоуправления и получить широкую политическую поддержку экономической реформы. В отсутствие такого консенсуса подобная политика проводилась в Пскове половинчато и была полностью оставлена, когда пост губернатора перешел в другие руки в 1996 г.

<sup>96</sup> Журавлев А. Псковская область... С. 48.

<sup>97</sup> На местных выборах коммунистам никогда не удавалось победить «патриотического» кандидата. См.: Манаков А. Губернаторские выборы 2000 г. в Псковской области: преемственность электората и география голосования // Carnegie Moscow Center Working Papers. М.: Carnegie Endowment for International Peace, 2001. №5. Р. 55.

<sup>98</sup> Tekoniemi, Solanko. Novgorod and Pskov. P. 71.

Как объяснить столь различное поведение элит? Теоретики элит говорят нам, что ключевые игроки в российских регионах вступают в сговор, что обычно является разрушительным для общественного капитала. В Новгороде, однако, сговор элит принес пользу обществу, в то время как в Пскове элита держалась за статус-кво до саморазрушения. Трудно было предсказать такой результат, основываясь на послужном списке первоначально назначенного Ельциным губернатора Владислава Туманова. Как и Новгород, Псков был одним из первых российских регионов, которые провели местные выборы. Подобно Новгороду, Псков пытался передать региональные бюджетные поступления городам и районам и даже получил федеральную субсидию на расширение местного самоуправления в двух районах рядом с границей Эстонии<sup>99</sup>. С 1994 по 1998 г. Псковская дума приняла 160 законов и 578 постановлений, что не очень отличается от 120 законов и 656 постановлений, принятых Новгородской думой<sup>100</sup>. Экономическая политика Туманова, хотя и не отличалась инновационностью, была в основе своей либеральной и в одном важном аспекте даже шла дальше новгородской. В 1993–1995 гг. Псков получил от федерального правительства более миллиарда рублей на поддержку малого бизнеса. К июлю 1996 г. в Псковской области работали около 7 тыс. малых предприятий – цифра, которую Новгород достиг лишь двумя годами позже<sup>101</sup>.

Однако в Пскове наблюдаются гораздо более активные политические распри. Конфликт между местными партийными организациями и администрацией возник в начале 1992 г., когда местный лидер «Демократической России» призвал к отставке губернатора Анатолия Доброхотова. В качестве возмездия левые собрали подписи за отставку псковского мэра А. Прокофьева<sup>102</sup>. Эти трения бросили тень на взаимоотношения между губернатором и Законодательным собранием, которые к 1998 г. стали настолько плохими, что региональный

<sup>99</sup> Там же. С. 72. Фактически в 1996 г. региональный руководитель по вопросам местного самоуправления говорит об отсутствии финансирования МСУ См.: Вагин В.В. Високосный политический год в Псковской области: октябрь 1995 – ноябрь 1996 г. Псков: Изд. центр «Возрождение», 1998. С. 93.

<sup>100</sup> Шматов Ю.А. Представительный орган власти Псковской области как фактор ее развития // Управление регионом на уровне субъекта Федерации / Под ред. Ж.Т. Тощенко и др. Псков: Российская академия государственной службы при Президенте РФ; Северо-Западная академия государственной службы (филиал в Пскове), 1998. С. 18–22.

<sup>101</sup> Кузнецова О. Новгородская и Псковская области...

<sup>102</sup> Макфол М., Петров Н. Политический альманах России, 1997... С. 790.



бюджет не утверждался до мая соответствующего финансового года<sup>103</sup>. В разгар этой междоусобной борьбы относительно неизвестный Евгений Михайлов возник в качестве фигуры, наименее способной нарушить хрупкий региональный баланс между конкурирующими фракциями элиты. Способность Михайлова примирить внешне противоположные точки зрения и, когда это выгодно, забыть о партийной принадлежности, позволила ему держаться на плаву в коварных политических водах Пскова.

Переизбрание Михайлова в ноябре 2000 г. является хорошим примером того, как в отсутствие какого-либо объединяющего консенсуса псковская политическая элита согласилась на решительные перемены. Михайлов был избран с самым низким результатом, когда-либо зарегистрированным на губернаторских выборах в России, – 28%. Опрос, проведенный после выборов среди голосовавших за Михайлова показал, что большинство делали это потому, что «изменения всегда ведут к худшему», а второй наиболее распространенной причиной было то, что «все остальные хуже Е. Михайлова»<sup>104</sup>. Псковская элита, видимо, убеждена, что чем менее эффективна местная власть, тем меньшим препятствием она для нее является. В результате в руках горстки людей скопилось значительное личное богатство за счет институционализации местных правил игры и растущей зависимости региона от Москвы. Разница между политикой элит Новгорода и Пскова видна на примере данных табл. 3.2.

До 1995 г. Псков передал больше основных производственных фондов – зданий, оборудования, машин, транспорта, инструментов и поголовья скота – в частные руки, чем любой другой регион России<sup>105</sup>. На протяжении того же периода новгородское руководство предприняло беспрецедентный шаг, попросив Ельцина передать собственность на все предприятия в руки региона, чтобы «более быстро и гибко» законодательно провести реформы<sup>106</sup>. В результате менее 2%

<sup>103</sup> Шматов Ю.А. Представительный орган власти... С. 19–20.

<sup>104</sup> Ставленник «Единства» от ЛДПР получил еще четыре года. Национальная служба новостей, Россия. 13 ноября 2000. Адрес он-лайн: <http://www.nns.ru/chronicle/index.html> (доступ 8 января 2001 г.); Морозов А. Избирательные технологии и административный ресурс: псковский рецепт сохранения власти // Working Papers. М.: Carnegie Endowment for International Peace, 2001. №5. Р. 63–64; Гаврилов Ф. Псковская сатьяграха // Эксперт: Северо-Запад. 5 февраля, 2001. № 31. (2). Адрес он-лайн: <http://www.expert.ru/sever/current/edit.shtml> (доступ 12 февраля 2001 г.).

<sup>105</sup> Вагин В.В. Високосный политический год. С. 614.

<sup>106</sup> Красавин Ю. Рынок всем даст шанс. С. 3.

Таблица 3.2

Соотношение собственности  
на основные фонды промышленных предприятий  
в Новгородской и Псковской областях (на 1 января 1996 г.)

Регион	Собственность, %			
	федеральная	региональная	частная	смешанная (без иностранного участия)
Россия	20,7	7,5	18,2	35,3
Северо-Запад России	35,8	16,2	26,9	18,7
Новгородская область	1,8	<b>74,4</b>	14,5	8,5
Псковская область	23,5	0,5	<b>54,4</b>	19,6

Источники: Вагин В.В. Високосный политический год в Псковской области: октябрь 1995–ноябрь 1996 г. Псков: Изд. центр «Возрождение», 1998.

собственности в Новгороде осталось в руках федерального центра. Региональная администрация впоследствии передала большую часть остальной собственности муниципалитетам, и именно эти активы помогли финансировать местные бюджетные расходы<sup>107</sup>.

В Новгороде консенсус элит привел к инновациям и росту уверенности в своих силах. В Пскове фрагментация элит привела к экономической стагнации и зависимости от Москвы. В Пскове даже есть те, кто доказывает, что чем более зависим регион от Москвы, тем больше рычагов у него появляется в процессе переговоров о бюджетных трансфертах, и в этом есть смысл. Пока Москва готова продолжать давать деньги «на защиту родины» в этом приграничном регионе, нет большой необходимости в поиске местных решений, а с учетом того, что 70% псковского бюджета оплачивается Москвой, нет и больших стимулов к наращиванию местных доходов<sup>108</sup> (рис. 3.4).

Для сохранения статус-кво псковской элите необходимо лишь иметь достаточно ресурсов для поддержания социального мира. По-

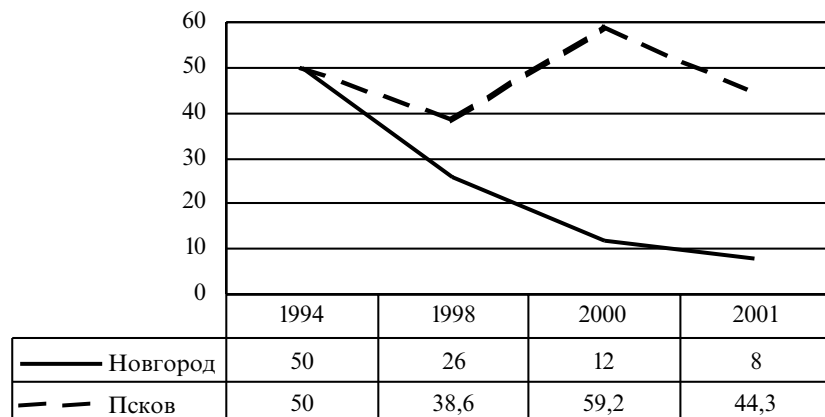
<sup>107</sup> Интервью М. Прусака для программы «Политический Олимп». 23 декабря 1998 г.

<sup>108</sup> Tekoniemi, Solanko. Novgorod and Pskov. Р. 70. Эта зависимость осложняется составом электората: почти половина – пенсионеры, две трети трудоспособного населения работают в госсекторе, один из десяти служит в армии. По оценке Морозова, лишь 20% населения никак не зависят от государственного бюджета. См.: Морозов А. Избирательные технологии. С. 60.

этому иностранным инвестициям не рады: ведь они могут добавить неожиданный элемент в уравнение (рис. 3.5). Это также объясняет, видимо, иррациональное отчуждение губернаторов от местных бизнесменов. Расширение своей собственной политической базы путем их привлечения может дестабилизировать непростой политический баланс в регионе и привести к падению губернатора. Неудивительно, что в сравнительной оценке реакции региональных властей России на обращения граждан Псков занимает 33-е место, а Новгород – 9-е<sup>109</sup>.

Пытаясь делать обобщения о поведении элит, теоретики элит не углубляются в конкретное мышление конкретной элиты. В результате они не заметили резкого различия моделей мышления и поведения в Новгороде и Пскове.

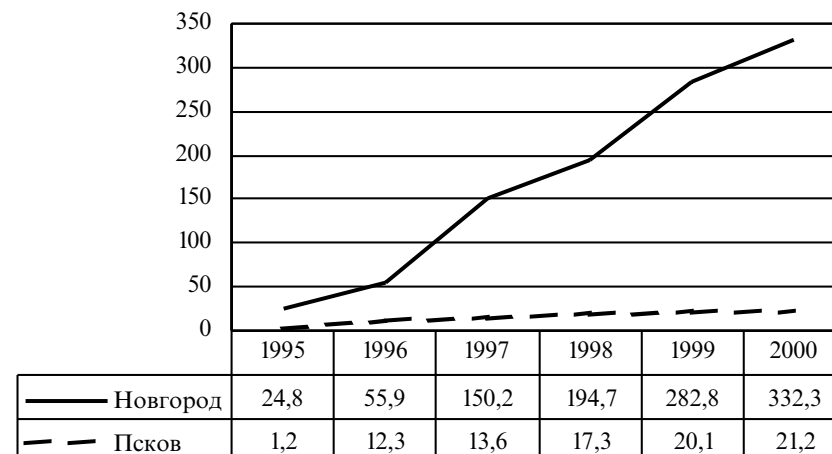
Последний рассматриваемый нами подход сосредоточивается на региональном авторитаризме. Часто можно слышать, что политическое доминирование губернатора порождает отсутствие гражданской



Источники: Колотнеча О. Новгородчина может и будет сама себя кормить // Новгородские ведомости. 14 июня 2000; Potper M.A. Economic Aid Goes Local // The Congressional Quarterly. July 9, 1999; Генерозов И. Новгород не хочет зависеть от федерального бюджета // Эксперт. 2001. 1 октября; Кто лучше работает, тот должен лучше жить // Новгородские ведомости. 2001. 28 декабря.

Рис 3.4. Процентная доля федеральных дотаций в бюджетах Новгородской и Псковской областей, 1994 – 2001 гг.

<sup>109</sup> McMann K., Petrov N. A Survey of Democracy in Russia's Regions // Post-Soviet Geography and Economics. 2000. Vol. 41. №3. P. 160.



Источники: Василенко Е.В., Стародубцева И.А. Социально-экономические показатели республик и областей Северного и Северо-Западного регионов, Калининградской и Кировской областей в 1990–2000 гг. (Госкомстат Республики Коми). 2001. С. 70. Цифры, которые Василенко и Стародубцева приводят по Новгородской области, значительно ниже предоставленных администрацией Новгородской области. Однако чтобы соблюсти последовательность, я использовал только этот источник, хотя он скорее всего занижает объем ПИИ в Новгородскую область.

Рис. 3.5. Объем ПИИ в Новгородскую и Псковскую области, 1995–2000 гг. (в млн долларов США)

активности на местах. В Новгороде, где Прусак играет доминирующую роль, это не объясняет уровня такой активности, а в Пскове мы имеем прямо противоположную картину: отсутствие явной харизматической фигуры и неудавшиеся начальные попытки развития активной политической жизни.

Во времена перестройки либеральная интеллигенция Пскова находилась под сильным влиянием политической активности Санкт-Петербурга, Москвы и стран Балтии. На протяжении первых шести месяцев своего существования, в 1988–1989 гг., Псковский народный фронт был даже частью народного фронта Эстонии<sup>110</sup>. К концу 1989 г. Псковский народный фронт превратился в Псковский союз избирателей «Вече». «Вече» проводило уличные митинги, насчитывавшие до 5 тыс. участников, но не смогло добиться избрания значи-

<sup>110</sup> Makfol, Petrov. P. 789.

тельного числа своих кандидатов на политические посты<sup>111</sup>. Напротив, местные коммунисты не только были лучше организованы, но и могли рассчитывать на поддержку местных военных гарнизонов<sup>112</sup>. Местное отделение «Демократической России» пыталось добиться референдума о земельной реформе, но не смогло собрать значительной поддержки как среди элиты, так и населения в целом (в отличие от Новгорода в Пскове нет университета). Роспуск местных Советов в 1993 г. скомпрометировал сторонников Ельцина в регионе и практически изолировал его назначенца Туманова<sup>113</sup>.

Неспособность демократов-реформаторов в Пскове развить свой первоначальный успех вызвана, как мне кажется, преждевременной политизацией. Активисты «Демократической России» радикализовали политическую атмосферу, агрессивно продвигая интерпретацию советской истории, которую большинство населения не было готово принять<sup>114</sup>. Они не предлагали жителям Пскова, состоящим в значительной части из военных, ничего, что могло бы конкурировать с прочно укоренившимися советскими стереотипами. В отличие от Новгорода, где исторические общества и университетские руководители активно продвигали в качестве альтернативы средневековую Новгородскую республику, интеллектуальная элита Пскова искала поддержки в Москве и Таллинне, не замечая собственных демократических традиций региона. Опора на внешние традиции в сочетании с бескомпромиссным курсом, выбранным местными демократическими активистами, привела к краху демократов как политической силы в регионе.

Псков — иллюстрация проблемы, возникающей, когда партийная политическая деятельность не имеет социальных корней. Из-за своего слишком политизированного становления псковская элита так и не научилась рассматривать НКО как потенциальных партнеров, видя в них лишь потенциальных соперников. В результате, в отличие от

<sup>111</sup> Щеркин. Процессы зарождения. С. 2–3.

<sup>112</sup> Там же. С. 16–21.

<sup>113</sup> Во время своей предвыборной кампании Туманов, демократический кандидат, активно противостоял любым попыткам уменьшить военное присутствие в регионе и обличал слабую позицию Москвы в отношении территориальных претензий Эстонии и Литвы. См.: Alexseev, Vagin. Russian Regions in Expanding Europe. P. 44.

<sup>114</sup> Один из известных инцидентов связан с закрытием местной телепрограммы «Перспектива» из-за комментария, с которым хотел выступить известный местный активист Лев Шлосберг, где СССР назывался империей. См.: Вагин В.В. Високосный политический год. С. 83–84.

Новгорода, в Пскове уровень неполитической гражданской активности не высок. Ранее предпринятые героические усилия нескольких человек по установлению в Пскове конкурентной политической среды привели к сужению политической активности до такой степени, что теперь старейшая в регионе демократическая общественно-политическая организация только предоставляет юридические консультации по нарушению прав человека. В то время как в Новгороде на протяжении последнего десятилетия последовательно росла неполитическая активность граждан, создавая условия для партийной деятельности на прочной социальной основе, в Пскове групповой политический радикализм в начале десятилетия привел к массовой социальной и политической апатии в его конце<sup>115</sup>.

Теоретики редко задаются вопросом о том, влияет ли на развитие демократии *последовательность*, с которой развиваются гражданские ассоциации. В основном за данность принимается, что политические партии представляют собой естественную кульминацию демократии, и чем скорее они создаются, тем лучше. Как Новгород, так и Псков опровергают это представление. В случае Новгорода правильная последовательность активности граждан стала ключевой для расширения социальной базы и обучения политических деятелей искусству компромисса. Псков же, напротив, демонстрирует, что преждевременные попытки политизации на партийной основе могут препятствовать демократизации.

Идея сравнения этих двух практически идентичных регионов приходила в голову и другим, и все нашли Новгород гораздо более передовым<sup>116</sup>. По большей части такие исследования подчеркивают тот очевидный факт, что различный политический выбор привел к уста-

<sup>115</sup> Псковские активисты, видимо, еще не знают об опасности политизации в отсутствие развитой сети гражданских ассоциаций. За год до губернаторских выборов 2000 г. в Пскове Национальный фонд демократизации проводил программу с вполне определенной целью — «создание реально конкурентной политической среды в Псковской области. Псковский координатор программы откровенно признает ее полный провал, однако, тем не менее, настаивает на том, что лучший способ противодействия «опасным тенденциям» местных режимов — помощь местным организациям политических партий. См.: Шлосберг Л.А. Проект «Форум избирателей XXI» // Working Papers. M.: Carnegie Endowment for International Peace, 2001. №5. P. 71.

<sup>116</sup> Калинин А. Новгород пал, а Псков не сдается // Финансовая Россия. 2001. 22 февраля; Кузнецова О. Новгородская и Псковская области; Dinello N. Can Novgorod's Greatness Rub Off on Putin? // Problems of Post-Communism. September/October 2002. Vol. 49. №5. P. 20–30; Dinello N. What's so Great about Novgorod-the-Great; Tekoniemi, Solanko. Novgorod and Pskov.

новлению различного инвестиционного и политического климата, но ничего не говорят о том, почему, невзирая на практически одинаковые ресурсы и географию, местные элиты сделали такие разные выборы. Это происходит потому, что существующие теории рассматривают прежде всего экономический, структурный и политический выбор, сделанный элитами, а не культурные предпочтения, на которых тот или иной выбор основан. В результате они неспособны увидеть, что новгородские и псковские элиты сделали свой выбор, основываясь на разных региональных образах или региональных мифах. В гл. 6 будут детально исследованы взаимоотношения между политикой и исповедуемыми элитой мифами. Здесь же будет достаточно отметить, что, поскольку статус-кво Пскова так идеально соответствует имиджу региона в его собственных глазах, поворот без предварительного изменения регионального мифа маловероятен.

### *Заключение.*

#### *Почему современные теории демократии не замечают демократию*

Существующие подходы к вопросам регионального развития не могут объяснить ни успешное развитие демократии в Новгороде, ни его неудачу в Пскове. Они указывают нам на то, что произошло, но не объясняют, что привело столь похожие регионы к столь разным путям развития. Почему элиты Пскова не смогли воспринять позитивный имидж региона, как это произошло в Новгороде? Почему элиты Пскова предпочитают статус-кво инновациям, даже рискуя подорвать социальную стабильность в регионе? Наконец, почему социальная активность успешно развивается в одном регионе и терпит неудачу в другом, близком по этническим, культурным и социальным характеристиками (и даже историческим традициям)? На эти вопросы существующие подходы к региональной демократизации не могут дать убедительного ответа.

Постоянный акцент на политику национального уровня как ключ к демократическому развитию определенно не может объяснить разнообразия политических режимов в современной России. Это происходит потому, что эти подходы не предназначены для изучения регионального развития как такового, они преследуют цель поиска сравнимых базисных пунктов среди регионов и, накопив таковые, оценивают воздействие политических решений, принимаемых в Москве. Теории

демократического развития ценились бы больше, если бы их можно было применять для осмысленного сравнения различных уровней в структуре одного общества, а также между странами. Это дало бы большую уверенность в их применимости для самого широкого спектра условий. Однако, чтобы разработать такие критерии, мы должны не просто перенести существующие методы анализа на иной, низовой уровень. Мы должны научиться ценить региональные культурные различия.

Неспособность серьезно рассматривать культурные различия внутри России усугубляется тем, что эксперты долго доказывали нам, что внимание к регионам вряд ли оправдано в стране, абсолютно не обладающей демократическими традициями или значительными региональными центрами. Это помешало нашему восприятию богатого разнообразия демократических традиций, которые могут быть вызваны к жизни местными лидерами для подкрепления своей легитимности. Сегодня, когда, как заметила историк Светлана Минц, «региональная и культурная история создает основу для политического сознания, позволяя каждому региону считать себя независимой культурно-экономической единицей»<sup>117</sup>, этот багаж теорий остается серьезным препятствием на пути признания потенциала регионального демократического развития. В гл. 1 доказывалось, что демократическая теория может быть усовершенствована, если сместить анализ на уровень регионов. Прodelав это в гл. 2, мы столкнулись с неожиданно высоким уровнем демократической консолидации в Новгороде. Попытка объяснить это средствами принятых теорий регионального развития в гл. 3 оказалась безуспешной. Можно лишь заключить, что теории регионального развития так же не подготовлены для демократии, как теории развития демократии — для регионального развития. Необходимы теоретические рамки, объединяющие то, что до настоящего момента рассматривалось по отдельности, — регионалистику и демократическое развитие, и лучшим способом создания таких рамок является культурный анализ.

Как аналитический метод, объединяющий в себе многие дисциплинарные традиции, культурный анализ включает теорию и региональные исследования, позволяя по-новому взглянуть и на первое, и

<sup>117</sup> Mintz S.S. Some Remarks on «Provincial Culture» in Contemporary Russian Studies // CSEES Newsletter. University of California at Berkeley. Summer 1996. Vol. 13. №2. P. 11–12.



на второе. Ставя акцент на культуре регионов при изучении демократического развития, аналитики могут внимательно отнестись к важным местным отличиям, в то же время достаточно широко рассматривая явления, чтобы увидеть значение происходящих на местах изменений менталитета, структуры и поведения. Именно такой акцент нам необходим, чтобы разгадать загадки начальных этапов демократизации.

## II. КУЛЬТУРА, МИФ И СИМВОЛЫ

### Глава 4

#### Культура, бесформенность и символы: три ключа к пониманию быстрых социальных изменений

На протяжении 1990-х годов ученые, занимавшиеся проблемой перехода к демократии, спорили о том, пойдут ли свежеепеченные демократии Восточной Европы по пути Латинской Америки или выберут свой собственный курс. Одна из групп, которую сразу окрестили транзитологами, пыталась доказать, что, поскольку все страны, вовлеченные в процесс политического перехода, сталкиваются с аналогичными ограничениями и стоят перед одним и тем же выбором, для оценки перспектив демократии культурно-историческое наследие играет лишь небольшую роль<sup>1</sup>. Это вызвало резкие возражения у тех, которые полагали, что культурно-исторические различия лежат в самой основе моделей развития демократии и поэтому следует ожидать различий в развитии не только между Восточной Европой и Латинской Америкой, но и между соседними странами на одном и том же континенте<sup>2</sup>.

Ни один из подходов не удовлетворяет полностью. Если развитие демократии находится в строгой зависимости от культурно-исторических прецедентов, то простая отмена институтов коммунистической эпохи ничего не изменит; тогда единственная надежда Восточной Европы на установление демократии состоит в отказе от ее прошлого — перспектива маловероятная. Если же считать ключевой роль «небольшой, но критической массы прагматичных либеральных по-

<sup>1</sup> Schmitter Ph.C., Karl T.L. From an Iron Curtain to a Paper Curtain: Grounding Transitologists Or Students of Postcommunism? // Slavic Review. 1995. Vol. 54. №4. P. 978.

<sup>2</sup> Bunce V. The Political Economy of Postsocialism // Slavic Review. 1999. Vol. 58. №4. P. 756–793; Bunce V. Should Transitologists Be Grounded? // Slavic Review. 1995. Vol. 54. №1. P. 111–127.

литиков», то судьба демократии основана на столь же невероятном тезисе о том, что такая группа может возвыситься вопреки историческим и культурным традициям страны<sup>3</sup>. Такая элита, даже если она и смогла бы прийти к власти (по мнению ярых националистов, это уже имело место в России), имела бы столь слабую поддержку населения, что демократическая консолидация вокруг такого режима кажется маловероятной. Поэтому, если довести любой из этих подходов до его логического завершения, ни один из них не оставляет больших надежд на демократическую консолидацию.

Обе стороны, однако, согласны с тем, что для России наследие прошлого может служить лишь препятствием реформам. Следовательно, радикальный и быстрый разрыв с прошлым — необходимая часть любого перехода к демократии<sup>4</sup>. Вместе с тем, к несчастью, последствием радикального расставания с прошлым является подрыв легитимности государства и как следствие его способности провести необходимые изменения. Если не произойдет быстрая замена прошлого приемлемой для широких слоев населения альтернативой, в обществе и экономике воцарится замешательство, оставив реформаторов без интеллектуальной или культурной платформы для проведения своей политики<sup>5</sup>.

Противопоставление прошлого настоящему — не тот способ, которым можно установить демократию. В то время как транзитологи пренебрегают культурой, специалисты по изучению региона считают ее препятствием. Ни те ни другие не способны оценить возможность

<sup>3</sup> М.С. Фиш говорит об этой дискуссии в своей работе, доказывая, как и транзитологи, что культурные и структурные факторы мало что говорят о разворачивающихся событиях. См.: Postcommunist subversion // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. №4. P. 802.

<sup>4</sup> *Bunce V. Comparing East and South // Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. №3. P. 97; *Bunce V. The Political Economy of Postsocialism*. P. 790; *Bunce V. Regional Differences in Democratization: The East Versus the South // Post-Soviet Affairs*. 1998. Vol. 14. №3. P. 200. Шмиттер и Карл утверждают, что излишнее увлечение у специалистов по региональным исследованиям прошлым ограничивает их восприимчивость к изменениям. См.: *Schmitter, Karl. From an Iron Curtain to a Paper Curtain*.

<sup>5</sup> Например, в начале потрясений, вызванных «славной революцией» Оливера Кромвеля, шотландский философ-просветитель Дэвид Хьюм заметил, что слишком быстрые социальные изменения повредили властным структурам, необходимым для стабилизации либерального устройства, и разрушили базовые структуры социального сотрудничества. *Whitehead L. Introduction: Some Insights From Western Social Theory // World Development*. 1993. Vol. 21. №8. P. 1246–1248. Сама Банс, призывая к быстрому разрыву с институциональным прошлым, одновременно призывает к сильному государству, «подчиняющемуся правилам и обеспечивающему их соблюдение». См.: *Bunce V. The Political Economy of Postsocialism*. P. 791.

создания восприимчивой к изменениям культурной среды. Чтобы избежать этого тупика, мы должны понять, как именно происходят культурные изменения.

### *Исследование перехода: что работает, а что — нет*

Теоретические подходы, проанализированные в предыдущей главе, имеют одну общую черту: они принимают за аксиому культурную непрерывность. Это допущение может быть логичным для зрелых демократий, но при изучении переходных обществ оно является серьезной ошибкой. Институты и экономическая целесообразность, хотя и служат замечательным ключом к пониманию политического поведения в периоды стабильности, бесполезны, когда эти институты рушатся и основные ценности и нормы поведения пересматриваются. Чем глубже социально-экономические катаклизмы, тем меньше люди склонны считать, что решения можно принимать на основе прошлых результатов. В периоды глубоких социальных переворотов дезориентация может быть так велика, что на передний план выходит восстановление созданных общими усилиями смысловых значений. Это дело культуры, и люди обращаются к культуре в поисках смысла, а элиты — в поисках легитимности.

Однако культура — не очень популярная концепция среди политологов<sup>6</sup>. Она заставляет искать непредусмотренные объяснения, понимает серьезные проблемы, связанные с единицами анализа. Многие считают ее слишком абстрактной, чтобы использовать для обоснования политического поведения, и даже те, кто обращается к ней, делают это кое-как и неспособны к углубленному анализу культурной динамики<sup>7</sup>. В результате уже на протяжении целого поколения большинство политологов предпочитают аналитический подход, известный как теория рационального выбора и основанный на положении о том, что, хотя люди живут в иррациональном обществе и страдают от неполноты знания, им все равно присуще универсальное человеческое свойство рациональности, выражающееся в том, что они никогда не выбирают поведение, ухудшающее их благосостояние.

<sup>6</sup> *Ross M.H. Culture and Identity in Comparative Political Analysis // Mark I. Lichbach and Alan S. Zuckerman, eds. Comparative Politics: Rationality, Culture, and Structure*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1997. P. 43.

<sup>7</sup> *Ibid.* P. 46.

Поскольку такое поведение универсально, культурные различия можно с уверенностью поставить на второе место по сравнению с максимизацией индивидуального благосостояния<sup>8</sup>.

Некоторые задаются вопросом о том, можно ли таким способом отделять интересы от культурного контекста. Знаменитый американский политолог Аарон Вилдавски полагает, что, когда распадается социальный контекст, то же происходит и с понятием о том, что именно люди подразумевают под своими «собственными интересами»<sup>9</sup>. Для Вилдавски личный выбор происходит на двух уровнях — поведенческом и культурном. Поскольку теория рационального выбора рассматривает лишь первый уровень, она «лишает читателя культурного измерения»<sup>10</sup>. Более того, Вилдавски полагает, что теоретики рационального выбора серьезно ошибаются, считая интересы данностью, поскольку эмпирические исследования выявляют систематические вариации интересов между культурами<sup>11</sup>. Однако применительно к посткоммунистическим обществам, подобным России, самым серьезным недостатком теории рационального выбора является ее приверженность традиционным определениям разумного поведения, в то время как институты, определившие такое поведение как разумное, уже рухнули<sup>12</sup>. Без привязки к институтам анализ, основанный на интересах, теряет почву и становится бессмысленным.

<sup>8</sup> Цит. по: *Johnson Ch., Keehn E.B.* A Disaster in the Making: Rational Choice and Asian Studies // *The National Interest*. Summer 1994. P. 18; *Eckstein H.* Culture as a Foundation Concept for the Social Sciences // *Journal of Theoretical Politics*. 1996. Vol. 8. №4. P. 471–497.

<sup>9</sup> *Wildavsky A.* Choosing Preferences By Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formation // *American Political Science Review*. 1987. Vol. 81. №1. P. 4.

<sup>10</sup> *Wildavsky A.* Culture and Social Theory. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1998. P. 252.

<sup>11</sup> Некоторые межкультурные исследования выявили, что коренные психологические принципы и гипотезы могут не соответствовать мышлению и поведению групп. См.: *Trimble J.E.* Considering the Cultures Within // *Radcliffe Quarterly*. 2000. P. 12–13.

<sup>12</sup> *Ordeshook P.C.* Institutions and Incentives // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. №2. P. 48. Бэйтс и другие утверждают, что выбор является результатом как рациональных соображений, так и боязни неизвестности. Таким образом, перед всеми рациональными «актерами» стоит ряд рациональных и нерациональных выборов, которые они могут сделать. Первые выгодны для них, вторые — нет. Но то, что Бэйтс и прочие теоретики рационального выбора рассматривают как отдельные траектории, часто пересекаются. Более того, сомнения вызывает такое отношение к воздействию нерационального выбора, потому что аналитики легко могут утверждать постфактум, что если опасения оправдываются, то сделанный выбор был рациональным, а если нет, то он был нерациональным, как они это делают на примере Замбии. *Bates R.H., Figueiredo Jr. J. P. Rui de, Weingast B.R.* The Politics of Interpretation: Rationality, Culture, and Transition // *Politics & Society*. 1998. Vol. 26. №4. P. 619, 628.

Одна известная группа поклонников рационального выбора во главе с профессором Гарвардского университета Робертом Бэйтсом признала эту потенциальную слабость<sup>13</sup>. Хорошо подходящая для политических исследований передовых западных демократий, где люди могут сосредоточиться на ценности результатов и оценить альтернативы, теория рационального выбора неспособна объяснить поведение людей в условиях нестабильности, в которых люди могут «не знать», в чем состоят их интересы; эту ситуацию Бэйтс и его коллеги сравнивают с «безумием»<sup>14</sup>.

Однако, хотя Бэйтс и его коллеги заключают, что «политика, основанная на культуре», успешно оспаривает предпосылки рациональности, культуралисты вряд ли могут быть довольны этим признанием, потому что они все же относят культуру к маргинальным, «театральным» эпизодам общественной жизни, присущим менее стабильным и неразвитым странам<sup>15</sup>. Следуя такой логике, мы должны разделить политологию на ту, что изучает более «рациональный» Запад, и ту, что исследует «нерациональную» остальную часть мира!

Справедливости ради надо отметить, что Бэйтс и его коллеги говорят о своем желании примирить культурный подход с рациональным выбором, но только таким образом, чтобы первый подчинялся последнему. Вилдавски, однако, полагает, что именно теория рационального выбора должна подчиняться культуре, поскольку политические стратегии имеют смысл только в определенном культурном контексте<sup>16</sup>. С этой точки зрения, если нарушается традиционный культурный контекст, руководители могут все меньше опираться на традиционное для данного общества определение рациональности<sup>17</sup>.

Более того, поскольку рациональными можно назвать те действия, которые способствуют восстановлению культурной стабильности, восстановление легитимности культурных норм в кризисные периоды приобретает важнейшее значение. В конце концов, если рациональность политических стратегий зависит от предсказуемости ин-

<sup>13</sup> *Bates et al.* The Politics of Interpretation. P. 628.

<sup>14</sup> *Ibid.* P. 605, 632.

<sup>15</sup> *Ibid.* P. 605.

<sup>16</sup> *Wildavsky A.* Culture and Social Theory. P. 218.

<sup>17</sup> Понятие рациональности у Вилдавски, как и у Экстайна, не является абсолютно стандартным. Фактически он говорит о «множественной рациональности... которая варьирует в зависимости от реализуемых предпочтений и результатов // Там же. С. 229.

ституты, то, когда уменьшается одно, снижается и другое. Как выразился сторонник рационального выбора Моррис Фьюрина, если человек не считает, что он может повлиять на исход политического процесса, то вся ситуация просто не стоит стратегических расчетов<sup>18</sup>. Безразличие к политике — именно то, что можно ожидать в таких случаях и что на практике имеет место в обществах, где институты не сформированы.

В то время как некоторые сторонники теории рационального выбора снисходительно соглашались, что культурный анализ может в силу обстоятельств являться нужным аналитическим инструментом в периоды потрясений, я полагаю, что есть веские основания считать его лучшим подходом для понимания политических переходов вообще.

### *Почему культурный анализ лучше всего подходит для изучения переходных явлений*

В применении к политическим исследованиям наиболее полезный взгляд на культуру — тот, который рассматривает ее «публичное, общее значение, поведение, институты и социальные структуры»<sup>19</sup>. С этой точки зрения культура есть взгляд на мир, объясняющий, почему и как отдельные люди и группы ведут себя определенным образом и почему люди будут действовать тем или иным выбранным ими образом<sup>20</sup>. Культура дает чувство идентичности и смысла очень определенными и различимыми способами.

Во-первых, она задает политические приоритеты общества. Во-вторых, она заставляет политические сообщества дать определение самим себе. В-третьих, она управляет политическим конфликтом, определяя, за что имеет смысл бороться, как будет проходить и как разрешится конфликт. В-четвертых, культура создает рамки для интерпретации действий других людей и их мотивов. Наконец, важнее всего для нашего исследования то, что культура предоставляет ресурсы для политической организации и мобилизации. Политические лидеры часто используют культурные организации, преследуя цели, ко-

<sup>18</sup> Cushman R. Rational Fears: Political Science's Ascendant Methodology // *Lingua Franca*. November/December 1994. P. 51.

<sup>19</sup> Ross M.H. Culture and Identity. P. 45.

<sup>20</sup> Ibid.

торых они не могут достичь напрямую. Это может происходить и сознательно, и бессознательно<sup>21</sup>. В силу особого внимания к этим пяти задачам культурный анализ особенно чувствителен к разрыву, возникающему между политическими убеждениями и институтами, необходимыми для проведения их в жизнь. Когда это несоответствие слишком велико, оно ведет к бесформенности.

Бесформенность — термин, предложенный Гарри Экстайном в ответ на критику культурного анализа за его неспособность объяснить политические перевороты. Изменения — часть процесса, при помощи которого культуры адаптируются и выживают, однако когда изменения происходят так быстро, что общество не может их ассимилировать, это ведет не к формированию новой культуры, а к бесформенности. Люди и группы видят бесполезность своего старого опыта и культурного багажа для понимания происходящих вокруг них изменений. Это приводит к непоследовательному мышлению и поведению и уходу от социальных контактов<sup>22</sup>. Бесформенность увеличивает значение культуры, поскольку инстинктивным ответом людей на утрату ориентации становится поиск осмысленности. Поскольку влияние истории как культурного и политического ресурса острее всего ощущается на региональном уровне, борьба с бесформенностью часто сопровождается открытием заново региональной идентичности.

Тенденции развития посткоммунистических обществ, безусловно, соответствуют такой логике, и поэтому исследователи посткоммунистического перехода имеют веские основания предпочесть культурный анализ теории рационального выбора<sup>23</sup>. Три наиболее широко применяемых для изучения России культурных подхода — политическая культура, общественный капитал и теория конгруэнтности — имеют каждый свои преимущества. При финальном анализе они, однако, неспособны в полной мере оценить глубину и скорость трансформаций Новгорода, поскольку не видят содержащегося в культуре потенциала для быстрых социальных изменений.

<sup>21</sup> Ross M.H. Culture and Identity. P. 46–47.

<sup>22</sup> Eckstein H. A Culturalist Theory of Political Change // *American Political Science Review*, 1988. Vol. 82. №3. P. 796.

<sup>23</sup> Некоторые считают Россию идеальным примером, на котором можно убедиться, какой подход — культуралистский или основанный на рациональном выборе — лучше предсказывает скорость и тип изменений. См.: Eckstein H. Russia and the Conditions of Democracy // Eckstein et al. Can Democracy Take Root. P. 349–382; Johnson, Keehn. A Disaster in the Making. P. 19.



*Политическая культура — статичный взгляд на Россию*

По словам Габриэла Алмонда, каждая политическая система обладает своей собственной «моделью ориентации на политические действия», ограничивающей ее развитие, называемой политической культурой. Связывая политическую культуру с эмпирически наблюдаемым поведением и систематически измеряя такое поведение во времени, считает Алмонд, можно определить конкретный менталитет, убеждения или настроения, упорядочивающие политический процесс и придающие ему значение. На определенном этапе это должно позволить исследователям предсказывать эволюцию политических систем. Алмонд и его коллега Сидни Верба считают политической культурой демократий образцы поведения, наблюдаемые в определенных странах Запада. Когда модели поведения в других странах соответствуют имеющимся в западных демократиях, они считаются тем типом политической культуры, который необходим для обеспечения демократии, — «гражданской культурой»<sup>24</sup>.

Модель гражданской культуры критиковалась как концептуально расплывчатая, не учитывающая субкультур, слишком полагающаяся на механические методы сбора информации о культуре, а также за свою тенденцию к отождествлению политических ценностей с ценностями, пропущенными через фильтр санкционированных властью институтов<sup>25</sup>. Что касается зрелых демократий, то есть основания считать, что эти проблемы смягчаются существованием широкого разнообразия институтов, как государственных, так и независимых. Однако модель гражданской культуры применительно к коммунистическим обществам склонна преувеличивать общественную поддержку политической системы и тем самым затрудняет поиск каких-либо альтернатив.

Поэтому стало распространенным объяснение неспособности России создать гражданскую культуру ее политической культурой, основывающейся на столетиях авторитарных ценностей и институтов. Но такой односторонний акцент (лишь на одном аспекте культуры) противоречит выводам Алмонда и Вербы о том, что демократическая стабильность базируется не на однородном отношении к

<sup>24</sup> Almond G., Verba S. The civic culture; political attitudes and democracy in five nations. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1963. P. 25–29.

<sup>25</sup> Petro N.N. The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. P. 4–9; Ross M.H. Culture and Identity. P. 56.

демократии, а на способности общества управлять конфликтующими элементами в рамках одной культуры. Поскольку сама гражданская культура представляет собой смесь разных, порой несопоставимых компонентов в общей политической культуре, стабильные демократии возникают не из воцарения какого-то одного типа культуры, но из правильной комбинации их всех<sup>26</sup>. Поэтому с точки зрения гражданской культуры неправильно будет сказать, что вероятность демократического политического развития мала, так как гражданская культура является продуктом постоянного смешения противоречивых культур<sup>27</sup>.

Отчасти из-за такой неопределенности изучающие политическую культуру удивительно поздно признали значение спонтанных коллективных действий и системных изменений, захлестнувших Россию в конце 1980-х годов. Многие до сего дня, кажется, придерживаются все той же точки зрения: что любые демократические изменения лишь на короткое время откладывают неизбежное возвращение к традиционной авторитарной модели. Поэтому исследования политической культуры можно лишь ограниченно применить для понимания быстрых культурных изменений, которые произошли в Новгороде. Поскольку такие исследования не считают саму культуру источником изменений, свидетельства быстрой трансформации ими игнорируются и признаются только по факту.

*Общественный капитал и социальные связи*

Теории общественного капитала также стремятся выделить атрибуты, наиболее важные для развития демократии. Общественный капитал как таковой связан с ростом доверия в обществе, приносящего ощутимые экономические и политические выгоды. В то же время общественный капитал — моральный ресурс, отражающий доверие к общественным институтам<sup>28</sup>. Работы Фрэнсиса Фукуямы о доверии сосредоточивают внимание на культуре как источнике доверия и со-

<sup>26</sup> Eckstein H. Social Science As Cultural Science, Rational Choice As Metaphysics // Richard J. Ellis and Michael Thompson, eds. Culture Matters: Essays in Honor of Aaron Wildavsky. Boulder, Col.: Westview Press, 1997. P. 30–31.

<sup>27</sup> Fleron F.L. Post-soviet Political Culture in Russia; an Assessment of Recent Empirical Investigations // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. №2. P. 231.

<sup>28</sup> Putnam R.D. Making Democracy Work. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. P. 169; Uslaner E.M. Democracy and Social Capital // Mark Warren, ed. Trust and Government. New York: Cambridge University Press, 1999. P. 121.

трудничества, выделяя то, как культурные различия в экономической организации и родственных взаимоотношениях привели к разному уровню доверия в разных культурах<sup>29</sup>. Многие исследователи пришли к выводу, что средний уровень доверия в демократических странах выше, чем в недемократических, что отражается в их более высоком уровне общественного капитала, эффективности экономики и власти<sup>30</sup>.

Как и в случае с гражданской культурой, применение понятия общественного капитала к Советскому Союзу и другим коммунистическим странам лишь показало его полное отсутствие<sup>31</sup>. По мнению шотландского исследователя Ричарда Роуза, отсутствие фундаментальных элементов доверия в обществе и произвольность норм сделали Советский Союз типичным антимодернистским обществом. Даже те социальные связи, которые сформировались в попытках преодолеть откровенную неэффективность этого общества, являются отражением премодернистских форм социального поведения. Это премодернистское поведение сохранилось в постсоветской России, закрепляя низкую активность общества, цинизм и неэффективность экономики<sup>32</sup>.

Оценивая перспективы демократизации в бывших коммунистических странах, теории общественного капитала, таким образом, оказываются перед лицом двух одинаково неутешительных альтернатив. Они считают, что либо отсутствие любых культурных или исторических традиций создания социальных связей исключает возникновение в обозримом будущем гражданского общества, либо существующие социальные связи служат только развитию цинизма и коррупции. В качестве доказательства они приводят крах обществен-

<sup>29</sup> Fukuyama F. Trust: the social virtues and the creation of prosperity. New York: Free Press, 1995.

<sup>30</sup> Foley M., Edwards B. Civil Society and Social Capital Beyond Putnam // American Behavioral Scientist. 1998. Vol. 42. №1. P. 133; Paraskevopoulos C.J. Social Capital and the Public-Private Divide in Greek Regions // West European Politics. 1998. Vol. 21. №2. P. 154–177; Fox J. How Does Civil Society Thicken? The Political Construction of Social Capital in Rural Mexico // World Development. 1998. Vol. 24. №6. P. 1089–1103.

<sup>31</sup> Rose R. Uses of Social Capital in Russia: Modern, Pre-modern, and Anti-modern // Post-Soviet Affairs. 2000. Vol. 16. №1. P. 33–57; Nichols Th.M. Russian Democracy and Social Capital // Social Science Information. 1996. Vol. 35. №4. P. 631; Fukuyama F. The Primacy of Culture // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. №1. P. 7–14; Aberg M. Putnam's Social Capital Theory Goes East: A Case Study of Western Ukraine and Lviv // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. №2. P. 295–317.

<sup>32</sup> Rose M.H. Uses of Social Capital in Russia. P. 36.

ных организаций по всей Восточной Европе как раз тогда, когда, освободившись от влияния государства, эти организации должны были начать процветать. Но есть более простое объяснение: гражданское общество и общественный капитал не исчезли, а просто стали выполнять иные функции.

Исследования систем социальных связей в Восточной Европе показывают, что даже наиболее репрессивные социалистические режимы оставляли место для частного социального взаимодействия, которое способствовало экономической эффективности, доверию между независимыми акторами и являлось формой социализации вне официальных каналов. Взаимодействие систем неофициальных связей с государством создавало «активы, ресурсы и базу для заслуживающих доверия обязательств и скоординированных действий... На производственном уровне дефициты и проблемы снабжения вели к торгу между руководителями и неформальными группировками; на управленческом уровне задача выполнения плана требовала наличия разветвленной сети неформальных связей, выходящих за рамки отдельных предприятий и организаций»<sup>33</sup>. Некоторые даже полагают, что там, где частная сфера, состоящая из семьи и друзей, пересекалась с государственной сферой социального взаимодействия, возникал «особенный социалистический тип общественного капитала»<sup>34</sup>.

Такие связи часто переживали крах режима, поскольку давали практические решения там, где терпели крах формальные институты. Хотя Роуз считает, что они разрушали доверие к власти, поскольку предлагали решения вне формальных каналов, Мартин Аберг и Алена Леденёва полагают, что у них есть хороший шанс превратиться в «новые траектории зависимостей», отражающие потребности новой социальной среды<sup>35</sup>.

<sup>33</sup> Stark D. The Great Transformation? Social Change in Eastern Europe // Contemporary Sociology. 1992. Vol. 21. P. 300.

<sup>34</sup> Mushaben J.M. Die Lehrjahre Sind Vorbei! Reforming Democratic Interest Groups in the East German Laender. Sixth Triennial Congress of the East German Studies Group, After the GDR in Montreal, Canada (1998). Впоследствии опубликовано в Democratization. Winter 2001. Vol. 8. №4. P. 95–133; Marsh Ch. Civic Community, Communist Support and Democratization: The View From Smolensk // Demokratizatsiya. Fall 2000. Vol. 8. № 3. P. 447–460; Marsh Ch. Social Capital and Democracy in Russia // Communist and Post-Communist Studies. June 2000. Vol. 33. № 2. P. 183–199.

<sup>35</sup> Aberg. Putnam's Social Capital Theory Goes East; Ledeneva A.V. Russia's economy of favours: blat, networking, and informal exchanges. New York: Cambridge University Press, 1998. P. 313–314.

Сохранением этих старых социальных связей можно объяснить крах деятельности ассоциаций в Восточной Германии. Этот крах удивил как тех теоретиков гражданского общества, которые считали, что для процветания гражданских ассоциаций достаточно ограничить роль государства, так и тех, кто верил, будто замена восточногерманских институтов западными автоматически модернизирует социальное поведение и приведет к росту уровня доверия. Вместо этого случилось противоположное, и Джойс Мушабен видит причину в том, что Запад активно подрывал сложившиеся там культурные ценности и связи. Если бы вместо этого использовались существующие гражданские связи, «как старинные кирпичи, чтобы надстроить старое здание демократии, не нарушая основного архитектурного стиля»<sup>36</sup>, считает она, уровень общественного капитала и гражданской активности в Восточной Германии сегодня стоял бы гораздо выше.

Новгород – пример региона, где власть последовала совету Мушабена. Возникший в результате диалог между властью и гражданскими организациями стимулировал мышление и практику, снизившие алчность групп, которые иначе были бы вовлечены в разрушительную междоусобицу или использовали бы свое положение для обогащения за счет общества.

Все же, даже если бы аналитики признали позитивную роль общественного капитала в посткоммунистических обществах, теории общественного капитала не объясняют, как происходит переход от низкого уровня такого капитала к высокому, почему гражданское общество появляется в одном регионе быстрее, чем в другом. Несмотря на то что их взгляды являются производными от культурных тезисов, теоретики общественного капитала не обращаются к культуре для объяснения быстрых социальных изменений.

#### *Теория конгруэнтности и Россия*

Для большинства культуралистов аксиомой является то, что менталитет людей меняется очень медленно. Сама неподвижность культурных ценностей, говорят они, и позволяет аналитикам определить те конкретные механизмы, через которые культурные ценности трансформируются в политические предпочтения, поддерживающие политические системы. Однако большинство культурных теорий не

<sup>36</sup> *Mushaben J.M.* Die Lehrjahre Sind Vorbei. P. 96.

могут прояснить эти взаимосвязи, что и заставило Гарри Экстайна сформулировать свою теорию конгруэнтности (*congruency theory*).

Конгруэнтность существует, когда модели управления на всех уровнях общества аналогичны. Структуры и процессы управления – способ, которым социальные единицы, включая власти, осуществляют свои функции. Они являются отражением культуры правления в широком смысле, состоящей в «общей ориентации – государственном устройстве, поддерживаемом как властью, так и другими социальными акторами»<sup>37</sup>. Конгруэнтность моделей управления, используемых властями и другими акторами во всех слоях общества, способствует вовлеченности людей во власть и таким образом развивает демократию – именно такой вывод сделал Экстайн в своем знаменитом исследовании на примере Норвегии<sup>38</sup>.

Характеристики конгруэнтности позволяют нам сделать вывод, что не только отсутствие демократических институтов обусловлено отсутствием демократических элементов в общей культуре управления, но и, напротив, их существование предполагает наличие таких элементов<sup>39</sup>. Поэтому существование демократических институтов в регионах, подобных Новгороду, предполагает присутствие демократических элементов в их общей культуре управления.

Еще одним существенным аспектом теории конгруэнтности является то, что, связывая процесс легитимизации культуры с созданием приемлемых социальных институтов, Экстайн показывает, как обратить процесс появления бесформенности. По самой своей природе, пишет Экстайн, общества не терпят нестабильности<sup>40</sup>. Одним из ключевых способов борьбы с этим процессом является развитие конгруэнтности между моделями управления и институтами путем реализации только тех институциональных изменений, которые согласованы с глубоко укоренившимися нормами поведения, т.е. использование «старинных кирпичей» для строительства нового здания

<sup>37</sup> *Eckstein H.* Congruence Theory Explained // *Eckstein et al., eds.* Can Democracy Take Root. P. 5. Там же. P. 12–14, 37; *Eckstein H.* Russia and the Conditions of Democracy. P. 360.

<sup>38</sup> *Eckstein H.* Division and Cohesion in Democracy; a study of Norway. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1966; см. также *Eckstein H.* The Evaluation of Political Performance: Problems and Dimensions. Beverly Hills and London: Sage Publications, 1971.

<sup>39</sup> *Reisinger W.M.* Congruence Theory As a Perspective on Russian Politics. P. 153 and *Eckstein H.* Russia and the Conditions of Democracy. P. 379 // *Eckstein et al.* Can Democracy Take Root.

<sup>40</sup> *Eckstein H.* Congruence Theory Explained. P. 23.

<sup>41</sup> *Ibid.* P. 28.

демократии<sup>41</sup>. Эти поиски культурной легитимности — по сути своей глубоко консервативный акт — становятся, таким образом, средством нарушения статус-кво (в данном случае беспорядка и бесформенности) и создания новой политической системы.

В то же время, хотя новые структуры должны соответствовать старым параметрам, чтобы снизить сопротивление изменениям со стороны народа и элит, говорит Экстайн, они также должны быть направлены на то, чтобы «как можно более демократизировать жизнь общества в целом». Для этого требуются институты, которые «связывают и выступают медиаторами между властью и теми аспектами в жизни общества, которые сопротивляются демократическим тенденциям»<sup>42</sup>. Это напоминает теории общественного капитала: чем больше добровольных ассоциаций, тем выше степень социальной гармонии, поскольку они создают конгруэнтность между своими членами и властью.

Теория конгруэнтности дает нам гораздо более ясное понимание процесса демократизации в Новгороде: местная элита сделала более сходными модели управления по всему региону, внедряя изменения, соответствующие традиционным нормам и стимулируя создание промежуточных социальных единиц. Однако это все-таки не объясняет быстроты изменений. Как и большинство культуралистов, Экстайн утверждает, что культурная преемственность велика и в периоды социальных потрясений, поэтому новые модели появляются очень медленно и ценой утраты социальной стабильности<sup>43</sup>.

Вместе с тем, сами культурные различия между регионами могут дать ключ к пониманию причины быстрых социальных изменений. Поскольку модели управления в принципе сходны во всех социальных единицах, несмотря на размер или функцию, их можно проследить до конкретных политических институтов на каждом уровне общества<sup>44</sup>. На самом деле, напрашивается вывод, что региональный уровень лучше всего подходит для проверки применимости теории конгруэнтности, поскольку она прочно связана со специфическим кон-

<sup>42</sup> Eckstein H. *Congruence Theory Explained*. P. 24, 28.

<sup>43</sup> Eckstein H. *A Culturalist Theory of Political Change*. P. 799; Pye L.W. *Asian Power and Politics: the Cultural Dimensions of Authority*. Cambridge, Mass.: Belknap Press, 1985. P. 12–25; Lockhart Ch. *Political Culture and Political Change* // Ellis and Thompson, *Culture Matters*. P. 91.

<sup>44</sup> Eckstein H. *Congruence Theory Explained*. P. 6.

текстом. Она требует от исследователей уделять внимание взаимодействию местных культурных ценностей с местными общественными институтами в процессе развития определенных типов управления<sup>45</sup>.

Теория конгруэнтности — несомненный шаг вперед по сравнению с теориями общественного капитала и политической культуры. Она не только определяет характеристики стабильных демократий, но и выделяет механизмы передачи демократических ценностей. Она выявляет четкую связь между культурой и демократизацией, сопоставляя общие ценностные ориентации (культуру управления) с измеримыми образцами демократического поведения (моделями управления). В конечном счете, однако, доводы Экстайна о том, что только нашедшие отражение в институтах культурные изменения способны преобразовать политическую культуру, не приближают нас к разгадке головоломки, долгое время занимавшей политических аналитиков: что появляется первым — культура или институты? И то и другое важно для стабильной демократии, однако институционалисты отвечают на этот вопрос совершенно иначе, чем культуралисты. Первые рассматривают культуру лишь как продукт институтов, производное от экономических и социальных выборов, сделанных людьми по вполне предсказуемым (рациональным) причинам. Влияние культуры на политический процесс, таким образом, сокращается до серии целесообразных решений, принятых людьми по объективным причинам.

Однако для тех, кто считает культуру больше чем суммой ее составных частей, попытки оценить ее влияние таким образом бьют мимо цели. Если, как утверждают культуралисты, культуру нельзя разложить на сегменты и ячейки, если она выходит за пределы жестких рамок, которые мы создали в попытке категоризировать политическое поведение, если она подчиняет экономические решения религиозным догмам, а политические — этническим табу, то, рассматривая ее как любую другую переменную, мы рискуем прийти к фундаментальному непониманию политического поведения.

Без целостного понимания культуры мы получим слишком узкую и изолированную для какого-либо использования концепцию влас-

<sup>45</sup> Bova R. *Political Culture, Authority Patterns, and the Architecture of the New Russian Democracy* // *Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations*, eds. Harry Eckstein et al. New York: Rowman & Littlefield, 1998. P. 178.



ти<sup>46</sup>. Культура ищет более глубокие, часто скрытые долгосрочные тенденции, которые часто принимаются теми, кто рассматривает ее как данность, как застывшие образы, получаемые в результате исследований. В периоды бесформенности, однако, люди обращаются именно к таким более глубоким явлениям.

Поэтому, чтобы понять преимущества культурного анализа, мы должны привлечь как можно большее количество познавательных дисциплин. Нам необходимы инструментарий историка для понимания наиболее значительных вех местной истории, инструментарий антрополога для понимания политического значения обрядов, ритуалов и обычаев, познания социального психолога в области моделей коллективных действий и поведения общественных движений. Чтобы понять влияние культуры на социальные изменения, мы должны быть знакомы со всеми этими инструментами.

Взгляд на культуру просто как на одну из переменных не работает, поскольку это *главная* переменная, созданная и выбранная ключевыми общественными акторами для изменения политических убеждений и поведения. Поэтому культурные предпочтения — выбор, применение выбранных ценностей к общественным реалиям таким образом, чтобы они лучше соответствовали ценностям<sup>47</sup>. Культура представляет собой своего рода ограничитель только с точки зрения ее житейского определения как преграды для нереалистичного жизненного выбора, но, помимо этого, как говорит Видавски, «люди принимают решения в пользу или против существующей власти... [и] конструируют свою культуру в процессе принятия решений»<sup>48</sup>. Отношение к культурным предпочтениям, как к самому подходящему понятию, а не ограничивающему фактору широко открывает двери для социальных изменений.

### *Чего не хватает в культурном анализе?*

Общий скептицизм в отношении способности культуры быстро меняться осложняет наше понимание демократизации. Распространенное мнение о том, что отсутствие гражданского общества в России,

<sup>46</sup> Цит. по: Geertz C. Available Light: Anthropological Reflections on Philosophical Topics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. P. 131–132.

<sup>47</sup> Wildavsky A. Choosing Preferences. P. 5.

<sup>48</sup> Ibid. P. 5.

Украине и Беларуси есть следствие их «социокультурных патологий» и поэтому демократия «надолго остается недостижимой для институциональных решений, а следовательно, и публичной политики», является лишь результатом такого ограниченного понимания культуры<sup>49</sup>.

Однако фактически исторический переход всегда возобновляет дискуссию о том, как быстро люди способны адаптироваться к культурным изменениям и насколько прошлое ограничивает возможности для будущего развития. Культуралисты склонны считать, что обучение на ранних этапах жизни оказывает столь мощное кондиционирующее воздействие, что переориентация культурных оценок позже очень маловероятна. Однако американский исследователь Рональд Роговски открыл, что спустя всего одно поколение после Второй мировой войны у немцев *независимо от возрастной группы* значительно вырос уровень гражданской культуры<sup>50</sup>. Даже скептики согласны, что «экстраординарные события в последующей жизни могут перечеркнуть аспекты ранней социализации»<sup>51</sup>.

Один из авторов, утверждающих, что культурная переориентация может произойти очень быстро даже в мирное время, — Томас Рочон. Он возвращается к вопросу о том, как происходит обучение, и доказывает, что, хотя культурные изменения обычно происходят медленно, быстрые изменения качественно отличны, поскольку они «уникальны и основываются на крупномасштабной конверсии мышления»<sup>52</sup>. Свидетельства такой конверсии он видит в лингвистических инновациях, меняющих наши культурно-исторические точки отсчета и, таким образом, позволяющих дать определение новым реалиям (например, переименование Советов в думы).

Подход Рочона поддерживает Ричард Гюнтер, который также считает, что демократические режимы могут консолидироваться за относительно короткое время, даже в отсутствие широкого распространения демократических ценностей. Если «активные, организованные секторы политической системы не начинают оспаривать легитимность политических институтов новой демократии и последовательно со-

<sup>49</sup> Fukuyama F. The Primacy of Culture. P. 7–9.

<sup>50</sup> Rogowski, цит. по: C. Lockhart. Political Culture and Political Change. P. 91–95.

<sup>51</sup> Lockhart C. Cultural Contributions to Explaining Institutional Form, Political Change, and Rational Decisions // Comparative Political Studies. 1999. Vol. 32. № 7. P. 871–872.

<sup>52</sup> Ibid. P. 12; Rochon Th.R. Culture Moves: Ideas, Activism and Changing Values. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998.

ответствуют ее поведенческим нормам, считает Гюнтер временные рамки консолидации могут составить всего пять лет!»<sup>53</sup>

Мнения специалистов также расходятся в отношении того, насколько прошлое определяет будущее развитие. Экономисты и политологи часто называют это траекторией зависимости и полагают, что она исключает развитие тенденций, не укорененных в историческом прошлом нации<sup>54</sup>. К сожалению, критерии такой укорененности весьма субъективны, и поэтому исследователь обычно находит именно тот тип траектории зависимости, который ищет<sup>55</sup>. Это может привести даже авторитетных исследователей к резким суждениям в отношении культуры, которые не только поверхностны, но и бестактны<sup>56</sup>. Неудивительно, что аналитики, оперирующие понятием траектории

<sup>53</sup> Gunther R. et al. Introduction // Gunther R. et al., eds. *The Politics of Democratic Consolidation: Southern Europe in Comparative Perspective*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1995. P. 18. Этот отрезок составляет от пяти лет в Испании до тридцати в Италии, утверждает Хуан Линц. См.: Stepan A. and Gunther R. *Democratic Transition and Consolidation in Southern Europe, With Reflections on Latin America and Eastern Europe* // Gunther R. et al., eds. *The Politics of Democratic Consolidation*. P. 119.

Ралф Дарендорф утверждал, что установление демократии занимает один год, построение рыночной экономики — шесть лет, а гражданского общества — шестьдесят лет. См.: в интернет на странице Фонда Темплтона (Templeton foundation): <<http://www.templeton.org/archives/freedomrussia.asp>> (доступ 30 мая 2001 г.). Но большинство, как говорит Экстайн, просто рассматривают это как вопрос смены поколений. См.: Eckstein H. *Lessons From the Third Wave* // Eckstein H. et al., eds. *Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations*. New York and Oxford: Rowman & Littlefield, 1998. P. 276.

<sup>54</sup> «Хотя формальные правила и могут измениться за один день в результате политического или судебного решения, неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо более непроницаемы для целенаправленной политики. Эти культурные ограничения не только связывают прошлое с настоящим и будущим, но и дают нам ключ к пониманию курса исторических изменений». См.: North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 6.

<sup>55</sup> Траектории зависимости также использовались для того, чтобы определить восприимчивость стран к быстрым культурным изменениям. Так, Майкл Манделбаум разделяет европейские страны на регионы с тремя различными историями. Выделение «Запада», контролировавшегося Габсбургами, «Востока» — Романовыми и «Юга» — Османской империей, считает он, соответствует влиянию либеральной традиции в каждом из этих регионов. Увы, это соответствие выглядит так удачно лишь потому, что автор странным образом включает Болгарию, Эстонию, Латвию, Литву и Польшу в империю Габсбургов. «Introduction» в Mandelbaum M. ed. *Postcommunism: four perspectives*. New York: Council on Foreign Relations, 1996. P. 14–15.

<sup>56</sup> Так, нередко можно обнаружить, что русские уникально наделены «глубоким культурным страхом перед инновациями» и «подозрительностью к чужакам, завистью, изоляционизмом, нетерпимостью и, кроме того, бездумным, слепым патриотизмом». См.: Barner-Barry C., Hody C.A. *The politics of change: the transformation of the former Soviet*

зависимости, часто приходят к выводу, что местные «культурные патологии» должны быть заменены более прогрессивными западными культурными и институциональными моделями.

Опять-таки стоит подчеркнуть, что не все аналитики рассматривают историю как *ограничивающий* фактор. Джон Мюллер, например, считает, что переход может и не потребовать длительного времени, поскольку «один ранее существовавший набор привычек и взглядов может постепенно (или, возможно, внезапно) затмиться другим ранее существовавшим набором»<sup>57</sup>. Вилдавски фактически полагает, что люди «выбирают свою политическую культуру. Они могут следовать данной политической культуре, пока ее противоречия не станут настолько вопиющими, что их уже невозможно будет игнорировать; тогда, если появляются соответствующие возможности, они могут изменить ей». Это может произойти как постепенно, так и в результате «внезапной возможности»<sup>58</sup>.

Антрополог Клиффорд Гирц полагает, что быстрые изменения культурной идентичности могут быть гораздо более распространенными, чем мы думаем, и что как раз культурная стабильность не поддается объяснению<sup>59</sup>. Даже Экстайн согласен с возможностью быстрой культурной адаптации в мирное время при определенных обстоятельствах. Психологи, как пишет он, обнаружили, что незнакомые ситуации иногда интерпретируются как соответствующие более ранним и знакомым моделям. Он приводит пример Северной Нигерии, где современные демократические выборы были интерпретированы как вариант знакомых выборов вождя племени<sup>60</sup>. Экстайн говорит, что такая адаптация «очень ограничена», однако если мы примем его точку зрения о том, что конгруэнтность моделей управления сужает масштаб коренных изменений, то нельзя не сделать вывод, что внезапный коллапс конгруэнтности также снижает способность институтов выступать в качестве факторов, ограничивающих появление новых моделей управления.

Union. New York: St. Martin's Press, 1995. P. 31; Allworth E. ed. *Ethnic Russia in the USSR: the Dilemma of Dominance*. New York: Pergamon Press, 1980. P. 34. Полезные отрезывающие аргументы, помещающие такие взгляды в соответствующий историко-политический контекст, см. в: Lieven's A. *Against Russophobia* // *World Policy Journal*. Winter 2000/2001. Vol. 17. №4. P. 25–32.

<sup>57</sup> Mueller J. *Democracy, Capitalism, and the End of Transition* // Mandelbaum, *Postcommunism*. P. 137.

<sup>58</sup> Wildavsky. *Culture and Social Theory*. P. 197.

<sup>59</sup> Geertz. *Available Light*. P. 226.

<sup>60</sup> Eckstein. *Culturalist Theory*. P. 794.

Однако сторонники траектории зависимости часто возражают на это тем, что не только институты, но и историческое прошлое сдерживает развитие культуры. Если бы это было буквально так, то, конечно, никакие изменения не были бы вообще возможны, поэтому культура должна также обеспечивать обходные пути. Политолог Дэвид Лэйтин считает, что культуру можно представить в двух ипостасях. Первая – межличностные и прочие связи. Люди не могут уйти от своих социальных связей, и в периоды бесформенности полагаются на них, пытаясь сохранить видимость преемственности в быстро меняющемся мире.

Другая ипостась – сконструированная система значений, определяемых элитой. Она дает определенный язык, символы и представления о ценностях, немедленно приходящие на помощь человеку при столкновении с бесформенностью, задающие определенные культурные рамки, не давая предпочтениям стать бесконечно податливыми и утратить всякую социальную привязку. В стабильных обществах, как правило, сохраняются только социально жизнеспособные комбинации<sup>61</sup>. Однако бесформенность серьезно расшатывает связывающие людей общие рамки значений. В такие моменты временно возникает множество разнообразных социально жизнеспособных вариантов. Такая нестабильность приводит к давлению на элиты в направлении создания общих рамок культурных предпочтений, легитимизирующих их политику и институты. Эта культурно-политическая функция элиты является самой важной для понимания процесса быстрых изменений в обществе. В последующих главах мы попытаемся показать, что эта культурная (политическая) функция элиты имеет прямое отношение к пониманию процесса быстрых социальных изменений.

Культурный анализ идеально подходит для объяснения механизмов трансформации культурных ценностей в политический выбор, поскольку такой подход задает вопрос о том, какие культурные ресурсы используются для преодоления бесформенности и кто контролирует эти ресурсы. Наиболее очевидными механизмами являются поддерживаемые государством институты, насаждающие ценности, такие, как школа, церковь, гражданские и общественные организации, а также общий социальный опыт, создаваемый церемониями,

<sup>61</sup> Ibid. P. 4. О «двух ликах» культуры см.: *Laitin D.D. Hegemony and Culture: Politics and Religious Change Among the Yoruba*. Chicago: University of Chicago Press, 1986.

ритуалами, празднествами. Все это способствует насаждению поощряемого элитой восприятия новых тенденций. Участвуя в этих мероприятиях, люди обновляют свою культурную матрицу, адаптируя ее к новым институтам и принимая их как часть своей традиционной структуры ценностей.

Интерпретации прошлого (мифы) и ассоциируемые с ними символы и образы – особенно мощные способы управления социальными изменениями, поскольку именно они связывают два лика культуры. С одной стороны, они служат определению ключевых элементов культуры, встроенных в относительно неизменные социальные связи (см. определение культуры Гирцем как «исторически передаваемой модели значений, воплощенной в символах, системы унаследованных концепций, выраженных в символических формах, в виде которых человек передает, сохраняет и развивает свои знания и отношение к жизни»<sup>62</sup>). С другой стороны, они играют важную роль в политической повестке дня элиты, стремящейся под давлением бесформенности быстро сформировать новый набор культурных предпочтений. Эта уникальная связь дает нам основу и цель, делая символы идеальным мерилom действительного прогресса социальных изменений.

Вилдавски однажды пошутил, что и культура, и теории о ней одинаково сопротивляются изменениям<sup>63</sup>. Возможно, именно поэтому немногие обращались к одному из наиболее ярких противоречий в сердце аргументации культуралистов. Утверждается, что индивидуальные предпочтения могут меняться лишь медленно и эта инерция придает стабильность культурным представлениям и поддерживающим их институтам. Но если бы культурные предпочтения были всегда стабильны, бесформенность никогда не стала бы проблемой. Сам факт того, что бесформенность может так внезапно охватить общество, предполагает, что, по крайней мере, при определенных обстоятельствах культурные предпочтения далеко не стабильны. Это создает интригующую возможность реконструкции стабильных культурных предпочтений и, таким образом, создания нового общественного согласия.

Как мы уже видели, культурный анализ дает нам ценные аналитические рамки для понимания быстрого социального перехода, но при

<sup>62</sup> *Ross M.H. Culture and Identity*. P. 45.

<sup>63</sup> *Wildavsky A. Culture and Social Theory*. P. 196.

этом ограничен в аналитических инструментах для понимания того, как именно он происходит. Существует набор инструментов, идеально подходящих для этой задачи, — мифы и символы. Краткий обзор их впечатляющей «родословной» в общественных науках покажет, почему они так идеально подходят для изучения быстрых политических изменений.

*Психология: символическая жизнь сознания*

Первой из общественных наук, признавшей значение символов, стала психология. Две крупнейшие фигуры в психоанализе XX столетия, Зигмунд Фрейд и Карл Юнг, считали миф и символы центральными проблемами. Согласно Фрейду, скрытые значения лежат сразу же под поверхностью высказывания, но их многослойность не позволяет нам понять реальность. Наши скрытые мысли обретают форму в мифах, выражаются в религиозных ритуалах и искусстве, их истинная природа часто символически раскрывается во сне. Фрейд вывел определенные общие закономерности мифов, которые, как он считал, являлись «искаженными следами фантазий целых народов — вековыми мечтами юного человечества»<sup>64</sup>. Изучение таких мифов, считал он, должно раскрыть универсальные законы, лежащие в основе проблем современной цивилизации.

Взгляд Фрейда на миф как душевное расстройство — невроз цивилизации, который необходимо определить и вылечить, — оказал глубокое влияние на общественные науки. До сего дня миф часто описывают как явление, которое «необходимо принимать всерьез именно для того, чтобы постепенно вытеснить в интересах установления истины и развития человеческого разума»<sup>65</sup>. Некоторые политические аналитики сошлись во мнении, что мифы — «иллюстрация роли идеологического обмана», типичного для обществ, охваченных раздором, враждой и имеющих сомнительные демократические традиции<sup>66</sup>. В таких обществах социальные недуги могут принять символи-

<sup>64</sup> William G. Doty. *Mythography: The Study of Myths and Rituals*. University, Alabama: University of Alabama Press, 1986. P. 133–134.

<sup>65</sup> Bidney D. *Myth, Symbolism and Truth* // T. A. Sebeok, ed. *Myth: A Symposium*. Indiana University Press: Bloomington, Ind., 1965. P. 14.

<sup>66</sup> Tismaneanu V. *Fantasies of Salvation: Democracy, nationalism, and myth in post-communist Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998. P. 9–10; Palma G. *di To craft democracies: An essay on democratic transitions*. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 182, 231; Holmes S. *Cultural Legacies or State Collapse?* P. 51–69; Mandelbaum. *Introduction*. P. 26.

ческую форму и найти выражение в формировании опасных политических тенденций, таких, как национализм. Именно поэтому бесформенность — буквально: отсутствие стабильных символических форм власти — представляет такую опасность для общества<sup>67</sup>.

В отличие от Фрейда Юнг более благосклонно относился к мифу. Он выдвинул идею о существовании универсального субстрата мифических образов (архетипов), способных дать ключ к пониманию его пациентов. Повторяющиеся образы и символы, считал он, являются выражением универсального набора ценностей (коллективное бессознательное, или объективная психика), значение которых можно установить, внимательно изучая мифы и легенды. Такое исследование также может служить раскрытию более глубокого культурного смысла, способного в будущем указать человечеству путь к психологической целостности — перспективу, которую Юнг считает выполнением предназначения человека<sup>68</sup>.

Вместе с тем, работы Фрейда в большей степени, чем Юнга, установили связь между психологией, антропологией и социологией, определив социальные стратегии борьбы с когнитивным диссонансом<sup>69</sup>. Социальная психология возникла на идее о том, что вместе с уровнем диссонанса растет и стремление к его сокращению, — идее, ярко проявляющейся в работах Гарри Экстайна. В то же время негативная интерпретация мифов Фрейдом оставляет для аналитиков две спорные гипотезы, тормозящие дальнейшие исследования символов.

Первая — мнение о том, что мифы являются обманом, который необходимо отменить, чтобы открыть истину. Вторая — мифотворчество (а вместе с ним и большая часть культуры) происходит в сознании и похоронено под несколькими слоями накопившихся культурных неврозов. Как удачно отметил Джеймс Хиллман: «Психологический подход имеет в виду то, о чем говорит, — путь через психику к мифу, связь с мифом, который проходит через душу... только когда миф связан с душой, только когда он имеет психологическое значение, он становится живой реальностью, необходимой для жизни, а не литературной, философской или религиозной уловкой»<sup>70</sup>. При та-

<sup>67</sup> Biezais H. ed. *The Myth of the State*. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1972.

<sup>68</sup> Ibid. P. 149–150.

<sup>69</sup> Erikson E., цит. по: Doty. *Mythography*. P. 136.

<sup>70</sup> Doty. *Mythography*. P. 131.



кой тенденции в толковании мифов и символов как умопостроений очень трудно показать их причинную связь с событиями. Для использования символов при изучении политических и социальных изменений необходимо отказаться от такого стереотипа.

Одним из первых ученых, настаивавших на возможности рационального и научного изучения мифов, был Эрнст Кассирер. Кассирер первым описывал человека как «символическое животное» и рассматривал создание смысловых значений как одну из центральных задач человеческого существования<sup>71</sup>. Будучи большим поклонником психологического анализа, Кассирер тем не менее рассматривал мифы не как невроз, но как естественный аспект творческого самовыражения человека, движущую силу культуры. В конечном счете Кассирер считал подход Фрейда слишком редукционистским, и под влиянием объединяющей роли символов в физике и математике он решил создать теорию символических форм, охватывающих всю человеческую деятельность, включая науку, искусство и поэзию. «Научные факты, — пишет Кассирер, — всегда содержат теоретический, а следовательно, и символический элемент»<sup>72</sup>.

Кассирер утверждал, что все гуманитарные дисциплины совместными усилиями создали символическое измерение человеческого существования. Этот вывод в свое время воодушевил и вдохновил литературных критиков и деятелей культуры на популяризацию изложенных в его трудах взглядов<sup>73</sup>. В своей последней книге «Миф государства» («The Myth of the State»), он свел воедино несколько видов анализа мифов и мифотворчества, основываясь на антропологии, социологии, истории и психологии, и, явным образом отрекаясь от Фрейда, противопоставил позитивную силу мифологического мышления рациональному мышлению, в котором видел серьезную опасность для человечества<sup>74</sup>.

Несмотря на огромную эрудицию, затрагивающую практически все известные дисциплины, Кассиреру, однако, не удалось создать «грамматику символической функции», которая бы давала единую теорию

<sup>71</sup> Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1953. P.65.

<sup>72</sup> Там же. P. 53. Кассирер считает, что фундаментальные понятия механики, такие, как масса и сила, есть «фикции», созданные логикой естественной науки // Там же. С. 75–76.

<sup>73</sup> Wimsatt W.K. Jr. and Brooks C. Literary Criticism: A Short History. New York: Knopf, 1957. P. 699–708; Langer S.K. Philosophy in a New Key. Cambridge: Harvard University Press.

<sup>74</sup> Cassirer E. The Myth of the State. New Haven: Yale University Press, 1946. P. 4.

культуры<sup>75</sup>. То, что символы могут быть интерпретированы множеством отчасти взаимно пересекающихся способов, делало их, по сути, двусмысленными — непреодолимое препятствие для всех эмпирически обоснованных общественных наук. Чтобы быть рассматриваемыми как причина социальных изменений, символы должны иметь последовательный набор значений. Более того, эти значения должны быть исконно присущи символу, а не существовать лишь в сознании наблюдателя.

*Символическая антропология: перенос символов  
из сознания на общественную арену*

Ответом антропологии на вызов Фрейда стали работы Клиффорда Гирца. Гирц полагал, что культура воплощена в публичных символах и члены общества передают свое видение мира через ритуалы, связанные с этими символами. Исчезала необходимость в спекуляциях о том, что происходит у людей в голове, — проявлением была культура, «не менее публичная, чем бракосочетание, и не менее заметная, чем сельское хозяйство»<sup>76</sup>. Поскольку символы формируют мироощущение социальных «актеров», социальные действия можно понять, интерпретируя значение символов в контексте конкретной культурной традиции<sup>77</sup>. Ритуалы, церемонии, воспитание и тому подобное предоставляют шаблоны или схемы организации социально-психологических процессов. Они подсказывают, как мы должны вести себя в определенных обстоятельствах, какая форма правления правильна или неправильна для данного общества<sup>78</sup>. Поэтому роль общественных наук заключается в интерпретации значения ключевых символов общества. Гирц называл это «интерпретационной теорией»<sup>79</sup>.

<sup>75</sup> Cassirer E. Philosophy of Symbolic Forms. P. 86.

<sup>76</sup> Цит. по: Brint M. A Genealogy of Political Culture. Boulder, Colo.: Westview Press, 1991. P. 89–90.

<sup>77</sup> Ortner S.B. Theory in Anthropology Since the Sixties // Dirks N.B. et al., eds, Culture/Power/History: A Reader in Contemporary Social Theory. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 374–375.

<sup>78</sup> Geertz C. Ideology as a Cultural System // Ideology and Discontent / David E. Apter. London: The Free Press of Glencoe, 1964. P. 61. Это очень похоже на взгляды Экстайна, который указывает на то, что пробным камнем теории культуралистов является вера в то, что актеры реагируют непосредственно не на ситуации, а на ориентации, которые позволяют им правильно интерпретировать все ситуации. См.: Eckstein H. A Culturalist Theory of Political Change // American Political Science Review. 1988. Vol. 82. №3. P. 790.

<sup>79</sup> Geertz C. From the Native's Point of View. On the Nature of Anthropological Understanding // Dolgin J.L. et al. eds. Symbolic Anthropology: A Reader in the Study of Symbols and Meanings. New York: Columbia University Press, 1977. P. 481.

Для Гирца идеологии, движущие человеческими страстями, лучше всего поддаются пониманию как «упорядоченные системы культурных символов»<sup>80</sup>. Понимание процесса формирования символов является поэтому ключом к пониманию всех общественных процессов. Как и Экстайн, Гирц утверждает, что такие идеологии имеют наиболее критическое значение в периоды социальных потрясений, когда институциональные факторы, сдерживающие поведение, слабы или вовсе отсутствуют. В такие периоды контроль элит над политическими символами начинает играть ключевую роль, поскольку именно через символы люди начинают связывать незнакомые явления в настоящем со знакомым им прошлым, способствуя тем самым осуществлению перехода. Парадоксально, что потребность людей в знакомом прошлом становится тем сильнее, чем больше способность политической системы освободиться от традиции.

В то время как Талкотт Парсонс убеждал представителей общественных наук создавать «социологический эквивалент ньютоновой системы», Гирц вместо этого призывал их сосредоточиться на значении, а не измерениях, или на частном, а не общем<sup>81</sup>. Поскольку обществоведы потеряли из виду значение социальных действий, считает Гирц, сила оказалась отделенной от своего генератора, или необходимые действия — от своего применения. Он доказывал, что это положение сохранится, пока аналитики озабочены лишь тем, откуда что-либо происходит или против кого направлено, а не тем, что вызвало это к жизни<sup>82</sup>. Значение можно выяснить, сосредоточившись на «местном знании» — историях, убеждающих людей, «что политически они соединены вместе судьбой и природой»<sup>83</sup>.

Метод изучения культуры Гирцем достаточно обычен — наблюдение, понимание и истолкование способов выражения и того, что они значат для общества; но метод требует большой интуиции, чтобы ре-

<sup>80</sup> Geertz C. Ideology as a Cultural System. P. 64.

<sup>81</sup> Geertz C. After the Fact: Two Countries, Four Decades, One Anthropologist. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. P. 100. Несмотря на сходные взгляды по многим вопросам, мнения Экстайна и Гирца здесь расходятся. Экстайн считает, что подход Гирца к культуре полностью отвергает позитивистский подход к общественным наукам и попытку Комта создать «социальную физику», проект, который Экстайн надеялся спасти. См.: Eckstein H. Culture As a Foundation Concept for the Social Sciences // Journal of Theoretical Politics. 1996. Vol. 8. №4. P. 476, 495.

<sup>82</sup> Geertz C. After the Fact. P. 26.

<sup>83</sup> Ibid. P. 27.

шить, какие «наблюдаемые символические формы»<sup>84</sup> наиболее важны. Гирц настаивает на том, что критическое исследование культуры должно быть посвящено «мобилизующим различиям [и] решающим противопоставлениям... а не преодолению их или объединению в некое безликое, всех устраивающее экуменическое целое»<sup>85</sup>. Различия не исключают сходства, они содержат его в себе, локализуют и придают форму. В мире «меняющихся идентичностей и неопределенных связей», считает он, в конечном счете «остается только обратиться к конкретным случаям»<sup>86</sup>.

Влияние Гирца на общественные науки трудно переоценить. Привлекая внимание к значению публичных символов, он заново определил предмет культурного анализа и способствовал смягчению противоречия в общественных науках между сторонниками жестких и мягких подходов к использованию данных.

Сосредоточиваясь на символах и осязаемых артефактах, Гирц перенес культурные исследования за пределы бесплодной дискуссии о том, должны ли атрибуты культуры быть разделенными или всеобщими. Поскольку культурный контекст, иллюстрирующий значение символа, для аналитиков — тот же контекст, который сообщает его значение участникам процесса, влияние символов на поведение как отдельных людей, так и публичных институтов может быть изучено<sup>87</sup>. Власть и политическое влияние всегда выражены в символической форме, и, чтобы выяснить, как они реализуются, считает Гирц, мы должны понять, как люди выбирают ту или иную идентичность. Рассматривая культуру как набор зримых символов, мы можем искать «базовую грамматику политики»<sup>88</sup>.

Виктор Тернер, еще один антрополог, сосредоточившийся на посреднической роли символов, конкретно рассматривал роль ритуалов — «механизма, периодически преобразующего обязательное в желаемое»<sup>89</sup>. С точки зрения Тернера, изучение ритуалов особенно

<sup>84</sup> Geertz C. From the Native's Point of View. P. 486, 492.

<sup>85</sup> Geertz C. Available Light. P. 198.

<sup>86</sup> Ibid. P. 226–227.

<sup>87</sup> Swidler A. Cultural Power and Social Movements // Hank Johnston and Bert Klandermans, eds. Social Movements and Culture. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1995. P. 28.

<sup>88</sup> Цит. по: Tucker R.C. Culture, Political Culture, and Communist Society // Political Science Quarterly. June 1973. Vol. 88. №2. P. 177.

<sup>89</sup> Kertzer D.I. Ritual, Politics, and Power. New Haven and London: Yale University Press, 1988. P. 40.

важно, так как они разряжают социальную напряженность. Тернер показал, как во времена кризиса люди обращаются за поддержкой к своим самым глубоким «коренным парадигмам», когда сам кризис ставит перед ними вопрос о том, почему традиционные ценности и культурные модели потерпели крах<sup>90</sup>. В то время как Гирц делает акцент на том, как символы формируют миропонимание социальных «актеров», Тернер видит в символах активные операторы социального процесса<sup>91</sup>. В определенном ритуальном контексте они не только служат инструментами разрешения социальных противоречий, но даже могут «побуждать к социальным действиям»<sup>92</sup>.

Практическое применение символов в политике еще более углубленно рассматривалось Абнером Коэном, который иллюстрировал идею Тернера о том, что символы являются основными социальными операторами, показывая, как ими манипулируют элиты. Социальное поведение, по мысли Коэна, является бесконечной серией спектаклей (*performances*). Представители элит постоянно вмешиваются в те представления, которые имеют самое критическое значение, и, модифицируя символы, обеспечивают передачу своего послания<sup>93</sup>. Способность мобилизовать старые и новые символы так, чтобы они «постоянно преобразовывали реальность, характеризующуюся отличиями, в видимость схожести», является, таким образом, ключевым атрибутом политического руководства<sup>94</sup>. Те индивидуумы, которые наилучшим образом создают, мобилизуют и выражают соответствующие символы, становятся лидерами<sup>95</sup>.

<sup>90</sup> Turner V. *Dramas, Fields, and Metaphors: Symbolic Action in Human Society*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1974. P. 64; Turner V. *Liminality and the Performative Genres* // F.A. Hanson, ed. *Studies in Symbolism and Cultural Communication*. Lawrence, Kansas: University of Kansas, 1982. P. 27.

<sup>91</sup> Ortner. *Theory in Anthropology*. P. 374–375.

<sup>92</sup> Turner V. *The Forest of Symbols*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1967. P. 36.

<sup>93</sup> Cohen A. *Two-Dimensional Man*. Berkeley: University of California Press, 1974. P. 132.

<sup>94</sup> Cohen A. *The Politics of Elite Culture*. Berkeley: University of California Press, 1981. P. 210.

<sup>95</sup> Карл Лэм выдвигает тот же тезис в своем классическом исследовании поведения избирателей в округе Оранж, Калифорния: «Призыв к осмысленным политическим изменениям по отношению к... избирателям должен оперировать понятиями, связанными с приемлемыми для них национальными ценностями и традициями. Политические лидеры должны быть привержены идее реставрации предполагаемого былого величия. Избиратели не последуют за теми, кто скажет им, что они верят в неправильную интерпретацию истории, или будет утверждать, что обещания, даваемые Америкой, всегда были фальшивыми». См.: Lamb K.A. *As Orange Goes: twelve California families and the future of American politics*. New York; Norton, 1974. P. 302.

Символы образуют последнюю линию обороны общества от радикальных изменений. «Символы прошлого, мифически настоянные на вечности... приобретают особую эффективность в период интенсивных социальных изменений, когда общества срываются с самых надежных культурных якорей, сопротивляясь потоку преобразований»<sup>96</sup>. Поскольку даже самые драматичные социальные изменения отмечены значительной степенью последовательности символических форм, аналитики должны уделять особое внимание в периоды переворотов «драматическим спектаклям», поскольку по ним можно определить, в какой степени символы используются для осуществления изменений или сохранения старого порядка<sup>97</sup>.

Коэн выделяет два способа управления мифами со стороны элиты: «культурное продолжение», в рамках которого идеализированное прошлое считается путеводителем в будущее, и «культурную замену», при которой государство устанавливает новые институты для создания новых поддерживающих ценностей. Культурные революции, в особенности коммунистические, акцентируют последний подход. Напротив, Новгород и Фокалтаун, Ньюфаундленд\* (*Focation, Newfoundland*), провинция Канады представляют собой хорошие примеры «культурного продолжения». И в Фокалтауне, и в Новгороде элиты старались «примирить настоящее с прошлым, используя идеологии перемен, уважающие прошлое и вызывающие его к жизни, показывая, что новое на самом деле совсем не ново, а имеет корни в прошлом, или утверждая, что новые социально-экономические структуры подкрепляются традиционными ценностями, которые таким образом сохраняются, а не отрицаются»<sup>98</sup>.

Итак, символическая антропология считает, что социальная нестабильность и недуги общества в большой степени являются результатом не только экономической и институциональной слабости, но и неспособности общества аккумулировать символы. Бесформенность есть результат неспособности общества ассоциировать институты с привычным символическим репертуаром. Те новые институты, которые можно связать с ним, с большей готовностью воспринимаются

<sup>96</sup> Cohen A. *The Symbolic Construction of Community*. London and New York: Routledge, 1985. P. 102.

<sup>97</sup> Cohen A. *Politics of Elite Culture*. P. 155.

<sup>98</sup> Cohen A. *The Management of Myths*. Manchester, UK: Manchester University Press, 1974. P. 12.

\* Случай, использованный для исследования самим Коэном.

как легитимные, а те, с которыми это проделать нельзя, столкнутся с трудностями и, возможно, никогда не будут приняты обществом.

Несмотря на многочисленные новые перспективы, открываемые символической антропологией, многих аналитиков не устраивает идея о том, что быстрые социальные изменения можно осуществить, манипулируя символами. Признавая, что адаптация культуры к переменам широко распространена, многие антропологи-символисты склонны скорее говорить о постоянстве культуры, чем выделять потенциальные источники культурных инноваций. В результате многие не воспринимают достаточно серьезно политические следствия взгляда на человека как творца своей культуры.

Это, однако, делается в поздних работах антрополога Роя Вагнера. В отличие от большинства антропологов (даже символистов) Вагнер видел в возникновении культуры естественный процесс, которым помогают управлять символы. Когда общество удовлетворено проделанными изменениями, тот факт, что они были привиты в результате изобретения новой культуры, удобно прячется из виду и символы становятся частью освященной традиции<sup>99</sup>. Поскольку культуры, обычаи и традиции постоянно открываются заново, то, чему мы учимся и как мы воспринимаем вещи, также является гранью культурного изобретательства. Поэтому в периоды глубоких социальных потрясений люди буквально изобретают выход из тенет своей обычной ориентации. В тяжелых обстоятельствах можно попытаться изобрести что-нибудь быстро. Дверь в мир изменений всегда открыта, потому что культура все время заново открывает себя<sup>100</sup>. Вагнер напоминает нам, что люди одновременно и изобретают, и интерпретируют культуру и через использование символов становятся и двигателями, и объектами социальных изменений.

Сорок лет назад Гирц отчитывал своих коллег за то, что они не уделяют достаточно внимания тому, «как символы символизируют», т.е. выполняют функцию передачи значений<sup>101</sup>. Эта проблема остается нерешенной. Понимание того, что символы «не менее публичны, чем бракосочетание, и не менее заметны, чем сельское хозяйство», ничего не говорит нам о том, поженятся ли два произвольно взятых

<sup>99</sup> *Wagner R.* The Invention of Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1981. P. 158.

<sup>100</sup> *Ibid.* P. 51, 104–106.

<sup>101</sup> Цит. по: *Burke.* On Symbols and Society. P. 5.

человека и будет ли их брак счастливым. Вопрос о том, как именно символы влияют на политическое поведение, рассматривался социологами, в частности теоретиками общественных движений.

*Теория общественных движений: изучение влияния символов*

Изыскания Пьера Бурдьё и Гарольда Блумера положили начало исследованиям воздействия символов. Еще будучи молодым антропологом, Бурдьё, не удовлетворенный недостаточными прогностическими возможностями антропологии, взялся за разработку общественной дисциплины, связанной с «созданием и реализацией стратегий в рамках организующих условий культурных соотношений»<sup>102</sup>. Эти рамки он назвал «габитус» (от лат. *habitus* — обитаемая среда.— *Прим. пер.*)<sup>103</sup>.

Взаимосвязанность всех элементов в рамках габитуса позволяет аналитикам рассматривать символические и материальные интересы как взаимозаменяемые. Социальные игроки реализуют стратегии инвестиций в культурные блага так же, как и в экономические. При определенных условиях эти блага взаимозаменяемы<sup>104</sup>. В этой связи ключевой задачей социологии становится анализ продуцирования, оборота, потребления и конверсии различных форм капитала, являющегося выражением власти. Поскольку культурные символы и практики воплощают в себе интересы и служат усилению социальных различий, политическая борьба есть борьба за контроль над символами. Победа есть способность навязать на социальной арене свое определение символа. Хорошее политическое администрирование — это попросту эффективное использование элитой культурных символов<sup>105</sup>.

Подобно Марксу, Бурдьё считает, что символы нужны, чтобы отвлечь внимание от подлинной классовой природы политики, маскируя ее под благородное или незаинтересованное поведение. Однако, в отличие от Маркса, он рассматривает формирование габитуса как произвольное и ограниченное установившейся социальной иерархией<sup>106</sup>. Таким образом, замена одного набора символов другим не отменяет факта доминирования элит, поскольку в природе человека

<sup>102</sup> *Jenkins R.* Pierre Bourdieu. London: Routledge, 1992. P. 39

<sup>103</sup> *Ibid.* P. 37.

<sup>104</sup> *Swartz D.* Bridging the Study of Culture and Religion: Pierre Bourdieu's Political Economy of Symbolic Power // *Sociology of Religion.* 1996. Vol. 57. №1. P. 74–75.

<sup>105</sup> *Swartz D.* Bridging the Study of Culture and Religion. P. 71.

<sup>106</sup> *Ibid.* P. 76.



заложено стремление к власти и манипулированию с этой целью символическим капиталом.

Интересно, что социология Бурдьё, который стремился к усилению прогностической способности общественных дисциплин, оставляет мало места для осмысленных социальных действий, сводя их, как выразился один аналитик, к «игре в стулья, где игроки поочередно пытаются занять свободные места, игре, заведомо вводящей в заблуждение и бесплодной»<sup>107</sup>. Хотя Бурдьё и описывает процесс формирования символов как произвольный, он считает формирование новой идеологической структуры утверждением господства элит. Таким образом, получается, что некоторые аспекты формирования культурного капитала неизменны, в то время как другими могут манипулировать элиты. В изменчивой среде габитуса не всегда ясно, где Бурдьё проводит этот водораздел.

Он пытается разрешить это противоречие, говоря о том, что борьба за символическое доминирование на самом деле является компетенцией узкой группы специалистов, обладающих монополией на толкование или управление в своей сфере культурной экспертизы. Эту сферу он называет полем. Поле задает для игроков конкретные формы борьбы, а также подспудно заставляет их принимать правила игры. Несогласные могут отрицать преимущества той или иной политики, однако все они разделяют заинтересованность в сохранении поля для политических торгов, даже если у них есть разногласия о том, кто должен на нем доминировать<sup>108</sup>.

Бурдьё не отвечает на вопрос о том, что случается, если нарушители отбрасывают существующие правила. Кто собирает куски разбитого целого и устанавливает новые правила? Проблема субъекта еще более осложняется тем, что Бурдьё оказывается неспособным затронуть вопрос о тех людях, которые, как он сам, так или иначе преодолевают границы своего габитуса и осознают его искусственность. Можно предположить, что люди, не подверженные социальным манипуляциям, как «авангард пролетариата» у Ленина, могут стать автономными движущими силами изменений.

Работы Бурдьё по разным причинам не пользовались большим признанием в Соединенных Штатах до начала 1990-х годов. Однако

<sup>107</sup> *Garnham N.* Bourdieu, the Cultural Arbitrary, and Television // Craig Calhoun et al., eds. *Bourdieu: critical perspectives*. Chicago: University of Chicago Press, 1993. P. 180.

<sup>108</sup> *Swartz D.* Bridging the Study of Culture and Religion. P. 80–81.

зadolго до того как Бурдьё стал популярным в США, Гарольд Блумер обвинял социологов в слишком большом внимании к социальной структуре и отношении к социальному действию лишь как к отражению этой структуры<sup>109</sup>. Блумер утверждал, что анализ социального действия следует отделить от анализа существующих социальных организаций. Он считает, что, вместо того чтобы рассматривать людей как окруженных существующими объектами и моделями, обуславливающими их поведение, более правильно было бы представить, что люди конструируют одни объекты на основе последовательного взаимодействия с другими. Он называет это «действием на основе символов», или «символическим интеракционизмом»<sup>110</sup>.

Подчеркивая центральную роль символов в передаче разделяемых значений, Бурдьё и Блумер открывают путь к тому, что обычно называется «новой культурной социологией»<sup>111</sup>. Одна из влиятельных последовательниц новой культурной социологии, Энн Свидлер, показывает глубокое политическое воздействие культуры в течение как спокойных, так и бурных периодов развития общества.

Традиционно считается, что культура влияет на поведение людей, обозначая конечные цели, или ценности, на достижение которых направлены действия. Это, однако, ничего не говорит нам о выборах, которые делают люди в конкретной социальной ситуации. Фактически Свидлер полагает, что действия являются частью более масштабных стратегий деятельности, которые формируются культурой тремя способами<sup>112</sup>. Во-первых, культура предоставляет инструментарий из символов, историй и ритуалов, который люди по-разному настраивают, чтобы решить свои проблемы. Когда такие инструменты уже есть, культура рождает постоянное во времени побуждение к действиям — «стратегии действия»<sup>113</sup>. Наконец, культура предоставляет компоненты, используемые для реализации таких стратегий.

Основываясь на организующих принципах, которые формируют последовательность действий, Свидлер устраняет разрыв между теми,

<sup>109</sup> *Blumer H.* *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1969. P. 26–27.

<sup>110</sup> *Ibid.* P. 80.

<sup>111</sup> *Turner R.H.* and *Killian L.M.* *Collective Behavior*. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall, 1957; *Smelser N.J.* *Theory of collective behavior*. New York: Free Press, 1962.

<sup>112</sup> *Swidler A.* *Culture in Action: Symbols and Strategies* // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. P. 277.

<sup>113</sup> *Ibid.* P. 273.

кто относится к культуре как объекту изменений, и теми, кто рассматривает ее как их движущую силу. То есть Свидлер заменяет взгляд на культуру как силу, сдерживающую политические изменения, на ее понимание как фактора, открывающего широкий спектр различных вариантов изменений. В отличие от ранних культуралистов, которые рассматривали демократический консенсус как зависящий от уже существующей гражданской культуры, приверженцы новой культурной социологии считают, что политические игроки конструируют среду, восприимчивую к демократическим ценностям и институтам, опираясь на культурные символы.

В стабильных обществах, характеризующихся высоким уровнем удовлетворенности установленными ценностями, люди редко обращаются к культурным символам для изменения существующего порядка, но в нестабильных обществах спрос на такие символы гораздо выше<sup>114</sup>. Вынужденные разрабатывать новые стратегии в рамках старых культурных моделей, элиты отчаянно пытаются переделать старые ритуалы в новые и наполнить старые модели и практики новым смыслом. Свидлер, цитируя Майкла Вальзера, указывает на поступок Кальвина в Женеве как на пример удачного использования культуры с целью добиться конкретных психологических изменений в обществе, в то же время обращаясь к элитам, которые «ищут новые пути реализации власти и новую этику для регулирования собственного поведения»<sup>115</sup>.

Рассматривая культуру как механизм, используемый людьми для решения повседневных проблем, Свидлер изображает ее не только как независимый рычаг влияния на социальные изменения, но и как основную движущую силу изменений. Таким образом, можно легко определить культурные механизмы социальных изменений и прояснить их функцию. Неясным остается, почему определенные культуры используют такие инструменты более эффективно, чем другие. По ее мнению, чтобы ответить на этот вопрос, ученые должны внимательнее отнестись к «историческим ситуациям, при которых новые культурные комплексы порождают новые или по-новому организованные стратегии действий», а также к тому, как «потенциал определенных идей, ритуалов и символов по организации определенных

<sup>114</sup> Swidler A. Culture in Action: Symbols and Strategies // American Sociological Review. 1986. Vol. 51. P. 281.

<sup>115</sup> Ibid. P. 282–283.

действий влияет на исторические возможности, которые могут быть использованы»<sup>116</sup>.

Отделяя социальные действия от их связи с общественными институтами, культурные социологи устраняют две проблемы, смущавшие сторонников теории политической культуры: как объяснить быстрые социальные изменения в условиях, когда общественные институты отстают от них, и как объяснить отсутствие изменений на фоне быстрой институциональной трансформации. Если мы свяжем символы, используемые элитами в процессе изменений, со стратегическим политическим выбором, становится возможной реализация социальных изменений даже вопреки властям.

Процесс изменения статус-кво социальными игроками находится в центре внимания группы социологов, известных как сторонники теории общественных движений. Исследование общественных движений как движущей силы социальных изменений показывает, что возможности для политической мобилизации часто создаются при культурных конфликтах, «когда две или более культурные темы, которые потенциально противоречат друг другу, приводятся в состояние активного противоречия событиями или когда реальное поведение существенно отличается от идеологической основы движения»<sup>117</sup>.

Рамки интерпретации, которые «резонируют с культурными повествованиями, т.е. историями, мифами, народными сказками, являющимися неотъемлемой частью культурного наследия», выступают в качестве ключевых для успешной социальной мобилизации и в случае успеха часто транслируются в публичную политику<sup>118</sup>. Поскольку побуждение к изменениям столь легко подавляется старым менталитетом и традиционной политической культурой, для успеха общественных движений им необходимо опираться на ценности, основанные на существующей в обществе традиции коллективных действий и оппозиции<sup>119</sup>. Это кажется противоречием. Однако работа, проделанная Стивеном Хартом, показывает, что в рамках общественных

<sup>116</sup> Swidler A. Culture in Action: Symbols and Strategies // American Sociological Review. 1986. Vol. 51. P. 283.

<sup>117</sup> Zald M.N. Culture, Ideology, and Strategic Framing // Doug McAdam et al., eds. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996. P. 268.

<sup>118</sup> Ibid. P. 270–271.

<sup>119</sup> Я называю это «альтернативными политическими культурами» в моей книге «The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture». Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.

движений культурное творчество на самом деле является нормой и осуществляется людьми, приверженными ранее существовавшим традициям. Эти традиции предоставляют тот репертуар символов, который используется в борьбе за изменения<sup>120</sup>. Успешные общественные движения поэтому обычно являются результатом социального строительства, которое одновременно привлекает на свою сторону старые символы и создает новые.

По мнению Альберто Мелуччи, общественные движения часто возникают как бедные и небольшие сети инакомыслящих, служащие «культурными лабораториями» гражданского общества<sup>121</sup>. Они на протяжении многих лет бросают культурный вызов режиму, подрывая значение доминирующих символов, на которых основываются действующие общественные отношения, и предлагая альтернативные способы восприятия общественных реалий<sup>122</sup>. Наконец, когда усилия достигают критической массы, эти скрытые сети внезапно становятся видимыми и быстро объединяются против государства. Поскольку принятое определение политической культуры настроено в пользу официальных институтов, а следовательно и статус-кво, Мелуччи предпочитает рассматривать политическую культуру как находящуюся в постоянном брожении, с постоянным потенциалом для изменений. Хотя его исследование и посвящено зрелым демократиям, описываемое им точно соответствует той роли, которую играли диссидентские группы в Восточной Европе и СССР в годы, предшествующие краху коммунизма<sup>123</sup>.

Выявляя связи между успешными социальными изменениями и культурной трансформацией, культурная социология и теория общественных движений многое сделали для доказательства роли культуры (и символов) в политических изменениях. И хотя новые культурные социологи доказывают, что люди выбирают между различными культурными опциями, определяя, какие инструменты нужны для

<sup>120</sup> Hart S. The Cultural Dimension of Social Movements: A Theoretical Reassessment and Literature Review // *Sociology of Religion*. 1996. Vol. 57. №1. P. 91, 96.

<sup>121</sup> Цит. по: Mueller C. Conflict Networks and the Origins of Women's Liberation // Enrique Larana et al., eds. *New Social Movements: From Ideology to Identity*. Philadelphia: Temple University Press, 1994. P. 236.

<sup>122</sup> Ibid. P. 239.

<sup>123</sup> «Из четырех предпосылок для возникновения оппозиционного движения: недовольство, идеология, организационный потенциал и публичные возможности — первые три уже появились в 1988 — начале 1989 г., а возможно, и раньше». См.: Oberschall A. Opportunities and Framing in the 1989 Revolts // McAdam. *Comparative perspectives*. P. 121.

реализации их задач, причинная связь между желаемым политическим результатом и выбранной культурной опцией все же кажется слабой. Концентрируясь на организаторах общественных движений как «культуртрегерах», теоретики общественных движений могут определить направления изменения, но при этом остается невыясненным вопрос, почему одни изменения успешны, а другие терпят неудачу. Любопытно, что социологи не проявляют особенного интереса и к очевидной движущей силе социальных изменений — государству; возможно, потому, что оно всегда входило в сферу интересов политологов.

*Символы в политологии: бессмысленный спектакль или двигатель социальных изменений?*

С наступлением триумфа теории рационального выбора немногие проявляли интерес к роли мифов и символов. И даже среди этих немногих образовался разрыв: одни рассматривали мифы и символы как критические переменные, другие расценивали их как лишь часть «политического спектакля»<sup>124</sup>. Наиболее влиятельный представитель последней группы, Мэррей Эдельман, утверждает, что политическая деятельность стремится не к удовлетворению запросов населения, как воспринимают ее политологи, а к манипулированию его запросами и ожиданиями<sup>125</sup>.

По мнению Эдельмана, люди желают получить от общественных институтов, в особенности от правительства, социальные указатели, позволяющие облегчить их тревоги<sup>126</sup>. Мифы, создаваемые людьми о своих социальных институтах, позволяют им подавить страхи. Власть может так сильно влиять на познание, потому что обладает уникальной способностью предотвращать возникновение конкурирующих социальных знаков. Эта власть над восприятием так сильна, что даже при очевидных доказательствах неправоты властей значительная часть населения будет им верить<sup>127</sup>. Тем не менее Эдельман утверждает, что правительства не всемогущи, поскольку их действия должны вписываться в ограничения, установленные общепринятыми политическими мифами.

<sup>124</sup> Edelman M. *Constructing the Political Spectacle*. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

<sup>125</sup> Ibid. P. 7.

<sup>126</sup> Edelman M. Language, Myths and Rhetoric // *Society*. January/February 1998. Vol. 35. №2. P. 132.

<sup>127</sup> Ibid. P. 103.

В силу этих ограничений социальные изменения могут произойти, только если уже существует связь с альтернативными мифическими и символическими понятиями<sup>128</sup>. С точки зрения Эдельмана, власти не столько определяют и решают проблемы, сколько «создают проблемы, чтобы оправдать решения»<sup>129</sup>. Когда власти полностью используют свой мифотворческий потенциал, они превращают политическую деятельность в постановку политического спектакля. Освобождение от политической постановки, говорит Эдельман, достигается не политическим действием, а художественным дискурсом, который выходит за рамки манипуляций, осуществляемых властью, и предлагает более широкое видение реальности<sup>130</sup>.

Мысль Эдельмана о том, что власть есть необходимый, но сам себя обеспечивающий манипулятор символами и мифами, явно повлияла на В. Лоренса Беннета, который утверждает, что мифы не просто образуют часть политического процесса, но и доминируют в нем<sup>131</sup>. Неважно, насколько идеологически разнообразным может казаться общество, считает Беннет, реальные политические альтернативы гораздо более ограничены, поскольку люди не могут на самом деле представить политические решения, лежащие вне знакомых им мифов.

Однако в периоды потрясений табу рушатся и ритуалы теряют свое значение. Установленные символы уже не означают того, что они значили, из-за чего растут неопределенность и социальная напряженность в обществе. В таких условиях, говорит Беннет, внимание к практическим решениям только усугубляет проблемы, потому что нет согласованных смысловых рамок. Первоочередной задачей политической элиты становится поэтому «конструирование публичности» путем символического обрамления проблем с целью получить одобрение предлагаемых новых решений со стороны целевой аудитории<sup>132</sup>. Как наиболее мощный инструмент в арсенале политической элиты, символы и мифы служат «для подтверждения статус-кво в периоды стабильности и определения курса преобразований в периоды потрясений»<sup>133</sup>.

<sup>128</sup> *Edelman M.* Language, Myths and Rhetoric // *Society*. January/February 1998. Vol. 35. №2. P. 46–47.

<sup>129</sup> *Edelman M.* Constructing the Political Spectacle. P. 22.

<sup>130</sup> *Edelman M.* From Art to Politics: How Artistic Creations Shape Political Conceptions. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

<sup>131</sup> *Bennett W.L.* Myth, Ritual and Political Control // *Journal of Communication*. 1980. Vol. 30. №4. P. 171.

<sup>132</sup> *Bennett W.L.* Constructing Publics and Their Opinions // *Political Communication*. April 1993. Vol. 10. P. 108, 117.

<sup>133</sup> *Ibid.* P. 173.

Эдельман полагает, что элиты несколько ограничены в своем использовании символов, Беннет же считает, что элиты в целом и целом могут манипулировать публикой по своему усмотрению<sup>134</sup>. Эдельман также доказывает, что политическое руководство попадает под влияние своей собственной риторики и зачастую не догадывается об угрозах, пока не появляется хорошо организованная оппозиция. Вскоре, однако, эта оппозиция кооптируется элитой, и цикл начинается заново. Наиболее успешной формой общественной трансформации является, таким образом, спонтанный взрыв, не дающий элитам шанса перегруппироваться<sup>135</sup>.

Мысль Эдельмана о том, что успешная политика зависит от символических образов, проектируемых элитами, заставляет усомниться, имеет ли демократия что-либо общее с рациональным публичным дискурсом. Выбор в публичной политике, считает он, имеет мало общего с действительно субстантивными вопросами и связан только с тем, дают ли эмоциональную защищенность связанные с ним образы. Отсюда следует практический вывод, что люди всегда будут предпочитать известное прошлое неизвестному будущему. В результате использование символов для обострения конфронтации с прошлым, вероятно, вызовет сопротивление новой политике власти, в то время как использование старых символов, подспудно связывающее их с новой политикой, будет способствовать принятию новых ценностей и институтов.

Политологи, подобные Эдельману и Беннету, оставляют чувство безнадежности по отношению к любым политическим действиям. Поскольку рациональный вклад не оказывает большого влияния на политику, ее результаты становятся произвольными, а политический выбор — бессмысленным. Общественные деятели, пытающиеся преобразовать общество, — не более чем простак, демонстрирующие соб-

<sup>134</sup> «Положение о том, что люди в основном необучаемы в контексте массовой коммуникации (или что они, проще говоря, всегда отказываются от “высоколобых СМИ” в пользу более пустых и сенсационных альтернатив), — основополагающая идея, благодаря которой этот искусственно созданный мир все время воспроизводит сам себя... большинство журналистов и зрителей новостей согласятся, что не имеет большого смысла рассматривать взгляды необучаемой публики, говоря о политике, которая считается выше ее понимания». См.: *Bennett W.L. and Klockner J.D.* The Psychology of Mass-Mediated Publics // *Ann N. Crigler, ed.* The Psychology of Political Communication. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1996. P. 93.

<sup>135</sup> *Merelman R.M.* Introduction // *R.M. Merelman, ed.* Language, Symbolism, and Politics. Boulder, Col. and Oxford: Westview Press, 1992. P. 4.



ственное невежество в ходе политического спектакля. Неудивительно, что критики, подобные Джеймсу Скотту, считают этот взгляд «слишком пессимистичным по сравнению с действительными фактами общественного развития»<sup>136</sup>.

Скотт настойчиво обращается к идее о том, что элиты могут избавиться от социального конфликта, привлекая на свою сторону идеологическую оппозицию. «Исторически все формы крупномасштабного доминирования, — пишет он, — были неспособны предотвратить создание социального пространства, где подчиненные единицы могли бы говорить о переменах в относительной безопасности»<sup>137</sup>. Мы не видим этого пространства, говорит он, поскольку официальная история пишется победителями, в то время как проигравшие, чтобы избежать последствий, стараются оставить о себе как можно меньше воспоминаний. Поэтому практика сопротивления, как правило, систематически скрывается.

Указывая на «тысячи восстаний и силовых протестов», Скотт считает, что угнетенные группы не стали бы так часто открыто выступать против власти, если бы они не верили, что общественный порядок можно изменить<sup>138</sup>. Более того, пишет он, это доказывает, что элитам не удастся кооптировать угнетенные группы и убедить их принять свой жребий. Редким, по его мнению, является не отрицание статус-кво, а способность открыто выступать против него. Поэтому в том, что Эделман рассматривает как успешную кооптацию, Скотт видит быструю маскировку общественных настроений<sup>139</sup>. Однако мнение Скотта, что восставшие массы рано или поздно преодолевают все препятствия, выглядит слишком оптимистичным. Если, как он полагает, акты протеста в большинстве своем настолько подчиняются правилам, что их не отличить от соблюдения этих правил, то в каком смысле они представляют собой протест?

Но в то время как подобные Эделману и Беннету культурологи приходят к довольно безнадежному выводу о том, что символы, как пешки в руках власти, могут лишь мешать реформам и сдерживать социальные изменения, другие не согласны с этим<sup>140</sup>. Политический

<sup>136</sup> Scott J. False-Consciousness, or Laying It on Thick // Merelman, Language, Symbolism and Politics. P. 209.

<sup>137</sup> Ibid. P. 221.

<sup>138</sup> Ibid. P. 216.

<sup>139</sup> Ibid. P. 235–236.

<sup>140</sup> Elder C.D. and Cobb R.W. The Political Uses of Symbols. New York and London: Longman, 1983. P. 23–26.

психолог Дэвид Сирс, например, критикует пессимистический вывод Эделмана о том, что обычные граждане легко поддаются манипулированию со стороны элит, и доказывает, что политические реакции могут быть вполне предсказуемыми, если искать ассоциируемые с ними символические значения<sup>141</sup>. Поскольку люди однотипно реагируют на сравнимые наборы символов, исследователи могут легко определить, какие реакции будут вызваны теми или иными символами. Сирс призывает к активизации политических предпочтений через использование символов, «символическую обработку»<sup>142</sup>. Символическая обработка может приобретать наибольшую важность в периоды политической неопределенности, когда так же высока вероятность публичного манипулирования символами.

Теория Сирса о символической обработке, по сути, подтверждает вывод Свидлер о том, что политические программы, отражающие ожидания людей в отношении того, что, по их мнению, должно произойти, скорее могут получить поддержку общества, чем стабильная политика. Развивая эту мысль дальше, можно также предположить, что, поскольку символы эмоционально и последовательно обрамляют восприятие, даже непопулярная политика, заключенная в приемлемые символические формы, будет иметь больший успех, чем любая другая.

Поиск надежных способов предсказания социальных изменений привел к изучению символов и политолога Лоуэлла Диттмера, который начал с критики вывода Эделмана о том, что политика не более чем спектакль о символах, которые, по сути, «пусты»<sup>143</sup>. Это придавало слишком большое значение элитам и слишком мало места оставляло для самого содержания символов. Чтобы исправить эту ошибку, Диттмер дал новое определение политической культуре как системе политических символов в рамках более широкой системы политической коммуникации. В таком толковании, говорит он, политические символы могут указывать на конкретные события, в то же время связывая эти события с более широкой категорией значений, вызывающих и передающих определенные эмоции. Диттмер называет эту спо-

<sup>141</sup> Sears D.O. Symbolic Politics: A Socio-Psychological Theory // Shanto Iyengar and William J. McGuire, eds. Explorations in Political Psychology. Durham and London: Duke University Press, 1993. P. 143.

<sup>142</sup> Ibid. P. 131, 136.

<sup>143</sup> Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis // World Politics. July 1977. Vol. 29. №4. P. 561.

способность символов обращаться непосредственно к человеческим эмоциям «управляющими способностями» политических символов<sup>144</sup>.

Связь между символами и политической реальностью непрочная, но она не является произвольной, поскольку в центре концептуального значения символа находится изначальный знак. Символы с «четкой сюжетной структурой, используемые как практические аргументы и обращающиеся к постоянным или исторически повторяемым явлениям»<sup>145</sup> Диттмер называет мифами. Такие мифы служат целям легитимизации власти, строительству морального консенсуса и установлению предсказуемого социального поведения. Во времена кризисов общепринятый характер и ограниченная гибкость политического мифотворчества выступают естественным механизмом защиты, исключая маловероятные и аморальные альтернативы.

Как и Сирс, Диттмер утверждает, что роль элит в формировании публичной дискуссии через символы ограничена, но Сирс видит эти ограничения в раннем социальном кондиционировании, а Диттмер считает, что наиболее последовательно устанавливаются такие ограничения приемлемых разновидностей политического поведения исторические и культурные прецеденты. В то же время он оставляет открытой возможность быстрых социальных изменений в ситуациях, когда существующие политические структуры и исторические прецеденты сами подвергаются атаке и потому не могут сдерживать политическое мифотворчество. Диттмер полагает, что в некоторых случаях политические символы могут развиваться автономно, таким образом отделяя их от доминирующей политической культуры, подкрепляющей собой статус-кво<sup>146</sup>.

Приписывание символам некоторой степени автономии позволяет относиться к ним как к эмпирической переменной, а не как к константе. С точки зрения Диттмера, одним из способов использования символов как аналитической переменной является определение их корневой ценностной ориентации, иерархических моделей и отношения к власти в рамках политической системы с последующим поиском фигуры или образа, лучше всего отражающих эти настроения. Другой способ — определить сначала объекты особого внимания в

<sup>144</sup> Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis // World Politics. July 1977. Vol. 29. №4. P. 570.

<sup>145</sup> Ibid. P. 578–579.

<sup>146</sup> Ibid. P. 562.

политической культуре, а затем проанализировать их значение. Так или иначе, определив ключевые символы, можно эмпирически оценить их влияние на политику<sup>147</sup>.

В то время как Диттмер ищет ответ в лингвистике, политолог Алисон Бриск обращается к социологии и социальным вызовам, идущим снизу. Преобладающие модели коллективного действия, говорит Бриск, чаще всего рассматривают социальную мобилизацию как нефункциональную. Они не в состоянии учесть меняющиеся социальные предпочтения, идентичности и отношение к ресурсам, поскольку считают убеждение средством поддержки статус-кво<sup>148</sup>. Бриск считает, что пора отвести центральное место вопросу о значении. Символическая политика делает это, рассматривая коллективные действия как форму убеждения. Опираясь на литературу о «новых общественных движениях», аналитики могут документировать роль символов в процессе социальных изменений и измерить их эффективность.

Соглашаясь с мыслью Эдельмана о том, что коллективные действия являются разновидностью повествования или политического театра, она утверждает, что это дает им возможность компенсировать отсутствие других ресурсов. При определенных условиях символическая политика может вызвать цепь событий, ведущих к переменам в обществе, «смещая приоритеты, создавая новые коллективные идентичности, формируя программы или бросая вызов легитимности государства»<sup>149</sup>. Такие условия появляются, когда, вопреки нашим логическим ожиданиям, происходят быстрые экономические и политические изменения, за которыми следуют социальные потрясения.

В таком случае политическое влияние альтернативной истории зависит от того, смогут ли элиты убедить людей принять их. Наряду с другими теоретиками общественных движений Бриск доказывает, что традиция (канон) является источником как статус-кво, так и оппозиционного дискурса. Дискурс, направленный против гегемонии, лишь переворачивает канон и добавляет в повествование новые элементы,

<sup>147</sup> Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism: Toward a Theoretical Synthesis // World Politics. July 1977. Vol. 29. №4. P. 583.

<sup>148</sup> Brysk A. Hearts and Minds: Bringing Symbolic Politics Back In // Polity. 1995. Vol. 27. P. 567.

<sup>149</sup> Ibid. P. 561–562.

однако, поскольку символический словарь канона уже хорошо известен, антигегемонистская риторика может распространиться очень быстро.

Чтобы иметь успех, новые истории должны: 1) быть культурно-уместными; 2) иметь исторические прецеденты; 3) быть подкреплены другими символами; 4) содержать призыв к действию<sup>150</sup>. Вместе с тем, чтобы преобразовать эти изменения сознания в изменения политического поведения, символы должны преобразовывать человека, «переписывая и переображая элементы его идентичности»; трансформировать идентичность общества, меняя «роли, ценности и коллективную идентичность»; продуцировать «изменение повестки дня» в пользу мобилизации общества, бросая вызов легитимности старых институтов и политики<sup>151</sup>.

Специфические критерии, применяемые Бриск для изучения того, что она называет «символической политикой — двигателем социальных изменений», включают прослеживание воздействия символов на коллективную идентичность, коллективную мобилизацию, создание новых публичных программ, изменения в публичной политике, создание новых институтов и противодействие имеющейся модели правления<sup>152</sup>.

Поразительно, что в целом, несмотря на различия в методологии и выводах, все политологи, изучающие перемены в обществе с точки зрения культуры, считают символы главными в этом процессе. В ретроспективе преимущества использования символов для измерения скорости социальных изменений кажутся достаточно очевидными. По самой своей природе символы связывают политические действия (как двигатель политической мобилизации), содержание политики (конкретная политическая риторика и программы) и ее успех (степень, в которой политические институты, альянсы и риторика связаны с символами). В качестве единицы анализа символы легко определить, их использование легко проследить, а популярность легко измерить. Итак, из обзора научной литературы становится ясно, что если существует согласие по вопросу о социальных изменениях (быстрых или нет), то именно символы являются незаменимым ресурсом для их понимания и измерения.

<sup>150</sup> Brysk A. Hearts and Minds: Bringing Symbolic Politics Back In // Polity. 1995. Vol. 27. P. 576.

<sup>151</sup> Ibid. P. 579–581.

<sup>152</sup> Ibid. P. 582.

### Заключение

#### *Существует ли метаполе символической политики?*

Наш краткий обзор исследований символов показал, что ученые-обществоведы постепенно убеждаются, что социальные изменения — предмет слишком широкий, чтобы с ним могла справиться одна дисциплина. Комплексный анализ причин и хода социальных изменений может быть только междисциплинарным. Психология позволяет понять, что символы раскрывают скрытое содержание общественного сознания. Антропология — что символы есть наблюдаемые показатели существующих в обществе ценностей. Социология — что символы есть инструменты изменений, в то время как теоретики общественных движений показывают, как символы мобилизуют людей на политические действия. Наконец, политология вносит идею о том, что государство играет ключевую роль в определении значения и воздействия политических символов. Это поразительное сближение дисциплин привело ряд ученых к мысли о создании новой поддисциплины, посвященной изучению символов.

Многое говорит в пользу создания символического подхода к политике. Он способствовал бы новому, целостному подходу к тематике политических трансформаций и побудил бы исследователей к поиску соответствующих задаче инструментов, а возможно, и к новому применению этих инструментов.

Проблема быстрых социальных изменений — как раз такой случай. Наш обзор выявил, что при соответствующих условиях символы могут преодолеть культурную инерцию менее чем за одно поколение. Среди тех, кто утверждает, что такие быстрые перемены возможны, наблюдается тяготение к согласию с тем, что подходящие условия появляются, когда элиты представляют переход к новой культурной модели как естественную эволюцию предыдущих моделей, в том числе при помощи манипулирования традиционными символами и мифами.

Обращение к символам может изменить само наше понимание того, как происходят изменения в обществе, стимулируя отношение к изменениям как естественному аспекту общественной адаптации, а не как к проблеме, которую нужно решать. Таким образом, для стратегий развития центральной задачей становится помощь обществам в избавлении от препятствий, блокирующих их естественную тенденцию к оздоровлению, а не введение новых институтов с целью пре-

одоления сопротивления изменениям со стороны культуры. Тогда реформаторы, возможно, начнут рассматривать традиционную культуру как дополнительный ресурс.

Почему же в таком случае многие аналитики до сих пор с неохотой принимают символы в качестве смысловой единицы политического анализа? Следуя Фрейду, многие рассматривают их как ретроградные, манипулятивные и постоянно вводящие в заблуждение. Но такая критика путает причину и следствие. И хотя такие великие трагедии, как нацизм и коммунизм, сопровождались манипулированием символами, их использование также привело к таким результатам, как исследование космоса и движение в защиту гражданских прав.

Некоторые также считают, что концентрация на символах подрывает усилия по созданию эмпирически обоснованной и рациональной политологии. Справедливости ради надо сказать, что культуралисты часто скептически относятся к позитивизму, эмпирике и рациональному выбору, но, с другой стороны, игнорирование того факта, что эмоции и субъективное восприятие действуют на поведение человека не меньше, а иногда больше, чем разум, не может сослужить хорошую службу политологии. На самом деле, культуралисты больше делают для развития междисциплинарного дискурса, чем последователи позитивизма для общественных наук.

Популярно критическое замечание, что символы больше нужны для примитивных обществ и играют меньшую роль в сложных современных обществах<sup>153</sup>. Однако структурные антропологи утверждают как раз обратное: чем сложнее общество, тем изощреннее мифы, используемые, чтобы скрыть заново изобретенные традиции. Двадцатый век, возможно, в наибольшей мере стал веком обязательных традиций, изобретенных государством.

Есть и те, кто считает, что мифы следует рассматривать не как действующие силы политики, а как, по выражению Маркса, эпифеномен. Даже символисты иногда рассматривают свой субъект как не очень реальный<sup>154</sup>. Но если люди считают что-либо реальным, оно может иметь реальные политические последствия<sup>155</sup>. Создание исто-

<sup>153</sup> *Eckstein*. A Culturalist Theory. P. 795.

<sup>154</sup> «Если удалить мифические темы и связанный с мифами язык, — пишет В. Ланс Беннетт, — из общественного дискурса, в нем останется мало существенного». См.: W.L. Bennett, цит. по: *Kertzer*. Ritual, Politics and Power. P. 13.

<sup>155</sup> *Cohen*. Symbolic Construction of Community. P. 8.

рии государства Израиль, как отмечает английский историк Эрик Хобсбом, «практически означало отрицание подлинной истории еврейского народа на протяжении 2000 лет»<sup>156</sup>. Швейцарские историки показали, что учредительные акты Швейцарской Конфедерации в действительности были изобретены в XIX в.<sup>157</sup>

Еще одно распространенное критическое замечание состоит в том, что любой подход, основанный на символах, невозможно опровергнуть, поскольку нет сферы человеческой жизнедеятельности, где бы символы не присутствовали. Парадоксально, но этот взгляд утверждает, что символы нельзя использовать для политического анализа, поскольку они так... всепроникающи! Однако ключевые компоненты теории символической политики очень легко опровергаются. Например, можно выяснить, сопровождался ли таким же успехом в сходных условиях попытка провести «рациональные реформы» без опоры на символы, или отличались ли социально-экономические результаты в сопоставимых регионах, где элиты полагались на разные символы и мифы.

Наиболее значительный повод для скепсиса в отношении культурных подходов, однако, не философский, а практический — отсутствие исследований случаев, иллюстрирующих то, как социальные изменения происходят в результате действительной манипуляции в рамках определенного репертуара символов. Таким образом, аналитический потенциал исследования символов редко бывал опробован. Поэтому наш следующий шаг — проверка гипотезы о том, что анализ символов может объяснить произошедшие в Новгороде быстрые социальные изменения.

Для этого мы должны, во-первых, определить, какие символы ассоциировались с социально-политическими переменами в Новгороде и как их значение было представлено для «массового потребления», во-вторых, проанализировать использование элитой этих символов, таким образом выявив механизмы влияния символов на быстрые социальные изменения. Наконец, мы должны определить воздействие символов, связывая их с конкретной политикой властей. Объединив все три критерия: значение, механизм и политику — мы сможем с большой уверенностью утверждать, что демократическая

<sup>156</sup> *Hobsbawm* E. On History. New York: The New Press, 1997. P. 16.

<sup>157</sup> *Fahmi* D. An Outline History of Switzerland. Zuerich: Pro Helvetia, 1987; *U. Im Hof*. Mythos Schweiz. Zurich: Neue Zurcher Zeitung, 1991.



консолидация в Новгородской области на самом деле является прямым результатом эффективного манипулирования ключевыми символами со стороны новгородской элиты. Первым шагом в определении значения ключевых политических символов Новгорода является изучение исторического контекста их появления.

## Глава 5 Новгород в памяти России

No man can have in his mind a conception  
of the future, for the future is not yet.  
But of our conceptions of the past, we make a future.  
*Thomas Hobbes\**

Родина русской демократии, колыбель торговли и образования, «наша русская Флоренция», как его однажды назвал князь Евгений Трубецкой, Новгород занимает уникальное место в исторической памяти страны<sup>1</sup>. Сегодня, когда Россию часто называют «нацией, не имеющей за все ее тысячелетнее существование никакой истории демократической политической культуры», стоит поговорить о том, что так сильно отличает Новгород от Москвы и почему спустя столетия после его падения он служит маяком для российских реформаторов<sup>2</sup>.

Новгород известен с середины IX в. В это время полиэтническая конфедерация племен, живших вокруг озера Ильмень, призвала скандинавский клан во главе с Рюриком служить у них наемниками. Клан Рюрика возглавлял армию, собирал налоги и осуществлял правосудие<sup>3</sup>. За эти услуги Рюрик и его дружина могли селиться на некотором расстоянии от города. Их свита и потомки, однако, не могли владеть землей в самом городе или собирать дань для себя<sup>4</sup>.

\* «У человека не может быть концепции будущего — оно еще не наступило, но из наших концепций прошлого мы делаем будущее» (Томас Гоббс). Цит. по: *Tudor H. Political Myth*. New York: Praeger Publishers, 1972. P. 132.

<sup>1</sup> В Интернет на странице издательства «Русская мысль» (Париж): <http://www.rusmysl.ru/1999III/4284/428435.html> (доступ 20 мая 2000 г.).

<sup>2</sup> Роберт Блэквилл (Robert D. Blackwill), бывший советник по национальной безопасности президента Дж. Буша. См.: *D.S. Broder. A «Success Story» Gone Sour // Washington Post*. December 19, 1993. P. 8.

<sup>3</sup> *Фроянов И.Ю.* Мятёжный Новгород: очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX—начала XIII столетия. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1992. С. 69; *Мартышин О.В.* Вольный Новгород: общественно-политический строй и право феодальной республики. М.: Рос. право, 1992. С. 59.

<sup>4</sup> *Попелхов М.В.* Социально-политический контекст присутствия варягов в Северо-Западной Руси в 850–860-х годах // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы науч. конф.* 11–13 ноября 1998. Новгород: Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 1998. С. 25–26. «Им выделили двор в пяти километрах от города и участок, чтобы пасти лошадей. Это ограничение распространялось на князя и его ближайших родственников». См.: *Янин В.* На землях древнего Новгорода, у истоков российской государственности // *Новгород*. 1998. 22 октября. С. 8.

Этот договор сформировал основу широко известной новгородской «вольности во князях», права, которое получило формальное закрепление при первом изгнании городом своего князя<sup>5</sup>. С тех пор и до падения республики в 1471 г. в договоры с князьями-наемниками включалось стандартное положение, позволяющее городу по своей воле увольнять их<sup>6</sup>. Эта практика была основана на том, что высшая политическая власть принадлежала обществу в целом, что подчеркивалось величественным титулом города «Господин Государь Великий Новгород»<sup>7</sup>. Новгородцы относились к князю Владимиру как первому среди равных русских князей, но никогда не считали себя его вассалами<sup>8</sup>.

С самого начала отличительными чертами Новгородской республики были этническое многообразие и конфедеративная система управления<sup>9</sup>. Самые ранние хроники города описывают сообщество, состоящее из славянских и финноугорских народов. Старейшие сохранившиеся финские и карельские тексты происходят из этого края, и до нас дошли несколько имен выборных высокопоставленных чиновников, имеющих, по-видимому, финское происхождение. Кроме того, названия двух из пяти административных районов города (известных как концы) также предположительно имеют финское происхождение<sup>10</sup>.

Возможно, именно необходимость соответствовать потребностям различных этнических групп привела к тому, что децентрализация стала главным принципом политической жизни Новгорода. Со временем в Новгороде сложилась замысловатая система формальных и неформальных институтов, предназначенных для сохранения суверенитета населения и независимости республики. Система предполагала избрание населением князей, градоначальников (посадников), а также их «противовесов» — народных трибунов — тысяцких, и проведение местных собраний, направлявших делегатов на громкоголо-

<sup>5</sup> Историк Владимир Бернадский назвал совокупность этих соглашений «письменной конституцией Новгорода». См.: *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 22.

<sup>6</sup> *Lichterhandt G. Ryshenkow S. and Kusnin A.* Politik und Kultur in der Russischen Provinz: Nowgorod, Woronesh, Saratow, Jekaterinburg, Bremen, Germany: Edition Temmen, 1999). P. 27.

<sup>7</sup> *Лихачев Д.С.* Раздумья о России. СПб.: Логос, 2001. С. 146.

<sup>8</sup> Там же; *Сухова.* Рюрик жил на одну зарплату.

<sup>9</sup> *Лихачев Д.С.* Раздумья... С. 146.

<sup>10</sup> Там же. С. 197, 198; *Birnbaum H.* Novgorod in Focus: Selected Essays. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1996. P. 21.

вое общегородское собрание (вече). Новгородский политический идеал можно суммировать как местную независимость, которую современные европейцы называют субсидиарностью<sup>11</sup>.

Власть князей имела значительные ограничения, и историков удивляет, зачем они были нужны Новгороду вообще. Город, когда это было нужно, видимо, прекрасно обходился и без них, и, кажется, некоторое время горожане подумывали об отмене княжеского правления (жители самого восточного поселения, Вятки, в конце концов так и сделали)<sup>12</sup>. Однако полный отказ от княжеского стола серьезно destabilизировал бы новгородскую политическую систему, в которой тщательно уравнивались интересы богатых и знатных родов, церкви и населения в целом<sup>13</sup>. Такая система «сдержек и противовесов», говоря современным языком, считалась ключевой для сохранения независимости республики и традиции участия граждан в управлении.

Главным институтом светской власти было общегородское собрание — вече — орган, по происхождению напоминающий парламент<sup>14</sup>. Любой мог созвать собрание, позвонив в вечевой колокол, даже жившие в городе немецкие купцы, хотя последние не имели права голоса<sup>15</sup>. Формальные правила проведения этих собраний до нас не дошли, что заставляет некоторых историков думать, что они напоминали неуправляемые драки. Другие не согласны с этим, указывая на то, что вече имело канцелярию, составлявшую формальные договоры и записывавшую результаты многочисленных выборов местных и общегородских должностных лиц. Поэтому, заключают они, большинство вечевых собраний были довольно рутинными<sup>16</sup>.

<sup>11</sup> *Schilling Th.* Subsidiarity as a Rule and a Principle, or: Taking Subsidiarity Seriously // The Jean Monnet Working Papers. 1995. №10. В Интернете на веб-сайте Центра им. Жана Моне при школе права Нью-Йоркского университета. Jean Monnet Center of the New York University School of Law: Адрес: <<http://www.jeanmonnetprogram.org/papers/95/9510ind.html>> (доступ 1 июня 2003 г.).

<sup>12</sup> *Мартышин О.В.* Вольный Новгород. С. 259.

<sup>13</sup> Историк А.В. Петров считает, что попытка князей утвердить свою власть в конце XIII в. привела к созданию децентрализованной федеративной системы и более сильного института главы города. См.: *Петров А.В.* К изучению отношений с князьями и внутренней борьбы в Новгороде второй половины XIII в.; *Дубов И.В., Фроянов И.Я.* Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1995. С. 135.

<sup>14</sup> Слово «вече» происходит от слова «вещать», или «авторитетно говорить».

<sup>15</sup> *Скрябин Р.Г.* Трагедия Новгорода. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. С. 16; *Мартышин О.В.* Вольный Новгород. С. 185–187.

<sup>16</sup> *Мартышин О.В.* Вольный Новгород. С. 179.

Фактически существовало не одно, а несколько вече, организованных в виде пирамиды. Каждая улица имела свое собрание, и власть общегородского вече являлась прямым продолжением власти местных органов, из которых каждый держал свою печать и казну<sup>17</sup>. Несколько улиц вместе образовывали сотню, а две сотни — конец<sup>18</sup>. Весь город был административно поделен на пять концов, расхлывшихся, как спицы в колесе, к самым дальним рубежам республики.

Административная система повторялась в каждом из пяти внешних регионов республики, известных как пригороды, где местный градоначальник назначался из Новгорода, но мог быть отвергнут местным вече<sup>19</sup>. Наконец, были и более удаленные и редконаселенные регионы, такие, как Пермь, Юрга, Вятка, которые Новгород эксплуатировал экономически. Из всех новгородских эти территории были наименее автономными, но управлялись деликатно, чтобы не поставить под угрозу торговлю с местными племенами<sup>20</sup>.

Как высший законодательный орган республики, общегородское вече ратифицировало договоры, приглашало князей, объявляло войну и мир, устанавливало налоги, осуществляло международные отношения и служило верховной судебной инстанцией для публичных споров. Однако, видимо, значительная часть времени посвящалась выборам и отстранению от должности двух исполнительных чиновников — городского главы (посадника) и народного трибуна (тысяцкого)<sup>21</sup>.

Посадник являлся одновременно главой исполнительной власти и выразителем интересов родовой знати — землевладельцев. Вначале назначаемый князем, к концу XIII в. он избирался народом из числа выборных представителей пяти концов<sup>22</sup>. Должность тысяцкого была задумана для ограничения власти посадника, и на нее мог претендовать только человек, не являющийся представителем аристократии. Оба избирались каждый год одновременно, и для большей части гражданских актов требовалась печать обоих. Дополнительным ограниче-

<sup>17</sup> Ефименко А.Я. Элементарный учебник русской истории для средних учебных и высших начальных училищ. Петроград: Изд-во Я. Башмакова и Ко, 1916. С. 4–5; Мартышин О.В. Вольный Новгород. С. 243.

<sup>18</sup> Ключевский полагал, что несколько улиц образовывали сотню, а две сотни — конец. См.: Мартышин О.В. Вольный Новгород. С. 253–254.

<sup>19</sup> Мельникова М.Ю. К проблеме существования древнерусской демократии // Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие / Под ред. А.Т. Шашкова и др. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2000. С. 203.

<sup>20</sup> Там же. С. 204.

<sup>21</sup> Мартышин О.В. Вольный Новгород. С.175–176.

нием на пути злоупотреблений властью являлся обычай, требующий благословения архиепископом всех формальных документов в присутствии посадника и тысяцкого, засвидетельствованного официальными представителями всех пяти концов<sup>23</sup>.

И если повестку дня формальных вечевых собраний знать устанавливала через канцелярию (Совет господ), то результат выступлений на таком открытом форуме, как вече, она гарантировать не могла, поэтому нередкой была покупка голосов. Средневековые хроники с очевидным удовольствием описывают обильные пиры, которые богатые и знатные семьи устраивали в ключевых районах накануне важного голосования<sup>24</sup>. Уравновешивая интересы церкви, знати и князей, сложная новгородская система управления успешно предотвращала появление тирании на протяжении более четырех столетий.

### Республика св. Софии

Собор св. Софии являлся, по существу, «домом правительства» республики, соединяя церковную и светскую власть в соответствии с византийским принципом политического согласия народа и церкви<sup>25</sup>. Архиепископ был хранителем городской казны, а также эталонов мер и весов<sup>26</sup>. После 1220 г. торговые суды также вошли в систему церковного судопроизводства, а в XIV в. церковь получила и право регистрировать сделки с собственностью<sup>27</sup>. Архиепископ Новгорода имел свой полк, и иногда его просили взять на себя управление особенно сложными приграничными территориями. Тот факт, что его имя всегда стоит первым в соглашениях, рассматривается как признание его официального руководства тем, что историк Георгий Федотов удачно назвал «Республикой св. Софии»<sup>28</sup>.

Интересно, что хотя архиепископ и председательствовал в Совете господ — органе, определяющем повестку дня вече, он не мог прини-

<sup>22</sup> Там же. С. 88, 191.

<sup>23</sup> Там же. С. 189.

<sup>24</sup> Ефименко А.Я. Элементарный учебник русской истории. С. 3–4.

<sup>25</sup> Мартышин О.В. Вольный Новгород. С. 210. Отличительной новгородской традицией являлось то, что, когда его епископы носили белый клобук, это означало противостояние светским властям; Zenkovsky S. Medieval Russia's Epics. New York, E.P. Dalton, 1974. P. 328–329.

<sup>26</sup> Там же. С. 162.

<sup>27</sup> Михайлова Т.А. Великий Новгород // Памятники истории и культуры Новгородской области: Каталог / Под ред. С.П. Гурьева. Великий Новгород: Мин-во культуры Российской Федерации, 1999. С. 35.

<sup>28</sup> Мартышин О.В. Вольный Новгород. С.182.

мать участия в самом вече без специального приглашения. Своей политической властью не мог он и предотвратить публичного обсуждения вопроса о конфискации церковных земель<sup>29</sup>. Тем не менее даже в периоды напряженного противостояния церкви и знатных землевладельцев прочно сохранялась традиция благословения архиепископом официальных документов, за исключением торговых соглашений.

Еще одной новгородской традицией, по-видимому тесно связанной с политической системой, было общенародное избрание духовенства. В средневековом Новгороде священники и население называли кандидатов на высшие церковные должности через местные вече. Имена трех самых популярных кандидатов помещались в урну, и победителя выбирал слепой («перст Божий»). При выборах епископа результаты должны были быть подтверждены городским вече, и только после этого кандидат направлялся для рукоположения к митрополиту в Москву<sup>30</sup>.

Новгородская церковь очень активно участвовала и в торговле. Новгородские священники и дьяконы были активными торговцами и предпринимателями<sup>31</sup>. Купеческие гильдии часто формировались вокруг городских каменных церквей, служивших замечательными складами. Как отметил один историк, новгородская церковь благословила обогащение, участвовала в нем и помогала распоряжаться богатствами республики<sup>32</sup>.

Несметные богатства Новгорода стали легендой. Один средневековый летописец говорит, что, когда киевский князь пытался «привести к руке» независимую новгородскую знать, она посмеялась над ним; один из новгородских бояр сказал: «Что за крепость в Киеве? У меня, Ставра боярина, широкий двор не хуже города Киева – на семи верстах, а гридни, светлицы белодубовы, покрыты гридни седым бобром, потолок в гриднях черных соболей, середка пола одного серебра, крюки да пробой по булату злачены»<sup>33</sup>.

<sup>29</sup> Михайлова Т.А. Великий Новгород. С. 42.

<sup>30</sup> Филатов С., Лункин Р. Другая Святая Русь // Дружба народов. 2001. №5. С. 2–19.

<sup>31</sup> По оценкам, во второй половине XV в. церковь владела 21,7% пахотной земли и почти треть ее напрямую управлялась архиепископом. См.: Мартышин О.В. Вольный Новгород. С. 161.

<sup>32</sup> Гордиенко Е.А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб.: РАН, 2001. С. 294.

<sup>33</sup> Ставр и его друзья, по всей видимости, заплатили за это, но это ни в коей мере не повлияло на репутацию региона как мятежного. См.: Десятков С. Боярство и дворянство на Новгородской земле // Новгород. 1999. 14 октября. Богатое собрание из более чем шестидесяти рассказов зарубежных гостей о Новгороде содержится в книге Коваленко Г.М. и др. Великий Новгород в иностранных сочинениях XV–начала XX века. Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2002.

Бургундский путешественник Жильбер де Леннуа, посетивший город в 1413 г., описывает его как сказочно богатый. И даже век спустя (т.е. после опустошения Иваном III) папский советник Альберто Кампензе писал, что Новгород – «самый знаменитый и богатый из северных городов», и благосклонно сравнивал его с Римом. Его современник, Сигизмунд Герберштейн, который много раз посещал Россию в 1517–1526 гг., описывает Новгород как «величайшее торжище всей Руси... ибо туда отовсюду: из Литвы, Польши, Швеции, Дании и даже из самой Германии – стекалось огромное число купцов, и от столь многолюдного стечения разных народов граждане умножали свои богатства и достаток»<sup>34</sup>.

В период расцвета Ганзейского союза Новгород был его четвертым по величине торговым портом с торговым оборотом большим, чем в Венеции и Генуе<sup>35</sup>. В результате археологических раскопок были обнаружены изделия из Англии, Персии и даже африканские раковины каури<sup>36</sup>.

На протяжении XIV и XV вв. в Новгороде всегда было два или три постоянных иностранных торговых поселения, принимавших в год от 150 до 200 иностранных купцов (не считая двух помощников каждого купца)<sup>37</sup>. Эти поселения были самоуправляемыми и могли применить любое наказание в отношении своих жителей, вплоть до смертной казни. Разногласия между иностранцами и местным населением разрешались конклавом из старшин поселения и тысяцкого на основе соглашений, известных как «скра»<sup>38</sup>. Иностранные купцы могли жить в Новгороде только один год, но нетрудно было продлить этот срок. Хотя они могли заниматься только оптовыми закупками, им позволялось ввозить с собой товара на 1000 марок, а в экономически тяжелые времена этот предел поднимался до 1500 марок<sup>39</sup>. Из этого следует, что стоимость товаров, привозимых только Ганзейскими купцами, достигала 150–200 тыс. марок ежегодно.

<sup>34</sup> Варенцов В.А., Коваленко Г.М. В составе Московского государства: очерки истории Великого Новгорода конца XV – начала XVIII вв. СПб.: БЛИЦ, 1999. С. 157–159.

<sup>35</sup> Шмурло Е. Курс русской истории. Прага, 1931–1935. №1. С. 9–11; Лихачев Д.С. Раздумья... С. 142.

<sup>36</sup> Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода: историко-археологические очерки. Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2001. С. 98.

<sup>37</sup> Там же. С. 178, 209.

<sup>38</sup> Там же. С. 224.

<sup>39</sup> Там же.



В свою очередь, Новгород экспортировал воск, мед, различные кожаные изделия и, на пике торговли, более полумиллиона меховых шкур ежегодно<sup>40</sup>. Торговля оказывала ощутимое влияние на качество жизни в Новгороде (в XVI в. на главном городском рынке, по свидетельствам, было 1500 лавок при населении 35–40 тыс. человек) и привела к возвышению класса горожан — торговцев и ремесленников<sup>41</sup>. В поздний период республики они контролировали должность тысяцкого и таким образом значительно ослабили влияние знати.

Хотя историки до сих пор не пришли к согласию относительно того, насколько Новгород обязан своей необычной политической структурой Западу, нетрудно проследить влияние торговли с Западом на его экономическую, правовую и политическую культуру<sup>42</sup>. Новгород очень рано принял западную систему мер и весов, что сделало его валюту легко конвертируемой в другие европейские денежные единицы<sup>43</sup>. Кроме того, почти три века продолжалось правовое взаимодействие, отразившееся в постоянных договоренностях о новых условиях соглашений — «скра». Корпоративная организация местного самоуправления вызвала раннее появление в Новгороде торговых гильдий, аналогичных западноевропейским. Впоследствии некоторые из этих гильдий стали такими влиятельными, что получили административный статус сотни, или половины конца<sup>44</sup>.

В период расцвета Новгорода его интеллектуальная жизнь также развивалась по западной модели. Филолог Яков Лурье указывает на распространение светских рукописей в конце XIV в. как на свидетельство существования в городе «духа Возрождения»<sup>45</sup>. Новгород также стал источником ересей жидовствующих и стригольников, которые, как и предшественники Реформации в Европе, настаивали на независимом чтении Библии и праве мирян служить в церкви. В го-

<sup>40</sup> Согрина З. Символ силы, символ славы... // Новгород. 1999. 27 мая. С. 9.

<sup>41</sup> *Birnbaum*. Novgorod in Focus. P. 72.

<sup>42</sup> Рыбина утверждает, что республиканская политическая система в Новгороде возникла раньше, чем в городах, с которыми он торговал, и не испытывала большого влияния Запада. См.: Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. С. 195. Историк Марк Шефтель, напротив, доказывает, что политические институты Новгорода возникли отчасти в результате контактов с ганзейскими институтами. См.: *Szeftel*. Russian Institutions and Culture up to Peter the Great. London, Variorum Reprints, 1975. P. 375–430.

<sup>43</sup> Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. С.94.

<sup>44</sup> Мартышин О.В. Вольный Новгород. С.267–268.

<sup>45</sup> Цит. по: Miller D.B. The Luebeckers Bartholomaeus Ghotan and Nicolaus Buelow in Novgorod and Moscow and the Problem of Early Western Influences on Russian Culture // *Viator: Medieval and Renaissance Studies*. 1978. Vol. 9. P. 409.

роде даже разрешали проповедовать католическим священникам<sup>46</sup>. Когда вновь назначенный архиепископ Геннадий Гонзов прибыл в Новгород в 1484 г. из Москвы, он был настолько шокирован культурными различиями, что недоумевал, придерживаются ли две церкви одной и той же веры: «Как бы Вам мнится Новгород с Москвою не едино православие!»<sup>47</sup> Впоследствии он стал активным сторонником воссоединения с католической церковью и окружил себя просвещенными гуманистами и учеными подобно тому, как это было в Италии времен Возрождения<sup>48</sup>.

Раньше Москвы соприкоснувшись с европейской культурой, Новгород играл центральную роль в распространении на Руси изучения латыни<sup>49</sup>. Первый перевод Библии на русский язык и первая русская энциклопедия появились в Новгороде<sup>50</sup>. Первая в России Греко-славянская академия была открыта в Новгороде в 1706 г. двумя выпускниками университета Падуи. В дополнение к семинарскому образованию она готовила учителей для первых в стране 14 гимназий<sup>51</sup>. Все эти тенденции привели историков к мысли о том что, если бы Новгород избежал присоединения к Москве, Россия открылась бы для Запада на 200–300 лет раньше<sup>52</sup>.

К концу XV в. удачное расположение на торговом пути из Северной Европы в Константинополь и политическая культура, поощрявшая предпринимательство и дававшая низшим классам возможность оказывать некоторое влияние на власть, позволили Новгороду присоединить территории размером с половину Европейской России — крупнейшее образовавшееся в Европе государство со времен Священной Римской империи. Не менее важно, что, несмотря на нападения монголов, шведов, тевтонских и ливонских крестоносцев, Новгород сумел сохранить республиканскую форму правления на протяжении более 400 лет.

<sup>46</sup> Коварская С.А. Духовно-образовательные традиции в социодинамике культуры Великого Новгорода // Вестн. Новгород. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2000. №16 (ноябрь). С. 13; *Birnbaum*. Novgorod in Focus. P. 101, 103; Гордиенко Е.А. Новгород в XVI веке... С. 34.

<sup>47</sup> Варенцов В.А., Коваленко Г.М. В составе Московского государства. С. 124.

<sup>48</sup> *Birnbaum*. Novgorod in Focus. P. 36–37.

<sup>49</sup> Григорьева А. Из истории идеи ренессансного гуманизма в новгородской культуре XVI–XVIII вв. // В. Андреев. Прошлое Новгорода. С. 68.

<sup>50</sup> Коварская С.А. Духовно-образовательные традиции. С. 9.

<sup>51</sup> Там же. С. 12.

<sup>52</sup> *Birnbaum*. Russia in Focus. P. 165.

Тем не менее, как это часто происходит в истории, обстоятельства и неудачи в сочетании с междоусобными конфликтами привели к разгрому республики в 1471 г. великим князем московским Иваном III. Попытки знати противодействовать экспансии Москвы, привлекая на свою сторону польско-литовского князя Казимира IV, были умело изображены сторонниками Ивана в самом Новгороде как предательство православия<sup>53</sup>. Город разделился на пролитовскую и промосковскую фракции, и, хотя обе они рассматривали отношения со своими союзниками как равные, после того как Казимир бросил Новгород и архиепископский полк отказался сражаться с Иваном, у города не осталось другого выбора, кроме как принять предложенные Иваном условия сдачи<sup>54</sup>.

Хотя возмущение выдвинутыми Москвой условиями вначале привело к тому, что толпа казнила трех посадников, эти требования отвечали целому ряду интересов<sup>55</sup>. Иван III получил право считать Новгород своим вассалом, новгородская знать заставила, как ей казалось, Ивана сохранить ее права и обычаи, а церковь получила от Москвы обещание поддержки против католической экспансии. Учитывая долгую историю независимости Новгорода, можно считать, что современники рассматривали это последнее поражение как аналог того, что республика уже переживала в прошлом. В XIII в. Суздальское княжество угрожало Новгороду в ходе конфликта, который также расколол город и подверг испытанию его институты<sup>56</sup>. В конце концов, однако, конфликт стал не более чем еще одним ярким эпизодом в новгородской истории.

Последовавшие десятилетия, как сначала казалось, оправдывали это убеждение. Хотя Иван III нарушил все свои обещания и даже попытался обеспечить верность Новгорода в будущем, заменив 700 наи-

<sup>53</sup> Во время решительной битвы на р. Шелони (14 июля 1471 г.) войска архиепископа отказались сражаться с москвичами. См.: *Гринева Н.* Отсюда пошла земля Русская... // Новгород. 1999. 10 июня. С. 9.

<sup>54</sup> Интересно, что Казимиру предлагали те же условия, что и всем предыдущим новгородским князьям. Ему и его представителям нельзя было жить в городе, в его свите не могло быть более 50 человек, включая слуг, он не мог владеть землей, ему запрещалось строить католические церкви или каким-либо образом участвовать в выборах архиепископа и вече. См.: *Скрынников Р.Г.* Трагедия Новгорода. С. 11.

<sup>55</sup> *Буровский А.* Россия, которой не было-2: Русская Атлантида. Красноярск: Бонус, 2000. С. 390.

<sup>56</sup> В 1200 г. князь Суздаль Всеволод III разбил новгородское войско, но через десять лет был вынужден признать право города выбирать князя.

более влиятельных новгородских семей москвичами, через два поколения вновь прибывшие приняли новгородские традиции, как свои собственные<sup>57</sup>. Вернув свое былое благополучие, город чувствовал себя достаточно сильным, чтобы дать убежище двум мятежным боярам, Василию Шуйскому и Андрею Курбскому, известным политическим оппонентам царя Ивана Грозного.

Опасаясь, что Новгород вновь станет соперником Москвы, в 1570 г. Иван Грозный совершил внезапный набег на город. В течение трех дней он убил более 3 тыс. человек, в основном знать и духовенство, выслал 40 знатных семей в Москву и упразднил все выборные должности в купеческих гильдиях<sup>58</sup>. Чтобы окончательно сломить сопротивление церкви — оплота оппозиции, — Иван конфисковал почти все частные и церковные земли и предложил крестьянам деньги и ссуды за переезд с монастырских земель на свои собственные<sup>59</sup>. Возникший хаос на десятилетия нарушил торговлю по всей Северной и Центральной Руси. Новгород никогда больше не смог оправиться, и после основания в 1703 г. Санкт-Петербурга стал обычной провинциальной остановкой на пути из Санкт-Петербурга в Москву.

Тем не менее примечательно, что глубоко укоренившаяся идея местного самоуправления пережила даже этот удар со стороны царя. В XVII в. уличные выборы, выборы городского головы и даже городские собрания (которые теперь назывались «земская изба») постепенно заменили московскую административную систему<sup>60</sup>. Известный историк Зимин отмечает, что Новгород даже сохранил свою собственную финансовую и денежную систему<sup>61</sup>.

Благодаря этим институтам дух политической активности в городе не пропал и в XVII в. Описывая горячие дебаты, которые сопровождали выдвижение городом делегатов в национальное собрание — Земский собор 1648 г., историк П. Смирнов отмечает, что, в отличие от московской знати, которая считала это выдвижение формой госу-

<sup>57</sup> *Гордиенко Е.А.* Новгород в XVI веке... С. 107; *Десятков С.* Боярство и дворянство... // Новгород. 1999. 14 октября.

<sup>58</sup> *Скрынников Р.Г.* Трагедия Новгорода. С. 105; *Варенцов В.А., Коваленко Г.М.* В составе Московского государства. С. 23; *Гордиенко Е.А.* Новгород в XVI веке. С. 362.

<sup>59</sup> *Варенцов В.А., Коваленко Г.М.* В составе Московского государства... С. 9; *Birnbaum.* Novgorod in Focus. P. 180; *Гордиенко Е.А.* Новгород в XVI веке... С. 301.

<sup>60</sup> *Варенцов В.А.* Структура управления Новгородом в XVI веке // Вестн. Новгород. гос. ун-та; Сер. «Гуманитарные науки». 1996. Май. С. 41–42.

<sup>61</sup> Цит. по: *Варенцов В.А., Коваленко Г.М.* В составе Московского государства. С. 8, 108.

дарственной службы, новгородцы рассматривали его как свое право<sup>62</sup>. Почти два столетия спустя после вынужденного подчинения Москве, как отмечают историки, новгородцы высказывали острую неприязнь к московским обычаям и жаловались, что москвичи «не понимают обычаи новгородские»<sup>63</sup>. Поэтому неудивительно, что при первой возможности – шведском вторжении 1611 г. – Новгород пожелал отделиться от Москвы и приветствовал захватчиков.

Постоянно стремившаяся сохранить независимость новгородская знать прибегла к своей традиционной стратегии столкновения одной стороны с другой. В надежде вызвать вражду сына с отцом, королем Швеции Густавом-Адольфом, представители города обратились к шведскому кронпринцу Карлу-Филиппу с предложением стать их регентом и даже предлагали его кандидатуру на царский трон в Москве. В конце концов, однако, население испугалось, что шведский король будет не лучше польского. После такого отказа, и опять-таки вполне в духе традиции, новгородский митрополит Исидор сообщил шведскому военному коменданту, что принц отвергнут, и потребовал вернуть Новгороду свободу<sup>64</sup>.

Несмотря на растущее влияние царского самодержавия, эхо народного сопротивления звучало до XIX в. Когда царь-реформатор Александр II начал свои великие реформы, которые предусматривали самоуправление городов и деревень, Новгород одним из первых просил о распространении самоуправления на национальный уровень с выборами национальных должностных лиц<sup>65</sup>. Это может быть отчасти связано с тем фактом, что новгородские крестьяне владели своей землей. В то время как в России лишь 23% сельскохозяйственных земельных участков было в частном владении, в Новгородском регионе крестьянам принадлежало более 63% пашни<sup>66</sup>. Новгородская губерния была впереди всех по передаче земли от дворянства крестьянам<sup>67</sup>.

<sup>62</sup> Цит. по: Варенцов В.А., Коваленко Г.М. В составе Московского государства. С. 89.

<sup>63</sup> Там же. С. 11.

<sup>64</sup> Там же. С. 42.

<sup>65</sup> Коварская С.А. Новгородское земство в дореволюционной историографии // В. Андреев. Прошлое Новгорода. С. 128, 129.

<sup>66</sup> Тургаев А.С. Поземельная аренда и собственные земли пахотных солдат Новгородской губернии в середине XIX в. // Новгородский исторический сборник. 1993. №14. С. 152.

<sup>67</sup> Розов Е.К. Пути решения аграрного вопроса в Новгородской губернии с 1861 по 1917 г. См.: Андреев В. Прошлое Новгорода. С. 135–136.

Оглядываясь на историю Новгорода, можно сказать, что, хотя в Новгородской республике не было демократии в современном смысле этого слова, для средневековья простые люди в ней обладали удивительно большим правом на участие в делах власти. Косвенным подтверждением этого высокого уровня гражданского участия является почти тысяча средневековых берестяных грамот, найденных при раскопках в городе<sup>68</sup>. Высокая доля торговых и организационно-правовых документов среди них послужила основой для вывода, сделанного некоторыми современными российскими учеными, что новгородская политическая система может быть описана как общественный договор<sup>69</sup>. Постоянное участие в общественной жизни на многих уровнях привело к возникновению «постоянного референдума» о власти, что помогает объяснить долговечность новгородских традиций.

### *Новгород: вечное послание свободы*

С возвышением Московского государства и упадком Новгорода альтернативный путь развития, воплощением которого Новгород когда-то был, стал выглядеть как далекий мираж. Почти все историки XIX в. рассматривали историю Новгорода как рассказ-предостережение о хрупкости свободы. Даже Николай Костомаров, известный историк «северо-русского народоправства», который якобы мог наизусть продекламировать весь новгородский эпос, с огромным сожалением отметил, что превращение России в современное государство потребовало принесения свободы в жертву на алтарь национального единства<sup>70</sup>.

<sup>68</sup> В нескольких былинах содержатся намеки на широкое распространение грамотности, но только в 1970 г. археологические экспедиции подтвердили, что в раннем средневековье в Новгороде были широко распространены письменные документы. См.: Лихачев Д.С. Раздумья... С. 166; Yanin V.L. The Archaeology of Novgorod // Scientific American. February 1990. Vol. 262. №2. P. 84–92. Также интересно отметить, что с открытием в Москве в 1650 г. центрального печатного двора крупнейшие российские города смогли заказывать печатные книги. Во второй половине того же года хроники отмечают, что среди 32 российских городов, подписавшихся на кодекс законов (Соборное уложение), Новгород заказал наибольшее число экземпляров – 45. См.: Варенцов В.А., Коваленко Г.М. В составе Московского государства. С. 144.

<sup>69</sup> Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. С. 153; Мартышин О.В. Вольный Новгород. С. 72, 248; Гитцус А. Новгородские берестяные грамоты продолжают преподносить сюрпризы // Итоги. 1999. 13 апреля.

<sup>70</sup> Мартышин О.В. Вольный Новгород. С. 13, 19, 34.

Советские историки также, в силу понятных идеологических причин, поддерживали историческую «прогрессивность» централизованной политической власти в Москве, и только начиная с периода перестройки стали высказываться иные точки зрения<sup>71</sup>. Это всеобщее согласие историков делает сохранение образа Новгорода в общественном сознании еще более удивительным.

После падения Новгорода многие крестьяне и торговцы бежали на север, чтобы сохранить по возможности священный образ своего города. Среди путешествовавших на север появились сказания о найденном там рае<sup>72</sup>. Потомки участников этого произошедшего в XV в. исхода поселились на берегах Белого и Баренцева морей и впоследствии стали определять себя как отдельную группу — поморов, причем их отличие основано исключительно на культурной связи со средневековым Новгородом. Поморы считают, что у них иной, нежели у русских, менталитет. Академик Владимир Котляков даже допускал, что, не будь такого жестокого подавления поморов со стороны Москвы, «северяне» могли бы со временем составить четвертую ветвь славянства — наряду с русскими, украинцами и белорусами<sup>73</sup>.

Одно из первых сказаний, появившихся после падения Новгорода, повествует о чудесном исчезновении городского вечевоего колокола — символа республики. Колокол отказался подчиниться воле царя Ивана и, вместо того чтобы страдать от молчания, сам разбился на куски на валдайских холмах, когда его везли в Москву. Из его кусков появились знаменитые миниатюрные валдайские колокольчики, судьба которых — странствовать по Руси и звонить, вызывая негодование или успокаивая людей, в ожидании поры, когда наступит свобода и они вернуться в Новгород и воссоединятся<sup>74</sup>. Еще одна версия этого предания: проезжавшие мимо ямщики собрали куски и повесили на

<sup>71</sup> Сталин пытался реабилитировать образ Ивана IV и, видимо, лично приказал историкам найти оправдания опричнины. Он даже заставил Центральный комитет принять резолюцию по фильму Эйзенштейна «Иван Грозный», где указывалось, что знаменитый кинематографист не уделил достаточного внимания прогрессивному характеру опричнины и реакционному — князей и бояр. См.: *Тюрин В.В.* Древний Новгород в русской литературе XX века // *Чело.* 1998. №2, 3. С. 26; *Буровский А.* Россия которой не было. С. 357. *Мартышин О.В.* Вольный Новгород. С. 20, 29.

<sup>72</sup> *Филатов С., Лункин Р.* Другая Святая Русь. С. 3.

<sup>73</sup> Там же. С. 8.

<sup>74</sup> «Вечевой Новгородский колокол». В Интернете на странице Валдайского музея колоколов: <http://www.novgorod.ru/city/history/kolokola/txt/veche.htm> (доступ 1 мая 2002 г.). Впервые я услышал эту легенду от своего соседа спустя неделю после приезда в Новгород в августе 1996 г.

свои экипажи, чтобы нести послание свободы, куда бы они ни ехали. Московские летописцы переименовали ее для политических нужд. Их версия гласит, что на каждом экипаже висит по несколько колокольчиков, что учит единству и тому, что излишняя гордость ведет к падению<sup>75</sup>.

Новгородские эпические сказания, известные как былины, сохранялись в устной традиции, а в XIX в. были собраны этнографами. Повествуя о легендарных фигурах, подобных Садко и Василию Буслаеву, былины воспели богатство и силу Новгорода, его пылкую любовь к свободе и сохранили ее для будущих поколений.

Дмитрий Мамин-Сибиряк, популяризатор новгородского фольклора начала XX в., в своих дневниках отмечал, что в значительной степени дух Новгорода сохранился на Урале<sup>76</sup>. Когда современный писатель Дмитрий Балашов впервые столкнулся с новгородскими сказаниями, вдохновившими его на создание исторических романов, он жил в Карелии и никогда не бывал в Новгороде.

Историческая достоверность былинных историй, безусловно, не относится к делу. Их значение состоит именно в способности передать будущим поколениям конкретную ценностную ориентацию под видом традиции и, если эта традиция не сохранилась, заново изобрести ее как миф. Такие популярные мифы могут возникнуть в любой момент. После крушения монархии, в самый разгар потрясений 1917 г., выбранная в Новгороде городская администрация посчитала необходимым послать городским властям Москвы официальный запрос о судьбе увезенного в 1478 г. вечевоего колокола. Если его можно было найти, они настаивали на его немедленном возвращении в Новгород<sup>77</sup>.

К середине XVIII в. национальная литература стала еще одним проводником новгородского мифа. Можно даже сказать, что первые произведения русской литературы Нового времени возникли из спора об отношении к подчинению Новгорода Москве. Первым образцом новой русской литературы обычно считается «Синав и Трувор»

<sup>75</sup> Это соответствует версии московского летописца о том, что привезенный в Москву новгородский колокол был помещен на почетное место в Успенском соборе, чтобы звонить в унисон с другими, отбросив свою гордость.

<sup>76</sup> *Тюрин В.В.* На земле Садко. Л.: Лениздат, 1986. С. 178.

<sup>77</sup> Этот запрос был, видимо, передан в Московское археологическое общество, которое ответило, что вечевой колокол был перелит мастером Иваном Моториным в XVIII в. и теперь находится в кремлевской Оружейной палате.



А.П. Сумарокова (1750) — история, основанная на новгородском сказании о двух братьях-варягах, которые соперничают в борьбе за руку дочери знатного новгородца Гостомысла. Произведение Сумарокова наполнено горькими намеками на страдания Новгорода от тирании варягов — косвенными ссылками на современную ему монархию. Несколько лет спустя поэт М. Чулков поднял ту же тему, сравнивая древний Новгород с предреволюционным Парижем XVIII в. «Новгород, — говорит он читателю, — в те времена почитался как Париж»<sup>78</sup>.

Популярность этой интерпретации вызвала озабоченность императрицы Екатерины II, которая в 1786 г. написала в ответ собственную пьесу с громоздким названием «Историческое представление из жизни Рюрика». В ней Екатерина утверждала, что монархия существовала в Новгороде еще задолго до прибытия варягов, а легендарный бунтарь Вадим Храбрый был на самом деле не новгородцем, а варягом и двоюродным братом Рюрика! Поэтому его бунт был не более чем попыткой захватить трон. Когда эта попытка провалилась, Вадим просит прощения у Рюрика и тот его великодушно одаривает<sup>79</sup>.

В ответ на эту пьесу Яков Княжнин, сын новгородского вице-губернатора, пишет свою собственную, «Вадим Новгородский» (1789), опубликованную посмертно. Княжнин изображает Вадима бесстрашным полководцем, который организует восстание против иноземного тирана Рюрика<sup>80</sup>. Называя Вадима «гражданином России», он наделяет его классическими римскими гражданскими доблестями. Приговоренный к смерти, Вадим отказывается отречься от своих идеалов.

Хотя Екатерина приказала сжечь все экземпляры пьесы Княжни-на, образ Вадима Храброго сохранился в русской литературе как первый портрет революционера и вдохновлял социалистов, подобных Георгию Плеханову<sup>81</sup>. Почти одновременно Александр Радищев уже дописывает последние строки своего «Путешествия из Петербурга в Москву», в котором он также проедет через Новгород, сравнивая его

<sup>78</sup> Новгород в русской литературе XVIII–XX вв. / Сост. А.З. Жаворонков. Новгород: Новгородская правда, 1959. С. 8–9.

<sup>79</sup> Там же. С. 7.

<sup>80</sup> Травников С.Н. Тема древнего Новгорода в произведениях А.Н. Радищева // Литература Древней Руси. 1975. №2. С. 109; Писатели на Новгородской земле / Под ред. Е.Ф. Тихонова и др. Новгород: Новгородская правда, 1960. С. 9.

<sup>81</sup> Тюрин В.В. На земле Садко. С. 13.

с Древним Римом и доказывая, что народное вече, а не монархия есть изначальная славянская форма правления<sup>82</sup>.

В 1803 г. историк Николай Карамзин публикует книгу «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода». Это произведение сочли таким взрывоопасным, что главный цензор империи сначала запретил его<sup>83</sup>. Марфа быстро становится образом женщины-героини, олицетворением свободы в русской литературе и поэзии<sup>84</sup>. В том же десятилетии Василий Жуковский написал поэму о Вадиме, где тот выступает как «гражданин Великого Новгорода», а поэт Иванов популяризирует образ вечевого колокола как символа новгородской свободы<sup>85</sup>. Образ новгородского колокола использовали многие писатели и поэты, он станет ключевым для первого и самого знаменитого русского революционного движения — декабризма.

Декабристы, цвет российской аристократии, объединились в тайные общества, чтобы подготовить переход России от самодержавия к республике. Страстно увлеченные русской историей, они превозносили Новгород, и в их творчестве значительное развитие получила литературно-поэтическая традиция использования новгородских символов в качестве метафоры свободы. На суде Павел Пестель говорит: «Я сравнивал величественную славу Рима во дни Республики с плачевным его уделом под правлением императоров, история Великого Новгорода меня также утвердила в республиканском образе мыслей»<sup>86</sup>.

В демократическом наследии древнего Новгорода декабристы видели доказательство неправоты придворных историков, считавших демократию чуждой России. Напротив, Новгород ясно показывал, что Россия имеет такие же, если не более древние, чем в Европе, традиции демократии, поэтому не имеет смысла ждать импорта демократии из-за границы<sup>87</sup>. Увлеченность декабристов Новгородом была так велика, что на собраниях участники призывались к порядку звонком миниатюрного вечевого колокола<sup>88</sup>. Кондратий Рылеев даже написал своему товарищу по тайному обществу Гавриилу Батенькову, что до-

<sup>82</sup> Травников С.Н. Тема древнего Новгорода... С. 106, 110.

<sup>83</sup> Тюрин В.В. На земле Садко. С. 49.

<sup>84</sup> Новгород в русской литературе XVIII–XX вв. / Сост. А.З. Жаворонков. С. 15, 18–19.

<sup>85</sup> Писатели на Новгородской земле / Под ред. Е.Ф. Тихонова. С. 23.

<sup>86</sup> Новгород в русской литературе XVIII–XX вв./ Сост. А.З. Жаворонков. С. 99.

<sup>87</sup> Волк С.С. Исторические взгляды декабристов (М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, С. 329–346.

<sup>88</sup> Волк С.С. Исторические взгляды декабристов. С. 326.

статочно лишь ударить в колокол и люди сбегутся на народное собрание, как они делали это веками<sup>89</sup>. Впоследствии, в ссылке, Батеньков и Михаил Бестужев дали своим комнатам исторические новгородские названия<sup>90</sup>.

Несмотря на полное поражение декабристов, их идеи вдохновляли все последующие поколения революционеров. Александр Герцен, выдающийся российский политический диссидент XIX в., выразительно описывает их влияние на свое поколение, говоря о революционных стихах Рылеева и Пушкина, которые можно найти в самых отдаленных уголках империи у офицеров, молодых дам, поповских детей — словом, целого поколения, попавшего под влияние этой пылкой пропаганды<sup>91</sup>.

Знакомый символ вечового колокола теперь становится одним из центральных образов в поэзии Аполлона Григорьева, Николая Языкова, Дмитрия Веневитинова и в творчестве самых известных поэтов — Михаила Лермонтова и Александра Пушкина. Хотя Пушкин так и не завершил эпическую поэму о Новгороде, которую собирался написать, его симпатии проявляются в отрывке из классического «Путешествия Евгения Онегина». Когда экипаж Онегина приближается к городу, он представляет себе «тени великанов», бродящие среди руин Новгорода<sup>92</sup>.

Лермонтов обращался к образу Новгорода в нескольких стихотворных произведениях. В «Последнем сыне свободы» (1830) и «Новгороде» (1830) он призывает новгородцев вернуть свое наследие: «...при имени свободы / Трепещет ваше сердце и кипит! / Есть бедный град, там видели народы / Все то, к чему теперь ваш дух летит». Несколькими годами позже в стихотворении «Волхов» (1832), он с огорчением пишет: «...Пришлец из чуждых стран / С восторгом взирал на сумрачные стены / Через которые столетий перемены / Безвредно протекли; где вольности одной / Служил тот колокол на башне вечевой / Короткий отзвонил ее уничтожение / И столько гордых душ увлек в свое паденье! / Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет? / Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?»<sup>93</sup>.

Во времена реакционного правления Николая I эти образы все чаще появлялись в политической и революционной прозе. Для Виссариона Белинского, Николая Огарева, Михаила Михайлова, Нико-

<sup>89</sup> Волк С.С. Исторические взгляды декабристов. С. 344.

<sup>90</sup> Там же. С. 328.

<sup>91</sup> Герцен А.И. Повести. Былое и думы. Статьи. М.: Олимп, 1999. С. 363.

<sup>92</sup> Новгород в русской литературе XVIII–XX вв. / Сост. А.З. Жаворонков. С. 108.

<sup>93</sup> Там же. С. 21.

лая Добролюбова и Глеба Успенского история Новгорода оправдывала требования немедленных политических изменений. В то время как славянофилы, подобные Алексею Хомякову и Юрию Самарину, все еще исповедовали романтический взгляд на Новгород, его ключевые символы уже настолько прочно ассоциировались с республиканством, что любому стороннику монархии становилось трудно их принять. К началу второй половины XIX в. новгородский миф был целиком монополизирован западниками, которые по мере постепенного смещения их собственных идеалов в сторону марксизма стали наполнять его не вполне согласующимся с новгородскими республиканскими и коммерческими ценностями содержанием<sup>94</sup>.

В этом отношении типичен пример Александра Герцена, который презрительно относился к современному ему Новгороду и не слишком хорошо знал и любил его прошлое, но не брезговал пользоваться его образом для призывов к революции<sup>95</sup>. В лондонской эмиграции они с Николаем Огаревым решили публиковать журнал, откликающийся на текущие события и влияющий на революционную мысль. Когда Огарев предложил название «Колокол», Герцен немедленно ухватился за знакомый образ, воскликнув: «Да, Огарев, давай будем издавать журнал, назовем его “Колоколом”. Ударим в вечевой колокол...»<sup>96</sup>

Западников привлекало знание людьми новгородского мифа, а не его центральная идея. Но как бы они ни пытались заменить ее чем-то другим, главные ассоциации не исчезали. Сила, с которой образы вечового колокола, Марфы-посадницы и Вадима Храброго вызывали в памяти определенные идеи (но не те, которые могли бы понравиться революционерам-марксистам), невольно проявляется в жалобном призыве Георгия Плеханова к интеллигенции отказаться от «воздушных замков феодально-вечевой эпохи»<sup>97</sup>.

Так, к концу XIX в., если не раньше, конкретные образы из новгородского исторического прошлого становятся ключевыми символами российского политического сознания. В действительности эти образы удивительно немногочисленны: само вече и вечевой колокол, истори-

<sup>94</sup> Мартышин О.В. Вольный Новгород. С. 14–15.

<sup>95</sup> Герцен А. Новгород Великий и Владимир на Клязьме. См.: Новгород в русской литературе... / Сост. А.З. Жаворонков. С. 135–136. Позднее, когда Герцен пришел к выводу, что спасение России состоит в крестьянских коммунах (общинах), и убедил себя, что в Новгороде община имела более высокий статус, чем князь, он стал более тепло относиться к Новгороду. См.: Там же. С. 25.

<sup>96</sup> Там же. С. 26.

<sup>97</sup> Волк С.С. Исторические взгляды декабристов. С. 347.

ческие образы Вадима Храброго, купца Садко, Александра Невского и Марфы-посадницы. По прошествии столетий политические и культурные отличительные черты Новгорода стали размытыми. Однако символы и ценности новгородского мифа сохранили удивительное воздействие и даже стали постоянным элементом философии политических реформ и общего наследия русской интеллигенции.

### Образ Новгорода в XX столетии

В начале XX в., как и в другие кризисные периоды, интеллигенция снова стала проявлять интерес к Новгороду. Мамин-Сибиряк написал популярную серию сказок для детей об истории Новгорода<sup>98</sup>. В первом десятилетии века издавался популярный иллюстрированный журнал «Нива». Редакторы журнала П.Н. Полевой и И.Ф. Тимофеев говорили, что их вдохновляет творчество историка Николая Костомарова, который писал о том, какую пользу средневековой России принесла децентрализованная демократическая политическая система<sup>99</sup>. Охваченный патриотическим пылом накануне Первой мировой войны молодой поэт Сергей Есенин написал стихи, в которых Иван III побеждает святую Марфу-посадницу, только продав душу дьяволу. Теперь, пишет Есенин, пришло время восстановить древнюю свободу Новгорода и вернуть на место вечевой колокол<sup>100</sup>.

Политические партии находили новгородский миф особенно полезным с точки зрения популяризации альтернатив самодержавию. В 1917 г. известная российская аграрная партия, социалисты-революционеры, опубликовала брошюру под названием «Новгородская республика», чтобы опровергнуть «бытующее мнение о том, что республиканское правление противоречит российской традиции»<sup>101</sup>. Во время Гражданской войны в России генерал белой армии Антон Деникин печатал деньги, на которых был изображен знаменитый новгородский памятник тысячелетию России, — явная попытка, хотя и неудавшаяся, мобилизовать общественные настроения против большевиков<sup>102</sup>.

<sup>98</sup> Писатели на Новгородской земле / Под ред. Е.Ф. Тихонова. С. 30, 61.

<sup>99</sup> Мохначева М.П. История Новгорода Великого в освещении журнала «Нива». См.: Андриеев В. Прошлое Новгорода. С. 109.

<sup>100</sup> Новгород в русской литературе XVIII–XX вв. / Сост. А.З. Жаворонков. С. 200–201.

<sup>101</sup> Мартышин О.В. Вольный Новгород. С. 12.

<sup>102</sup> Смирнов В.Г. Россия в бронзе. М.: Вече, 2002. С. 59.

В советский период, как и при наиболее реакционных царях, новгородские символы опять превратились в табу. Поскольку новгородский миф был слишком глубоко усвоен русской культурой, чтобы быть искорененным полностью, следовало заменить политически-неприемлемые интерпретации на политически нейтральные. Приемлемые темы включали воспевание природы и пейзажей Новгорода, героическое сопротивление иностранным завоевателям и борьбу новгородского пролетариата с отсталостью региона<sup>103</sup>.

В период нацистского вторжения избранные исторические образы были на короткий срок реанимированы патриотической пропагандой. В то же время коммунистические пропагандисты тщательно подчеркивали преимущества, полученные Новгородом от объединения с Москвой. Такой подход в целом поддерживался и во время послевоенного восстановления<sup>104</sup>. А.З. Жаворонков, автор ряда монографий об образе Новгорода в русской литературе, оставил нам следующее описание (1959): «Спасенный в XV веке от готовившегося иноземного вторжения и включенный великой Москвой в единое Русское государство, Новгород вместе со всеми русскими землями пережил общие судьбы Родины, общие пути ее исторического развития и вместе со всей страной под руководством ленинской партии добился полного экономического и духовного освобождения. Оттого-то так близка и дорога нам Москва...»<sup>105</sup>

Неудивительно, что Жаворонков делает все возможное, чтобы подчеркнуть любовь Новгорода к Москве, поскольку весь егоopus свидетельствует об обратном.

Время от времени Новгород упоминался в прозе писателей-«деревенщиков» 1960-х годов, но только с началом 1970-х он стал вновь активно заявлять о себе благодаря самоотверженному творчеству одного из самых популярных писателей России Дмитрия Балашова<sup>106</sup>. В 1972 г. он публикует роман «Марфа-посадница» — первый в серии

<sup>103</sup> Среди первых можно упомянуть книги «Господин Великий Новгород» и «Марфа-посадница» Д. Балашова, «Тимофей с холмьей улицы» Б. Изюмского, «Набатное утро». Вторые включают произведения «Ратоборцы» А. Югова, «Русский щит» В. Каргалова, «Цари и скитальцы» В. Усова, «Большое гнездо» Е. Зорина, «Память» В. Чивилихина и «Иван III» В. Язвицкого.

<sup>104</sup> Писатели на Новгородской земле / Под ред. Тихонова. С. 36–37.

<sup>105</sup> Новгород в русской литературе / Сост. А.З. Жаворонков. С. 38.

<sup>106</sup> См., например, В. Солоухин. Владимирские проселки и Черная доска, где изображены жесткое правление коммунистов (читай: Москвы) и богатое духовное наследие Русского Севера (т.е. Новгородской земли).

исторических романов на новгородскую тематику. Хотя Балашов и делает вывод, что покорение Новгорода служило общенациональным интересам, его изображение восстания Марфы, как и у Карамзина почти два столетия назад, было настолько сочувственным, что коммунистическая цензура обвинила его в ностальгии по новгородским свободам<sup>107</sup>.

С крахом коммунизма в Россию вернулся тот пласт ее интеллектуальной жизни, который был под запретом с 1917 г. Сегодня эти эмигранты, в особенности первой волны, пытавшиеся понять русскую революцию, оказывают значительное влияние на постсоветских интеллектуалов. Одна из известных групп под прямым влиянием новгородского мифа объединилась вокруг журнала «Новый град», печатавшегося в Париже в 1930-е годы.

«Новый град», как выразился философ Федор Степун, был обращен к людям, чувствующим «глубокий вздох вечности в истории»<sup>108</sup>. Еще один постоянный автор, гарвардский историк Михаил Карпович, определил цель «Нового града» как поиск промежуточной платформы между социально-политическим консерватизмом правых и социальным радикализмом левых<sup>109</sup>. Для этого российская интеллектуальная элита должна избегать нового опасного разрыва с прошлым. По словам его редактора, профессора Йельского университета Георгия Федотова, «Новый град» должен строиться из старых камней по новому архитектурному плану. Основными строительными материалами должны стать русские святые, Пушкин, противники Ивана IV, но прежде всего — социально-политические идеалы Великого Новгорода.

Федотов говорит читателям, что именно Новгород вдохновлял величайших русских иконописцев и строил самые знаменитые монастыри. Несмотря на явно теократический характер его республиканского устройства, церковь в нем сумела сохранить свою независимость гораздо лучше, чем в Москве<sup>110</sup>. В ««Республике св. Софии», — пишет Федотов, — посадник, как глава победившей партии, был премьер-министром, архиепископ — фигура, стоящая над политической схват-

<sup>107</sup> Мартышин О.В. Вольный Новгород. С. 47.

<sup>108</sup> Омельченко Н.А. В поисках России. СПб.: Рус. христ. гуманит. ин-т, 1996. С. 441.

<sup>109</sup> Там же. С. 443.

<sup>110</sup> Федотов Г. Республика св. Софии // Народная правда (Нью-Йорк). Ноябрь 1950. №11–12. С. 23.

кой — президентом, а св. София — воплощением суверенитета, таким же, как собор св. Марка для Венеции»<sup>111</sup>.

«К сожалению, — говорит Федотов, — эта несравненно более богатая культурная и духовная история была заслонена московской экспансией»<sup>112</sup>. В то время как для Герцена победа Москвы означала, что Россия стала «самой несчастной, самой поработенной из стран земного шара», Федотов видел выход в восстановлении новгородских идеалов<sup>113</sup>. «Новгород — не курьезный нарост на русской жизни, — убеждает он читателя, — но наиболее русское в ней явление... Из этой традиции могут почерпнуть свое вдохновение православные сторонники демократической России... в пределах восточно-православного мира Новгород нашел лучшее решение волнующего вопроса об отношениях между государством и церковью»<sup>114</sup>.

Как мы уже видели, и советские, и царские историки считали триумф Москвы неизбежным и потому исторически оправданным. Постсоветские попытки заявить о Новгороде как жизнеспособной культурно-политической альтернативе Москве говорят об усилиях по строительству нового интеллектуального фундамента политической истории страны. Шлюзы были открыты в 1998 г. публикацией в главном российском академическом журнале «Вестник Российской академии наук» полемической статьи под названием «Если бы в конце XV в. Новгород одержал победу над Москвой?»<sup>115</sup>.

Автор, заслуженный специалист по славянским языкам из Венского университета Александр Исаченко, категорически отвергает аргументы о том, что Москва была хоть в чем-то более прогрессивной, чем Новгород. Сравнительную отсталость России в области науки, культуры, финансов и права, считает он, можно прямо отнести к «ак-

<sup>111</sup> Федотов Г. Республика св. Софии // Народная правда (Нью-Йорк). Ноябрь 1950. №11–12. С. 22.

Любопытно, что археологи недавно обнаружили свидетельства прямых интеллектуальных связей между Венецией и Новгородом: древняя монета, на которой изображена св. София, вручающая символы власти посаднику, выглядит как копия венецианской монеты, на которой св. Марк точно так же награждает титулом дожа. См.: Рюрик жил на одну зарплату // Итоги. 2002. 26 ноября.

<sup>112</sup> Федотов Г. Республика св. Софии. С. 21

<sup>113</sup> Новгород в русской литературе... / Сост. А.З. Жаворонков. С. 147.

<sup>114</sup> Федотов Г. Республика св. Софии. С. 21, 23.

<sup>115</sup> Аналогичные доводы, противопоставляющие позитивную новгородскую модель экономического и политического развития негодной московской модели. См.: Owen Th.C. Novgorod and Muscovy as Models of Russian Economic Development // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19. P. 497–512.



тивно-реакционному духу», царившему в Москве<sup>116</sup>. В Новгороде же, напротив, развитая внешняя торговля, отсутствие угрозы набегов степных народов, а также передовое вооружение и дипломатические стратегии, развившиеся под влиянием взаимоотношений с Тевтонским орденом, заложили фундамент прагматичной и гибкой политической системы.

Исаченко утверждает, что культурные, лингвистические и иконографические элементы новгородской культуры напрямую связаны с западнославянскими традициями Моравии и Богемии. Предвосхищая аргумент, выдвинутый впоследствии археологом Валентином Яниным, он также утверждает, что Новгород был более развит, чем Киев, с точки зрения его правовой традиции, языка торговли и светского языка. Если бы развитие Новгорода не было прервано, современный русский литературный язык появился бы в нем гораздо раньше, чем в Москве. В заключение он пишет: «Москва с ее ультрареакционным изоляционизмом была неспособна превратить полуазиатское государство в европейскую державу... Но если допустить, что руководящей силой на Руси еще в XV веке мог стать Новгород вместо Москвы, то и пресловутое “окно” [С.-Петербург, “окно в Европу” Петра Великого. — *Н.П.*] оказалось бы излишним: ведь дверь в Европу через Новгород была бы открыта настезь».

Ученые немедленно обратили внимание на «явное политическое звучание» статьи, отмечая, что до этого она была опубликована в Австрии на четверть века раньше, и еще более — что она задевала традиционные убеждения и чувства<sup>117</sup>. Тем не менее, как заметил один из критиков, «когда задумываешься над прочитанным, понимаешь, что эта публикация работает на будущее»<sup>118</sup>.

В рамках начавшейся дискуссии один из ведущих специалистов по средневековой истории, Руслан Скрынников из Санкт-Петербургского университета, отмечал, что, хотя Новгород и был хаотичным и

<sup>116</sup> Исаченко А. Если бы в конце XV века Новгород одержал победу над Москвой // Вестн. Рос. акад. наук. 1998. №68-11, на веб-сайте Vivos Voco! <http://www.ibmh.msk.su/vivovoco/VV/JOURNAL/VRAN/NOVGOROD.HTM> (доступ 1 мая 2003 г.). Первоначально опубликовано в Wiener Slawistisches Jahrbuch. 1973. Vol 18. P. 48–55.

<sup>117</sup> Крысько В.Б. Без гнева и пристрастия // Вестн. Рос. акад. наук. 1999. № 69–12, на веб-сайте Vivos Voco! <http://www.ibmh.msk.su/vivovoco/VV/JOURNAL/VRAN/NOVGOROD.HTM#first> (доступ 1 мая 2003 г.); Сурун В.И. Смелый эксперимент // Вестн. Рос. акад. наук. 1999. №69–12, на веб-сайте: Vivos Voco! <http://www.ibmh.msk.su/vivovoco/VV/JOURNAL/VRAN/NOVGOROD.HTM#scnd> (доступ 1 мая 2003 г.).

<sup>118</sup> Сурун В.И. Смелый эксперимент // Там же.

подчиненным олигархии городом, он также успешно поддерживал благосостояние своих граждан и, не будь московской агрессии, видимо, продолжал бы процветать<sup>119</sup>. Усилия ученых прошлого по изображению Новгорода как обреченного, заключает Скрынников, просто не выдерживают критики, поскольку падение вечевой республики было результатом внешнего насилия, а не истощения ее политической культуры: «Насилие над Новгородом заложило фундамент будущей империи России... Демократические тенденции... уступили место самодержавным»<sup>120</sup>.

Тема Новгорода поднималась в последние годы многими исследователями. Известный ученый и общественный деятель Дмитрий Лихачев писал, что чувства потомков древнего Новгорода за свою историю заставляли их считать себя скорее частью «Скандославии», чем Евразии<sup>121</sup>. Известнейший российский археолог, специализирующийся на средних веках, Валентин Янин, считал, что Новгород имеет более веские доводы считать себя предтечей сегодняшней России, чем Киев, потому что, в то время как Москва унаследовала свою республиканскую форму правления от Киевской Руси, Новгород сохранил политический плюрализм и прочные торговые связи с Западом<sup>122</sup>. Чтобы довести эту мысль до сегодняшней политической элиты, Янин добавляет, что нынешние правители могли бы многому поучиться, заглянув в историю древнего Новгорода<sup>123</sup>.

Популярные писатели и публицисты также стали подчеркивать политическое значение Новгорода для сегодняшнего дня. В дискуссионной публикации «Царь Борис и падение Золотой (Советской) Орды» популярный политический обозреватель Геннадий Лисичкин пишет, что Россия сбилась в пути не в 1917, а в 1478 г. и коммунизм стал результатом централизации, а не наоборот<sup>124</sup>.

Сегодня руководители страны остаются частью проблемы, считает Лисичкин, поскольку, независимо от идеологии, они едины в своем убеждении, что Москва должна диктовать судьбы страны. Монго-

<sup>119</sup> Варенцов В.А., Коваленко Г.М. В составе Московского государства. С. 7.

<sup>120</sup> Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. С. 19.

<sup>121</sup> Лихачев Д.С. Нельзя уйти от самих себя... // Новый мир. Июнь 1994. С. 113–114.

<sup>122</sup> Ford P. Medieval City Holds Key to «Russian Idea» // Christian Science Monitor. June 5, 1997; Historian Champions Medieval Novgorod as Model for Russia's Democratic Development // The Jamestown Foundation Monitor. May 7, 1997.

<sup>123</sup> Иванов А. Вече замолчало // Эксперт: Северо-Запад. 2000. №20–27.

<sup>124</sup> Лисичкин Г. Есть ли будущее у России. М.: Культура, 1996. С. 164.

лы и коммунисты пали, но московская «оккупация» продолжается. Губернаторы регионов продолжают получать выгоды от подчинения Москве так же, как когда-то сатрапы великого хана. Подлинный «славянский путь развития», говорит Лисичкин, олицетворяет Новгород с его широким плюрализмом в политике и торговле. Подобно декабристам, он полагает, что демократическая практика славян сохранилась в генетической памяти нации<sup>125</sup>.

Все более популярным становится жанр, совмещающий историю и политические комментарии в рамках исторической беллетристики, также известный как альтернативная история. В 1998 г. автор детективных бестселлеров Александр Бушков попробовал перо в исторической прозе, написав роман «Россия, которой не было». Молодой историк из Красноярского университета Андрей Буровский написал к нему продолжение, озаглавленное «Россия, которой не было - 2: Русская Атлантида». Книга Буровского также стала бестселлером, была издана астрономическим для России тиражом в 50 тыс. экземпляров и привлекла внимание СМИ.

В «Русской Атлантиде» Буровский стремится исправить то, что он называет односторонней интерпретацией российской истории и истории Московского государства. Множество других, вполне жизнеспособных России оказались утраченными для нас из-за навязывания того, что Буровский называет «большой московский миф» — мнение о том, что выживание России как государства требовало поглощения Москвой всех остальных русских земель<sup>126</sup>. Этим мифом население кормили так долго, что другие пути развития уже кажутся невозможными, но Буровский считает, что это не так. Новгород, например, является «вариантом православной культуры, который мог оказаться не менее динамичным, не менее активным, чем католицизм. А может быть, и породил бы русский вариант протестантизма»<sup>127</sup>.

Подобно декабристам Федотову и Лисичкину, Буровский слышит в истории древнего Новгорода современное политическое звучание. Отрицая понятие генетической памяти, он считает примечательным, что на протяжении всей своей истории Новгород упрямо настаивал на том, что он — особенный город<sup>128</sup>. Усилия нынешних городских

<sup>125</sup> Лисичкин Г. Есть ли будущее у России. М.: Культура, 1996. С. 171, 180.

<sup>126</sup> Буровский А.М. Россия которой не было-2. С. 183.

<sup>127</sup> Там же. С. 394.

<sup>128</sup> Буровский А.М. Великий Новгород — проблема исторической судьбы // Вестн. Новгород. гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 1999. №12 (август). С.4.

властей по возрождению прошлого, считает он, доказывают, что россияне не обречены на возврат к московскому варианту: «Идеология возвращения к новгородской вольности очень заметна в Новгороде Великом. При определенных условиях — создании экономической специфики, появлении политических институтов — процесс формирования северо-западного субэтноса может охватить значительные территории»<sup>129</sup>.

Действительно, в последние годы Северо-Запад стал свидетелем нескольких местнических социально-политических движений, основанных на новгородском мифе. Но, призывая к радикальной децентрализации, граничащей с сепаратизмом, они занимают маргинальное положение в политическом спектре. Резкий тон появляющихся в прессе статей виден в их названиях: «500 лет назад Новгородская республика была оккупирована Москвой», «Сумерки российской государственности», «Новгородский парламентаризм — альтернатива всевластию князей», «Московия нам не родина» и «Как нам развалить Россию, или Новые задачи для истинных патриотов»<sup>130</sup>. Несмотря на отсутствие видимой связи с политическим истеблишментом, эти призывы каким-то образом регулярно появляются в ведущих газетах Санкт-Петербурга и даже время от времени — в национальных периодических изданиях, таких, как «Комсомольская правда», «Смена» и «Огонек».

### *Заключение. Новгород в памяти России*

Со второй половины XVIII в. Новгород являлся мощным культурным мифом. Ключевые символы этого мифа — Марфа-посадница, вечевой колокол и, в меньшей степени, Вадим Храбрый. Два других популярных новгородских символа — канонизированный князь Александр Невский и Софийский собор — пробуждают в памяти образы народного сопротивления иностранным захватчикам и отличающую православие форму совместного участия в гражданских делах. Несмот-

<sup>129</sup> Буровский А.М. Россия которой не было-2. С. 246.

<sup>130</sup> Более десятка статей в изданиях «Невское время» и «Петербургский час пик», еще два десятка в газетах и журналах «Дело», «Северо-Западный зеленый крест», «Смена», «Комсомольская правда», «Огонек», «Пульс — Санкт-Петербург», «Петровский курьер» (Выборгский район), «Лига избирательниц», «Андреевский фонд», «Трибуна — Деловой вторник», «Северный курьер» и «Посев». Имеются на веб-сайте «Ингерманландия»: <<http://ingermanland.narod.ru/Inger06.htm>> (доступ 3 мая 2001 г.).

ря на тонкие различия, все эти символы подкрепляют друг друга, неразрывно связывая образ города с исконно русской моделью процветания и независимости, которая была насильственно подавлена, но не была забыта. Неудивительно, что эти символы возродились в 1990-е годы: с XVIII в. они стояли у истоков всех российских либеральных общественных движений. Сегодня писатели и историки обращаются к далекому прошлому Новгорода по тем же причинам, что и их предки. Это прошлое позволяет более предметно взглянуть на нынешние политические дебаты<sup>131</sup>.

Обращаясь к истокам самых стойких альтернативных культурных мифов России, легко понять, почему современные писатели и реформаторы заинтересовались Новгородом. Более интригующий вопрос: почему они не делали этого чаще? Имея столь богатую символическую родословную, новгородский миф мог бы рассчитывать на внимание со стороны любой политической группы, ищущей быстрого признания. Тем не менее для постсоветских интеллектуалов этот миф обладает гораздо меньшим мобилизующим воздействием, чем для предыдущих поколений<sup>132</sup>.

Этому есть несколько причин. Во-первых, сегодня российская интеллигенция гораздо более многочисленна и фрагментарна, чем в XVIII в., когда Герцен и Огарев могли фактически вдвоем формировать взгляды целого поколения. Во-вторых, сегодняшние элиты имеют доступ через Интернет к беспрецедентному разнообразию информации. В сочетании с резким переносом внимания общественности с национальных на местные периодические издания и утратой влияния национальных СМИ задача формирования и передачи последовательных идей в масштабе страны становится более сложной. В-третьих, нигилистический подход к российской истории, безусловно, возымел свое действие. Литературный критик и историк Александр Горянин отмечает, что, следуя примеру своих западных коллег, современный российский интеллектуал не видит ничего достойного в русской истории, будь она прошлая или нынешняя<sup>133</sup>. Порой даже

<sup>131</sup> Симашко М. Пятый Рим // Октябрь. 2001. №7; Турков А. Чего же оно веселится, это сердце? № 1 (2001); Филатов С. Карелия; православно-литературное пограничье // Дружба народов. 2000. №5; Чубайс И. Разгаданная Россия (3 июля 2001 г.), на веб-сайте «Русский журнал»: <<http://www.russ.ru/politics/meta/20010703-chub.html>>.

<sup>132</sup> Скорее как курьез можно рассматривать идею Владимира Рыжкова, дидера думской фракции «Наш дом — Россия», о перенесении столицы России в Новгород, потому что это «родина республиканского строя в России». См.: Вопрос: куда бы столицу перенести? // Коммерсант-власть. 1999. 5 мая.

<sup>133</sup> Горянин А. Мифы о России и дух нации. М.: Пентаграфик-Атд., 2002.

образованные люди знают о Новгороде только из произведений декабристов, а их самих — лишь в качестве предшественников большевиков. Посткоммунистический развал национальных учебных программ и проблемы с распространением учебников делают маловероятным в обозримом будущем согласованное толкование о прошлом России.

Наконец, среди интеллигенции существует слишком большое уважение ко всему, что исходит из Москвы. Как отмечает Лисичкин, не только средний москвич глубоко убежден в неотъемлемом превосходстве своего города, но и многие провинциалы воспринимают его так<sup>134</sup>. Есть одно место, где нельзя избежать действия новгородского мифа, — сам Великий Новгород. Здесь, в городе, который академик Д.С. Лихачев называл большим лекториумом, символы прошлого всегда готовы к тому, чтобы ими воспользовалась политическая элита<sup>135</sup>.

При всем своеобразии истории Новгорода нельзя тем не менее приписать сохранение его мифологии какой-либо институциональной, исторической или этнической преемственности. На протяжении столетий в регионе слишком многое изменилось. Более правильно было бы сказать, что с крахом коммунизма и расцветом регионализма в постсоветской России те местные символы, которые были наиболее целесообразным средством решения новых проблем бесформенности и децентрализации, утвердились заново. В результате новгородский миф возродился так же, как и во время шведской оккупации XVII в., великих реформ Александра II, краха монархии в 1917 г. и даже немецкой оккупации во время Второй мировой войны<sup>136</sup>. Теперь, когда мы лучше понимаем значение этих символов, необходимо рассмотреть их влияние на преобразования современного Новгорода.

<sup>134</sup> Лисичкин Г. Есть ли будущее... С. 184.

<sup>135</sup> Лихачев Д.С. Раздумья... С. 148.

<sup>136</sup> Местные архивы хранят интересные детали о реакции населения на немецкую оккупацию, включая тот факт, что прогерманская местная администрация находила обращение к ганзейскому прошлому Новгорода хорошим способом добиться поддержки населения. См.: Ковалев Б.Н. Функции и деятельность новгородской полиции в условиях нацистского оккупационного режима (1941–1943 гг.); Андреев В. Прошлое Новгорода. С. 184–185.

Интересно, что в 2002 г. в новгородской прессе разгорелся спор о том, не следует ли пересмотреть советский взгляд на этих людей как предателей, поскольку некоторые из коллаборационистов считали, что охраняют исторические и религиозные памятники. См.: Вилена Я. Спасти, чтобы украсть // Новая новгородская газета. 2002. 24 апреля; Конев Р. Следы исчезнувших // Время новгородское. 2002. 9 мая. Ответы историка Б. Ковалева на вопросы М. Владимирову. См.: Ценные люди Третьего рейха // Новгородские ведомости. 2002. 18 мая. Продолжение в «Новгородских ведомостях». 25 мая 2002.

## Глава 6 Символы за работой

Men possess thoughts, but symbols possess men.  
Max Lerner, Ideas for the Ice Age\*

### *Новгородский миф в действии*

Использование новгородского мифа в качестве активного политического ресурса изменило темпы развития общества. Оно привело к формированию того, что обозреватели назвали «западным», или «либеральным», консенсусом элит в регионе в то время, когда большинство регионов России были охвачены междоусобной политической борьбой<sup>1</sup>. Возрождение этого мифа можно поделить на три стадии.

На первой стадии, продолжавшейся с 1989 по 1993 г., Новгородский горсовет безжалостно атаковал символы советской эпохи, тем самым готовя почву для более радикальных социально-экономических изменений. На второй стадии, примерно с 1994 по 1998 г., лидеры гражданских организаций пытались найти конкретные символы из средневекового прошлого Новгорода, которые помогли бы определить новую долгосрочную перспективу для региона. На третьей стадии, начавшейся в 1999 г. и продолжающейся сегодня, власти стали ощущать полезность новгородских символов с политической точки зрения и открыто использовали их для получения политической выгоды. Описав каждую из этих стадий, мы рассмотрим другие примеры (в России и за ее пределами) использования мифологии для преодоления кризиса.

### *Советские символы под огнем: городской совет в поисках лучшего прошлого*

В конце 1980-х годов — в период расцвета перестройки — многие советские символы были запятнаны и на поверхность всплыли дру-

\* Люди владеют мыслями, а символы владеют людьми.

Лернер М. Идеи для ледникового периода. New York: Viking, 1941. P. 235.

<sup>1</sup> Прусак М.М. Наступило время строить // Посев. 1994. №4 (июль-август). С. 56—59; Ruble B. and Popson N. The Westernization of a Russian Province: the Case of Novgorod // Post-Soviet Geography and Economics. 1998. Vol. 39. №8. P. 433—446; Сенатова О., Якурин А. Экономическое и политическое развитие Новгородской области (1999): Отчет для Федерального института восточноевропейских исследований Германии (BIOst) (личная копия).

гие, давно забытые исторические и религиозные символы. В Новгороде общество было наэлектризовано двумя вопросами: передачей Софийского собора церкви и превращением Новгорода в свободную экономическую зону.

В средневековом Новгороде, как мы уже отмечали, собор св. Софии был синонимом республики. В советские времена он стал главной мишенью атеистического режима и был закрыт в 1929 г. Политика перестройки и большое значение, придававшееся празднованию тысячелетия крещения Руси в 1988 г., вызвали вопросы о статусе старейшего собора России со стороны местных религиозных деятелей. Когда в июле 1990 г. была официально восстановлена Новгородская и Старорусская епархия, вопросы превратились в требования превратить собор св. Софии в действующий храм.

Идею восстановления св. Софии как действующего собора поддерживали почти все слои новгородского общества. Русские националисты видели в этом утверждение культурного суверенитета России, демократы — средство подрыва влияния КПСС, а реформаторски настроенные коммунисты могли сослаться на это как на доказательство способности партии идти в ногу со временем. Сама Русская православная церковь, формально не имея политического влияния, могла рассчитывать на активную поддержку многочисленных культурно-исторических обществ, плохо скрываемая цель которых состояла в восстановлении статуса храмов.

Поэтому после 1988 г. тема св. Софии стала постоянно освещаться местной прессой, подчеркивавшей ее символическую роль объединительницы и защитницы новгородских земель. Начало этому было положено в предыдущем году, когда Новгород стал местом проведения Дней славянской письменности и культуры, ежегодного панславянского культурного мероприятия. Продолжавшиеся неделю праздничные мероприятия обеспечили глубокое освещение в СМИ истории православной церкви в регионе, и в частности Софийского собора. В последующие два года в области резко возросло число крещений взрослых (в некоторых районах более чем в семь раз!), а также количество заявлений о превращении церквей в действующие<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> Савинова И.Д. Лиховетье: Новгородская епархия и советская власть, 1917—1991. Великий Новгород: Чело, 1998. С. 102. В декабре 1987 г. такой призыв собрал всего 80 подписей, однако к началу 1988 г. это количество выросло до 1462.



В 1989 г. новгородские писатели основали еженедельную газету «Вече», редактором которой был писатель Михаил Петров. С ней постоянно сотрудничали местные историки, на ее страницах публиковались статьи о новгородских традициях, храмах и даже материалы на ранее запретные темы российской монархии и эмиграции. Газета быстро превратилась в форум, где разные группы местной интеллигенции могли выразить свое отношение к ключевым аспектам новгородского мифа и призвать к действию.

Типичным примером может служить открытое письмо представителей новгородской общественности землякам в Вологду. Авторы, отмечая, что имеют «право... называть вас так, потому что когда-то мы были частью одной республики», призывают вернуть колокола, снятые с Софийской звонницы, которые находятся теперь в Свято-Кирилловом монастыре, недалеко от Вологды. Подписала этот весьма эмоциональный призыв очень разнородная группа людей: Олег Очин, университетский чиновник, который вскоре стал председателем городского совета, Николай Гринев, впоследствии возглавивший Новгородский объединенный музей-заповедник, и Владимир Цалпан, бывший секретарь обкома КПСС<sup>3</sup>.

Софийский собор был действительно передан церкви, и этот день (16 августа 1991 г.) до сих пор отмечается в местной прессе — не просто как церковный праздник, но и как поворотный момент в истории области, образец отношений церкви и государства.

Хотя в современной России не редкость показательное благочестие чиновничества, в Новгороде руководство пошло гораздо дальше. Оно спонсировало строительство нового собора, поддерживало выход религиозных программ на местном телевидении и даже финансировало из муниципального бюджета экспериментальную христианскую школу. За последнее десятилетие в области были вновь открыты более 110 православных храмов. По словам руководителя регионального Управления государственного имущества, восстановлению еще большего числа церквей в качестве действующих храмов мешает лишь стесненное финансовое положение епархии<sup>4</sup>.

<sup>3</sup> Открытое письмо // Вече. 1989. №2. С. 1.

<sup>4</sup> Генерозова Ю. За последние 9 лет в Новгородской области церкви было передано около 100 церквей // Деловой Петербург. 2001. 3 октября. Вице-губернатор Галина Матвеева регулярно встречается с представителями разных конфессий, чтобы выслушать их пожелания. Злаеров Д. Богоискатели с улицы Кочетова (доступ на сайте Pravda.Ru (November 12, 2003). Адрес в Интернете: [http://society.pravda.ru/society/2003/8/26/81/14726\\_baptist.html](http://society.pravda.ru/society/2003/8/26/81/14726_baptist.html).

Еще одним вопросом, занимавшим в эти беспокойные годы внимание общественности, было превращение Новгорода в одну из трех экспериментальных свободных экономических зон (СЭЗ) на территории СССР. Такое предложение было сделано в 1988 г. группой лидеров местной промышленности<sup>5</sup>. Партийные и промышленные руководители региона видели в СЭЗ редкую возможность для укрепления промышленных связей с Западом, гражданские активисты — шанс для создания принципиально новой модели развития региона на основе туризма и образования<sup>6</sup>. Последние считали, что развитие промышленности скорее принесет вред культурно-историческому наследию региона. Когда вторая группа вместе со специалистами из университета стала перерабатывать первоначальную концепцию, партийно-хозяйственное руководство отказалось поддерживать проект, и инициатива потерпела неудачу.

Как и общественная деятельность вокруг собора св. Софии, оппозиция СЭЗ объединила представителей всего политического спектра. Необыкновенно широкое обсуждение показало, что общество до сих пор восприимчиво к символам республиканского Новгорода. Такие, казалось бы, несовместимые партнеры, как Объединенный фронт трудящихся и региональное общество «Экология», организовали совместную кампанию по распространению писем, где широко известные образы из новгородских мифов и легенд использовались, чтобы изобразить СЭЗ как очередную попытку Москвы навязать свою волю свободомыслящим новгородцам<sup>7</sup>. И противники, и сторонники СЭЗ опирались на знакомые символы, чтобы донести до публики свои идеи, первые — о праве регионов не поддерживать навязываемые Москвой решения, вторые — о свободной реализации радикальных экономических инициатив и открытости Западу на местном уровне.

Пристальное внимание местных СМИ к этому вопросу, возможно, послужило созданию более спокойного отношения к иностран-

<sup>5</sup> Сочилин В. (руководитель социально-экономического отдела обкома КПСС). О проработке нового варианта концепции новгородского открытого сектора (2 октября 1989 г.): Записка для членов обкома. Гос. архив современной политической истории Новгородской области (Великий Новгород, Россия).

<sup>6</sup> Интервью с И.Б. Александровым, бывшим главным архитектором Новгорода и членом рабочей группы по анализу концепции СЭЗ // Великий Новгород, Россия. 2000. 1 мая.

<sup>7</sup> Макеева Г. Новгород с молотка // Литературная Россия. 1989. 11 ноября. С. 2.

ным инвестициям, что, в свою очередь, помогло общественности принять гораздо более радикальные экономические инициативы, выдвинутые местной властью всего несколько лет спустя. К этому времени неспособность региона получить особый статус в 1989 г. стала рассматриваться как упущенная возможность. Во внутренней записке отдела социального планирования и анализа обкома КПСС открыто признается, что молодежь региона скорее согласна работать на иностранных предприятиях, чем на государственных, и рекомендуется разрешить «открытый приток» иностранного капитала «в нашу экономику»<sup>8</sup>.

Наконец, заметным побочным эффектом этой дискуссии стало то, что реформаторы начали участвовать в местных выборах. В сентябре 1989 г. независимая ассоциация избирателей «Вече» поддержала список кандидатов на выборах 1990 г., выступающих за местное самоуправление, политическую и экономическую децентрализацию<sup>9</sup>. Созданное всего за несколько месяцев до этого «Вече» смогло провести своих кандидатов почти на одну треть мест в областное Законодательное собрание и почти половину — в Новгородский горсовет<sup>10</sup>. Среди последних многие представляли Новгородский политехнический институт, который местные жители шутливо называли «вторым обкомом партии». Новое руководство новгородского городского Совета народных депутатов открыто отождествляло себя с новгородским мифом и почти три с половиной года усиленно проводило в СМИ пропагандистскую кампанию, призванную разъяснить населению достоинства Новгородской республики.

Кампания проводилась через газету «Новгород», созданную в октябре 1990 г. как рупор нового горсовета и до сих пор бесплатно распространяемую для всех жителей города. В первом же номере издатель пообещал уделять большое внимание местной истории и призвал интеллигенцию «помочь нам узнать больше о своем историческом прошлом и, связывая его с настоящим, лучше видеть путь вперед»<sup>11</sup>.

<sup>8</sup> Афанасьев А. (начальник отдела социального анализа и планирования идеологического сектора Обкома КПСС). Отчет о результатах социологического исследования «Взгляды и оценки современной молодежи» (13 февраля 1991 г.). Гос. архив современной политической истории Новгородской области // Великий Новгород, Россия.

<sup>9</sup> Аксенов В.И. Записка идеологического отдела обкома...

<sup>10</sup> Сенатова О., Якурин А. Экономическое и политическое развитие Новгородской области.

<sup>11</sup> Здравствуйте! // Новгород. 1990. 30 октября. С. 1. Позиция редакции «Новгорода» была типичной для того времени. Газета «Земля новгородская» выполняла ту же функцию для сельских читателей. Ее редактор вспоминает, что около 20% содержания было посвящено

В первом же своем интервью в качестве председателя горсовета Олег Очин жаловал на то, что многое утеряно, прежде всего «гордость за право называться новгородцем». Затем Очин произнес настоящий панегирик, не оставляющий никакого сомнения в том, куда направлены взгляды новых городских руководителей: «С каким достоинством общались новгородцы не только с соотечественниками, но и с иноземцами, в большом числе сюда приезжавшими. Приезжавшими в основном по делам торговли, политическим и отчасти из любопытства. Любопытства, проявляемого по отношению к людям, поставившим среди болот столь богатый город, украсившим его великолепными соборами, владевшим землями, размером превышавшими большинство государств Европы, поголовно знавшим грамоту... К людям, знавшим цену свободному слову, которое, вопреки царившему в Европе церковному мракобесию и пристрастию к придворным тайнам, позволило здесь создать уникальную по тем временам демократическую конструкцию новгородской государственности. Республика в средние века! По-моему, мы до сих пор не сумели осознать историческую значимость этого явления, в котором можно и должно черпать вдохновение для дел сегодняшних»<sup>12</sup>.

Главной инициативой городского Совета было избавление от всех названий улиц советской эпохи. Василий Андреев, профессор истории, ставший членом горсовета, более года готовил к этому общественность. Он написал десятки статей в местных изданиях, где говорил о том, как абсурдно звучит, что улица Первого Мая ведет к церкви Спаса Преображения или что церковь Св. Духа стоит на углу улиц (комиссара Максима) Литвинова и Пролетариата<sup>13</sup>. Характеризуя эти советские названия как «кошунство» и «оскорбление нашей истории», Андреев призывал сограждан отказаться от «безликих» названий и вернуть «подлинные» имена из истории Новгорода<sup>14</sup>.

Усилия Андреева принесли плоды 4 января 1991 г., когда большинством в две трети голосов городской совет вернул все существовав-

тематике новгородской истории, в то время как реорганизации колхозов и новым концепциям, например частному фермерству, было посвящено 30%, а остальное — региональным и национальным новостям и биографиям политических лидеров. На пике популярности газета имела тираж 10 тыс. экземпляров. См.: Беседа с Валерием Стовбой, в прошлом редактором газеты «Земля новгородская» и пресс-секретарем губернатора М. Прусака с 1990 по 1993 г. // Великий Новгород, Россия. 2002. 16 апреля.

<sup>12</sup> Какая власть на дворе // Новгород. 1990. 30 октября. С. 1.

<sup>13</sup> Петров М. Имени первого секретаря обкома // Новгород. 1991. 25 января. С. 3.

<sup>14</sup> Андреев В. Что в имени тебе моем? // Новгород. 1991. 4 января. С. 3.

шие до 1917 г. названия улиц в исторической части Новгорода. С карты города сразу исчезли упоминания о Ленине, большевиках, комсомоле, пролетариате, Советах и труде — самая комплексная десоветизация, предпринятая в каком-либо из российских городов<sup>15</sup>.

По этому, как и по многим другим вопросам, горсовет отказался признать главенство более консервативного областного Совета. В основе этого конфликта лежали и деньги, и идеология. В прошлом областной совет по своему усмотрению распределял средства между городскими и сельскими районами невзирая на их вклад в общий бюджет. Но теперь городской совет настаивал на сохранении в своих руках части бюджета. Поскольку Новгород был крупнейшим источником поступлений в областной бюджет, это было равносильно требованию финансовой и административной независимости.

Бросая прямой вызов областному Совету, Новгородский горсовет предложил всем двадцати двум районам в обход него напрямую координировать свою деятельность и бюджеты друг с другом<sup>16</sup>. Напряженность стала еще сильнее, когда во время попытки путча в Москве в августе 1991 г. областной Совет занял выжидательную позицию, а городской в первый же день выпустил постановление, осуждавшее путчистов.

После победы Б. Ельцина О. Очин фактически стал политическим лидером города и региона, однако он был неизвестен советникам Ельцина, которые выбрали на пост губернатора собственного кандидата — Михаила Прусак. Прусак просил город освободить Очину для работы его заместителем по социальным вопросам, доказывая, что это даст Новгороду влияние на распределение финансов. Продвигая по службе Очина, Прусак лишил его властной базы и уменьшил его влияние как политического противника. Когда Ельцин в 1993 г. распустил Советы, Очин получил новое повышение, став представителем области в Государственной Думе (в Москве), где и решил остаться.

Недовольный указом Ельцина 1993 г., преемник Очина Александр Васильев откровенно признает, что сопротивление ему не встречало в обществе большой поддержки<sup>17</sup>. Скептики могут спросить: почему

<sup>15</sup> Некоторые названия советского времени сохранились в районах города, построенных в советский период.

<sup>16</sup> Занимались и политикой // Независимая газета. 1993. 16 октября. С. 1.

<sup>17</sup> Васильев А. События недели // Новгород. 1993. 22–29 октября. С. 1–2.

при таком сильном влиянии новгородского мифа городской Совет Новгорода не получил поддержки в 1993 г. Это можно вкратце объяснить тем, что, хотя в своем безудержном стремлении к переменам городской Совет и создал определенную базу политической поддержки, его деятельность также вызвала большое смятение и неприятие среди пожилых граждан, составлявших более четверти населения города.

Из этой первой фазы постсоветской истории Новгорода можно сделать вывод о типичной для быстрых изменений в символической идеологии тенденции: население ограничивает изменения, лишая их своей поддержки, когда они заходят слишком далеко и идут слишком быстрыми темпами. Тем не менее несправедливо было бы считать деятельность городского Совета неудачной. В конечном счете его политически рискованный разрыв с символами прошлого заложил основу для нового общественного согласия, сохранившегося и по сей день.

Как ни странно, победителем в этом конфликте между знакомыми советскими и новыми новгородскими ценностями стал новый губернатор Михаил Прусак. Он успешно изображал себя человеком, понимающим необходимость изменений, но уважающим желание народа, чтобы перемены происходили постепенно. Хотя он и подчинился указу Ельцина о роспуске Советов, но не отменил ни одного из вызывавших споры изменений, сделанных городским Советом, хотя многие от него этого ожидали. Вместо этого Прусак решил воспользоваться ослаблением символов коммунистической эпохи, начав смелые социально-экономические реформы, опиравшиеся на символическую основу, заложенную горсоветом.

Последний председатель Александр Васильев назвал новгородский городской Совет одним из наиболее демократичных в России<sup>18</sup>. Однако на пике антикоммунистической эйфории такая демократичность было довольно распространена. Необычным было то, что в Новгородском городском совете местные руководители не просто обличали советское прошлое, но связывали свои реформы с конкретным образом — новгородским мифом о процветающем и самоуправляемом городе.

Хотя городской Совет и не добился всего, что намечал сделать, он решительно положил конец претензии коммунистов на монопольное

<sup>18</sup> Там же. С. 1.

право толкования прошлого России, тем самым позволяя людям рассмотреть варианты за пределами их непосредственного опыта, приобретенного в советскую эпоху.

*Элита перегруппировывается:  
связывание старых символов с новой политикой*

Притягательность новгородского мифа, возможно, ярче всего проявляется в том, что, несмотря на первоначальное нежелание администрации Прусака опираться на него, он все же сохранил свою силу. Прусак был озабочен практическими результатами и не желал увязнуть в идеологической конфронтации, подобной той, что привела к падению городского Совета. Поэтому он и его советники избегали любого намека на создание новой региональной идеологии, по крайней мере сначала.

Усилия Прусака по установлению контроля над местным бюджетом, заполнению Думы главами районов и сокращению бюджетных расходов отодвинули символический ресурс на задний план. Хотя в новгородском мифе уже видели ценное средство для привлечения иностранных инвесторов, он какое-то время не считался политическим ресурсом для внутреннего потребления. Прусак отмечал, что люди еще не осознали значения своего прошлого. Именно поэтому, по его словам, и был создан университет<sup>19</sup>. И действительно, самые значительные усилия по мобилизации общественного мнения вокруг новгородского мифа теперь стали исходить из университета, созданного в 1993 г. и впоследствии названного в честь Ярослава Мудрого<sup>20</sup>.

Самой заметной поддержанной университетом инициативой по продвижению новгородского мифа стал «Новгородский проект: прорыв в постиндустриальное общество». Проект был попыткой местной интеллигенции при поддержке Фонда Горбачева сделать средневековую историю Новгорода основой для новой региональной стра-

<sup>19</sup> Выступление Михаила Прусака на открытии заседания, посвященного 80-летию комсомола. Новгород: Новгородский фонд политических архивов (29 октября 1998 г.), личный конспект.

<sup>20</sup> Первый ректор университета Владимир Сорока, хотя сам никогда и не выдвигался на публичные должности, поощрял к этому многих своих сотрудников. До своей безвременной кончины в 1998 г. он придерживался классической концепции университета, в рамках которой, в отличие от типичных советских вузов, региональная тема и гуманитарные предметы играли бы ведущую роль. Сорока В.В. Высшее образование в Новгороде. Новгород: Новгород. гос. ун-т, 1996.

тегии<sup>21</sup>. Новгород был выбран в качестве пилотного региона, потому что «вся история России прошла по Новгородской земле, а новгородское вече было и остается по настоящее время источником вдохновения российских демократов-республиканцев»<sup>22</sup>.

Описание проекта начинается с признания того, что в мире происходит информационная революция, которая изменит жизнь людей. Цивилизация переходит к постиндустриальной стадии развития, когда наибольшее значение приобретают культурные и интеллектуальные продукты. Такое внимание к культурной парадигме несет в себе преимущества для России. Страна, вместо того чтобы повторять западный путь развития, может опереться на свои традиции общинности, коллективизма и кооперации для прорыва непосредственно в постиндустриальную стадию. Только благодаря традиционным культурным ценностям Россия может сохранить свою сокровенную идентичность и эффективно сопротивляться опасностям глобализации<sup>23</sup>.

Постиндустриальные ценности могут быть использованы только при расширении региональной автономии, которая привлечет гражданскую инициативу в поддержку сохранения местных исторических традиций. Поэтому модернизация должна быть прежде всего направлена на расширение социально-культурного разнообразия и плюрализма. Новгород, как отмечает доклад, находится в авангарде этого процесса, поэтому сегодня должен сосредоточиться на создании технологической инфраструктуры, которая позволит «включить культурно-историческое наследие Новгородского региона в мировое культурно-образовательное пространство»<sup>24</sup>.

Создание такой инфраструктуры подразумевает обучение работников культуры пользованию Интернетом, введение гуманитарных компонентов в базовые программы университета, переподготовку

<sup>21</sup> Щедровицкий П., Толстых В. Новгородский проект: прорыв в постиндустриальное общество. М.: Фонд Горбачева, 1995 (личная копия). Среди участников с новгородской стороны были Владимир Аверкин, руководитель областного Комитета по образованию, Анатолий Гавриков, тогда проректор, а ныне — президент Новгородского государственного университета, Николай Гринев, директор Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, Виктор Смирнов, директор местного телеканала «Славия» и историк Олег Очин, тогда депутат Государственной Думы от Новгородской области, Андрей Масалов, представитель экономического комитета области, и Владислав Алексеев, руководитель отдела развития и поддержки предпринимательства.

<sup>22</sup> Там же. С.5.

<sup>23</sup> Там же. С. 11–14.

<sup>24</sup> Там же. С. 39.



государственных служащих с целью их соответствия требованиям постиндустриального общества, а также создание ряда региональных баз данных в области культуры, организацию лабораторий и центров, способных оказывать помощь в рамках такого обучения<sup>25</sup>. Именно Новгородский государственный университет и местное новгородское телевидение должны были осуществлять стратегию, направленную на вовлечение историко-культурного наследия Новгородской земли в интенсивный культурный, образовательный и практико-методический оборот, а также на расширение доступа самых различных групп к культурно-историческим материалам»<sup>26</sup>.

Доклад был широко распространен среди местного руководства и на короткое время даже породил слухи о возможном политическом альянсе между Горбачевым и Прусаком. Однако когда американский спонсор проекта обанкротился, сам проект был положен на полку и, по-видимому, забыт всеми университетскими руководителями<sup>27</sup>.

Но рекомендации, содержащиеся в докладе, начали жить собственной жизнью. Развитие туризма, которое характеризовалось докладом как центральное для строительства постиндустриального общества, официально признано одним из ключевых культурных и инвестиционных приоритетов региона. Телекоммуникации также стали для администрации настолько важным делом, что в 1997 г. Прусак с гордостью говорил, что Новгород уже занимает третье место в стране по развитию соответствующей инфраструктуры<sup>28</sup>.

В 1995 г. Институт марксизма-ленинизма был преобразован в центр подготовки государственных и муниципальных служащих с особым акцентом на истории и традициях Новгородской области. Ежегодно в центре, который теперь носит название «Диалог», проходят краткосрочную подготовку около 1200 менеджеров частных и государственных структур. Его директор, Александр Жуковский, надеется

<sup>25</sup> Щедровицкий П., Толстых В. Новгородский проект: прорыв в постиндустриальное общество. М.: Фонд Горбачева, 1995 (личная копия). С. 28, 37–38.

<sup>26</sup> Там же. С. 45–46.

<sup>27</sup> Президент Новгородского государственного университета Сорока в 1997 г. писал, что университет продолжит «формулировать и реализовывать» эту программу в рамках работы по совершенствованию местного самоуправления. См.: Сорока В.В. Место и роль системы образования в местном самоуправлении Новгородчины // Местное самоуправление в России: история и современность / Под ред. Б.Н. Ковалева. Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого; Администрация Новгорода, 1997. С. 17.

<sup>28</sup> Новости на сайте [www.novgorod.ru](http://www.novgorod.ru) за 28 ноября – 3 декабря 1997 г., цитата из выступления Михаила Прусака 14 ноября 1997 г.

создать региональную школу государственного управления, использующую традиции, историю и культуру Новгорода для решения местных проблем<sup>29</sup>.

Культура и традиции Новгорода также легли в основу программы вещания местного телеканала «Славия». В дополнение к регулярным программам, таким, как «Монологи об истории», он выпустил несколько специальных фильмов, посвященных новгородскому культурно-историческому наследию, в том числе «Господин Великий Новгород» (2001) и «Первая республика» (2002–2003) – пятисерийный фильм об уроках, которые сегодняшняя Россия может извлечь из новгородской модели.

Генеральный директор телеканала Виктор Смирнов, известный автор книг по истории, не скрывает своих симпатий к Новгородской республике. Однажды в ходе телеинтервью его спросили, чью сторону он бы занял в легендарном споре на вече в XV в. – сторонников союза с Москвой или пролитовской партии во главе с Марфой-посадницей. Смирнов ответил, что, «как патриот Новгорода», он, безусловно, занял бы сторону Марфы. Хотя история и пошла другим путем, но, добавил он, у Новгорода теперь есть шанс своего рода «исторического реванша» через доказательство преимущества его исторических традиций с опорой на свои собственные традиции<sup>30</sup>.

Кажется, услышан был даже пророческий призыв доклада к развитию регионального компонента гражданского общества и к партнерству местных властей и НКО. Исследования показывают, что Новгородские НКО положительно оценивают свое взаимодействие с городской и областной администрациями и доступ к местной прессе, чем НКО других регионов<sup>31</sup>.

<sup>29</sup> Беседа с А.И. Жуковским, директором МНОУ «Диалог» // Великий Новгород. 2002. 9 апреля.

<sup>30</sup> Интервью Виктора Смирнова в программе «София» по новгородскому телевидению (повтор 27 июля 2003 г.). Смирнов был фактическим автором политической автобиографии Прусака 1999 г. – «Реформы в провинции».

<sup>31</sup> Alexandrov I.B. Russia's «Road less traveled» Novgorod oblast today // The Jamestown Foundation Prism. July 25, 1997. Vol 3. Is. 12. Адрес на сайте: [http://www.jamestown.org/pubs/view/prj\\_003\\_012\\_004.htm](http://www.jamestown.org/pubs/view/prj_003_012_004.htm) (доступ 4 мая 2001 г.); Сергей Фабричный. Развитие местного самоуправления на территории Новгородской области // Земство и возрождение культурно-экономических традиций / Под ред. В.И. Ромашовой. Новгород: Новгород. обл. науч. б-ка, 1996. С. 33–41; Якимец В. Третий сектор в регионах России: особенности развития и взаимодействия с местной властью и бизнесом // Регионы России: взаимодействие и развитие. М.: Инсайт-полиграфик, 2001. С. 125–143.

Несмотря на проблемы с финансированием, университет по собственной инициативе создал свой Центр культурных исследований для изучения воздействия новгородской истории и традиций на современную политическую и духовную жизнь<sup>32</sup>. Идея создания центра, по словам его директора Светланы Коварской, появилась одновременно в стенах университета и администрации. Местные ученые видели необходимость создания центра в том, чтобы информация о Новгороде была легкодоступна для студентов и исследователей. Руководство области рассчитывало, что в центр оно могло бы обращаться в поисках решения часто возникающих местных проблем.

Первым крупным мероприятием центра была конференция, посвященная исторической роли и культурным традициям новгородского земства, проведенная совместно с крестецкой районной администрацией<sup>33</sup>. С тех пор ответственные лица администрации обращались в центр за рекомендациями о том, какую роль Новгород мог бы сыграть в процессе поиска «русской идеи»<sup>34</sup>. Коварская считает, что впоследствии центр станет полноценным институтом, научные сотрудники и преподаватели которого смогут разработать «Новгородскую энциклопедию». Предполагается, что все собранное «будет передано молодым, нашим студентам, чтобы увлечь их этими идеями». Своим студентам Коварская говорит: «В вас, сегодняшних новгородцах, есть все, что было в прошлом»<sup>35</sup>.

Эта мечта отчасти исполнилась, когда в 2001 г. университет получил многолетний грант Министерства образования России и консорциума американских фондов на создание крупного центра по исследованию роли культуры в общественных науках<sup>36</sup>. Недавно организованный Новгородский межрегиональный институт общественных наук (НовМИОН) намерен проводить конференции, семинары и симпозиумы, посвященные прежде всего вопросам культурного насле-

<sup>32</sup> Светлана Коварская, директор Центра культурных исследований Новгородского государственного университета (личная переписка) (17 мая 2002 г.).

<sup>33</sup> Программа научно-практической конференции «Земство и возрождение культурных традиций» (Крестцы, 1996) (личная копия).

<sup>34</sup> Беседа со Светланой Коварской // Великий Новгород. 1998. 28 октября.

<sup>35</sup> Там же.

<sup>36</sup> Сюда входят Центр ИНО (информация, наука, образование), Министерство образования России, Институт Кеннана (США), нью-йоркская «Корпорация Карнеги», Фонд Джона Д. и Катрин Т. Мак-артуров (США) и Институт «Открытое общество».

дия Новгорода и применения его в политике, экономике и государственном управлении<sup>37</sup>. По словам организаторов, новгородская культура является ключевой для реализации этих задач, поскольку «именно в Северо-Западном регионе России были заложены основы российской государственности. На Новгородской земле сложились и, несмотря на все зигзаги исторического развития, во многом сохранились элементы демократизма в социальной и политической деятельности. Это относится и к наследию новгородской вечевой демократии, и к европейской политической идентичности населения региона»<sup>38</sup>.

Таким образом, усилия по концептуальной подготовке «Новгородского проекта» в 1995 г. активно способствовали формулированию ключевыми группами местной элиты долгосрочной стратегии, основанной на новгородском мифе. Они не только привлекли внимание к политическим и экономическим преимуществам, открываемым этим мифом, но и помогли детально продемонстрировать, как можно использовать символический ресурс Новгорода. Поэтому, когда такая возможность представилась, схема уже была под рукой.

*Политические преимущества символов:  
символические преобразования М. Прусак*

Получение 56% голосов избирателей на губернаторских выборах 1995 г. вряд ли могло удовлетворить губернатора Прусак. Несмотря на впечатляющие успехи его инвестиционной стратегии, его кредит доверия был в лучшем случае посредственным. В ходе предвыборной кампании Прусак изображался эффективным управленцем. Тем не менее для зарубежной аудитории он усиленно обращался к новгородскому мифу, чтобы подчеркнуть отличие Новгорода от соседних регионов. Если первая стратегия привела к его трудной победе на выборах, то вторая дала старт его возвышению в национальном масштабе. Из этого, безусловно, можно было извлечь уроки.

В интервью 1997 г. Прусак признает, что иностранцы с большей готовностью воспринимают новгородский миф, чем его соотечественники. Он говорит, что должно смениться по крайней мере одно по-

<sup>37</sup> Новгородский межрегиональный институт общественных наук (НовМИОН) (личная копия).

<sup>38</sup> Девяткин С. Новгородский межрегиональный институт общественных наук. См. в Интернете <http://new3.novgorod.ru/second.php3?doc=projects/mion/koncept>

коление, чтобы новгородцы достаточно хорошо узнали свою историю и смогли ею пользоваться<sup>39</sup>. Однако не прошло и двух лет, как его взгляды изменились. Если раньше он не мог дать объяснения установлению политического консенсуса в Новгородской области («Каким-то образом администрация, профсоюзы, общественные движения продемонстрировали мудрость. Людям удалось объединиться, хотя это было нелегко»), то теперь он знал ответ<sup>40</sup>. Нынешняя новгородская модель, пишет он в 1999 г., является прямым продолжением Новгородской республики: «Надо обратиться к собственному прошлому, и мы увидим, что в российской истории был город, который сумел соединить демократию, свободные рыночные отношения и прочие достижения цивилизации с национальными традициями. Этот город — Господин Великий Новгород, столица процветавшей вечевой республики, простиравшейся от Белого моря до Урала.

...Русь начиналась именно здесь. В отличие от жестко централизованной модели, которую Московская Русь унаследовала от Киевской, добавив к ней абсолютистские тенденции, новгородская модель отличалась большей открытостью и демократизмом. Все главные решения принимало народное собрание — вече, оно же избирало духовного владыку, архиепископа, который был главным лицом в городе, тогда как князь выполнял обязанности военачальника.

Новгородская модель доказала свою жизнеспособность, дав миру уникальную новгородскую культуру, создав огромные материальные и духовные ценности. Но история сложилась так, что страна пошла другим путем. Возобладала восточная традиция, представленная Владимиро-Суздальским княжеством, а впоследствии — Москвой. Новгородская республика была разрушена силой, но на протяжении многих столетий она продолжала существовать в памяти народа. И вот теперь эта модель получила новый исторический шанс, наше поколение может возвратиться к принципам своих предков уже на новой основе. Самоуправление, выборность, отчетность власти перед народом, свобода слова, рынок, частная собственность, свобода личности — те краеугольные камни, на которых держалась Новгородская республика, снова обретают прежнее значение.

Символическое решение было принято 27 января 1998 г. на совместном заседании областной и городской дум. Депутаты единогласно по-

<sup>39</sup> Беседа с М.М. Прусак, губернатором Новгородской области // Великий Новгород. 1998. 5 ноября.

<sup>40</sup> Прусак М.М. Наступило время строить. С. 56–57.

становили вернуть Новгороду его прежнее историческое имя — Великий Новгород. Принимая это решение, депутаты не только восстановили историческую справедливость, но и подтвердили свою приверженность тем принципам, по которым жил наш древний город. Мы никому не навязываем своих представлений, но нам кажется, что именно в этих принципах надо искать истоки той самой национальной идеи, в которой так остро нуждается новая Россия<sup>41</sup>.

Что вызвало такой примечательный поворот? Во-первых, роль новгородского мифа в привлечении иностранных инвестиций — основная причина славы губернатора. Ганзейское прошлое Новгорода могло не впечатлять российских инвесторов, но эффективно действовало на делегации из Дании, Швеции и Германии, часто обращавшиеся к этим историческим связям<sup>42</sup>. Наглядный урок состоял в том, что правильное использование символов открывает новые пути.

Во-вторых, введение новой школьной программы с акцентом на местную историю изменило отношение общества к символам из новгородского прошлого быстрее, чем ожидалось. С 1996 г. региональный компонент, известный как краеведение, или новгородика, стал обязательной частью программы средней школы. Программа предназначена для воспитания в школьниках патриотических чувств, но, в отличие от советских времен теперь включает «новгородское и российское самосознание... способность сравнивать историю нашей страны, Европы и своего региона и обсуждать разные версии исторических событий»<sup>43</sup>. Конечной целью является «новгородизация» всей школьной программы. Как отмечает директор школы №22 Светлана Матвеева, «изучение не только истории, но и литературы, географии, биологии здесь связано с местным материалом»<sup>44</sup>. Заместитель председателя Новгородского городского комитета образования Светлана Шубина утверждает, что детям должны быть предоставлены все возможности, чтобы они поняли регион, в котором живут, осознали,

<sup>41</sup> Прусак М.М. Реформы в провинции. М.: Вече, 1999. С. 94–96.

<sup>42</sup> Беседа с Игорем Верходановым (24 мая 1999 г.); беседа с бывшим вице-губернатором Новгородской области Валерием Трофимовым // Великий Новгород, Россия. 1998. 30 октября. Один из первых крупных инвесторов области, датская компания — производитель жевательной резинки «Стиморол», по сообщениям, поднимала тему ганзейского наследия Новгорода на первых же переговорах и впоследствии назвала две местные фабрики «Рюрик-1» и «Рюрик-2».

<sup>43</sup> Программа курса «Новгородика» (факсимильная копия, полученная в Новгородской областной библиотеке, без даты и автора).

<sup>44</sup> Нарышкин Г. Образование и патриотизм // Новгород. 1997. 29 мая.

каковы его ценностные ориентации, и увидели, как эти ценности могут помочь им в жизни<sup>45</sup>.

При дефиците образовательных материалов о Новгороде местным работникам образования приходилось применять творческий подход<sup>46</sup>. Поскольку археологические раскопки в городе широко освещаются местной прессой, на этом основаны многие факультативные программы, например «Город под городом». Такие программы, как «Я – новгородец» и «Будь посадником», нацелены на гражданское образование, помогая ученикам представить, какой была бы их роль в культурно-политической жизни средневекового Новгорода<sup>47</sup>. Недавно Новгородский областной комитет образования ввел новый компонент дошкольной программы, направленный на «возрождение культурно-национальных традиций русского народа через освещение историко-этнографического прошлого Новгородской земли»<sup>48</sup>.

К образовательной программе также привлекается широкий спектр местных культурных и добровольных организаций, а новгородский опыт создания местных исторических музеев в сельских населенных пунктах и районных библиотеках стал образцом для других регионов<sup>49</sup>. Во второй год обучения более 3 тыс. школьников каждый месяц посещают региональные исторические музеи и участвуют в различных образовательных программах, направленных на укрепление местного гражданского сознания («Прогулки в прошлое», «Мой город» и др.)<sup>50</sup>.

Публичное выражение М. Прусаком приверженности новгородскому мифу послужило толчком к признанию образов новгородского прошлого другими руководителями. Исторические аналогии, которые в других регионах сочли бы преувеличенными, в Новгороде очень распространены<sup>51</sup>. Так, описывая отличие Новгородской областной

<sup>45</sup> Нарышкин Г. Образование и патриотизм // Новгород. 1997. 29 мая.

<sup>46</sup> Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб.: Логос, 2001. С.148.

<sup>47</sup> Галкина Д. Школа «Вече» // Новгородские ведомости. 2000. 26 декабря.

<sup>48</sup> Мороз А. О проблемах современного дошкольного и школьного воспитания // Новгородские епархиальные ведомости. 1999. №5 (май). С. 3.

<sup>49</sup> Новгородский опыт организации библиотек продемонстрируют уральцам // Новгородские ведомости. 2000. 9 августа.

<sup>50</sup> Там же. При финансовой поддержке Фонда Сороса региональный Комитет по образованию открыл веб-страницу «Новгородский край» с детальной информацией о регионализации образования. Доступ на <http://novgray.home.nov.ru/>.

<sup>51</sup> Игорь Верхованов, занимавший ряд высоких политических должностей, любит указывать на то, как сильно напоминает концепция партии власти М. Прусака Совет господ средневекового Новгорода: Беседа с И.В. Верховановым, главным консультантом председателя областной думы // Великий Новгород, Россия. 1999. 24 мая.

думы от законодательных собраний других регионов, ее председатель Анатолий Бойцев обращает внимание на то, что бюджетные слушания открыты для общественности и в прямом эфире передаются телевидением и радио. В заключение он говорит, что если в современном Новгороде и есть вече, то это именно дума<sup>52</sup>. Для бывшего в недавнем прошлом мэра Великого Новгорода Александра Корсунова усилия города по развитию торговли и тесных связей с Западом означают, что «дух наших предков сохранился»<sup>53</sup>. В последнем интервью перед своей безвременной кончиной в 2002 г. он красноречиво обобщил свой собственный взгляд на значение Новгорода: «Пока ломаются копыя в столицах в преследовании “высоких политических целей” и удовлетворении амбиций, мы подождем. Тем, кто имеет более одиннадцати веков за плечами, спешить не пристало. Здесь, в Великом Новгороде, есть тот единственный ценный для России многовековой стержень традиций, устоев, культуры, опыта власти наконец, за которые можно удержаться. Рано или поздно сюда придут за правильными решениями. Наша задача – соответствовать не сиюминутным целям. С нас спрос особый. Мы не закрыты для современных веяний, более того, следуя древним новгородским традициям, активны и предприимчивы, даже чересчур, как кому-то может показаться. Рекомендую всем, кто “потерялся в себе”, особенно людям, чьи решения влияют на судьбы миллионов: приезжайте, почувствуйте эти реальные корни и голос тех, кто был перед нами. Этого будет достаточно»<sup>54</sup>.

Тот факт, что, как любит говорить губернатор, в Новгороде жива традиция, имел и более быстрые политические последствия<sup>55</sup>. Например, в ходе работы над программой администрации по поддержке малого бизнеса Прусак ознакомился с хрониками XVI в., в которых, в частности, говорится, что тогда в Новгороде было больше ткачей, чем в Казани, Туле, Устюге и Можайске вместе взятых. Поэтому он посчитал целесообразным финансирование региональной программы

<sup>52</sup> Еремин В. Обсуждение бюджета – вход свободный // Российская Федерация сегодня: Спец. издание «Молодость древнего города». Январь. 2002. С. 13.

<sup>53</sup> Kathy Lally. A Russian Journal // Baltimore Sun. 2000. September 20.

<sup>54</sup> Мэр Великого Новгорода Александр Корсунов: людей не обманешь. Pravda.ru (30 июля 2002 г.).

<sup>55</sup> Интервью Михаила Прусака Н. Сванидзе по российскому национальному каналу РТР в программе «Зеркало» (27 февраля 2000 г.) Транскрипт на веб-сайте администрации Новгородской области: <http://niac.telecom.nov.ru/> (доступ 30 мая 2000 г.).



возрождения льняной промышленности<sup>56</sup>. Когда исследовательский центр «Диалог» получил задание разработать региональную программу жилищной реформы, он сначала провел исследование жилищно-коммунальной организации города с XII по XVII в. с приложениями и таблицами, сравнивающими эти эпохи и сегодняшний день<sup>57</sup>. На конференции по местному самоуправлению, проведенной при поддержке региональной администрации, мэр Корсунов подчеркнул значение для города территориально-общественного самоуправления (ТОС), указав, что оно полностью «соответствует многовековым новгородским традициям и обычаям»<sup>58</sup>.

Учитывая предрасположенность элит к поискам в прошлом решений сегодняшних проблем, не приходится удивляться, что глава района говорит о проблемах новгородского земства в XIX в. или что в статье, написанной председателем областной Думы, можно прочесть о правовых и административных реформах, предложенных в том же XIX в. новгородским губернатором<sup>59</sup>. В последние годы городская и областная администрации никогда не упускали возможности связать свою деятельность со славными днями Новгородской республики. В 1999 г. праздновалась 1140-я годовщина основания Новгорода, а в 2002 г. — 1140-я годовщина Русского государства с центром в Великом Новгороде.

Увязывая политические и экономические успехи региона с новгородским мифом, М. Прусак смог создать прочную эмоциональную связь со своей администрацией, собрав политический урожай, описанный английским ученым Абнером Коэном: «Процесс лидерства... включает мобилизацию старых и новых символов и их новые и старые интерпретации... В любой момент определенные символические

<sup>56</sup> Прусак М. Видные экономисты, государственные и общественные деятели о событиях последних лет // Российское предпринимательство: история и возрождение. М.: Русское деловое агентство, 1997. С. 1.

<sup>57</sup> Панов А.Н., Очаров С.Г. Становление коммунального хозяйства Новгорода Великого в XII–XVI веках. Новгород: Сев.-Зап. акад. гос. службы, 1997.

<sup>58</sup> Корсунов А.В. Реформа местного самоуправления — шаг к правовому государству // Местное самоуправление в России / Под ред. Ковалева. С. 12.

<sup>59</sup> Земство и возрождение культурно-хозяйственных традиций / Под ред. В.И. Ромашовой. Новгород: Новгород. обл. науч. б-ка, 1996; Моисеев С.В. 1917: метаморфозы революционной идеи и политическая практика их воплощения. Новгород: Архив. управление Новгородской обл., 1998; Бойцев А.А. Новгородский губернатор Е.В. Лерхе и его деятельность: Записки филиала РГГУ в Великом Новгороде. 2001. №1. С. 7–13; Николай Ренкас в программе научно-практической конференции «Земство и возрождение культурных традиций». Крестцы, 1996 (личная копия).

формы могут дать лучшие решения текущих проблем какой-либо группы, чем другие, и тот, кто сможет создать, мобилизовать и выразить их, будет потенциальным лидером»<sup>60</sup>.

Прусак интуитивно понял, что прямое использование новгородского мифа создаст атмосферу общественного доверия со стороны и общества в целом, и элиты. Эта интуиция М. Прусака на вторых губернаторских выборах 1999 г. была вознаграждена феноменально высокой поддержкой избирателей — 91% голосов. Необходимо помнить, что на тот момент уровень жизни населения резко упал в результате экономического краха августа 1998 г.; Прусак резко и публично конфликтовал с тогдашним премьер-министром Евгением Примаковым, а на местном уровне его обвиняли в пренебрежении своими обязанностями в связи с работой в новой политической партии. Единственное, что на выборах 1999 г. работало на Прусака, — это то, что он изображался не только компетентным управленцем, но и патриотом Новгорода.

### *Как символы способствовали демократической консолидации Новгорода*

Ключевые культурные символы способны сыграть ведущую роль в формировании широкой поддержки обществом быстрых социальных изменений. Причина состоит в том, что, столкнувшись с поразительным количеством новой информации, люди стараются реагировать на это как можно проще. Местные мифы и символы позволяют им упростить выбор ценностей, определяющих их поведение<sup>61</sup>. Символические связи, точнее всего соответствующие нашему культурному самосознанию, с готовностью принимаются, а те, которые считаются чуждыми, отвергаются.

Но хотя культурная среда и дает широкое определение наиболее подходящих для поддержки той или иной политики символов, на саму политику это не накладывает существенных ограничений. Культуру следует рассматривать как контекст, в котором существует широкий спектр символов; однако их сегодняшнее значение дается элитой.

<sup>60</sup> Cohen A. Two-Dimensional Man. Berkeley and Los Angeles; University of California Press, 1974. P. 132.

<sup>61</sup> Wildavsky A. Choosing Preferences By Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formation // American Political Science Review. 1987. Vol. 81. №1. P. 16.

Поддержка элитой новых интерпретаций старых символов есть необходимый компонент социальных изменений, поскольку она создает условия для их нового политического прочтения. Чем выше степень согласия элиты вокруг этой интерпретации, тем убедительнее она для общества и полезнее для поддержки новой политики.

Символы, таким образом, поддерживали развитие Новгорода в силу своей способности изменить отношение людей к возможности тех или иных событий. Одновременно, связанные с конкретными политическими инициативами, они становятся измеримыми показателями социальных изменений. Поэтому глубокое понимание их значения позволяет аналитикам конкретно определить, какой тип политических изменений имеет место, кто его поддерживает и насколько успешными были эти усилия.

От остальных регионов России Новгород отличает не то, что его символы или даже история чем-то лучше; политически все это бесполезно, если не соединено со стратегией властей, позволяющей пролить свет на значение символов для дня сегодняшнего. Скорее Новгород получил преимущества от необыкновенно быстрого согласия элит по вопросу об интерпретации ключевых символов новгородского прошлого. Именно согласие о значении символов ослабило социальную напряженность, создало доверие и дало администрации широкое стратегическое видение даже до того, как она надела на себя символическую мантию Новгородской республики.

Но для успешности строительства нового социального консенсуса толкование ключевых символов элитой должно быть принято и населением. Его последовательное согласие или несогласие с новыми интерпретациями представляет собой серьезный сдерживающий фактор для мифотворчества элиты. Иначе говоря, элиты предлагают интерпретации ключевых символов, а массы располагают ими.

Алисон Бриск говорит, что для превращения изменений в сознании в политическое поведение символы должны трансформировать индивидуальное восприятие, «переписывая и давая новое обрамление элементам идентичности... переобрамление ведет к переименованию, а переименование — к исправлению»<sup>62</sup>. Кажущиеся простыми жесты, вроде переименования улиц, имеют решающее значение, поскольку через них реформаторы заново интегрируют символы про-

<sup>62</sup> Brysk A. Hearts and Minds: Bringing Symbolic Politics Back In // Polity. 1995. Vol. 27. P. 574.

шлого в нынешнее самосознание новгородцев. Необходимо было сломить существовавшую в советские времена монополию на интерпретацию символов до того, как альтернативные голоса смогут законно претендовать на то, чтобы говорить от имени Новгорода и предлагать отличные от советских политические решения. Интересно, что внимание к символам также позволяет понять, почему резкое избавление от идеологических сдержек само по себе не приводит к быстрым социальным изменениям. Люди редко или вообще никогда не предпочитают неопределенность самой гнетущей реальности. Поэтому для стабильной трансформации общества требуется, чтобы элиты не только отвергли старые интерпретации и символы, но и находили для них достойную замену.

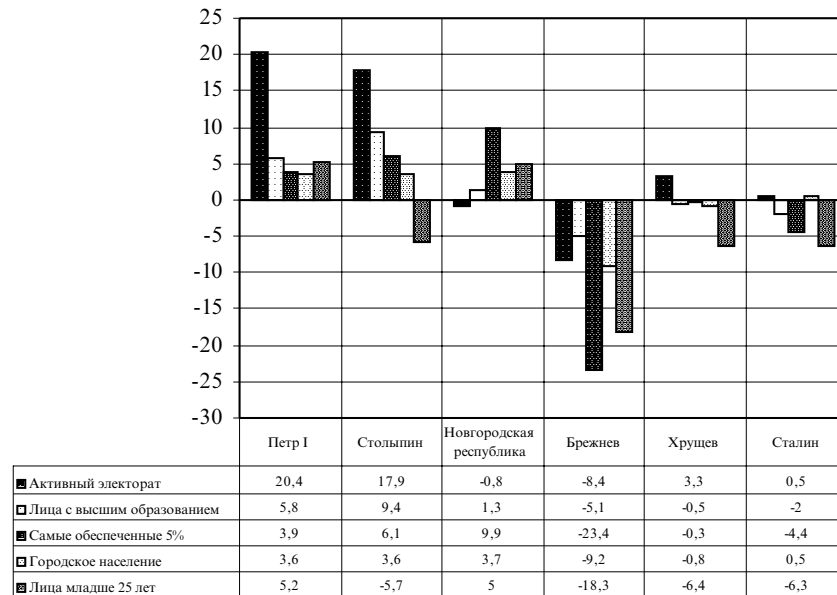
Политическое развитие региона в 1990-х годах доказывает, что новгородский миф действительно изменил старые аспекты политического поведения. Один из таких аспектов — низкий уровень общественной активности граждан. До 1991 г. уровень гражданской активности в Новгороде отставал от России в целом. По России число гражданских ассоциаций с 1987 по 1991 г. выросло в 4 раза, а в Новгороде высокий уровень скрытой политической оппозиции, проявлявшийся при голосовании, не вылился в активную политическую деятельность<sup>63</sup>. Однако в последующие годы эта тенденция поменялась на противоположную, и число НКО в Новгородском регионе стало расти рекордными темпами, когда в целом по стране рост замер<sup>64</sup>.

Еще большее значение имеет то, что этот высокий уровень доверия общества к власти отражает стабильное согласие ключевых групп элиты по отношению к символам. В комплексном исследовании восприятия 34 ценностей и концепций жителями Новгорода история региона оказалась на первом месте и опередила историю страны, российскую культуру, науку и природу, получив наибольшее число оценок. Напротив, наименьшую долю положительных оценок вызвали «московские структуры» (менее 10%), оказавшиеся в одной катего-

<sup>63</sup> Ярвиш Т.Н. Связь с общественностью в восьмидесятые годы — начало диалога // Управление консультирование. Великий Новгород; МНОУ «Диалог». 1998. №1. С. 40–42; Сенатова О., Якурин А. Экономическое и политическое развитие.

<sup>64</sup> Алексеева А. Тенденции развития некоммерческого сектора и будущее ресурсных центров: Докл. на национальной конференции НКО в Москве (29 октября 1998 г.) (личная копия). На протяжении того же периода количество гражданских ассоциаций в Новгороде увеличилось в 16 раз. См.: Petro N.N. The Novgorod Region: A Russian Success Story // Post-Soviet Affairs. September 1999. Vol. 15. №3. P. 235–261.

рии с бюрократами, национал-патриотами, преступностью, коррупцией и мафией<sup>65</sup>. Дальнейшая разбивка этих результатов по политическим и экономическим подгруппам показывает, что элиты относятся к Петру Великому, премьер-министру Столыпину и средневековой Новгородской республике даже более положительно, чем население в целом (рис. 6.1)<sup>66</sup>.



Источники: Мониторинг – Новгородская область // Великий Новгород: МНОУ «Диалог», по заказу Новгородского отделения Сбербанка Российской Федерации. В опросе приняли участие 2586 человек в 22 районах Новгородской области.

Рис. 6.1. Ценности, разделяемые элитами в Новгородской области, июль 1999 г.

<sup>65</sup> «Отношение к понятиям и определениям» проведено МНОУ «Диалог» (июль 1999 г.); Региональные индексы коррупции. Транспаренци интернэшнл – Россия и Фонд ИНДЕМ, табл. 6–1 и 7–1 (9 октября 2002 г.). Адрес в Интернете: <[www.anti-corr.ru/rating\\_regions](http://www.anti-corr.ru/rating_regions)> (доступ 28 октября 2002 г.).

<sup>66</sup> «Отношение к понятиям и определениям».

Особый интерес представляют ответы возрастной группы моложе 25 лет. В Новгороде среди всех возрастных групп эта группа проявляет самый большой интерес к политике и участию в выборах. Эта группа также, вероятнее всего, будет протестовать против отмены выборов. В ней выше всего процент тех, кто считает участие в благотворительной деятельности ценным качеством для гражданина и патриота. Хотя эта группа меньше других склонна рассматривать голосование как гражданский долг, только 12,4% в ней говорят, что никогда не участвуют в выборах. Эти удивительные результаты совпадают с результатами более раннего исследования, проведенного в 1996 г., которое показало, что молодежь Новгорода считает отсутствие интереса к политике нетипичным для своих сверстников<sup>67</sup>.

Пристальное внимание прессы к новгородскому мифу также способствовало ознакомлению общественности с историей конфликтов региона с Москвой. В результате и общественные деятели, и представители власти стали находить сходство между проблемами, с которыми Новгород сталкивается сегодня, и проблемами, которые переживал в средние века. Мэр Александр Корсунов любил говорить, что Новгород, чтобы выжить, должен развивать торговлю, местное самоуправление и «уметь обходить московские подводные камни»<sup>68</sup>. Даже критик режима Игорь Александров утверждает, что «политическая активность в Новгороде высока благодаря не советским идеалам, а историческим идеалам прошлого»<sup>69</sup>. Показывая как общую цель, так и общего врага, новгородский миф создал условия для политического объединения, в то время как остальная часть страны была в замешательстве. Результатом стал необыкновенно высокий уровень доверия общества к местной власти и СМИ.

Исследования показывают, что местная пресса и телевидение пользуются почти вдвое большим доверием, чем национальные, не доверяют им всего 10% опрошенных по сравнению с 37% в целом по стране<sup>70</sup>. Можно задать себе вопрос: насколько такое отличие вызва-

<sup>67</sup> Молодежная анкета // Новгород. 1996. 15 ноября.

<sup>68</sup> Крутиков В. Дела государственные, а заботы – городские // Новгород. 2002. 28 марта.

<sup>69</sup> Беседа с И.Б. Александровым, председателем Объединенного демократического центра. Великий Новгород, Россия (1 ноября 1998 г.).

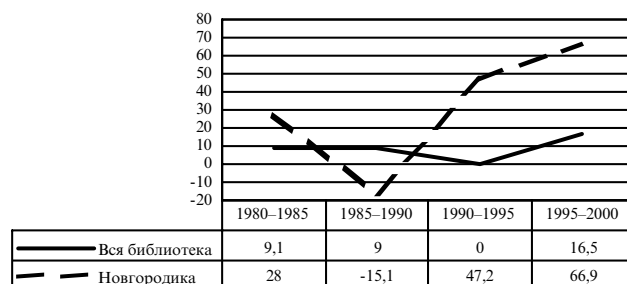
<sup>70</sup> «Russia: Poll Shows Level of Trust in Russian Media // Interfax. November 24, 1999; Жуковский А.И. Мониторинг – Новгородская область; «Отношение к понятиям...»; «Особенности электоральной ситуации в Великом Новгороде», табл. 9. Отчет для Фонда развития информационных инициатив «Сфера согласия» (2001). Адрес в Интернете: [www.ngosnews.ru/djst\\_pg/006.htm](http://www.ngosnews.ru/djst_pg/006.htm) (доступ 23 апреля 2002 г.).

но акцентом новгородских СМИ на исторических программах и публикациях?

Наконец, наблюдается драматический рост интереса к местной истории и культуре. Хорошим показателем этой тенденции служит популярность книг из отдела новгородики областной библиотеки, специализирующегося на местной истории и культуре.

Как показывает рис. 6.2, при сохранении на протяжении последних 20 лет постоянного уровня посещаемости библиотеки число посетителей этого отдела за последние 10 лет выросло почти вдвое. Это увеличение можно объяснить необходимостью для учителей начальной и средней школы вести обязательные курсы по новгородике лишь отчасти (пик этой тенденции пришелся на 1996 и 1997 гг.), поскольку общие темпы роста продолжают увеличиваться.

Детальная разбивка статистики посещаемости библиотеки показывает, что наибольший рост интереса наблюдался среди исследователей — категории, включающей университетских преподавателей, экономистов — категории, включающей менеджеров, брокеров и бухгалтеров, и государственных служащих (Эта категория обозначена как «служащие» (государственные и муниципальные). Однако в сопроводительных пояснениях она обозначена буквами «СЛ» и относится в гораздо большей степени к полувоенным служащим, известным в России как силовики. Однако библиотекарь сама неверно определила эту категорию как «государственные служащие», и, поскольку опрошенные заполняли формы под руководством библиотекаря, возможно, что она отражает использование материалов теми, кто опре-



Источники: Запросы изданий и публикаций в Новгородской областной библиотеке и ее отделе новгородики. Данные получены от заместителя директора библиотеки Валентины Бережновой и заведующей отделом новгородики Елизаветы Кустовой 19 февраля 2002 г.

Рис. 6.2. Рост интереса общественности к новгородике, 1980–2000 гг. (изменение соотношения через пятилетние промежутки)

деляет себя как государственные/муниципальные служащие.) Немного менее впечатляющим был прирост среди творческой интеллигенции — писателей, артистов и художников — и работников культуры — библиотекарей, персонала филармонии и местного музея. Эти цифры показывают, что интерес к прошлому Новгорода более или менее равномерно затронул все слои новгородской элиты и набирал силу в последние 10 лет одновременно с увеличением общественной значимости символов и риторики, связанных с новгородским мифом.

Быстрые социальные изменения произошли в новгородском обществе в силу благоприятных обстоятельств как для достижения консенсуса элит вокруг новых ценностей, так и для их восприятия населением.

В этих обстоятельствах символы советской эпохи не только были менее приемлемы, но, что еще более важно, их место уже заняла альтернатива. Новгородскую формулу быстрых социальных изменений можно выразить так: принятие обществом новой интерпретации ключевых символов, предложенной элитой, придало ее реформаторской политической программе ауру легитимности. Эта аура создала запас общественной поддержки, позволивший политическим лидерам проводить реформы быстрее и эффективнее.

### *Символы и миф как политический ресурс в других регионах России*

На этом месте читатели могут задать вопрос: не был ли успех Новгорода просто счастливой случайностью? Может быть, Новгород обладает преимуществом — его история настолько уникальна, что никакой другой регион России не может столь же успешно воспользоваться интерпретацией символов? Или его успех — результат комбинации обстоятельств, которые встречаются так редко, что это исключает повторение в каком-либо другом регионе? Кто-то может сказать, что, поскольку символы обращены к подсознанию населения конкретной территории, символический репертуар Новгорода вряд ли будет столь же привлекательным для других регионов. Тогда те результаты, которые мы видим на примере Новгорода, будут очень нетипичными, а способность властей на национальном уровне использовать демократические темы из истории Новгорода можно рассматривать как доказательство ограниченности их воздействия в национальном масштабе.

Такая критика показывает фундаментальное непонимание символического подхода к политике. Сравнительный политический ана-



лиз символов посвящен сравнению их воздействия на общество и использованию в политических целях, а не сравнению их конкретных значений<sup>71</sup>. Поэтому мы должны ожидать одинаково положительных социально-экономических результатов в любом регионе, где местные символы выполняют такие же функции, как в Новгороде.

Что же касается уникальности Новгорода, то сходство с другими российскими регионами значительно перевешивает различия. Новгород так же страдал от ощущения бесформенности, отсутствия гражданского общества и глубокой зависимости от устаревших промышленных технологий, как и весь Советский Союз. Да, он отличался необыкновенно богатой культурной средой. Это, однако, означало только, что в своих поисках политических стратегий местная элита постоянно наталкивалась на новгородское историческое наследие. Но мы еще не раз увидим, что успех или неудачу демократических реформ определяет не существование этого наследия как такового, а его символическая интерпретация элитами.

#### *В поисках золотого века России*

С момента падения коммунизма интерес к местной жизни резко возрос по всей России. В 1960-х – начале 1970-х годов только 20% россиян читали местную прессу. Сегодня ее читают больше, чем национальную<sup>72</sup>. Тем не менее, несмотря на очевидный рост местных настроений, очень немногие исследования пытаются рассмотреть политические последствия возрождения местной идентичности.

Ценным исключением является исследование «Политика и культура российских провинций», проведенное совместно Бременским университетом (Германия) и Московским институтом гуманитарных и политических исследований. По словам их авторов, модели регионального развития можно проследить до самого раннего периода местной истории. На определенном этапе все регионы рассматривали себя как потенциальную столицу, но это не означает, что столица государства туда действительно переместилась, просто регион переживал период столь бурной политической, культурной и экономической активности, что соперничал со столицей в своем влиянии. Авторы называют такой период золотым веком региона.

<sup>71</sup> *Cohen A.* The Politics of Elite Culture. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1981.

<sup>72</sup> *Shlapentokh V.* et al., eds. From Submission to Rebellion. Boulder, Col.: Westview, 1997. P. 216.

Затем они исследуют золотой век 4 российских регионов и находят похожие тенденции развития. Для Новгорода золотым был период с XII по XIV в. Для Воронежа золотой век – 1920–1930-е годы, когда он был центром Центрально-Черноземного района. Золотым веком для Саратова стал период необыкновенной культурной активности с 1890 по 1923 г., а интенсивное культурно-политическое развитие Свердловской области свидетельствует о том, что она переживает свой золотой век сегодня<sup>73</sup>.

Когда регион достигает своего золотого века, говорят авторы, конкретные исторические мотивы и институциональные модели этого периода фиксируются в сознании людей как лучшие и навсегда остаются моделями. Поэтому в каждом регионе темы и символы золотого века лежат в основе политической и коммерческой рекламы. Даже политические изменения неспособны оказывать существенного влияния на эти фундаментальные параметры, так как они закреплены в генетической логике местного населения<sup>74</sup>. Поэтому, даже если полностью заменить население региона, его золотой век остается самым надежным ориентиром для его будущего политического развития<sup>75</sup>.

Авторы этого плодотворного сравнительного исследования много сделали для применения культурного анализа непосредственно на региональном уровне. Хотя я и согласен с определенным ими золотым веком Новгорода, но боюсь, что не могу согласиться с большинством их выводов о его нынешнем влиянии. Например, при известной слабости новгородских князей странно называть традиционную новгородскую модель управления единоличной централизацией. Авторы сами отмечают, что лишь в начале XVII в. в регионе возобладали московская модель правления<sup>76</sup>.

Авторы утверждают, что нынешнее положение региона не соответствует его образу золотого века, и в результате кризис идентичности ведет к уходу от контактов с соседями<sup>77</sup>. Напротив, в Новгороде

<sup>73</sup> *Ryzhenkov S.I.* The Golden Age of «Provincial Humanity» and Patterns of Regional Development // Kimitaka Matsuzato, ed. Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. Sapporo, Japan: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. P. 128, 130, 134.

<sup>74</sup> *Luchterhandt G., Ryzhenkov S. and Kusmin A.* Politik und Kultur in Der Russischen Provinz: Nowgorod, Woronesch, Saratow, Jekaterinburg. Bremen, Germany: Edition Temmen, 1999. P. 199.

<sup>75</sup> *Ibid.* P. 193.

<sup>76</sup> *Ibid.* P. 53.

<sup>77</sup> *Ibid.* P. 198.

все обстоит совершенно не так. Региональная культурная элита сыграла ключевую роль в формировании Союза городов Северо-Запада России, созданного специально с целью поощрения горизонтальных контактов между региональными центрами<sup>78</sup>. Региональные фольклорные коллективы и праздники, многие из которых ставят перед собой четкую цель воссоздания новгородских традиций по всей бывшей Новгородской земле, возникли на всей территории Северо-Западного федерального округа, а межрегиональные телепрограммы, например программа «Соседи», и культурные журналы, например «Русская провинция», были созданы специально с целью знакомства с жизнью соседних регионов.

В основе этой неправильной интерпретации лежит неспособность отличить историю от мифа с точки зрения формирования политических взглядов. Миф рассматривается как менее объективный, чем история и ее производные. Этот подход приводит к вульгарной форме детерминизма траектории (path determinism), который не следует путать с траекторией зависимости (path dependency), который вынуждает исследователя считать ключевыми только мифы, соответствующие объективно определенному пути регионального развития<sup>79</sup>. Так, в Новгороде административная централизация становится частью модели развития, поскольку это часть объективной истории, хотя она впрямую противоречит мифу о золотом веке и взята из совершенно другого исторического периода.

Миф и история тесно связаны, но не одинаковы. Когда смешиваются история и миф, возникает статичный взгляд на региональное развитие, т.е. по прошествии золотого века регион уже не может рассчитывать на лучшую судьбу с политической или экономической точки зрения. В случае Новгорода это означает, что его политическое развитие никогда не пойдет дальше уровня XV в.<sup>80</sup> Гораздо лучше было бы заострить внимание на том, как элиты использовали ключевые мифы и символы на протяжении истории. Это дало бы не только эм-

<sup>78</sup> Идеи проверяются практикой // Новгород. 1997. 13 февраля. С. 4; Дубовский В. Муниципалитеты – за диалог с центром // Новгород. 2002. 28 февраля. С. 3.

<sup>79</sup> Petro N.N. The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. P. 14–15.

<sup>80</sup> Даже сами авторы согласны, что столь строгий подход не всегда применим, и в случае Воронежа считают возможным «нечто вроде второго золотого века». Но это, к сожалению, лишь делает более расплывчатыми критерии измерения регионального развития. См.: Luchterhandt et al. Politik und Kultur. P. 130.

пирическую базу, на основе которой можно определить золотой век региона, но и способы проследить воздействие идей золотого века во времени.

Тем не менее, несмотря на свои недостатки, книга убедительно доказывает, что региональное политическое развитие является продуктом местных мифов, и что есть много мифов, между которыми можно выбирать<sup>81</sup>. Появляются две модели использования символов. Так, есть регионы, подобные Новгороду, где элиты используют местные символы и мифы для поощрения адаптации к новым социально-экономическим условиям. Таким образом, элиты этих регионов представляют себя незаменимыми проводниками реформ. В других регионах элиты используют символы и мифы против изменений и указывают на реформы как источник кризиса. Такие региональные элиты – незаменимый оплот против хаоса. Ярославль, Саратов и Северная Россия попадают в первую категорию, а Оренбург и Псков – во вторую.

#### *«Индустрия исторического наследия» в Ярославле*

Американский географ Бет Мичнек удачно называет использование Ярославлем исторических ссылок для стабилизации экономических и политических институтов «индустрией исторического наследия»<sup>82</sup>. Ключевым компонентом институциональной идентичности в этом центральнорусском городе стало возрождение традиций земства, которое местная элита считает демократическим идеалом местной власти в России. Мичнек показывает, как в 4 областях деятельности: поддержке местной промышленности, помощи бедным, продовольственном обеспечении и землеустройстве – местная власть копирует у дореволюционных земств не только свои обязанности, но даже законодательные и бюджетные приоритеты<sup>83</sup>. «Миф о земстве, – пишет Мичнек, – говорит о нем как о инновационном народ-

<sup>81</sup> Ценное дополняющее исследование, подчеркивающее ценность базового мифа о золотом веке для понимания современных политических тенденций в Центральной и Восточной Европе. См. в: Chantal Delsol, Michel Maslowski and Joanna Nowicki, eds. Mythes et symboles politiques en Europe centrale. Paris: Presses Universitaires de France, 2002.

<sup>82</sup> Mitchneck B. The Heritage Industry Russian Style: the Case of Yaroslavl' // Urban Affairs Review. 1998. Vol. 34. №1. P. 2, 6. Другие, например литературный критик Евгений Ермолин, утверждают, что в XVII в. Ярославль стал «естественным культурным преемником Господина Великого Новгорода». Однако он был более прагматичен политически, и это привело к компромиссу с Москвой. См.: Ермолин Е. В Ярославле литературы нет // Знамя. 2001. №6.

<sup>83</sup> Mitchneck. The Heritage Industry. P. 19–20.

ном институте, независимом от федерального правительства. Заново изобретая местную власть, отчасти в образе земства, власти Ярославля пытаются связать себя с популярной и легитимной моделью управления»<sup>84</sup>.

Хотя как таковые символы отличаются — в Ярославле это преуспевающий и космополитичный волжский порт XIX в., а в Новгороде — преуспевающий и космополитичный средневековый торговый порт, — мифы, которые они поддерживают, объединяет общая идея, используемая властями для создания «постсоветской идентичности, не противоречащей российской истории и капиталистическому миру»<sup>85</sup>. Как часть Золотого кольца, уникального ансамбля средневековых городов, сохранивших часть архитектуры XII–XVII вв., Ярославль также имеет культурную среду, позволяющую местной власти, как и в Новгороде, рассчитывать на поддержку местным населением сохранения исторического наследия<sup>86</sup>.

Но успех Ярославля нельзя приписать только этому, поскольку не все города Золотого кольца следуют такой тенденции. Например, Владимир, который также входит в Золотое кольцо, является центром одного из двух российских регионов, сохранивших советскую символику на своем региональном флаге<sup>87</sup>. Как и в случае с Новгородом, жизненная среда в Ярославле благоприятствует ссылкам на историческую мифологию, но эти символические отсылки были инициированы только желанием элиты использовать данное культурное наследие для поддержки политики реформ.

Хотя политика региона считается стабильно реформаторской, результаты в Ярославле не так впечатляющи, как в Новгороде<sup>88</sup>. Без проведения детального культурного аудита региона (процесс, описываемый мной в заключительной главе) можно только догадываться о причинах. Однако это отличие свидетельствует о том, что интерпретация символов, не связанная с четкими программами, не имеет большого политического значения. Политическая выгода от использования символов заключается в их способности уменьшить психологи-

<sup>84</sup> Mitchneck. The Heritage Industry. P. 23–24.

<sup>85</sup> Ibid. P. 18–19.

<sup>86</sup> Митчнек цитирует исследование, выявившее, что 71,2% населения Ярославля считают сохранение исторического наследия одной из важнейших проблем, стоящих перед городом. Там же. P. 14.

<sup>87</sup> Региональная символика — в поисках идеологии (17 апреля 2001 г.). Адрес в Интернете: <<http://www.rocich.ru/other/regsymb.php>> (доступ 30 апреля 2001 г.).

<sup>88</sup> Mitchneck. The Heritage Industry. P. 24.

ческий дискомфорт, испытываемый людьми в ходе быстрых экономических и политических изменений, но потенциальная выгода пропадет зря, если не проводить сами изменения.

#### *Наследие Столыпина в Саратове*

Региональная элита Саратова также получила значительный политический капитал от использования местных символов. Наблюдатели отмечают, что во время предвыборной кампании на пост губернатора в 1996 г. Дмитрий Аяцков использовал лозунг о том, что он сделает так, чтобы люди «знали, во имя чего они приносят жертвы... Для нас в Саратовской области идея, объединяющая ее жителей, звучит так: “Саратов — столица Поволжья”»<sup>89</sup>.

Став губернатором, Аяцков осуществил институциональную консолидацию элиты, организовав подписание всеми общественными и политическими организациями соглашения о социальной гармонии и их вступлении в общественную палату при губернаторе. Как и в Новгороде, всем общественным объединениям было предложено вступить в палату, и точно так же, как и там, КПРФ и крайне левые организации отказались. В общественном сознании был установлен четкий водораздел между теми, кто стремился к социальной гармонии, и теми, кто ее не желал. Кроме того, придерживаясь принципа разделения властей, Аяцков поощрял работу законодателей в исполнительных органах, утверждая, что преимущества координации перевешивают требования строгого разделения ветвей власти. В 1998 г. более половины старших должностных лиц областной администрации Саратова работали одновременно в законодательных и исполнительных органах<sup>90</sup>.

Развивая успех лозунга о столице Поволжья, Аяцков воспользовался еще одним известным символом из прошлого региона — именем дореволюционного премьер-министра Петра Столыпина. Он вернул деревне Калинино ее историческое название Столыпино и пользовался любой возможностью показать, что следует по пути Столыпина, скромно отмечая, что «Саратовская область уже дала России одного премьер-министра»<sup>91</sup>.

<sup>89</sup> Голуб Ю., Динец В., Коннычев Д. Саратовская область: консолидация власти // Власть. 1998. №5. С. 43–44.

<sup>90</sup> Там же. С. 44–45.

<sup>91</sup> Малякин И. Русская региональная мифология: три возраста // Pro et Contra. 2000. №5–4). Адрес на веб-сайте Фонда Карнеги в России: <http://pubs.carnegie.ru/briefings/2001/default.asp?n=issue01-01.asp> (доступ 2 августа 2001 г.). С. 113.

Каждый год в день рождения Столыпина в регионе проводятся публичные чтения, на которых писатели, деятели образования и руководители органов власти отдают дань памяти столыпинскому наследию<sup>92</sup>. На протяжении этой недели, официально называемой Столыпинской, учащиеся пишут сочинения на тему «Нам нужна великая Россия»<sup>93</sup>. В 2002 г., когда отмечалось 140-летие со дня рождения Столыпина, одна из центральных площадей Саратова была переименована в его честь. Впоследствии там будет воздвигнут трехметровый бронзовый памятник Столыпину и открыт его музей<sup>94</sup>. Когда в Саратовском университете открылся Интернет-центр, первая видеоконференция, естественно, называлась «Петр Столыпин сегодня: связь времен»<sup>95</sup>.

Комбинация двух ключевых символов — Саратова как столицы Поволжья и Аяцкова в качестве последователя Столыпина — обеспечивала поддержку обществом реформаторских инициатив в регионе, который до Аяцкова считался глубоко прокоммунистическим. Вряд ли может быть совпадением и то, что первыми ввели у себя коммерческое землепользование и продажу государственных земель с аукциона именно Саратовская и Новгородская области<sup>96</sup>. Даже те, кому не нравится, что Аяцков постоянно рядится в одежды Столыпина, признают, что его реформаторская политика пользуется широкой общественной поддержкой, причем без притеснения местной оппозиционной прессы<sup>97</sup>. Как бы объясняя это, Аяцков отметил, что «родина Столыпина не боится реформ»<sup>98</sup>.

<sup>92</sup> Кнор А. Миф о земле // Волжская коммуна. 1998. №49 (18 марта).

<sup>93</sup> Волга-информ (July 19, 1999). Адрес в Интернете: <http://www.volgainform.ru/allnews/10099/> (доступ 1 августа 1999 г.).

<sup>94</sup> В воскресенье исполняется 140 лет со дня рождения Петра Столыпина. Адрес веб-сайта новостей НТВ: [www.ntvru.com/russia/14Apr2002/stolipin.html](http://www.ntvru.com/russia/14Apr2002/stolipin.html) (доступ 1 мая 2002 г.).

<sup>95</sup> Суворков В. Саратовский университет (август 1998 г.). Адрес веб-сайта Саратовского государственного университета: [http://www.sgu.ru/win/paper/8\\_98/u8.html](http://www.sgu.ru/win/paper/8_98/u8.html) (доступ 1 мая 2002 г.). В 2002 г., по случаю 91-й годовщины убийства Столыпина, Аяцков призвал перенести его останки из Киева в Саратов. См.: Володина А. Кому достанется прах? // Вести. ru, в Интернете: <http://www.vesti.ru/2001/08/27/998864031.html> (доступ 1 мая 2002 г.). О памятных мероприятиях можно прочесть на официальном веб-сайте правительства Саратовской области: <http://www.saratov.gov.ru/events/stolypin/>.

<sup>96</sup> Голуб Ю., Динец В., Коннычев Д. Саратовская область. С. 45. См. также: de Melo M. and Ofer G. The Russian City in Transition: The First Six Years in 10 Volga Capitals. Вашингтон, округ Колумбия. Адрес в Интернете: [www.worldbank.org/html/dec/Publications/Workpapers/wps2000series/wps2165/wps2165.pdf](http://www.worldbank.org/html/dec/Publications/Workpapers/wps2000series/wps2165/wps2165.pdf).

<sup>97</sup> Голуб Ю., Динец В., Коннычев Д. Саратовская область. С. 45; Какоткин А. Дмитрий Волжский: мыльный пузырь над Саратовом // Вечерняя Казань. 1998. 30 сентября. Адрес в Интернете: <http://www.compromat.ru/main/ayatskov/a.htm> (доступ 1 мая 2002 г.).

<sup>98</sup> Интервью Дмитрия Аяцкова газете «Российские вести» (28 октября 1997 г.). Адрес в Интернете: <http://www.akdi.ru/sf/smi/5.htm> (доступ 1 мая 2002 г.).

### «Поморская идея» на Русском Севере

Третьим регионом, где элиты всерьез пользовались символами для поддержки регионального развития, был Русский Север. Здесь миф изображает местных жителей — поморов — подлинными наследниками свободолюбивых и предприимчивых жителей Новгородской республики. Аналитик корпорации РЭНД Теодор Карасик, часто посещавший этот регион, предлагает следующее объяснение: «Политика и экономика Архангельской области пользуется идеями демократии и идентичности, заимствованными из Западной Европы... граждане считают, что Север унаследовал новгородские традиции политической и религиозной свободы. Поэтому северяне избежали влияния самодержавной, бюрократической и дворянской России, стали самостоятельными и независимыми и готовы к демократической форме правления и эгалитарному обществу... Москва и Русский Север — действительно «отдельные государства»»<sup>99</sup>.

Изучавшие политические символы и мифы региона социологи Сергей Филатов и Владимир Лункин приписывают существующие настроения выдающейся роли Русской православной церкви и ее позитивному отношению к наследию средневекового Новгорода<sup>100</sup>.

Новгородская традиция терпимости к религиозному разнообразию, благодаря которой в регионе развивались общины староверов, распространялась и на реформаторов-евангелистов, и на немецких лютеран, появившихся в Архангельске в середине XVII в. Это объясняет сохранение в регионе дружественных связей с западными церквями невзирая на прохладное в целом отношение Московской патриархии<sup>101</sup>. Даже религиозные преследования советского периода, по сло-

<sup>99</sup> Karasik Th. Russia's northern cities // Johnson's Russia List. January 12, 2000. №4029. Адрес в Интернете: <http://www.cdi.org/russia/johnson/> (доступ 11 марта 2002 г.). В Шлапентох также отметил особый характер региона. См.: Submission to Rebellion. P. 186–187.

<sup>100</sup> Филатов С., Лункин Р. Другая Святая Русь // Дружба народов. 2001. №5. С. 26.

<sup>101</sup> В Петрозаводске православная церковь поддержала усилия финских лютеран и баптистов по переводу Писания на карельский язык. Архангельская епархия сотрудничает с правительством Норвегии в рамках официальной Программы межцерковного сотрудничества, а в Новгороде архиепископ Лев, выпускник Понтификального грегорианского университета в Риме, поддерживает прекрасные отношения с местными католиками, протестантами баптистами и староверами. Там же. С. 25–26, 28–31. Ревнителю «древнего благочестия» // Новгород. 2002. 28 февраля. С. 6; Злаеров Д. Богоискатели с улицы Кочетова (доступ на сайте Pravda.ru). November 12, 2003.



вам Филатова и Лункина, не смогли полностью стереть отличительные черты Севера, и сегодня это наследие нашло выход в социально-политической сфере<sup>102</sup>.

И Архангельск, и Петрозаводск, и Сыктывкар характеризуются необычайно тесным сотрудничеством между деятелями культуры, музейными работниками, университетской интеллигенцией и местным духовенством<sup>103</sup>. В Поморском университете Архангельска организована кафедра культурологии и религии, целью которой является создание «современного северного православного мифа»<sup>104</sup>. В Новгороде и Петрозаводске местное духовенство читает лекции в государственных университетах. Это свидетельствует о возрождении многовековой традиции общественной деятельности православно-го духовенства<sup>105</sup>.

В Архангельске — столице Русского Севера — местный миф, или «поморская идея», даже породил светскую идеологию, тесно связанную с церковным руководством региона. Соответствующее политическое движение — Демократическое возрождение Севера — возглавляет Александр Иванов, бывший председатель бюджетного комитета областной думы и кандидат в губернаторы. То, как он описывает Север и его народ, напоминает риторику государственных служащих Новгорода: «Поморы обладают особым чувством собственного достоинства и любовью к свободе. Причина этого в том, что на Севере не было крепостного права, а основной формой организации хозяйственной жизни была не община, а артель. У поморов отсутствует чувство врага, так как естественных ресурсов всегда хватало всем, а иностранцев воспринимали не как конкурентов, а как партнеров по торговле. Начавшиеся в глубокой древности контакты с Европой (морем Эдинбург, Осло и Бремен ближе, чем Москва) выработали западноевропейскую ориентацию сознания, отсутствие ксенофобии и уважение к демократическим институтам. Поморам исторически присуще презрение к московской власти — и царской, и советской, и постсоветской... То, что в Центральной и Южной России называется патриотизмом —

<sup>102</sup> Филатов С., Лункин Р. Другая Святая Русь. С. 27.

<sup>103</sup> Там же. С. 28.

<sup>104</sup> Там же. С. 17.

<sup>105</sup> Filatov S. and Lunkin V. Traditions of Lay Orthodoxy in the Russian North // Religion, State & Society. 2000. Vol. 28. №1. P. 28–29.

ненависть к Западу, ненависть к свободе и демократии, ненависть к интеллигенции, с нашей поморской точки зрения, называется не патриотизм, а филистерство»<sup>106</sup>.

В отсутствии коммунистов среди политических руководителей региона и открытом антикоммунизме многих высокопоставленных представителей православного духовенства Филатов и Лункин видят проявление такого поморского менталитета<sup>107</sup>. Само же духовенство демонстрирует свое признание и поощрение местных традиций. Когда вновь назначенный глава епархии, архангельский архиепископ Тихон (Степанов), выпускник Свято-Владимирской православной духовной семинарии в Крестовде, штат Нью-Йорк, прибыл, чтобы занять свое место, в соответствии с традицией он сначала спросил прихожан, принимают ли они его в качестве архиепископа<sup>108</sup>.

Используемые поморской элитой ключевые символы, по сути, те же, что и в Новгороде. Но в данном случае именно православная церковь сыграла ведущую роль в использовании символических ресурсов, чтобы облегчить переход общества от воинствующего атеизма к присутствию христианства в общественной жизни. Это было сделано с опорой на местные мифы, представляющие православие как неотъемлемую часть истории и идентичности региона, и к этим усилиям присоединилась часть культурной, финансовой и политической элиты. Нигде больше в России поддержка православной церкви не является такой сильной, как на Севере, пишут Филатов и Лункин, полагая, что пример поморов когда-нибудь может послужить образцом для остальной России: «Современные мыслящие северяне почти на языке сказаний средневекового Севера говорят об идеалах и ценностях своего родного края... У северорусского мировоззрения в настоящее время уже появились свои идеологи, способные помочь северянам в осознании собственной истории и приоритетов в общественной и церковной жизни. И эта рождающаяся у нас на глазах региональная идеология вообще-то может помочь не только северянам»<sup>109</sup>.

<sup>106</sup> Ibid. P. 34–35.

<sup>107</sup> Филатов С., Лункин Р. Другая Святая Русь. С. 10–12.

<sup>108</sup> Там же. С. 12.

<sup>109</sup> Там же. С. 19–20. Александр Ранне, председатель секции духовного образования и катехизации Новгородской епархии, когда его попросили прокомментировать статью Филатова и Лункина, порицал авторов за преувеличение значения того, что является только «первыми ростками» перемен, но добавил, что «примерно через двадцать лет, если все пойдет так же, ваша статья, возможно, будет соответствовать действительности».

*Оренбург: бастион России против ислама*

Символы могут не только служить мощной поддержкой социальных изменений, но и быть направленными против реформ. Оренбургская и Псковская области являются примерами использования мифологии и символов в ответ на вызов неожиданно изменившегося положения — превращения этих регионов в приграничные. Местная мифология говорит, что Оренбургская область — единственная оставшаяся исконно русская территория между Европейской Россией и Сибирью. Теперь Оренбург, стратегически расположенный на перекрестке между Европой и Азией, должен защищать российские интересы в этой зоне культурного конфликта. Некоторые представители местной элиты считают, что Оренбург призван стать для России «воротами в Азию», перекрестком торговли и взаимодействия культур, другие же предупреждают о том, что опасно пускать грабителей из Дикого поля, как в русской истории и литературе часто называли Северный Казахстан<sup>110</sup>.

В результате местные элиты стали строить своеобразное гражданское сообщество, в котором ведущая роль в культуре и политике отводится этническим русским, составляющим немногим более трех четвертых населения. В соответствии с мифом русская культура заслуживает привилегированного положения, поскольку является стабилизирующим фактором в регионе, способным объединить представителей всех национальностей благодаря «хорошо известным традициям терпимости, присущим православию»<sup>111</sup>. Один из руководителей местной администрации приводит в доказательство этой идеи данные исследования, показывающего, что «люди мусульманской культуры в три раза более склонны к конфликтам, чем православные»<sup>112</sup>. Рассматривая сохранение территориальной целостности региона как защиту не только государства, но и русской культурно-религиозной идентичности, многие представители оренбургской элиты считают, что нашли модель, подходящую для всей России. Близкие к администрации местные интеллектуалы открыто говорят о том, что нашли «евразийскую социалистическую традицию», способную преодолеть

<sup>110</sup> Косач Г. Оренбург: региональная мифология как фактор взаимоотношений с соседями // Что хотят регионы России? / Под ред. А. Малашенко и др. М.: Carnegie Endowment for World Peace, 1999. С. 78.

<sup>111</sup> Там же.

<sup>112</sup> Там же.

национальные, религиозные, культурные и этнические различия и восстановить мир и процветание по всей стране<sup>113</sup>.

Однако критики отмечают, по их выражению, открыто колониальный аспект оренбургского мифа. Ряд местных историков доказывают, что регион раньше был частью восточно-западного «русского коридора», исторически включавшего в себя Башкортостан, большую часть Челябинской и Курганской областей и даже часть Западного Казахстана. Историческая общность связывает разные народы этой территории и принесла выгоды всем, особенно неразвитым казахам<sup>114</sup>.

Скрывая национализм под одеждами культурного плюрализма, оренбургский миф служит удобным средством сохранения привилегий местной элиты. Местная администрация использует его, чтобы обратить внимание на важную роль региона в защите стратегических интересов России, разрешении межэтнических конфликтов и развитии национальной идеи. К сожалению, этот решительно этноцентристский миф может скорее увеличить, чем уменьшить, напряженность в регионе. Следует ожидать, что требования культурной автономии со стороны местных турков и мусульман в недалеком будущем выплеснутся на политическую арену.

*Псков: бастион России против Запада*

Как уже отмечалось в гл. 3, Новгород и Псков так близки по демографическим показателям, размеру и географическому положению, что трудно найти структурное объяснение их разному уровню политического и экономического развития. Действительно, после либерального губернатора Псков выбрал националиста, но это лишь вызывает вопросы о том, почему так произошло, и не объясняет значительных политических различий между Новгородом и Псковом, проявившихся еще до 1996 г. Лучше всего это объясняют мифы, преобладающие в псковской политике.

Историческое сходство Новгорода и Пскова впечатляет. Каждый из них административно делился на концы (шесть в Пскове и пять в Новгороде), в обоих было вече, избиравшее князя и других правите-

<sup>113</sup> Там же. С. 81–82.

<sup>114</sup> Там же. С. 85–86.

лей. В обоих городах церковь служила хранителем правовых документов и казны республики. Первоначально псковский епископ подчинялся новгородскому, и это, видимо, всех устраивало, пока не установилось главенство Москвы, после чего в обоих регионах распространились ереси<sup>115</sup>. После подчинения Пскова Москве в 1510 г. аналогичные события происходили и в Новгороде, многие знатные семьи были высланы<sup>116</sup>.

Но есть и значительные различия. Как писал Василий Ключевский, переходя от новгородских летописей к псковским: «Испытываешь чувство успокоения, точно при переходе с толкучего рынка в тихий переулочек... В Пскове не заметно ни бурных сцен и побоищ на вечевой площади перед Троицким собором, ни новгородского задора в отношениях к князьям, ни социального антагонизма и партийной борьбы»<sup>117</sup>.

Хотя нельзя назвать Псков и совершенно спокойным: в 1483 г. там вспыхнуло восстание смердов, во время которого был убит глава города, а город был взят под контроль почти на три года. Будет справедливо сказать также, что политически Псков был более централизован, чем Новгород. Поскольку принадлежавшие ему территории были значительно ближе, они рассматривались как административное продолжение города, а не как самоуправляемые колонии (случай Новгорода)<sup>118</sup>.

Еще более важно то, что с самого своего основания Псков был пограничной территорией, и его слава связана с такими событиями, как Ледовое побоище (5 апреля 1242 г.), осада Пскова польским королем Стефаном Баторием (1581–1582) и Северная война (1700–1721), в результате которой Петр Великий получил контроль над Балтикой. В отличие от Новгорода, подозрительно относившегося к своим князьям (особенно способным военачальникам, таким, как Александр Невский) и поэтому запрещавшего им жить вблизи города, в Пскове князь и его свита жили в самом сердце кремля — кроме. Псковский князь Довмонт даже построил форт, примыкавший к кремлю в районе, носящем теперь его имя. В то время как Новгород в средневеко-

<sup>115</sup> Олгина Н., Буланов С.А. Псковская область: Путеводитель. М.: Симон-Пресс, 2000. С. 33.

<sup>116</sup> Там же. С. 34.

<sup>117</sup> Цит. по: Псковские хроники: история края в документах и исследованиях / Под ред. А.А. Александрова. Псков: Издат. дом «Стрех», 2001. С. 7.

<sup>118</sup> Там же.

вых хрониках изображен как торговый город, Псков чаще характеризуется как крепость, поэтому, вероятно, можно объяснить его политическое спокойствие тем, что перед лицом такого количества внешних угроз внутреннее инакомыслие рассматривалось как непозволительная роскошь.

Так, огромные жертвы, принесенные псковичами в защиту своей земли (а затем и всей России), стали отличительной особенностью псковского мифа<sup>119</sup>. В соответствии с этим мифом высшее призвание региона состоит в охране своей земли от иностранных захватчиков, готовых вторгнуться в Россию.

Этот миф доминирует в политическом и культурном дискурсе региона и по сей день. Например, в популярном сборнике местных легенд, опубликованном в 1993 г., почти половина их посвящена защите Пскова от иностранных вторжений. Предание о Миколке и камень-пушке содержит типичное описание Пскова как города окруженного алчными и безжалостными врагами<sup>120</sup>. Легенда о тени князя повествует о том, как псковичи должны были почти непрерывно отражать с мечом в руке нападения рыцарей, увлеченных несбыточной мечтой покорить свободный народ<sup>121</sup>. Богатые псковские земли, говорит легенда села Городок, привлекали злых чужестранцев как магнит<sup>122</sup>.

Ледовое побоище остается самым важным местным символом, в память о нем на окраине города воздвигнута гигантская бронзовая статуя. В местной легенде о Вороньем камне, валуне, на котором стоял Александр Невский, руководя битвой, он неожиданно поднимается из озера, чтобы покарать кровожадных тевтонских рыцарей<sup>123</sup>. Хотя исторически Псков время от времени объединялся с Тевтонским орденом против враждебных балтийских племен, сегодня последний упоминается исключительно как злодей и никогда — как политический союзник.

<sup>119</sup> В течение двух столетий, с 1500 по 1700 г., Псков служил главным форпостом Северо-Запада России. В начале XVIII в. Петр Великий, по свидетельствам, заставлял так много народа, в том числе священников и монахов, работать на строительстве оборонительных сооружений, что церковные службы отменялись (некому было служить). См.: Лабутина И. Псков: историческая справка. Псков: Псковское возрождение, 2001. С. 22, 34.

<sup>120</sup> Степанов Ю. Легенды и предания Псковщины. Псков: Псков-информпресс, 1993. С. 15.

<sup>121</sup> Там же. С. 26.

<sup>122</sup> Там же. С. 41.

<sup>123</sup> Там же. С. 11.

Неудивительно, что в псковском мифе силен ксенофобский компонент. Интересна легенда-предупреждение, рассказывающая о псковском купце XVII в. Сергее Поганкине, имевшем тесные связи с иностранными купцами. В ней говорится, что чужеземцам в те времена в Пскове были не рады, поскольку они приносили Псковской земле слишком много горя и несчастий, и в средневековье иностранцам было запрещено появляться в городе, а за вход в его сердце — кремль (кроме) иноземца могли казнить. В те времена иноземцев называли исключительно «поганые», и псковичи перенесли свою неприязнь к иноземцам и на подружившегося с ними купца, прозвав его «Поганкин»<sup>124</sup>.

Еще одна легенда, из деревни Синовице, рассказывает о том, как вторгшиеся литовские воины однажды искали повсюду убежища от бури. Все местные деревни таинственным образом исчезли из виду. Наконец они нашли одиноко стоящую на холме церковь и, по обыкновению иностранцев, въехали туда верхом. Как только последний иностранец въехал внутрь, церковь ушла под землю, «переполнившись чужестранцами»<sup>125</sup>.

Перекликаются с прошлым и слова нынешнего псковского архиепископа Евсевия, который предупреждает об опасности католического прозелитизма в регионе, говоря, что католики «не наши благодетели», они не принесли ничего хорошего ни одной нации, куда бы они не пришли, за ними следовали только разрушения и раздор<sup>126</sup>. Хотя, без сомнения, многие псковские легенды говорят и о плодотворных встречах с иноземцами, большая концентрация ксенофобских повествований, легкодоступных в городских книжных магазинах

<sup>124</sup> Степанов Ю. Легенды и предания Псковщины. Псков: Псков-информпресс, 1993. С. 40. Бургундский путешественник Жильбер де Леннуа подтверждает, что главная крепость города была закрыта для всех, кроме «истинных христиан», под страхом смерти. См: *Лабутина И.* Псков... С. 18.

<sup>125</sup> Васильев В. Легенды и предания Себежского края. Псков: Псков. орг. союза журналистов России, 1992. С. 42.

<sup>126</sup> Plevin L. Orthodox, Catholic Tensions Church mirrors rift in Russia // *Newsday*. June 9, 2002, на веб-странице: Johnson's Russia List. 9 июня 2002. № 6298. Адрес в Интернете: <<http://www.cdi.org/russia/johnson/>> (доступ 11 июня 2002 г.). В марте 2002 г. местные власти санкционировали акцию протеста против строительства первой в регионе католической церкви. Около 80 человек, включая двух монахов, благословленных местным архиепископом Евсевием на чтение всенощной молитвы, несли плакаты с надписями «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет» (фраза из заключительной сцены патристического фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский») и «Святая Русь, храни истинную веру!» Православное духовенство Пскова против строительства католической церкви. NTV.ru (26 марта 2002 г.), на сайте: [http://www.ntvru.com/religy/25Mar2002/pskov\\_cath.html](http://www.ntvru.com/religy/25Mar2002/pskov_cath.html) (доступ 30 марта 2002 г.).

и киосках, задавала тон общественного дискурса, разительно отличающегося от характерного для соседнего Новгорода.

Когда проходишь по улицам Пскова, возникает ощущение, что время остановилось в начале 80-х годов XX в. Главные улицы до сих пор носят имена героев большевистской революции. Напротив входа в областную администрацию стоит статуя Сергея Кирова, обращенная лицом к Октябрьской улице. В отличие от Новгорода, где ранняя передача церкви национальных реликвий помогла установить связь между реформаторами и духовенством, главный собор Пскова действует в ограниченных рамках совместного управления «гражданской власти» и церкви<sup>127</sup>.

После кратковременной вспышки интереса к республиканскому наследию средневекового Пскова на заре перестройки местная элита, видимо, отвернулась от этого аспекта символического репертуара и решила адаптировать для сегодняшнего дня образ Пскова как защитного рубежа России перед лицом Запада. В недавнем комментарии об исторических различиях между Новгородом и Псковом губернатор Евгений Михайлов откровенно говорит об этом: «С Псковщиной связаны важнейшие события в истории Руси и России: создатель концепции “Москва — третий Рим” был иноком псковского Елизарова монастыря, отречение Николая II состоялось на Псковщине... Псковщина имеет свое лицо, здесь не было монголов, Псков в отличие от Новгорода, добровольно вошел в состав Московского государства, Москву, в отличие от Новгорода, не предавал. [В беседе с президентом Путиным, — Н.П.] Я не скрывал, что, быть может, значение Пскова занижено в исторической литературе по сравнению с тем же Новгородом»<sup>128</sup>.

Нынешний псковский миф, который аналитики остроумно окрестили «синдромом осажденной крепости», мало изменился со времен Советского Союза, и его действенность подтверждает переизбрание Михайлова в 2001 г.<sup>129</sup>

<sup>127</sup> Иванов Е.П. Псковский край в истории России: региональный компонент содержания образования. Псков: Псков. обл. центр повышения квалификации работников образования, 2001. С. 271.

<sup>128</sup> Уткин А. Сравнительное краеведение // «Версия» в Питере. 2002. 8 января.

<sup>129</sup> Alexseev M.A. and Vagin V. Russian Regions in Expanding Europe: The Pskov Connection // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. №1. P. 44. В 2001 г. псковская телекомпания сняла фильм, посвященный истории 104-го полка 76-й воздушно-десантной дивизии, расквартированного под Псковом. Фильм под названием «Небесная рота» показывают по псковскому телевидению несколько раз в году. Он рассказывает трагическую историю погибших в Чечне и напоминает зрителям о том, что сейчас, как и всегда в истории России, сыны Пскова сражаются за мир и покой российских семей.



Вместе с тем, в случае изменения интересов местной элиты, нетрудно будет создать альтернативный псковский миф, более благожелательный по отношению к внешнему миру. Например, можно подчеркнуть, что наиболее чтимый в городе князь Довмонт был литовцем, бежавшим от династических интриг на родине и нашедшим убежище в более терпимом Пскове. Можно говорить о социальной стабильности и демократических институтах средневекового Пскова, которые пережили даже новгородские, причем город сдался Москве только из-за предательства и обмана<sup>130</sup>. Вместо того чтобы смотреть исключительно на военных героев, можно привлечь внимание к наследию знаменитого псковского воеводы Афанасия Ордина-Нащокина, дипломата, экономиста и политического реформатора XVII в., выступавшего за сотрудничество с крупнейшими западными державами. На его деятельность недавно обратили внимание исследователи государственного управления (новгородские) как на модель для формирования регионального самосознания<sup>131</sup>. В целом в Пскове не меньше, чем в Новгороде, символического материала, который можно приспособить для нужд политических и экономических реформ при наличии соответствующей политической воли<sup>132</sup>.

<sup>130</sup> Василий III заманил псковских посадников и бояр в Новгород (день езды от Пскова) и держал их в плену, пока они не согласились принять его условия. Тем временем он отправил послание гражданам Пскова с угрозой, что, если те не примут его условий, он ведет войску атаковать город. Без военных и политических лидеров вече быстро капитулировало. В течение 24 часов вся оставшаяся знать была схвачена и весь центр города, известный как Серединный город, очищен от населения. Когда 24 января 1510 г. Василий III с триумфом въехал в город, местный епископ саркастически поздравил его с «захватом Пскова». См.: *Иванов Е.П.* Псковский край... С. 24.

<sup>131</sup> *Смирнов А., Тишуков В.* Российский опыт реформирования и проблемы формирования регионального сознания нового типа // Вестник Новгор. госуд. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 1996. №4 (май). С. 32–37.

<sup>132</sup> Недавно появились признаки того, что некоторые группы псковской элиты, возможно, готовы использовать как раз такой «контрмиф». Удобный момент для этого представился во время празднования 1100-й годовщины основания города в июле 2003 г. Директор регионального Исторического музея два раза появлялась на национальном телевидении, чтобы обратить внимание не на военное прошлое города, а на специальную выставку, посвященную средневековому собранию граждан – вече. Оба раза она использовала фразу, также подхваченную губернатором, которой, видимо, суждено стать новым девизом региона: «Псков – первая славянская демократия». С помощью лидеров местных деловых кругов музей также решил реконструировать место проведения знаменитого городского вече. Сюжет «Псков отмечает 1100-летие» по каналу НТВ в программе «Страна и мир»; Жителям Псковской области // Псковская губерния. 2003. 23–29 июля. В Интернете на сайте местной независимой газеты «Псковская губерния»: <[http://gubernia.pskovregion.org/number\\_148/2.php#anons](http://gubernia.pskovregion.org/number_148/2.php#anons)>; Проект вечевой ступени для Псковского кремля (доступ 13 августа 2003 г.). В Интернете на официальном сайте Псковского областного музея: <<http://museum.pskov.ru/docs/news/index.php?i=305>>

### Насколько отличается Россия?

Несмотря на то что Новгород получил преимущества в силу благоприятных обстоятельств, роль основанной на символах политики в его развитии далеко не уникальна. Тем не менее читатель может спросить себя: не делают ли Россию более восприимчивой к влиянию мифа и символов ее история и культура? Быть может, опыт построения коммунизма усилил психологическое значение символов? Или русские более восприимчивы к символам в периоды политической неопределенности?

Хотя и существует искушение рассматривать Россию как *sui generis* (лат. – уникальная), изучение политических переходов во всем мире показывает, что элиты часто изобретают традиции и приспособливают их к потребностям сегодняшнего дня. Такое творчество часто сопровождает образование новых государств или политических систем – на ум сразу приходят США, СССР, Германия, Япония и Израиль. В таких регионах, как Уэльс, где культурное самосознание было практически утрачено, потребовалось «очень и очень многое изобретать»<sup>133</sup>, отмечает валлийский историк Прис Морган.

Изучение перехода к демократии в таких разных регионах, как Турция, Тайвань и Словакия, показывает, что символы и мифы играют ключевую роль на его ранней стадии<sup>134</sup>. В своем исследовании пост-франкистской Испании профессор Лора Эдлес установила, что испанская культура за короткий период претерпела фундаментальное и совершенно неожиданное изменение ориентации: элита, когда-то агрессивно подавлявшая все проявления регионализма, начала воспринимать как данность федеративное устройство<sup>135</sup>. Эдлес считает, что за этими поразительными трансформациями стоит «необычайно сильная символическая среда в переходный период», заложившая

<sup>133</sup> *Hobsbawm E. and Ranger T.* The Invention of Tradition. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1983. P. 98.

<sup>134</sup> *Corcuff S.* ed. Memories of the Future: National Identity Issues and the Search for a New Taiwan. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2002; *Meyer J.* Memory and Political Symbolism in Post-September 12 Turkey // M.A. thesis, Princeton University. June 2001; *Batt J.* The New Slovakia: national identity, political integration and the return to Europe. London Royal Institute of International Affairs, 1996; *Smith A.* The Return to Europe: the Reintegration of Eastern Europe into the European economy. Basingstoke : Macmillan Press, 2000; *Srubar I.* Eliten, Politische Kultur und Privatisierung in Ostdeutschland, Tschechien und Mitteleuropa. Konstanz: UVK Universitätsverlag Konstanz, 1998.

<sup>135</sup> *Edles L.D.* Symbol and Ritual in the New Spain: The Transition to Democracy After Franco. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1998. P. 56.

основу новой политики согласия<sup>136</sup>. Любопытно, что эти символы зародились не в Мадриде, столице страны, а в Каталонии, где ключевые символы местной идентичности соответствовали новым пост-франкистским ценностям.

Описанное Эдлес каталонское наследие удивительно напоминает средневековый Новгород<sup>137</sup>. Каталонцы, говорит она, гордятся своими средневековыми демократическими институтами, в особенности «Усатгес», хартией, закрепившей правовое равенство свободных людей. В XV и XVI вв., когда Испания была централизована усилиями Кастилии и католической церкви, Каталония сохранила свою валюту, таможенную и налоги. Дореволюционный новгородский архиепископ Арсений (Стадницкий) известен как основатель Новгородского археологического общества и активный популяризатор прошлого региона; епископ Викский Торрас I Багес почитается как исследователь языка, нравов и обычаев каталонцев<sup>138</sup>. Поскольку ключевые символы каталонской культуры так идеально соответствовали символам новой испанской демократии, каталонская элита поддержала демократический переход, не испытывая сомнений по поводу верности своим традициям.

Эдлес видит в элитах всего лишь пассивных потребителей своего культурного наследия. Она, хотя и говорит об открытой поддержке прессой новых европейских ценностей и о том, как соглашения Монклоа между испанским правительством и оппозиционными политическими партиями заставили партийных лидеров создать новые символы и ритуалы для разрешения политически взрывоопасных проблем, не хочет увидеть в этом *сознательный* выбор элит<sup>139</sup>. Вместо этого Эдлес приписывает переход к демократии в Испании удачному стечению обстоятельств — «взрывной смеси символов», сочетающей в

<sup>136</sup> Edles L.D. *Symbol and Ritual in the New Spain: The Transition to Democracy After Franco*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1998. P. 375.

<sup>137</sup> «Демократия и западноевропейские ценности на протяжении веков были центральными аспектами каталонского национализма... Каталония уже давно чтит свои старинные демократические институты. Каталонский парламент (Кортс) был инаугурирован во времена Великой хартии вольностей, а конституционная система Арагонской монархии... считается одной из наиболее передовых в Европе XIV в. Более того, каталонцы известны своим модернизмом, прагматизмом, рациональностью и деловой хваткой, которая вызвала негативные стереотипы о них как холодных и скупых». Там же. С. 117.

<sup>138</sup> Там же. P. 319. Позднейшая работа Эдлес содержит еще несколько интересных сравнений с Новгородом. См.: Edles L.D. *A Culturalist Approach to Ethnic Nationalist Movements // Social Science History*. 1999. Vol. 23. №3. P. 317.

<sup>139</sup> Edles L.D. *Symbol and Ritual*. P. 22, 83–84, 101.

себе каталонский национализм и демократию, «во многом на иррациональной и подсознательной основе»<sup>140</sup>. Она предупреждает о том, что не следует ожидать подобного в Восточной Европе, поскольку, в отличие от Испании, здесь нет такого финансового влияния и консультативной помощи Запада<sup>141</sup>.

Политолог Ян Кубик согласен с Эдлес в том, что переход к демократии редко проходит успешно, но его успешное исключение — как раз из Восточной Европы. Рассматривая причины краха коммунизма в Польше, он обнаруживает, что все традиции, возрожденные или изобретенные в процессе перехода, произросли из католической мифологии. «Солидарность» возникла из «необходимости заново переосмыслить коллективную идентичность и этические основы общества. Это могло быть сделано только языком символов и мифов»<sup>142</sup>.

Способность католической церкви создать контркультуру подготовило общественное сознание поляков к революции. Основываясь на ритуалах католической церкви и исторических символах, связанных с польскими восстаниями прошлого, элиты выработали новое символическое видение, приведшее к качественному изменению общественных отношений<sup>143</sup>. Польша достигла больших успехов, чем ее соседи, говорит Кубик, именно потому, что культурное возрождение предшествовало политическому<sup>144</sup>. Любопытно, что, как и в случае с Испанией, ключевые символы перемен впервые проявились на периферии — в портовом городе Гданьске<sup>145</sup>. Как и Эдлес, Кубик склонен считать, что элиты подсознательно воспринимают культуру, и видит объяснение быстрых социальных изменений в уникальности польской истории и культуры<sup>146</sup>.

Еще один интригующий пример влияния символов на быстроту политических изменений приводит антрополог Дэвид Керцер. Этот

<sup>140</sup> Edles L.D. *A Culturalist Approach*. P. 139, 321.

<sup>141</sup> Edles L.D. *Symbol and Ritual*. P. 6–7.

<sup>142</sup> Kubik J. *The Power of Symbols Against the Symbols of Power: The Rise of Solidarity and the Fall of State Socialism in Poland*. University Park, Penn.: Pennsylvania State University Press, 1994. P. 228.

<sup>143</sup> Ibid. P. 243, 252–254.

<sup>144</sup> Ibid. P. 256.

<sup>145</sup> Ibid. P. 258.

<sup>146</sup> Ibid. P. 229, 242. Под влиянием работ Дэвида Лэйтина Кубик с тех пор стал в большей степени рассматривать элиты как сознательно манипулирующие культурой (личная беседа).

пример показывает, насколько политика является борьбой за идентичность и что идентичность строится из переплетения символов, выдвигаемых элитой. Керцер показывает, как в начале 1990-х годов руководство Коммунистической партии Италии (КПИ) манипулировало партийными политическими символами, чтобы обеспечить быструю трансформацию КПИ в Левую демократическую партию (ЛДП). Лидер партии Акилле Окетто выбрал стратегию десакрализации тех символов, которые больше всего сопротивлялись изменениям, и замены их «левыми» символами, которые было бы легче заново интерпретировать в соответствии с нуждами партийного руководства<sup>147</sup>.

Окетто предложил считать источником интеллектуального вдохновения партии не русскую революцию, а французскую. Это позволило бы КПИ обратить внимание на проблемы демократии и прав человека, чего не могла предложить слишком узкая тематика рабочего класса. В феврале 1991 г. руководство партии согласилось с новым символическим видением, предложенным Окетто. Значительное, но все же меньшинство отвергло замену и создало свою собственную партию, забравшую с собой почти четверть коммунистического электората. Окетто и его сторонникам потребовалось меньше двух лет, чтобы заново определить, что значит быть коммунистом, однако ценной потерей, от которых коммунистическое движение в Италии уже не оправилось.

В своем исследовании стратегии Дэвид Керцер приходит к выводу, что ключом к быстрому политическому переходу является способность контролировать ритуалы. Керцер согласен с Эмундом Личем в том, что миф и ритуал — всего лишь разные способы символического выражения одной и той же идеи о социальном порядке<sup>148</sup>. Но поскольку по своей природе символы двойственны и их трудно сопоставить с эволюцией общественного консенсуса, он предпочитает сконцентрироваться на ритуалах. Чем глубже разделение общества, тем сильнее потребность в компенсаторных ритуалах (чтобы удержать его вместе), и тем большее удовлетворение люди получают от таких ритуалов. Ритуальные действия способствуют социальной стабильности даже при отсутствии общих ценностей. «Солидарность, — пи-

<sup>147</sup> Kertzer D. *Politics & Symbols: The Italian Communist Party and the Fall of Communism*. New Haven and London: Yale University Press, 1996. P. 116.

<sup>148</sup> Ibid. P. 67.

шет Керцер, — создается совместными действиями людей, а не их мыслями»<sup>149</sup>.

Позитивные ритуалы и символы поддерживают единство общества, а негативные («охота на ведьм», импичмент) создают солидарность, указывая на общего врага<sup>150</sup>. Ритуалы, чтобы быть использованными для трансформации общества, должны быть «опутаны тенетами символизма» — то, что делал Окетто, захватывая контроль над ритуалами Коммунистической партии<sup>151</sup>. Этот процесс, говорит Керцер, даже не требует новых символов. Старые могут послужить не менее хорошо, «сложнее драматически варьировать эти мощные символы, чтобы изменить их значение, меняя контекст»<sup>152</sup>.

Керцер останавливается на ритуалах, а не символах как средстве достижения социального согласия, но это не очень убедительно, поскольку в основе любого ритуала лежит символ, придающий ему значение. Попытки французского парламента в 1890-е годы объявить национальный праздник в честь Жанны д'Арк только обнажили разногласия между католиками и атеистами. В России 7 ноября до сих пор отмечается одними как день Великой Октябрьской социалистической революции, другими — как День скорби, и лишь скромное меньшинство называют его своим новым официальным названием — Днем примирения и согласия. Пока не изменилось значение символов, ритуалы будут продолжать вызывать удовлетворение одних и гнев других. Чтобы смягчить конфликт, общества накладывают на символы тематические ограничения, в рамках которых их значения могут варьироваться, но не противоречить друг другу. В то время как все антропологи, изучающие символы, согласны с их произвольностью символов, Шерри Ортнер напоминает, что «выбор какой-либо символической формы из нескольких возможных равно произвольных форм для одной и той же концепции не только произволен, но и имеет важные последствия, которые нужно исследовать»<sup>153</sup>.

<sup>149</sup> Kertzer D. *Politics & Symbols: The Italian Communist Party and the Fall of Communism*. New Haven and London: Yale University Press, 1996. P. 76.

<sup>150</sup> Ibid. P. 64.

<sup>151</sup> Ibid. P. 9.

<sup>152</sup> Kertzer D. *Ritual, Politics, and Power*. New Haven and London: Yale University Press, 1988. P. 92.

<sup>153</sup> Ortner S.B. *Theory in Anthropology Since the Sixties* // N.B. Dirks et al., eds, *Culture/Power/History: A Reader in Contemporary Social Theory*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 404.

В конечном счете мнение Керцера о том, что символы бессмысленны, а ритуалы имеют значение, приводит к неопределенности в критическом вопросе о том, может ли элита использовать символы и ритуалы для поддержки изменений. Так, он говорит, что ритуалам присущ консерватизм и они меняются медленнее других аспектов культуры. При этом отмечает, что ритуалы не просто слепые продукты существования общества, но служат одним политическим интересам и противостоят другим<sup>154</sup>. В то время как определенные представители элиты сознательно манипулируют ритуалами в политических целях, большинство делают это, даже не зная о конечном политическом эффекте<sup>155</sup>. Таким образом, хотя Керцер и отдает предпочтение понятию ритуала, он разделяет нежелание Эдлеса и Кубика относиться к ним как к инструментам реализации быстрых социальных изменений.

### *Заключение*

#### *Разнородность и власть символов*

Проанализированные нами случаи выявили ряд недостатков в представлении аналитиков о том, как символы влияют на политическое поведение. Во-первых, это тенденция рассматривать успех использования символов в каждом отдельном случае как уникальный. Поскольку каждый пример считается уникальным, повторяющийся характер использования символов элитами в ходе преобразований — от разрушения старых символических ассоциаций через создание новых к их связыванию с новыми политическими программами — не учитывается.

Во-вторых, элиты часто рассматриваются как беспомощные перед лицом объективных социальных сил, в действительности же элиты сознательно манипулируют символами именно для того, чтобы преодолеть препятствия и реализовать свои интересы. Иногда им сопутствует успех, а иногда — нет. Тем не менее в любом случае изменения интерпретации ключевых символов, чтобы привести их в соответствие с новыми политическими программами, — целесообразная стратегия для новых и неопытных элит, стремящихся к выживанию.

В-третьих, как правило, историческая реальность обычно мало похожа на политический миф. Только последовательное использование элитами этого мифа и готовность населения принять его в каче-

стве рамочного для решения каждодневных вопросов являются ключом к успеху. Поэтому провалу политических программ всегда предшествует отторжение обществом соответствующих им символов. В периоды потрясений, когда атаке подвергаются старые символические парадигмы, элита имеет больший простор для инноваций в интерпретации символов. По мере отступления кризиса коренные инновации встречают все меньшее и меньшее одобрение.

В-четвертых, задумываясь о перспективах развития демократии, важно помнить о необычайном разнообразии символов, из которых могут выбирать элиты. Сама по себе культура регионов не делает их прогрессивными или реакционными по той простой причине, что символы, а не культура придают политике когнитивную последовательность, и разнообразие символов, из которых элиты могут выбирать, поразительно. Как аналитики, мы должны через завесу культуры увидеть конкретное значение символов и их применение. Когда мы сделаем это, то поймем, что то, что аналитики называют траекторией зависимости, на самом деле лучше представить себе как конкретный набор символов, который элиты выбирают для реализации конкретной политики.

Однако широкое разнообразие имеющихся символов не следует смешивать с неопределенностью. Все обсужденные нами в этой главе примеры показывают, что, когда элиты выбирают интерпретацию символов и связывают ее с конкретными политическими инициативами, их значение перестает быть неопределенным. Расплывчатость может окружать абстрактное значение символов; если же конкретные символы связаны с конкретной политикой, они уже формируют четкую политическую программу.

Наконец, манипулирование символами со стороны местных политических элит всегда связано с более широкой программой — воссозданием государства на новых нравственных и культурных основаниях. В случае принятия населением эта культурная программа постепенно расширяет и углубляет узкую социальную коалицию, на которую полагались реформаторы до начала перехода к демократии. При успехе на местном уровне она часто выдвигается местной элитой на национальном уровне.

Множество различных путей использования символов в борьбе с бесформенностью и в формировании новых общественных отношений предполагает, что они могут быть ценным ресурсом для содействия быстрому прививанию демократических ценностей и институтов практически в любом контексте. Как это сделать — тема нашей заключительной главы.

<sup>154</sup> Kertzer. Politics & Symbols. P. 12, 82, 125.

<sup>155</sup> Ibid. P. 42.



## Глава 7

### Обработка демократии

Мы все были свидетелями, как страны с 200–300-летней историей пытались учить государства с историей тысячелетней. Это невежество стало причиной многих бед. Большинство конфликтов возникало из-за того, что все было подчинено экономике. Будущее за теми политиками, за теми странами, кто заглянет глубже в историю\*.

Михаил Прусак

Анализ современных теорий демократического развития применительно к необычному примеру Новгорода показал, что их можно улучшить, сконцентрировавшись на регионах и их культурных символах. В этой связи возникает вопрос: можно ли управлять символами в целях развития демократии вообще?

До сих пор основным акцентом в западной помощи бывшим коммунистическим странам были не символы и даже не содействие развитию демократии. Это была реализация экономических реформ. Преимущества быстрого перехода к капитализму считались настолько очевидными, что психологические и социальные издержки такой драматической ценностной переориентации рассматривались как второстепенные. В результате философия демократического развития, получившая название «Вашингтонский консенсус», преобладала в отношении Запада к экономическому и демократическому развитию на протяжении большей части 1990-х годов — именно в тот период, когда в Новгороде проходили эти примечательные преобразования.

Сам термин «Вашингтонский консенсус» обозначает набор положений, широко разделявшихся руководством МВФ, Всемирного банка и Департамента казначейства США, о том, что для быстрого развития экономики требуются жесткая финансовая политика, ослабление ограничений, накладываемых на международную торговлю и движение капитала, и приватизация государственной собственности. Реализация этой политики должна начинаться как можно рань-

ше, с тем чтобы «экономический здравый смысл» начал преобладать в мышлении новых режимов<sup>1</sup>. С этой целью стимулировалась реализация властями того, что главный экономист Всемирного банка Джозеф Стиглиц окрестил как «институциональный блицкриг» — слом старых регулирующих институтов до того, как их место займут новые<sup>2</sup>. Считалось, что, ожидая формирования новых регулирующих институтов, страны лишь рискуют замедлить темп реформ, нанося ущерб экономической целесообразности — ключу к любым общественным изменениям. Поскольку сами по себе экономические реформы могут быстро создать все стимулы для необходимых политических и правовых преобразований, внимание к местным традициям, обычаям и институтам отождествлялось с попыткой откладывания реформ<sup>3</sup>.

В бывшем Советском Союзе, где такой подход быстро получил название «шоковая терапия», атака на социально-экономические институты старого режима к тому же сопровождалась подрывом тех институтов, которые коммунисты могли бы использовать, чтобы вернуться к власти. Заместитель госсекретаря Струоб Тэлботт метко окрестил такой подход «Ельцин — машина для сноса» («Yeltsin-the-wrecking-ball»). Его целью было гарантировать, что, если бы даже коммунисты снова пришли к власти, они уже никогда не смогли бы эффективно управлять страной<sup>4</sup>. К сожалению, оказалось, что это распространяется и на Ельцина.

Вашингтонский консенсус требовал от аналитиков и политиков следования двум принципам: 1) «законы в экономике такие же, как и в науке — один набор законов применим везде»<sup>5</sup>; 2) главенство принципа экономической рациональности автоматически устраняет со-

<sup>1</sup> Williamson J. Democracy and the «Washington Consensus» // World Development. 1993. Vol. 21. №8. P. 1330.

<sup>2</sup> Martin B. New Leaf or Fig Leaf? The Challenge of the New Washington Consensus. A report prepared for the Bretton Woods Project (2000). Адрес в Интернете: <[www.brettonwoodsproject.org/topic/knowledgebank/newleaf/newleaf\\_or\\_figleaf.pdf](http://www.brettonwoodsproject.org/topic/knowledgebank/newleaf/newleaf_or_figleaf.pdf)> (accessed 4/11/03). P. 7.

<sup>3</sup> Ibid. P. 9; Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism Against Democracy. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 2001 (в особенности гл. 5); Stiglitz J. What I learned at the world economic crisis // The New Republic. April 17. 2000. Vol. 222. Is.16/17. P. 56–60.

<sup>4</sup> Talbot S. But Russia Is a Special Case // Slate.com (June 2002), также в: Johnson's Russia List. June 12. 2002. №6304. Адрес в интернете: <<http://www.cdi.org/russia/johnson/>> (доступ 1 сентября 2002 г.).

<sup>5</sup> Reddaway P., Glinski D. Tragedy of Russia's reforms. P. 56.

\* Свинцов И. «Скаль, господин Президент!» // Новгородские ведомости. 2002. 26 апреля.

циокультурные препятствия реформам — взгляду, который открыто подкреплялся методикой распределения помощи. На протяжении 1990-х годов меньше 3% от объема помощи России со стороны американского правительства были направлены на собственно поддержку развития демократии<sup>6</sup>. Этот решающий перевес в пользу создания новой экономической системы оправдывали тем, что таким образом якобы стимулировался и политический, и экономический выбор, т.е. свободный рынок и частная собственность не могут не создать спроса на плюралистические политические институты<sup>7</sup>.

Несмотря на недовольство ущербом, который Вашингтонский консенсус нанес Латинской Америке и Африке, только после глобального экономического краха 1998 г. этот подход стали жестко критиковать<sup>8</sup>. Выяснилось, что Вашингтонский консенсус не только не содействовал экономической стабильности, но и вызвал самое резкое в мирное время падение уровня жизни в странах Восточной Европы. Стиглиц отмечает, что с 1990 по 1999 г. уровень промышленного производства в России упал почти на 60%. Для сравнения, даже во время Второй мировой войны он снизился всего на 24%!<sup>9</sup> Менее чем за 10 лет число россиян, живущих за чертой бедности, т.е. получающих меньше 4 долларов в день, вырос с 2 до 40%<sup>10</sup>. Даже бывшие сторон-

<sup>6</sup> Mendelson S.E. and Glenn J.K. Introduction: Transnational Networks and NGOs in Postcommunist Societies // Sarah E. Mendelson and John K. Glenn, eds. *The Power and Limits of NGOs*. New York: Columbia University Press, 2002. P. 5.

<sup>7</sup> Shleifer A., цит. по: Stiglitz J.E. *Globalization and Its Discontents*. New York: W. W. Norton & Co., 2002. P. 163–164.

<sup>8</sup> Cypher J.M. *The Slow Death of the Washington Consensus on Latin America* // *Latin American Perspectives*. November 1998. Vol. 25. №6. P. 47–51; Stavrakis P. *Bull in a China Shop: US AID's Post-Soviet Mission*. Fall 1995. Vol. 3. №3 *Demokratizatsiya*; Wedel J.R. *Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe, 1989–1998*. New York: St. Martin's Press, 1998.

<sup>9</sup> Stiglitz J.E. *Globalization and Its Discontents*. P. 143.

<sup>10</sup> Ibid. P. 153. Хотя сегодня есть свидетельства, говорящие о том, что крах советской экономики, возможно, был не настолько всеобъемлющим, как считалось вначале, консультанты, придерживавшиеся принципов Вашингтонского консенсуса, все равно были вполне готовы принять такой коллапс в качестве платы за новую «рациональную» экономическую политику. См.: Ashund A. *The Myth of Output Collapse After Communism* // *Working Papers*. March 2001. № 18; the Carnegie Endowment for International Peace, Washington, D.C.; Ashund A. *Think Again* // *Foreign Policy*. July/August 2001. Адрес в Интернете: [http://www.foreignpolicy.com/issue\\_julyaug\\_2001/Tajulyaug.html](http://www.foreignpolicy.com/issue_julyaug_2001/Tajulyaug.html) (доступ 5 июля 2001 г.); Goetz R. *Russlands Wirtschaftlicher Rueckstand Geringer Als Angenommen: Neue Sozialproduktberechnung Der Weltbank* // *Aktuelle Analysen*, Федеральный институт восточных и международных исследований Германии (BIOst), 8 июня 2000. №30.

ники консенсуса с горечью отмечали, что те страны, которые достигли в 1990-е годы наибольшего экономического успеха, не обращали внимания на рекомендации МВФ по переходу к рынку и, до того как решительно взяться за экономические реформы, создали климат общественного согласия<sup>11</sup>.

Аналогичные проблемы сопровождали и развитие демократических институтов. Подход АМР США к развитию демократии, как его описывает Томас Карозерс, состоял в разбиении всего на «количественно измеряемые кусочки в рамках числовых систем оценки»<sup>12</sup>. Этот универсальный подход привел к навязыванию жестких бюрократических принципов, неспособности передать контроль за реализацией демократических инициатив в руки местных организаторов и определению всех приоритетов в Вашингтоне без учета местных потребностей<sup>13</sup>. Неудивительно, что исследования показали, что во всех странах Восточной Европы и СНГ прямая иностранная помощь привела к ослаблению связей между гражданскими институтами и обществом в целом и укреплению зависимости от иностранной поддержки<sup>14</sup>. Редкими исключениями стали те группы, чья основная функция состояла в оказании социальных услуг<sup>15</sup>. К концу 1990-х годов многие аналитики и политические деятели уже задавались вопросом, кто же «потерял Россию»<sup>16</sup>.

Последовавшее разочарование привело к предложению пересмотреть всю стратегию западной помощи и снизить планку ожиданий от демократического развития во всем мире. Например, Марина Оттауэй и Тереза Чанг утверждали, что для многих стран демократические институты — попросту слишком дорогое удовольствие<sup>17</sup>. Содействие установлению более дешевых выборных процедур и инициати-

<sup>11</sup> Martin. *New Leaf or Fig Leaf?* P. 9.

<sup>12</sup> Carothers T. *Democracy, State and AID: A Tale of Two Cultures* // *Foreign Service Journal*. February, 2001. Адрес в Интернете на сайте Фонда Карнеги (Carnegie Endowment for International Peace): <http://www.ceip.org/files/Publications/FSarticle.asp?p=1> (доступ 27 февраля 2001).

<sup>13</sup> Ottaway M. and Carothers T. *Toward Civil Society Realism* // Marina Ottaway and Thomas Carothers, eds. *Funding Virtue*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2000. P. 305–306.

<sup>14</sup> Mendelson and Glenn. Introduction. P. 3.

<sup>15</sup> Ottaway M. and Carothers T. *Toward Civil Society Realism*. P. 300.

<sup>16</sup> Reddaway and Gliniski. *Tragedy of Russia's reforms*. P. 297–299.

<sup>17</sup> Ottaway M. and Chung T. *Toward A New Paradigm* // *Journal of Democracy*. 1999. Vol. 10. №4. P. 100.

вы «снизу» могут несколько улучшить ситуацию, считают они, но горькая правда состоит в том, что большинство стран вообще не переходят к демократии. Они застряли в «серой зоне», своего рода демократическом чистилище, и неясно, выберутся ли они из него<sup>18</sup>.

Критики правы в своем осуждении экстравагантности и ориентации на предложение (а не спрос), характерных для нынешних программ содействия демократизации, но неправы, когда заключают, что основные препятствия ее развитию — или финансовые, или культурные. Их пессимизм основан на спорном выводе о том, что государства должны или следовать одному сценарию демократического развития, или упустить все шансы стать демократией, — выводе, основанном на подходе Вашингтонского консенсуса.

Успех Новгорода в течение этого печального десятилетия показывает всю необоснованность такого пессимизма. Вместо *снижения нашей планки ожиданий* относительно перехода к демократии мы должны *более широко посмотреть* на то, как отдельные регионы устанавливают демократические ценности и институты. Причина неудачного перехода к демократии в большинстве случаев не в том, что он слишком дорого стоит, но в том, что новые режимы не уделяют достаточно времени увязыванию новых институтов и политики с культурным контекстом, что снизило бы сопротивление реформам. По существу, главным принципом Вашингтонского консенсуса было именно пренебрежение этим контекстом<sup>19</sup>.

В то же время символистский подход к политическим изменениям как раз утверждает, что главной причиной трудностей развития демократии в России остается то, что национальная элита отбросила в сторону российскую историю и культуру и не смогла выдвинуть постсоветского мифа, способного сделать переход менее травматичным. Успех перехода к демократии в Новгороде свидетельствует о потенциале демократического мифотворчества. Понять, что здесь работает, а что — нет, поможет сравнение неудачи, которая постигла национальную идею в масштабе России, с успехом региональных идей, подобных новгородскому мифу.

<sup>18</sup> Ottaway M. and Chung T. Toward A New Paradigm // Journal of Democracy. 1999. Vol. 10. №4. P. 109–110.

<sup>19</sup> Stiglitz. What I learned at the world economic crisis.

### Российская идея против региональных мифов

Исследования общественного мнения показывают, что россияне переживают тяжелый кризис идентичности из-за утраты веры в советские идеалы и затянувшейся неспособности найти им альтернативу. Как отмечает социолог Юрий Левада, ностальгия людей по прошлому не отражает их желания вернуть советскую систему. Скорее это прямой результат отсутствия символов, которые позволили бы представить будущее, отличное от прошлого<sup>20</sup>.

Вскоре после своего переизбрания в 1996 г. президент России Борис Ельцин сказал, что новая идеология, российская идея, может служить проводником в будущее<sup>21</sup>. Его усилия были подвергнуты резкой критике теми, кто опасался, что, какими бы благими ни были намерения, поддержка государством любой национальной идеи рано или поздно приведет к подавлению инакомыслия.

Несмотря на высмеивание действий правительства, опросы показывают широкую поддержку объединяющей национальной идеи, а также удивительное общественное согласие относительно многих ее аспектов. В 1997 г. общероссийское исследование показало, что тремя главными принципами, по которым имелось наибольшее согласие, были: 1) Россия должна стать государством, обеспечивающим рост благосостояния своих граждан; 2) Россия должна стать государством с рыночной экономикой, где соблюдаются демократические свободы и права человека; 3) Россия должна быть многонациональным государством, где все имеют равные права<sup>22</sup>. Это согласие охватывает все части политического спектра, и его степень высока среди как образованного городского населения, так и необразованного сельского. Оно одинаково среди и великороссов, и других этнических групп<sup>23</sup>.

<sup>20</sup> Левада Ю. Человек ностальгический: реалии и проблемы // Polit.ru. 17 декабря 2002 г. Адрес в Интернете на сайте Российского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ): <[http://www.wciom.ru/vciom/magazine/archiv/N6\(62\).htm#1](http://www.wciom.ru/vciom/magazine/archiv/N6(62).htm#1)> (доступ 1 мая 2003).

<sup>21</sup> «В российской истории двадцатого века были разные периоды: монархия, тоталитаризм, перестройка и, наконец, демократический путь развития. У каждого этапа была своя идеология. У нас нет никакой». См. цит. по: Breslauer G.W. and Dale C. Boris Yeltsin and the Invention of a Russian Nation-State // Post-Soviet Affairs. 1997. Vol. 13. №4. P. 303.

<sup>22</sup> Boudreaux R. Russians Sift Past to Find Selves // Los Angeles Times. March 7, 1997.

<sup>23</sup> «Когда в рамках нашего опроса мы спрашивали, нужна ли России государственная идеология, подавляющее большинство респондентов — 72% — ответили утвердительно. С учетом их опыта жизни в условиях коммунистического периода с его государственной идеологией это, по нашему мнению, очень высокий показатель. Поддержка была особенно сильной среди тех, кто относит себя к левому политическому флангу (90,1%), но, что

Эти результаты, подтвержденные рядом последующих общенациональных исследований, говорят о том, что население обладает гораздо менее поляризованными взглядами на определение российской идеи, чем спорящие друг с другом по этому поводу элиты. Это помогает понять, почему политики продолжают обращаться к этой концепции и почему Владимир Путин, как только стал преемником Ельцина, не теряя времени, представил собственную версию российской идеи — новый общественный договор, «органичное соединение универсальных, общечеловеческих ценностей с исконными российскими ценностями, выдержавшими испытание временем»<sup>24</sup>.

Тем не менее, несмотря на активную поддержку властей и более 2 тыс. публикаций на эту тему, все попытки по созданию российской идеи были безуспешны<sup>25</sup>. Они или увязали в междоусобной борьбе, или были похоронены под громадным количеством определений, не позволяющих сделать стратегический выбор. Типичным примером такого псевдоконсенсуса является предложение мэра Москвы Юрия Лужкова об одновременном восстановлении памятника царю-освободителю Александру II и памятника главе ЧК Феликсу Дзержинскому<sup>26</sup>.

Разочарованные постоянными неудачами, местные элиты стали пробовать самостоятельно выдвигать региональные версии российской идеи — процесс, который новосибирский аналитик Сергей Моисеев назвал государственным строительством (state-building) на реги-

удивительно, в том числе и среди людей с высшим образованием (82,7 %). Цит. по: *Kolsto P. Epilogue: Values and State Ideology in Post-Communist Russia* // Pel Rowman and Littlefield Publishers, 2004. P. 330.

<sup>24</sup> Путин В. Россия на рубеже тысячелетий. Первоначально на веб-странице правительства России: <[www.pravitelstvo.gov.ru/government/minister/article/vvp1\\_txt.html](http://www.pravitelstvo.gov.ru/government/minister/article/vvp1_txt.html)> (доступ 28 декабря 1999 г.)

<sup>25</sup> Карпов А. Станет ли Томск идейным «Эльдорадо» России? // Томский вестник. 2001. 25 июля. Адрес в Интернете на сайте «Томской инициативы»: <<http://www.tomin.ru/eldorado.html>> (доступ 1 мая 2003 г.)

<sup>26</sup> Учтивывая, что Ю.М. Лужков вспоминал, что лично прислал муниципальные краны для снятия памятника Дзержинскому с пьедестала в 1991 г., легко понять, что его политика является дезориентирующей для общества. Также нелишне было бы отметить, что, в отличие от шквала критики в ответ на предложение восстановить памятник Дзержинскому, памятник Александру II не вызвал особых комментариев. См.: *Feifer G. Russia: What Makes Yurii Run? Moscow Mayor Proposes Resurrecting Soviet Statue* // RFE/RL. October 1, 2002, также *Johnson's Russia List. September 1, 2002. №6467*. Адрес в Интернете: <<http://www.cdi.org/russia/johnson/>> (доступ 10 сентября 2002 г.)

ональном уровне<sup>27</sup>. Одним из регионов, которые делали это систематически, был Томск. Здесь группа ученых при поддержке местного губернатора и московских фондов запустила проект «Томская инициатива» для определения ценностей, наиболее способствующих национальному согласию в масштабах России.

В прошлом, полагали томские ученые, тщетность таких усилий была в том, что они базировались на навязывании россиянам ранее существовавших моделей развития. Вместо этого они предложили путем изучения поведенческих стереотипов, ценностей, мифов и символов новых социальных групп, сложившихся после 1990 г., определить те ценности и модели поведения, которые более всего пригодны для формирования стабильных групповых идентичностей в сегодняшней России, и российской идентичности в целом. Томская область, считают они, идеальна для этих целей, поскольку в ней имеется срез типичных российских ценностей и поведенческих моделей<sup>28</sup>.

С политической точки зрения этот проект заслуживает упоминания, потому что им руководит профессор Нелли Кречетова, политический консультант губернатора Томской области и глава местного отделения либеральной партии «Союз правых сил» (СПС). Она и ее коллеги не скрывают, что информация, получаемая ими в результате исследований, определяет политические решения в регионе<sup>29</sup>. «Томская инициатива», однако, отягощена многими из тех же проблем, что присущи и поиску российской идеи на национальном уровне. Во-первых, это национальный вопрос, поданный как региональный. Считается, что ценность исследования состоит в том, насколько оно сможет помочь в установлении согласия в масштабе России. В результате сугубо местные символы и мифы полностью теряются из виду. Во-вторых, эту инициативу было бы правильнее отнести к усилиям по государственному строительству, чем к усилиям по демократизации. Она стремится к определению носителей новых общественных ценностей и, о чем прямо говорят исследователи, к созданию отечественной версии «протестантской этики»<sup>30</sup>. По сути, это элитарный

<sup>27</sup> *Moiseev S. The Lonely Heart of the World: Nation-Building and Common Values in Novosibirsk Oblast* // *Kolsto and Blakkisrud. Nation-building*. P. 129.

<sup>28</sup> *Позудин В. Совсем не серый кардинал* // МК-Томск. 2001. 4 августа.

<sup>29</sup> *Сырова С. Ученые хотят узнать, чем мы «дышим»* // Аргументы и факты: Томск. 2001. 10 июля.

<sup>30</sup> *Соловей Т. Русские мифы в современном контексте*. С. 10. В Интернете: <http://www.tomin.ru/new.html>; *Ремизов М. К идеологии через социологию?* // Русский журнал. 2001. 24 октября. Адрес в Интернете: <[www.russ.ru/politics/20011024.html](http://www.russ.ru/politics/20011024.html)> (доступ 1 мая 2003 г.)



подход, пытающийся найти новый авангард общества. Интересно, что, отмечая триумф либеральных ценностей в России, томские исследователи скептически относятся к способности россиян реализовать такие мифы<sup>31</sup>.

Говоря о способности мифов создавать реальность, они полагают, что роль последних пассивна, т.е. мифы и символы следует изучать, чтобы понять, как они формируются и как они могут стать препятствием для изменений. При этом не прослеживается их осмысленная связь с конкретной проводимой политикой<sup>32</sup>.

Сравнение «Томской инициативы», поиска российской идеи и прочих мифотворческих усилий дает нам представление о том, что работает, а что — нет при создании демократического мифа. В национальном масштабе эти попытки провалились, потому что были начаты с нуля, как бы в историческом вакууме. Наиболее успешные усилия в региональном масштабе, напротив, предусматривали увязывание текущей политики с ключевыми символами из прошлого России, при этом подчеркивалось, что прошлое страны — это не только СССР.

В национальном масштабе эти усилия слишком часто были окружены завесой секретности, а затем подавались как «дар с небес»<sup>33</sup>. Что же касается идейных помыслов на уровне регионов, то они больше напоминали пиар-кампании. Секретность идет вразрез с целями, которые состоят в том, чтобы сформировать в сознании избирателя связь между нынешней политикой, политическими лидерами и популярными символами прошлого. Попытки добиться всего, для всех и сразу порождали лишь нагромождение символов, сбивающее с толку и непривлекательное. В то же время результаты, полученные в регионах, определяют и продвигают выбранные решения. Это создает четкое и привлекательное для избирателя стратегическое видение.

<sup>31</sup> По словам ведущего исследователя Татьяны Соловей, прививание на российской почве либеральной мифологии завершено, но возникший в результате синтез был преимущественно негативным, и иного трудно было ожидать с учетом фундаментального отсутствия либеральных начал. Соловей Т. Русские мифы в современном контексте. С. 8.

<sup>32</sup> Погудин В. Совсем не серый кардинал.

<sup>33</sup> См. критику Чубайсом усилий Сатарова и др.: Почему центр стратегических разработок не может разработать стратегию страны. В Интернете на сайте Национального института прессы, Москва (11 апреля 2000 г.): <[http://www.npi.ru/pcenter/pconf/11\\_04\\_2000\\_1st.htm](http://www.npi.ru/pcenter/pconf/11_04_2000_1st.htm)> (доступ 1 мая 2001 г.).

Тогда как в общероссийском масштабе все сводилось к смене институтов при сохранении прежних ценностей, в регионах успешные стратегии, как правило, создали новую идеологию для традиционных институтов. Если первое приводит к видимости изменений без изменений как таковых, то второе создает заинтересованность в реформах среди местной элиты.

Региональные мифы так распространены в России и во всем бывшем союзе именно потому, что позволяют местным элитам более эффективно управлять переходным процессом. Они создают среду, в которой люди находят решения проблем модернизации, не отворачиваясь от своих истории и традиций. Смягчая шок от прерывания культурной преемственности, региональные мифы расширяют социальную базу реформ и способствуют повышению уровня доверия к правительству.

Новгородский миф достиг этого, пробудив в сознании конкретные образы из прошлого Новгорода, которые дают нам российский ответ на вызовы современности. Он противопоставил новгородскую историю федерализма московскому наследию политической и экономической централизации, предлагая российский подход к отношениям центра и периферии, соответствующий современным принципам федерализма. Новгородский миф подчеркивает, что Новгород процветал экономически, когда имел тесные связи с Западом, что способствовало формированию в регионе прозападного менталитета. В общем, новгородский миф сработал, потому что дал людям возможность представить современное российское государственное устройство, не противоречащее прошлому, вместо того чтобы ставить их перед выбором между современностью и традицией. Любой регион в любой стране может сделать то же самое, используя свои собственные символы для демократизации и модернизации.

### *Что могут сделать символы для демократического развития*

Прослеживая возникновение региональных мифов, можно увидеть два важных компонента демократического развития. Во-первых, какими бы благоприятными ни были местные мифы, реализация их потенциала требует их увязывания с текущей политикой силами местной элиты. Во-вторых, гораздо легче установить такую связь на субнациональном уровне, потому что здесь элиты более однородны, а

резерв ключевых символов меньше. Это говорит о том, что различия в исторических традициях, географии и качестве политического руководства могут иметь гораздо меньшее значение для успеха демократической консолидации на раннем этапе, чем процесс создания элитами нового общественного согласия. В основе этого процесса лежит эффективное связывание ключевых символов прошлого с новой общественной программой.

Пользуясь терминологией политической культуры, можно сказать, что символы способствуют демократической консолидации, поскольку помогают выйти из состояния бесформенности<sup>34</sup>. Те основанные на символах способы борьбы с бесформенностью, которые лучше всего соответствуют культурному самосознанию, обычно принимаются, а чуждые — отвергаются<sup>35</sup>. Тот факт, что одно и то же небольшое количество ключевых символов постоянно выходит на поверхность в периоды бесформенности, позволяет считать, что политическая легитимность в основном базируется на ограниченной группе символов, выражающих миф.

Таким образом, политическая борьба в начале перехода к демократии сводится к усилиям элит по перекодированию значения этих ключевых символов в свою пользу. В то же время важно сознавать, что, поскольку символы имеют ключевые значения, которые мало меняются с течением времени, их податливость не бесконечна. Их политическая интерпретация и использование всегда должны правдоподобно связываться с ключевым значением. Продуманная политика достижения политического консенсуса опирается на уместные и внутренне непротиворечивые символы и избегание раздражающих символов. Гибкий и чуткий политический лидер попытается интерпретировать свой набор символов и, если они не работают, немедленно отбросит их.

Когда ключевые символы соответствуют новой политике при видимом сохранении культурной преемственности, они способствуют принятию новых реалий и политических решений, выставляя их в

<sup>34</sup> Wildavsky A. Choosing Preferences By Constructing Institutions: A Cultural Theory of Preference Formation // *American Political Science Review*. 1987. Vol. 81. №1. P. 16.

<sup>35</sup> *Keesing R.M.* Models, 'folk' and 'cultural' // *Dorothy Holland and Naomi Quinn, eds. Cultural models in language and thought*. New York: Cambridge University Press, 1987. P. 380. О том, почему население отвергает неуместные метафоры, см.: *Quinn N. and Holland D.* Culture and Cognition // *Dorothy Holland and Naomi Quinn eds. Cultural models in language and thought*. New York: Cambridge University Press, 1987. P. 30.

знакомом свете. Социолог Энн Свидлер называет это культурным перекодированием. Движения за социальные изменения обычно используют это перекодирование для подрыва существующих культурных кодов и открытия дороги для новых<sup>36</sup>. В результате теоретики общественных движений считают обычным явлением то, что теоретики политической культуры считают маловероятным, — быструю смену фундаментальных культурных ценностей, т.е. новую интерпретацию символов, позволяющую гражданам понять новую ситуацию.

Частично разночтения в отношении роли символов объясняются кажущимся противоречием, которое содержится в утверждении о том, что символы, с одной стороны, неоднозначны и расплывчаты и поэтому позволяют разным людям по-разному интерпретировать события и образы, а с другой — представляют «разделяемую обществом систему кодировки», способствующую культурной и социальной интеграции<sup>37</sup>. Как могут символы одновременно делать и то и другое?

Разрешить это противоречие можно, лишь поняв, что символы, чтобы быть действенными, должны сохранять историческую и внутреннюю последовательность. Значения старинных ключевых символов не могут сильно варьироваться, поскольку согласованное толкование символов формировалось на протяжении поколений. Поэтому предлагаемые интерпретации должны быть правдоподобно связаны с этим согласованным мнением, иначе они будут отвергнуты. Именно стабильность и долговечность ключевых символов позволяют преодолеть бесформенность и сформировать новый социальный консенсус. Поэтому символы двусмысленны только в рамках культурной традиции и общего правдоподобия. Как выражаются Роджер Кобб и Чарльз Эдлер, символы указывают культурные положения и рецепты, создавая определенные ожидания и тем самым ограничивая возможности для манипулирования ими<sup>38</sup>.

Это видно на примере выпуска новых денег. Выбранные для этого символы должны транслировать идею долговечности и укреплять веру в то, что, по сути, представляют собой кусочки бумаги. Поэтому американский Департамент казначейства провел значительные исследо-

<sup>36</sup> *Swidler A.* Cultural Power and Social Movements // *Hank Johnston and Bert Klandermans, eds. Social Movements and Culture*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1995. P. 25–40.

<sup>37</sup> *Elder C.D. and Cobb R.W.* The Political Uses of Symbols. New York and London: Longman, 1983. P. 28–56.

<sup>38</sup> *Cobb and Elder.* P. 111–112.

вания перед тем как выбрать символы для печатания на новых банкнотах для Ирака, рассматривая в том числе и образ царя Хаммурапи<sup>39</sup>.

В Ираке, как и в любой стране, традиционная культура в широком смысле определяет, какие символы можно использовать в политических целях, но, поскольку выбирать приходится из такого большого их количества, это не ограничивает возможности для политического выбора. Именно конкретные символы, а не культура являются фильтрами, ограничивающими проводимую политику, поскольку есть строгая психологическая потребность в непротиворечивости соответствующих образов. В руках лидеров, сознающих их мощь, символы становятся метками для политики, определяющими программы политических лидеров и направление изменений.

Понимание того, как символы преодолевают бесформенность, позволяет нам избежать дихотомии, от которой исследования в области международного развития страдают уже на протяжении двух поколений. Наблюдая за соответствующими проектами в 1960-е годы, Альберт О. Хиршман выделил два преобладающих подхода — выявление и создание культурных особенностей<sup>40</sup>. В первом случае атрибуты местной культуры воспринимаются как данность и работа ведется вокруг них, а во втором стремятся изменить сложившийся менталитет. Но какой бы подход ни выбирался, он все равно, считал Хиршман, уязвим для обвинений в культурном империализме — проблема, из-за которой культура была расценена многими как неудачный инструмент экономического развития.

Общая кодовая система, которую задают символы, тем не менее, помогает примирить эти два подхода. Уместные символы убеждают тех, кто устал от реформ, что изменения будут постепенными и соответствующими традиционным ценностям (выявление особенностей), в то же время убеждая тех, кто стремится к реформам, что политика действительно направлена на изменения (создание особенностей). Поэтому для преодоления бесформенности успешной стратегией является изображение нынешних проблем как таких, которые исторически успешно решались. То есть еще раз подтверждается концентрированная мудрость прошлого, даже если она заново интерпретируется в новых целях.

<sup>39</sup> Jannello A. Dopo Saddam, Hammurabi // Panorama. March 28, 2003. Available online at: <<http://www.panorama.it/mondo/medioriente/articolo/ix1-A020001018345>> (доступ 3 апреля 2003 г.).

<sup>40</sup> Hirschman A.O. Development Projects Observed. Washington, DC.: Brookings Institution, 1967. Chapter 4.

В гл. 4 мы задались вопросом о том, возможны ли быстрые социально-политические изменения вообще, и если да, то при каких условиях. Тогда мы пришли к выводу, что теоретически они допустимы. Теперь мы можем перечислить оптимальные условия для них. Сила политических потрясений должна быть достаточно большой, чтобы нарушить символическую преемственность правящей идеологии и поставить под сомнение обоснованность связанных с существующими институтами символов. Это приводит к наступлению бесформенности — состоянию дискомфорта, которое побуждает людей к поиску социальной стабильности и к утверждению фундаментальных общественных ценностей.

В обстановке, когда старые символические ассоциации уже не действуют, а к новым институтам еще нет доверия, спрос населения на стабильность приводит к тому, что элиты перекодируют старые символы так, чтобы они обслуживали новую политику. Те элиты, которые предлагают наиболее заслуживающую доверия комбинацию старых символов и новых программ, приобретают популярность, а те, которые не могут сделать этого, теряют ее. Старые идеи и институты, однако, нельзя просто отбросить. Чтобы переход прошел быстро и плавно, их следует перекодировать в соответствии с не менее комфортными культурными архетипами. Такое перекодирование позволяет институтам выполнять новые функции, получая преимущества от установившейся культурной парадигмы. Таким образом значительно облегчается работа власти по легитимизации новой политики и институтов в глазах общества.

Успешное управление изменениями в значительной степени зависит от того, насколько хорошо элиты связывают старые символы с новой политикой, чтобы они казались единым целым. Это означает, что практики в сфере международного развития, стремящиеся к установлению демократической консолидации, должны выявлять те символы в целевой культуре, которые могут привести к ней. Это предусматривает проведение культурного аудита.

### *Культурный аудит*

Учитывать роль символов в развитии демократии, кажется, очень просто, но на деле это означает радикальный отход от существующей практики и системы обучения специалистов. Вместо того чтобы рассматривать новые институты как плацдарм на вражеской территории,

задача которого — подавить сопротивление традиционной культуры, эту культуру, и даже многие популярные институты старого режима, следует рассматривать как потенциальных союзников демократии. Большое внимание следует уделять сохранению символической непрерывности, уменьшающей политическую дезориентацию населения.

Включение символов в это уравнение также означает, что аналитики должны более четко различать стадии демократизации и применять для каждой свои инструменты. Наша дискуссия показывает, что символы должны играть ведущую роль при движении общества от перехода к демократии к демократической консолидации, поскольку эффективно устраняют центральное препятствие для согласия — бесформенность. Когда демократическая консолидация уже достаточно утвердилась, главное внимание необходимо уделять укреплению институтов. Проблема с подходом Вашингтонского консенсуса в том, что он концентрируется на создании институтов до получения достаточной символической поддержки для них, т.е. ставит телегу впереди лошади.

Как мы уже видели, ключом к быстрой демократической консолидации является способность элиты выдвинуть символы, позволяющие людям как можно скорее поверить в легитимность новых институтов по сравнению со старыми. Доверие к новым институтам исходит не из самих институтов, так как они еще не успели заработать положительную репутацию у населения. Поэтому легитимизация должна произойти еще *до того*, как эти новые институты будут созданы и начнут действовать. Процесс установления доверия к новым институтам, по сути, представляет собой прививание этого доверия на этапе, когда сами они его еще не успели завоевать.

Этот парадокс подчеркивает критический недостаток нынешних стратегий развития, ставящих на первое место институциональное строительство, — неспособность понять, что не товары и услуги, производимые данным институтом, успокаивают людей, опасаящихся за свое будущее, а их собственная вера в пока еще не выполненное обещание этого института. На самой ранней своей стадии демократизация опирается на такую веру, и лучшим средством для этого является соответствующий символ, связанный со знакомым мифом. К сожалению, из тех крупных сумм, что тратятся на создание новых институтов, лишь небольшая доля расходуется на то, чтобы гарантировать наличие культурной среды, в которой эти институты могли бы действовать. Это все равно что строить здание, не убедившись, что

грунт выдержит его. Наилучшей последовательностью для стимулирования быстрого демократического развития является создание более восприимчивой среды *перед* строительством новых институтов.

Обсуждение в предыдущих главах региональных мифов показало, что гораздо легче создать восприимчивую культурную среду для реформ на местном уровне, чем на общенациональном. Поскольку политика на местном уровне представляет собой передовую линию борьбы с бесформенностью, именно сюда должна быть направлена львиная доля ресурсов в рамках поддержки демократии. Стратегии помощи развитию демократии, строящиеся на мифах и использующие ключевые символы успеха региона, не только ускорят создание восприимчивой культурной среды, но и помогут быстрее адаптировать реформаторские инициативы к местным потребностям.

Как реализовать символический подход к развитию демократии? Представим себе, что основные элементы перехода к демократии уже выполнены. Старый режим отвергнут, и новое политическое руководство, видимо, приверженное принципам демократии, встало на его место и ищет поддержки у себя в стране и за рубежом. Первой задачей такого режима в этой ситуации является трансформация доброй воли народа в стабильную базу политической поддержки, позволяющую проводить новую политику. Быстрее всего это можно осуществить, связав повестку дня нового режима со знакомыми и пользующимися уважением культурными символами.

В качестве первого шага новые представители власти должны четко определить политические задачи своей администрации, описав характер преобразований, которые они хотят осуществить, и разъяснив, какие новые политические меры и институты для этого необходимы. Эта задача не слишком отличается от того, чем обычно занимается аппарат, осуществляющий политическое (или стратегическое) планирование. Когда стратегические задачи и приоритеты политики определены, на сцену выходит еще одна группа. Она должна состоять из экспертов по региональной культуре — историков культуры и литературы, антропологов, этнографов. Их задачей является выделение ключевых демократических мифов в местной культуре и тех символов, которые можно было бы связать с политикой новой власти. В ходе изучения различных вариантов символики необходимо проводить публичные слушания о связи прошлого и настоящего, чтобы оценить реакцию общества на предлагаемые символические ассоциации. Когда соответствующие символы увязаны с конкретной политикой и ин-



тегрированы в комплексном политическом контексте, можно говорить о том, что правительство установило последовательный имидж, и вся деятельность по связям с общественностью должна укладываться в его рамки.

При правильном проведении такой культурный аудит поможет демократизации в ряде аспектов<sup>41</sup>. Во-первых, он будет способствовать здоровому консерватизму новой политической элиты, которая, с учетом недавней победы над старой элитой, готова к радикальным переменам. Эксперты по культуре, привлеченные властями, должны быть способны указать на неуместность политических инициатив, не вписывающихся в рамки ключевых региональных символов, или на то, что какие-то символы диссонируют с общей политической программой. Продолжение такой политики или использование таких символов могут вызвать столь же двусмысленную реакцию общества.

Во-вторых, этот подход поможет сплотить одними узами государственных служащих и остальных граждан. Поскольку определенная доля местничества лежит в основе как гражданской гордости, так и гражданской активности, усилия власти по популяризации методов, которые хорошо работали в прошлом, одновременно делают государственных служащих более эрудированными управленцами, а местных жителей — более хорошими гражданами. Подключение к этому резервуару общественной поддержки также помогает новым элитам признать ценность институтов, доставшихся от старого режима, которые до сих пор пользуются значительным доверием общества, даже если идеология старого режима дискредитирована.

Эти институты можно разделить на три категории. Первая — те, кому легко удастся примирить новую политику и архетипы. Сюда вхо-

<sup>41</sup> Термин «культурный аудит» заимствован мной у Аарона Вилдавски, который считал, что существуют четыре основные культурные парадигмы, на которые опираются люди — иерархическая, индивидуалистская, эгалитарная и фаталистская. Поскольку ценности, связанные с каждой из этих культурных парадигм, ведут к определенному образу жизни и служат определенным экономическим стратегиям, они должны быть в центре внимания любой стратегии развития. В одной культуре сосуществуют несколько разных образов жизни, и именно баланс между ними создает демократию. Культурный аудит должны использовать аналитики, работающие над проблемами международного развития, чтобы установить, каких элементов культуры мало, а каких слишком много. См.: *Wildavsky A. How Cultural Theory Can Contribute to Understanding and Promoting Democracy, Science, and Development* // I. Serageldin and J. Taboroff, eds. *Culture and Development in Africa*. Washington, DC: The International Bank for Reconstruction and Development/The World Bank, 1994. P. 154–156.

дят многие поставщики базовых услуг, такие, как почта и пенсионная служба. Эти институты сохраняют свой социальный статус и полезность даже во время самых бурных политических преобразований, поэтому со стороны власти было бы разумно начать перекодирование символов, связанных именно с этими институтами, так как это стоит властям очень мало, зато полезность для создания положительного политического капитала весьма велика.

Вторая категория — институты, которые скорее мешают, чем помогают демократической консолидации, поскольку сопротивляются быстрому перекодированию и активно не принимают новую общественную программу (в России примером может служить Коммунистическая партия). Хотя может показаться, что такие институты — удобная мишень для нового режима, массированное использование ресурсов для их перекодирования неоправданно, особенно если перекодирование продолжается в других, более полезных для общества областях.

Наконец, третья категория — это институты, которые пока не существуют, но которые необходимо создать для консолидирования демократии. Здесь необходимо приложить все усилия для адаптации культурных архетипов к потребностям общества. Хорошим примером института, к которому мог бы быть применен такой подход, является система судов присяжных, воссоздаваемая сегодня по всей России. То обстоятельство, что дореволюционная Россия была одной из первых стран Европы, установивших у себя развитую систему судов присяжных, можно было бы использовать для подкрепления этого нововведения.

В целом можно сказать, что региональные власти могут ускорить процесс социальных изменений путем: 1) сознательного связывания успешных символов прошлого с текущей политикой; 2) продвижения символов и архетипов через СМИ, таким образом создавая более глубокий и восприимчивый культурный контекст для реформ; 3) оказания приоритетной поддержки тем институтам, которые действуют в соответствии с перекодированными архетипами. Сознательно связывая символы с политическими инициативами, местные власти получают контроль над содержанием и оперированием символами (в рамках их интерпретации населением) и легко могут определить источники напряженности, кооптируя их или приспособившись к ним и таким образом обеспечивая более активную поддержку новой политики.

Есть еще одно значительное преимущество в проведении культурного аудита. Вместо оказания помощи в соответствии с задачами, поставленными западными донорами, что, как мы видели, только усиливает зависимость элит от зарубежной поддержки и увеличивает дистанцию между властью и населением, теперь можно адаптировать помощь к местным культурным традициям, таким образом укрепляя узы, связывающие новую элиту и население, и обеспечивая более благоприятный культурный контекст для новой политики властей.

С учетом этих преимуществ считаю, что львиная доля средств в поддержку демократического развития на ранней стадии должна выделяться не на институциональное строительство, а на перекодирование символов. Если символы будут поставлены на службу демократическому развитию, то освободятся ресурсы, которые в противном случае власти должны будут истратить на преодоление шока от нарушения культурной преемственности. Это позволит им более быстро создавать новые институты, повысит удовлетворенность населения процессом изменений и облегчит принятие новых ценностей и институтов. В конечном счете чем лучше соответствуют друг другу местные символы и новая политика, тем ниже уровень сопротивления населения такой политике, и тем больше кумулятивный эффект и стабильность социальных изменений.

Если символы не будут использованы на ранней, самой критической стадии перехода к демократии, последствия будут самыми тяжелыми. Повышение удовлетворенности населения реформами несет с собой политические преимущества, а ее снижение — политические издержки. Как выражается Стиглиц: «Когда есть ощущение, что реформы навязаны извне, они становятся предметом политических дебатов, и это снижает их устойчивость»<sup>42</sup>. Новые власти, если они не способны увязать свою политику с традиционным контекстом, будут вынуждены тратить все больше и больше ресурсов на оправдание тех изменений, которые они проводят, а не на саму их реализацию.

### *Подготовка специалистов для нового типа развития*

Но зачем вообще нужна помощь Запада в таком основанном на символах развитии? Ведь ясно, что местные ученые гораздо лучше сумеют выявить и интерпретировать ключевые символы своей соб-

<sup>42</sup> Martin. New Leaf or Fig Leaf? P. 9.

ственной культуры. В общем и целом это так, однако есть некоторые важные причины для привлечения специалистов со стороны к процессу перекодирования символов.

Поскольку задачей символического развития является стимулирование поддержки населением социальных и институциональных изменений, необходимых для демократической консолидации, возникает логическое разделение труда. Местные ученые идеально подходят для определения ключевых символов из прошлого, лучше всего соответствующих проводимой сегодня политике, в то время как западные лучше всего смогут определить те характеристики символов, которые соответствуют западным институтам и восприятию. Комбинация этих подходов позволит понять особенности местных обычаев и моделей поведения, которые могут не учесть местные специалисты, и в то же время показать реформаторам на месте, как вписать их усилия в культурный и институциональный контекст, находящий понимание и поддержку на Западе.

Главное, чтобы в рамках такого сотрудничества участвующие в культурном аудите западные эксперты придерживались принципа, который управляет всем процессом символического развития, т.е. чтобы они работали в русле местной культурной традиции, а не вне его. Это поможет снять опасения, связанные как с этноцентризмом, так и с культурным империализмом. Основываясь на собственном опыте, могу сказать, что в рамках такого конструктивного диалога критические замечания в отношении национальных традиций обычно воспринимаются как полезные, поскольку очевидно, что эти замечания подразумевают уважение к местной традиции. Тот факт, что прошлое уже не рассматривается как «прошедшее, неуместное и устаревшее», значительно облегчает задачу критического пересмотра этого прошлого, столь важного для проведения реформ<sup>43</sup>. Наконец, важно, что, поощряя западных экспертов в поиске решений, соответствующих конкретной культурной традиции, мы значительно ограничиваем возможности западных финансовых и правительственных организаций постоянно «опекать» этот процесс и стимулируем

<sup>43</sup> Palma G.D. To Craft Democracies: An essay on democratic transitions. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 120. И.Б. Чубайс делает то же замечание о пользе иностранных аналитиков в публикации «Какая Россия вступает XXI век» // Международная политика. 2000. №3. Адрес в интернете на сайте посольства Германии в Москве: <<http://germany.org.ru/ru/library/international-politik/2000-03/article11.html>> (доступ 11 декабря 2001 г.).

гораздо более здоровый взгляд на демократическое развитие как партнерство.

Поскольку такой взгляд все еще весьма далек от нормы, ясно, что развитие с использованием символов потребует подготовки, значительно отличающейся от той, которую сегодня получают специалисты по международному развитию. В дополнение к основной программе, сосредоточенной на вопросах экономики и институционального строительства, сюда должны быть включены курсы, привлекающие внимание к символическим ресурсам, которые содержатся в недрах каждой культуры. Это могут быть семинары, на которых рассматривалось бы использование мифов и символов в поддержку социальных изменений (как в теории общественных движений) и исследовалась их роль в качестве гарантов социальной стабильности. Такие исследования позволили бы обучающимся анализировать сопоставимые функции различных символов и мифов в разнообразных социальных контекстах с акцентом на их потенциал по преобразованию общественного дискурса и в то же время поднимать вопросы об их применимости в различных ситуациях.

Целью такой подготовки должно стать развитие способности студентов выявлять ключевые демократические символы в данной культуре, охарактеризовать преимущества их использования для установления социального согласия, определять ключевые области политики, где они могут быть применены. Кроме того, они также должны научиться определять, в каких условиях можно использовать символы для поддержки демократического развития, а в каких — нет. Как я уже отмечал раньше, предварительные данные моего анализа говорят о том, что символы и мифы наиболее эффективны для поддержки тех обществ, которые движутся от демократического перехода к ранним стадиям демократической консолидации. Когда режим уже более или менее сформировался и беспокойство, связанное с бесформенностью, спадает, люди начинают больше доверять своим институтам и те начинают играть роль основных гарантов дальнейшего демократического развития.

Поэтому в рамках такого обучения я бы сосредоточил максимум внимания на том, как взаимодействуют символы и институты. И те и другие имеют большое значение для демократического развития, поскольку представляют собой различные инструменты, применяемые на различных его стадиях. Без символов, создающих благоприятный культурный контекст, институты, возможно, не смогут установить

связь с местной традицией, обеспечивающей ощущение их легитимности. Но без дальнейшей институционализации существует опасность, что символы будут использованы для придания легитимности конкретному лидеру, а не самому демократическому процессу, в результате чего смена лидера снова вызовет чувство незащищенности и бесформенности. Аналитиков и практиков, работающих в сфере демократического развития, необходимо учить определению признаков, указывающих на то, что акцент должен смещаться от использования символов к строительству институтов.

Это напрямую связано с другой знакомой аналитикам проблемой — обеспечением правильной последовательности мер по содействию развитию демократии<sup>44</sup>. Эта проблема возникает из-за того, что институты рассматриваются как исключительные движущие силы изменений, а культура отмечается как препятствие для них. Пока мы не включим в подготовку специалистов по вопросам международного развития темы культуры и региональных исследований, призывы к выстраиванию правильной последовательности при оказании помощи не принесут результатов.

То, что я предлагаю, обобщено в таблице на с. 292. Это гораздо больше, чем просто обучение аналитиков чувствительности к культурной среде. Такая чувствительность широко пропагандировалась в 1970-е годы но сегодня в основном считается ошибочной<sup>45</sup>. Некоторые западные аналитики даже пришли к выводу, что культурный подход потерпел неудачу, потому что был слишком чувствительным и обходил традиционные ценности, которые препятствовали изменениям.

Вместе с тем вряд ли можно говорить о недостатке лидеров стран третьего мира, готовых перечеркнуть местные традиции во имя демократического развития. Так или иначе, все они пришли к выводу, лаконично выраженному президентом Мозамбика Саморой Машелом: «Мы должны убить племя, чтобы построить государство»<sup>46</sup>. Если, как утверждает Лоренс Б. Харрисон, изжило себя объяснение недо-

<sup>44</sup> Mendelson S.E. Conclusion: The Power and Limits of Transnational Democracy. Networks in Postcommunist Societies // Mendelson and Glenn, eds. *The Power and Limits of NGOs*. P. 245; Ottaway and Theresa Chung. *Toward A New Paradigm*. P. 109–110.

<sup>45</sup> Harrison L.E. *Why Culture Matters* // L.E. Harrison and S.P. Huntington, eds. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress*. New York: Basic Books, 2000. P. xx.

<sup>46</sup> Gerhart J. *Discussant Remarks* // I. Serageldin and J. Taboroff, eds. *Culture and Development in Africa*. Washington, D.C.: The International Bank for Reconstruction and Development/The World Bank, 1994. P. 511.

Таблица

## Две парадигмы развития

<i>Парадигма культурной адаптации</i>	<i>Парадигма культурной конгруэнтности</i>
<p>1. Быстрые социальные изменения невозможны. Ранняя социализация человека в детстве и сопротивление изменениям со стороны культуры делают пересмотр традиционных ценностей слишком болезненным.</p> <p>2. Модернизация предполагает отказ от традиционной культуры.</p> <p>3. Высоко централизованное управление лучше подходит для модернизации, поскольку может использовать силу государства для преодоления сопротивления традиционных культурных анклавов общества.</p> <p>4. Отказ от традиционной культуры является болезненным, однако необходим для модернизации. Поэтому развитие должно концентрироваться на механизмах и стратегиях возможно более быстрого перехода от традиции к современности.</p>	<p>1. Быстрые социальные изменения возможны. При использовании символов для обеспечения преемственности традиционные ценности могут быть перекодированы и сопротивление переменам снижено.</p> <p>2. Модернизация предполагает адаптацию традиционной культуры к потребностям сегодняшнего дня.</p> <p>3. Децентрализованное управление на местном уровне лучше подходит для модернизации, поскольку может быстрее адаптироваться к местным потребностям и обычаям.</p> <p>4. Болезненность модернизации – главное препятствие для ее успеха. Развитие должно концентрироваться на механизмах и стратегиях перехода от традиции к современности.</p>
<p><b>Предпосылка:</b> традиционная культура – враг</p> <p><b>Решение:</b> изменение психологии людей и создание новых институтов</p>	<p><b>Предпосылка:</b> традиционная культура – союзник</p> <p><b>Решение:</b> строить консенсус, заново определяя ключевые символы</p>

развитости наследием колониализма, то точно так же изжила себя и идея, что государства могут добиться быстрых темпов развития путем полной перестройки своих ценностей и институтов<sup>47</sup>.

Тем не менее мысль о том, что культуры могут быть настолько патологичными, что их ценности попросту должны быть заменены другими, остается основным уроком, который многие современные аналитики предлагают нам извлечь из неудач в развитии стран третьего мира. Само выживание наций, настаивают они, требует замены ценностей местной культуры западными – уважением к труду, этическим нормам и институтам<sup>48</sup>. К сожалению, тот факт, что эти позитивные западные ценности связаны с историческим наследием колониализма, эксплуатации и расизма, порой создает огромное сопротивление культурным изменениям, приходящим с Запада. В результате предложения, которые звучат вполне доброжелательно и, без сомнения, делаются из лучших побуждений, становятся спорными, когда их рассматривают как предложения культурных преобразований в западном стиле<sup>49</sup>.

Культуры, корни которых уходят в глубь тысячелетий, пережили все попытки изменить их. Такое долголетие предполагает очень высокий уровень приспособляемости к меняющимся обстоятельствам, который должны научиться использовать современные аналитики. Однако, чтобы сделать это, мы должны видеть в местной культуре союзника демократизации. Вместо того чтобы плыть против течения в потоке культуры, аналитики и практики должны изучать водовороты и течения в этом потоке, чтобы помочь политическим лидерам продолжить курс демократической консолидации с минимальным сопротивлением. Как показывает пример Новгорода, даже самая неблагоприятная культурная среда содержит в себе достаточные ресурсы для демократизации. Достаточно лишь найти их.

<sup>47</sup> Harrison. *Why Culture Matters*. P. xx.

<sup>48</sup> Harrison and Huntington. *Culture Matters* by. P. xxxi, 44–45, 71, 75.

<sup>49</sup> Харрисон отмечает, что вопрос о том, должны ли культурные изменения стать частью политического и экономического развития, становится «горячо дебатруемым, когда такие изменения исходят с Запада, как и в случае с данным симпозиумом». См.: Harrison. *Why Culture Matters*. P. xxx.



*Заключение*  
*Возможности и подводные камни*  
*основанного на символах развития*

Острая необходимость в преодолении бесформенности заставила российских ученых уделять особое внимание потенциалу мифов и культуры. Эти усилия позволяют нам увидеть преимущества и опасности культурного аудита.

Одна из наиболее видных фигур — Игорь Чубайс, старший брат политического «серого кардинала» Анатолия Чубайса и известный критик усилий власти по продвижению российской национальной идеи. Настоящий вызов при разработке российской идеи, говорит Чубайс, гораздо глубже, чем может представить себе любая власть, — преодоление разрыва во времени, от которого страдает российская интеллектуальная жизнь, соединение советского и дореволюционного прошлого страны. Только так можно восстановить последовательность исторического пути развития России<sup>50</sup>.

Для этого интеллектуальная элита должна создать контекст, в котором можно было бы оценить всю российскую историю, а не только советский ее период. Тогда установится диалог между разными поколениями россиян, которого они раньше старательно избегали. Это позволит сторонникам российской идеи, монополизированной сегодня русскими националистами, возродить ее либеральные мотивы<sup>51</sup>. Усилия Чубайса воплотились в ряд учебников и национальную обучающую программу, которая на экспериментальной основе используется Вооруженными силами<sup>52</sup>.

В подходе Чубайса обращают на себя внимание две вещи — позитивная оценка имеющегося в российской культуре демократического потенциала и поддержка как можно более широкого обсуждения значения российских исторических ценностей. Большую часть времени он посвящает поездкам по стране, изучая реакции общественности и предлагая изменения в региональных учебных программах<sup>53</sup>. К сожалению, его подход к российской идее — не более чем програм-

<sup>50</sup> Чубайс И. Живет Париж, а живет и Курмыш // Российская газета. 2002. 16 января. В Интернете: <<http://www.rg.ru>> (доступ 30 января 2002 г.).

<sup>51</sup> Чубайс И. Какая Россия...; Ксения Ларина. Выступление в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» историка Игоря Чубайса (29 сентября 1997 г.). В Интернете: <<http://www.data.ru/echo/2909chub.html>> (доступ 30 января 2002 г.).

<sup>52</sup> Уварова М. Брат за брата не ответчик // Огонек. № 39. 2001. В Интернете: <<http://www.rorinet.ru/ogonyok/win/200139/39-27-29.html>> (доступ 30 января 2002 г.).

<sup>53</sup> Чубайс И. Живет Париж...

ма по социальному переобучению. Безусловно ценная в отдаленной перспективе, она не поможет в решении насущных проблем демократической легитимности.

Еще один сторонник подхода, утверждающего важность мифов и символов в процессе управления, — либеральный экономист Валерий Найшуль. Хорошо известный как рыночник и автор ваучерной приватизации, Найшуль недавно стал говорить о том, что в России необходимо ввести микроархетипы из доимперской истории, которые давали бы конкретные повседневные примеры разумного экономического и политического поведения. В поисках таких архетипов Найшуль и его команда ученых-социологов объединились вокруг Национального института экономического моделирования, чтобы каталогизировать и проанализировать русские традиции и пословицы. В манере, напоминающей подход культурного инструментария Свидлера, Найшуль утверждает, что во время кризиса можно задействовать хранящиеся в памяти каждого человека архетипические модели поведения и убеждения. Даже те модели, которые были пассивны на протяжении столетий, все равно являются частью этого наследия и подсознательно доступны для нас, когда мы в них нуждаемся<sup>54</sup>.

Сегодня перед Россией стоит прежде всего задача культурного обогащения, реактивации «спящих» моделей социального дискурса, ставящих во главу угла индивидуальную инициативу. Найшуль говорит, что как советский, так и поздний царский режим делали акцент на мобилизации ресурсов государства за счет личности, однако есть более ранние периоды в российской истории, когда этого не происходило. Язык, концепции и архетипы этих периодов — как раз то, что нужно России сегодня для трансформации общественного сознания.

Лексикон доимперской России настолько разительно отличается от лексикона советского периода, говорит Найшуль, что их совмещение приводит к резкому когнитивному диссонансу (например, представьте себе «Министерство энергетики Святой Руси»). Поэтому при введении старых архетипов политический дискурс будет полностью трансформирован. Это открывает возможность для привлекательно и недорогого решения проблемы политической нестабильности. При дефиците ресурсов, говорит Найшуль, архетипы подобны «бесплатному бензину (для) государственной машины»<sup>55</sup>.

<sup>54</sup> Найшуль В. Рубеж двух эпох // Время МН. 2000. 6 марта. В Интернете: <<http://old.polit.ru/documents/190991.html>> (доступ 14 февраля 2003 г.).

<sup>55</sup> Там же.

Подходы к мифотворчеству, предлагаемые Найшулем, Чубайсом и описанной выше «Томской инициативой», наталкиваются на проблемы, состоящие в том, что они, во-первых, ставят во главу угла национальный, а не региональный уровень, а во-вторых, не в полной мере признают непосредственное влияние символов на закрепление в обществе демократических ценностей. Профессор философии Московского университета Алексей Кара-Мурза разработал многообещающую стратегию использования символов, направленную как раз на решение этих проблем.

Кара-Мурза также признает, что основной задачей российского общества является поиск соответствующей национальной идентичности, но полагает, что этого можно достичь, развивая самоотождествление с Европой через собственное демократическое наследие России<sup>56</sup>. Для этого региональные элиты должны создать новую галерею российских героев из местных антибольшевистских исторических персонажей. Отвечая таким образом на естественное желание людей больше узнать о своем прошлом, местные элиты создадут новые культурные иконы демократической России<sup>57</sup>.

Такие иконы, считает Кара-Мурза, жизненно необходимы для функционирования демократии, поскольку они позволяют людям примирить свои идеалы и действия. Хотя сами по себе демократические символы и риторика и не гарантируют демократии, «не может быть демократии без развитых демократических символов»<sup>58</sup>, в поддержке которых заинтересованы и государство, и общество. Каждый регион, утверждает Кара-Мурза, имеет местных героев, чье наследие созвучно либеральной философии. Поэтому, как только либеральные идеалы приводятся в соответствие с местной традицией, мы видим разительные перемены в обществе. Он указывает на Тверскую и Пермскую области как доказательство того, что связывание традиций российского и европейского либерализма может быстро привести к образованию нового либерального электората и значительным измене-

<sup>56</sup> Кара-Мурза А. Ставки надо делать на молодежь и на региональный проект: Презентация на круглом столе «Либеральные ценности на выборах 2003 г.» (19 февраля 2003 г.). В Интернете на сайте Открытый форум: <<http://www.open-forum.ru/meeting/28.html>> (доступ 1 мая 2003 г.).

<sup>57</sup> Кара-Мурза А. Не надо придумывать нового! Мы возвращаемся к самим себе... // Посев. 2002. №5 (май). С. 17.

<sup>58</sup> Кара-Мурза А. Нужны ли демократии символы? // Независимая газета. 2002. 19 августа. В Интернете на сайте «Независимой газеты»: <[http://www.ng.ru/politics/2002-08-19/2\\_symbol.html](http://www.ng.ru/politics/2002-08-19/2_symbol.html)> (доступ 1 мая 2003 г.).

ниям в поведении избирателей<sup>59</sup>. В Тверской области членами СПС являются два вице-губернатора, шесть руководителей районных администраций, а также депутаты федеральной, городской и региональной дум. В Перми кандидаты от СПС получили 15,6% голосов на выборах в Законодательное собрание 1999 г. по сравнению с 9% в целом по России<sup>60</sup>. Даже на думских выборах декабря 2003 г. в Перми СПС получил почти 8,9%, в то время как по стране в целом партия получила меньше 4%.

В качестве одного из лидеров партии «Союз правых сил» Кара-Мурза проводит много времени в поездках по стране, соединяя чтение лекций по истории с региональным партийным строительством. Он утверждает, что его подход приносит плоды даже в регионах, являющихся оплотом коммунистов, и указывает на такие города, как Брянск и Смоленск, где поддержка СПС населением превысила 12%. На конференции СПС в другом преимущественно коммунистическом регионе, Курске, он так объясняет местным сторонникам своей партии, как работает его стратегия: «Вот эту изюминку должен почувствовать каждый регион: везде есть традиции либерально-демократической культуры – это первопроходцы, это люди, которые строили Россию, это меценаты, это подвижники, это интеллигенция, земские врачи, учителя. Везде есть традиция, на Курщине она тоже развита. Если соединить эту традицию и либеральную идею, мгновенно люди идут. Я видел это по регионам: стоило сказать о том, что вы здесь люди нелишние (свобода должна идти изнутри, она не может быть импортирована, она должна изнутри прорасти), – мгновенно меняется атмосфера, мгновенно люди тянутся к нам»<sup>61</sup>.

Подход Кара-Мурзы успешен, поскольку использует ключевые особенности эффективного применения символов в целях демократического развития. Во-первых, он считает местную историю и культуру своими союзниками. Это позволяет ему увидеть в них символы, способные стать проводниками либеральной идеологии. Во-вторых, он понимает, что символы способствуют активации новых мифов,

<sup>59</sup> Там же.

<sup>60</sup> Веснин Б. СПС на первом месте (25 октября 2002 г.). В Интернете на сайте «Союза правых сил»: <<http://www.sps.ru/text/perm/id/26627.html>> (доступ 1 мая 2003 г.).

<sup>61</sup> «Везде есть традиции демократической культуры» – интервью Алексея Кара-Мурзы на конгрессе СПС (26 мая 2001 г.). В Интернете на веб-сайте Курской региональной организации СПС: <<http://sps.kurskcity.ru/posit1.shtml>> (доступ 1 мая 2003 г.).

образуя мост, связывающий популярные образы из прошлого и нынешнюю политику. Наконец, он понимает, что выявление и перекодирование символов гораздо легче провести на региональном уровне, где репертуар символов более узок и близок людям.

Некоторые аналитики тем не менее боятся, что местная элита может злоупотребить потенциалом использования символов в поддержку быстрой демократизации. Они считают символы составной частью механизма обмана, при помощи которого элиты контролируют общество и противятся изменениям. По их утверждению, опора на миф и символы неизбежно ведет к искажению реальности и деградации политики<sup>62</sup>. В России такой взгляд в числе прочих разделяет журналист и специалист по делам регионов Илья Малякин<sup>63</sup>.

Признавая широкое распространение регионального мифотворчества в сегодняшней России, Малякин опасается, что оно служит лишь созданию нереалистичных ожиданий у населения. Когда эти ожидания не реализуются, это вызывает еще большее недоверие к политическому руководству. В «глубоко травмированном» состоянии люди готовы следовать за любым новым мифом, таким образом продолжая цикл «политического инфантилизма»<sup>64</sup>.

Пессимистический взгляд Малякина на мифотворчество предполагает, что символы являются лишь заменителями или фильтрами для явлений, имеющих реальное значение, т.е. политики и истории. На самом же деле символы *и есть* наш механизм понимания политики и истории. Культурную травму вызывает не политическое использование символов *как таковых*, а попытки использовать их вразрез с их основным культурным значением. Поэтому важно провести разгра-

<sup>62</sup> *Tismaneanu V.* Fantasies of Salvation: Democracy, Nationalism, and Myth in Post-communist Europe. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998; *Palma G.Di* To craft democracies: An essay on democratic transitions. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 182, 231; *Holmes S.* Cultural Legacies Or State Collapse? P. 51–69; *Mandelbaum M.* Introduction // *M. Mandelbaum* ed. Postcommunism: Four perspectives. New York: Council on Foreign Relations, 1996. P. 26. При критическом отношении к мифу Эдельман заключает, что обществам все же нужен миф для преодоления социальных противоречий. Таким образом, использование мифа – «фаустова сделка». См.: *Edelman M.* Language, Myths and Rhetoric // *Society*. January/February 1998. Vol. 35. №2. P. 131–139.

<sup>63</sup> *Малякин И.* Локальные мифологии в России как разобщающий фактор. На веб-сайте Российского государственного гуманитарного университета: <<http://conference.rsuh.ru/malak.htm>> (accessed 3/15/02); *Малякин И.* Русская региональная мифология: три возраста // *Pro et Contra*. 2000. №5–4. В Интернете на веб-сайте Фонда Карнеги в России: <<http://pubs.carnegie.ru/briefings/2001/default.asp?n=issue01-01.asp>> (доступ 2 августа 2001 г.).

<sup>64</sup> *Малякин И.* Русская региональная мифология. С. 121–122.

ничение между правильно и неправильно кодированными символами и мифами.

Если общество нездорово, особенно трудно призывать к изменениям, поскольку все инновации сначала приводят к нарушению принятых моделей поведения и росту неопределенности. Чем стремительнее и резче изменения, тем быстрее может иссякнуть доверие общества, и тем важнее становится установление связи этих изменений с популярными элементами «стабильного прошлого». Напротив, чем больше инновации начинают ассоциироваться с элементами такого «стабильного прошлого», тем больше резерв доверия, на который власти могут полагаться при реализации изменений. Так, плохо перекодированные символы становятся источником общественного беспокойства, которое, если не бороться с ним, может привести к краху режима. Поэтому центральной функцией культурного аудита должно стать предупреждение политических лидеров об опасности потенциального конфликта символов. Правильно же кодированные символы и мифы являются незаменимым инструментом разрядки социальной напряженности<sup>65</sup>.

Хотя, безусловно, возможно и злоупотребление мифами и символами со стороны политических лидеров, еще большая опасность ожидает власть, которая неспособна правильно направить потенциал культурных символов и архетипов. Когда политические символы не справляются со своей функцией примирения общества, это обычно означает возникновение фундаментального раскола между обществом и элитой, не предвещающего для режима ничего хорошего. Если власть не может использовать значение символов в поддержку укрепления социальной стабильности, рано или поздно другая группа начнет делать это в соответствии со своими амбициями.

Чтобы избежать этой опасности, необходимо сделать процесс поиска соответствующих культурных символов как можно более открытым, с публичным обсуждением выводов в процессе культурного аудита и постоянной возможностью критики. В принципе культурный аудит – просто открывание заново прошлого, которое ставится на службу настоящему. В отличие от Вашингтонского консенсуса это делает его процессом исторического и гражданского возрождения.

В долгосрочной перспективе гражданское образование должно состоять в обучении каждого школьника проведению самостоятельного

<sup>65</sup> *Edelman.* Language, Myths and Rhetoric. P. 133.

культурного аудита. Таким образом, личность сможет критически оценить любые новые всплески популизма; обладая всеми необходимыми культурно-историческими знаниями, человек сумеет понять, насколько политическая программа кандидата действительно соответствует культурным традициям региона. Это поможет оценить программы международного развития и демократизации.

\* \* \*

Без соответствующего культурного контекста легко спутать незнакомое с невозможным. То, что Томас Шеллинг когда-то сказал о недостатках военного планирования, лаконично выражает и причину, по которой многие аналитики не признают проявлений демократической консолидации в Новгороде: «Обстоятельства, к которым мы не отнеслись серьезно, выглядят странными; то, что выглядит странно, считается невероятным; невероятные вещи нет нужды принимать всерьез»<sup>66</sup>.

Настоящее исследование опровергает многие расхожие мнения о демократическом развитии и приводит к выводу, что особенность новгородского политического руководства состоит в том, что оно очень рано осознало, какие уникальные возможности для политических инноваций открывает создание восприимчивой культурной среды. Власти поняли, что использование символов прошлого ведет к углублению и расширению поддержки проводимой ими политики со стороны общества. Таким образом, символы и мифы являются ключом к быстрой социальной трансформации, однако, чтобы реализовать их потенциал, необходимы значительные сдвиги в отношении аналитиков к раннему этапу демократического развития — смещение акцента с общенациональной на местную политику, переход от взгляда на культуру как препятствие к отношению к ней как к союзнику, смена собственной роли учителя на роль партнера.

Само за себя говорит то, что на Западе многие сравнивают международное развитие с взаимоотношениями врача и пациента. Но как врач не должен прописывать лекарство, не обследовав пациента и не поставив индивидуальный диагноз, так и аналитик не должен давать рекомендации по демократизации, не проведя культурный аудит региона. Расширяя эту аналогию, вспомним, что совсем недавно врачи обычно выписывали антибиотики даже от самых простых инфекций.

<sup>66</sup> Schelling T.C. Foreword // Roberta Wohlstetter, Pearl Harbor: Warning and Decision. Stanford, Calif., Stanford University Press, 1962. P. vii.

Сегодня они по возможности больше полагаются на естественный оздоровительный потенциал организма. Такой же парадигмы должны придерживаться и практики в области международного развития. Мы должны преодолеть взгляд о том, что массивные дозы западных культурных «антибиотиков» являются единственным лекарством для развивающихся обществ, и вместо этого научиться уважать целительные силы их культуры. В этом могут помочь три шага.

Во-первых, следует рассматривать экономические и политические реформы в тесной связи с возрождением местной идентичности. Ключевым для создания восприимчивых к изменениям условий является поиск соответствующих исторических ссылок. Чтобы помочь практикам в выборе необходимых инструментов, изучению регионов и их культуры необходимо отвести главную роль в подготовке кадров для международного развития. Культурный акцент имеет решающее значение на ранней стадии строительства демократии, когда выбор символов и мифов может создать соответствующий контекст для политического выбора населения.

Во-вторых, мы должны признать, что даже при отсутствии общенационального консенсуса местные власти и элиты способны дать своим регионам общие ценности и приоритеты. Ключом к успеху здесь является минимальное разрушение тех старых институтов, которые продолжают обслуживать потребности общества, при одновременном создании новых институтов и ценностей. Этого можно добиться, поместив их в контекст традиционных культурных ценностей с помощью соответствующих символов.

В-третьих, работа в контексте местной культуры способствует демократизации, а ее игнорирование сильно отдаляет наступление демократической консолидации общества. Без создания восприимчивой культурной среды усилия по строительству новых демократических институтов и созданию экономических стимулов повышают социальную напряженность и уменьшают политическую стабильность.

Новгородская модель развития показывает, что даже общества со скромными демократическими традициями имеют потенциал для быстрой демократизации, и реализовать этот потенциал можно, используя ключевые культурные символы. Успех Новгорода в условиях, широко признанных враждебными для демократии и рыночной экономики, дает нам четкую схему трансформации «бремени прошлого» в союзника демократии.





Программа “Межрегиональные исследования в общественных науках” была инициирована Министерством образования и науки РФ, “ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)” и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) в 2000г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. “ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)” осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231

Электронная почта: [info@ino-center.ru](mailto:info@ino-center.ru),

Адрес в Интернете: [www.ino-center.ru](http://www.ino-center.ru), [www.iriss.ru](http://www.iriss.ru)

*Министерство образования и науки Российской Федерации* является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

*АНО “ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)”* – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

*Институт имени Кеннана* был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона, и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

*Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США)* основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки “развития и распространения знаний и понимания”. Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна “творить реальное и прочное добро в этом мире”.

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

**Фонд Дэсона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США)** – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.